

ТРАКТАТЫ О ВЕЧНОМ МИРЕ

Эразм Роттердамский
Эмерик Крюсе
Уильям Пенн
Шарль Ирине де Сен-Пьер
Жан Жак Руссо
Иеремия Бентам
Иммануил Кант
Иоганн Готлиб Фихте
Иоганн Готфрид Гердер
Йозеф Гёррес
Фридрих Генц
Карл Христиан Краузе
Василий Федорович Малиновский

ТРАКТАТЫ О ВЕЧНОМ МИРЕ

Составители:
И. С. Андреева

<i>А. В. Гулыга</i>

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2003

УДК 321.01«715»
ББК 66.1(0)4
Т65

*Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project»
при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) — Россия
и Института «Открытое общество» — Будапешт*

Т65 Тракаты о вечном мире / Сост. И. С. Андреева и А. В. Гулыга. —
СПб.: Алетейя, 2003. — 398 с.
ISBN 5-89329-608-7

«Тракаты о вечном мире» — сборник произведений выдающихся мыслителей Возрождения и Просвещения XVI–XVIII вв., которые внесли значительный вклад в формирование современного международного права и политической культуры, обеспечивающих нормы мирного сосуществования народов. Начало третьего тысячелетия ознаменовались новыми угрозами самому существованию человечества, глобальными конфликтами, ставящими под сомнение основы международного права. Это придает особую актуальность публикуемым текстам. Ряд трактатов на русском языке публикуется впервые, остальные даются в заново сверенном переводе.

Книга предназначена для историков философии, правоведов, политологов, а также всем, кто интересуется историей политических учений.

**УДК 321.01«715»
ББК 66.1(0)4**

ISBN 5-89329-608-7

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2003
© И. С. Андреева, вступительная статья,
составление, 2003

ВЕКОВАЯ МЕЧТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

(Предисловие составителя)

Мы живем в полное тревог и опасностей время. Впервые в истории возникла реальная угроза самоуничтожения человечества не только в ходе ядерной войны, но и в результате террористических актов или в результате применения так называемого геофизического оружия, способного вызывать глобальные природные катаклизмы (мощные землетрясения, сдвиги земной коры, наводнения, сокращение озонового слоя и т.п.). Холодная война закончилась, противостояние двух социальных систем как будто ушло в прошлое, но мир сотрясают конфликты и войны, мятежи и террор, так что народы земли оказались от мирной жизни дальше, чем прежде, и о стабильности можно только мечтать.

Ныне сохранение мира на земле остается одной из главных забот человечества, в первую очередь россиян («только бы не было войны»), которая уже многие годы остается неутоленной. Мирная политика государств, отвечающая этим чаяниям и интересам народов, не может не опираться на давнюю гуманистическую традицию общественной мысли, представители которой в течение веков поднимали свой голос против взаимного уничтожения народов. Идея вечного мира родилась не вчера. Она сопровождала становление и развитие международных отношений и международного права в Новое время, в период зарождения капитализма, но ее истоки уходят в далекое прошлое. Она формировалась вместе с развитием человечества, видоизменялась в зависимости от социальной обстановки, характера общественного строя, господствующей идеологии. Возникнув как смутная мечта об условиях нормальной, истинно человеческой жизни, эта идея со временем превратилась в одну из центральных проблем мировоззрения.

Издавна мир рассматривался людьми как величайшее благо, а война — как страшное зло. Но взаимному истреблению людей, казалось, невозможно было положить конец ни в настоящем, ни в будущем, поэтому, мечтая о мире, мыслители невольно обращались в прошлое. В мифах народов Азии, Европы и Америки говорилось об идиллическом

золотом веке, где господствует мир. На смену этому веку приходит суровое время вражды и войн. Мечту о мире можно обнаружить в шумерийском эпосе о Гильгамеше, в индийских «Ведах», в древнекитайском трактате «Дао дэ цзин», в призывах ветхозаветных пророков.

Для античной философии установить мир — значит в первую очередь положить конец военным столкновениям между греческими государствами. В рамках этой философии мир рассматривался лишь как внутриэллинская проблема, поскольку внутренний мир — залог успеха во внешней войне. Платон, например, различая два вида войн — внутреннюю и внешнюю, только во втором видел войну; первая — это раздор, который надо всеми мерами пресекать. В идеальном государстве Платона существует каста воинов, всегда готовая выступить в поход. Внутренние столкновения в этом государстве исключены, но воздаются почести тем, «кто отличился во втором, величайшем, виде войны»¹.

Оценка войны, которую давал Аристотель, объективно отражала роль армии в современном ему обществе. «...Военное искусство, — писал он, — можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива»². Вместе с тем Аристотель, исходя из общественной природы человека, отмечал естественное стремление людей к мирным и совершенным формам общежития и нравственности.

Империя Александра Македонского, а затем Римская империя дали толчок к возникновению идеи об установлении мира в границах всемирного государства, объединяющего все человечество. Стоики были провозвестниками такого государства. Поздний стоицизм порвал с традиционным восхвалением военной доблести, провозгласив всеобщий мир, равенство и братство людей. Согласно Эпиктету, человек — гражданин Вселенной, человечество — единая семья. Сенека обличал войну: убийство, совершаемое обыкновенным человеком, наказывается, но в то же время люди называют войны славными, хотя в них истребляются целые народы. Стремление к завоеваниям — безумие, оно более губительно для человечества, чем потопа и землетрясения.

¹ Платон. Законы. 630а.

² Аристотель. Соч. Т. 4. М., 1983. С. 389.

Идеи стоицизма были усвоены христианской религией, оказавшей огромное влияние на развитие европейской культуры. Раннее христианство отражало чаяния угнетенных и обездоленных. В определенной мере оно выступало как антитеза античному мышлению, в целом положительно относящемуся к войне, проповедовало равенство, любовь, мир. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими», — говорится в Евангелии от Матфея (5: 9). Правда, там же утверждается и нечто противоположное. «Не думайте, что я пришел принести на землю мир, не мир пришел я принести, но меч» (10: 34). Религиозные интерпретаторы Библии считают, что эту цитату надо понимать не буквально, ибо смысл сентенции связан с разным значением слова «меч», которое в Ветхом и Новом Заветах означает действенность живого слова. И хотя утверждение христианства не привело к прекращению войн (а порой оно даже оправдывало кровопролития), в целом его появление и распространение знаменовало господство нового строя мысли. И в Средние века, и позднее многие ссылались на авторитет Священного Писания, содержащего, по их мнению, главные аргументы в пользу мира.

Блаженный Августин (354–430) писал о преимуществах «вечного мира», который равнозначен вечной жизни, уготованной праведникам. «Благо мира так велико, что даже в условиях жизни земной и смертной обыкновенно ни о чем с большим удовольствием не слушают, ничего сердечнее не желают да ничего лучшего найти не может...»

Мир, по Августину, — это упорядоченное состояние, а порядок есть такое расположение вещей, при котором каждая находится на своем месте. «Мир души разумной — упорядоченное согласие суждений и действий. Мир тела и души — упорядоченная жизнь и благосостояние существа одушевленного. Мир человека смертного и Бога — упорядоченное в вере под вечным законом повиновение. Мир людей — упорядоченное единодушие. Мир дома — упорядоченное относительно управления и повиновения согласие сожителям. Мир града — упорядоченное относительно управления и повиновения согласие граждан. Мир небесного града — самое упорядоченное и единомушнейшее общение в наслаждении Богом и взаимно в Боге. Мир всего — спокойствие порядка»³.

В учении Августина отразились гуманистические устремления новой религии, быстро завоевавшей европейский континент. Идеи Августина об упорядоченном состоянии души, семьи, государства легли в основу

³ Творения Блаженного Августина. Ч. 6. Киев, 1910. С. 130–131.

проповеди «Божьего мира», с которой в дальнейшем выступила католическая церковь. Отражая интересы простого народа, страдавшего от феодальных междоусобиц, проповедь «Божьего мира» в определенный период становилась знаменем массового движения. «Божий мир» — это мир и правопорядок в пределах христианских государств. Что касается инаковерующих, то по отношению к ним оставались в силе идеи завоевания и порабощения. Не случайно движение за «Божий мир» переросло в Крестовые походы.

Дальнейшее развитие идеи мира в средневековой Европе связано с антипапистскими настроениями. В 1300 г. появилось анонимное произведение «О прекращении войн и споров в королевстве Франция». Автором его был Пьер Дюбуа, последователь знаменитого аверроиста Сигера Брабантского, погибшего в тюрьме инквизиции. Дюбуа требовал прекращения феодальных распрей и войн, объединения христиан Европы под эгидой Франции. Светскую власть он ставил выше церковной. Так появилась на свет идея Христианской республики — европейского союза государств. Более решительно против теократических устремлений Ватикана выступил Марсилиус Падуанский, преданный анафеме и заочно приговоренный к сожжению. В своем трактате «Защитник мира» (1324) он обвинял папу в узурпации светской власти. Борьба с папой для Марсилиуса Падуанского — первое условие всеобщего мира. Речь, правда, по-прежнему шла лишь о мире между европейскими государствами.

Рамки мира между народами раздвинулись в творчестве Николая Кузанского. Религиозные войны изжили себя, настало время для объединения религий и народов. Эта мысль обосновывалась им в трактате «О замирении вер». По иронии судьбы трактат был завершен в 1453 г., когда турки захватили Константинополь. Рухнула Византийская империя, и над Европой нависла угроза мусульманского вторжения. Снова на передний план вышла идея объединения христианской Европы. Папа Николай V обратился к европейским монархам с призывом ко всеобщему миру для борьбы с внешними врагами.

Итак, в Средние века идея мира выступала в трех видах. Во-первых, как жизнь добродетельного человека, как душевный покой и мир в семье. Во-вторых, как «Божий мир» в государстве, устранение феодальных междоусобиц. В-третьих, как Христианская республика — союз европейских государств (под эгидой папы или против него). Война как таковая никем еще не осуждалась.

Новое слово о мире было сказано в эпоху Возрождения. Произнес его Эразм Роттердамский. В «Похвале глупости» о военном ремесле сказано немало обличительных слов. В 1513 г. в письме к Антониусу фон

Бергену Эразм на основании впечатлений, вынесенных из своих многочисленных путешествий, рассказал о тяжелых последствиях войн. Затем он расширил текст этого письма и издал его в виде небольшого сочинения под названием «Война приятна тому, кто ее не испытал» (1515).

Так постепенно накапливался материал для основного антивоенного трактата Эразма Роттердамского «Жалоба Мира» (1517). Трактат написан в виде монолога, произносимого Миром. Мир, прославленный людьми и богами, отец, кормилец, источник всего самого лучшего, жалуется на то, что им полностью пренебрегают. В почете война, которая противостоит естеству, является причиной всех бед и зол. Подобно моровой язве, она разъедает совесть и веру. Эразм перечислял вред, наносимый войной, и все блага, которые предоставляет мир. Он клеймил властителей, проливающих кровь своих подданных, священнослужителей, благословляющих это кровопролитие вопреки всем заповедям христианства. Его трактат, полный высокого пафоса и красноречия, содержал хвалу миротворцам: «Пусть величайшие почести воздаются тем, кто предотвращает войну, кто своим мудрым решением восстанавливает согласие, наконец, кто всеми силами делает так, что становятся ненужными огромные армии и запасы оружия».

Проникновенные слова Эразма, к сожалению, оставались словами, не подкрепленными конкретной программой. Мыслитель понимал, как много может достигнуть «согласие народа против тирании сильных мира сего». Увы, слова великого гуманиста не доходили до народа, да он и не искал пути к нему. Эразм писал по-латыни, на языке ученых, юристов, духовенства, поэтому лишь узкий круг единомышленников разделял его идеи. Альбрехт Дюрер, вдохновленный его критикой войны, создал гравюры, в которых выразил отрицательное отношение к кровопролитию. Томас Мор высоко ценил антивоенные произведения Эразма и в своей «Утопии» особое внимание уделил антивоенной теме. К единомышленникам Эразма принадлежали Агриппа Неттесгеймский и Хуан Луис Вивес.

В 1539 г. появилось новое философское антивоенное произведение. Это была «Боевая книжица мира» Себастьяна Франка. Между трактатами Эразма и Франка пролегла эпоха, полная великих социальных потрясений, — эпоха Реформации и крестьянской войны. Это отразилось уже в названии трактатов. У Эразма мир только жалуется, у Франка — зовет к борьбе: война против войны — единственно справедливая война!

Как и Эразм (а может быть, и больше), Франк опирался на авторитет Священного Писания, непрестанно цитировал и пересказывал

его. Философ требовал соблюдения шести условий, которые, по его мнению, исключают войну, делают мир вечным. Сегодня эти условия кажутся наивными, но главное, что подметил Франк, мир — дело рук человеческих. Первое условие — «войне нужно от Бога знамение», ее нельзя начинать произвольно; второе — нельзя вести войну ради собственной выгоды, ее можно вести только для «чести Божией и всеобщей пользы ради»; третье — нападающий первым всегда не прав, война может быть только оборонительной; четвертое — прежде чем браться за оружие, надо предложить врагу мир; пятое — нельзя надеяться на силу и численность своих войск: только Бог решает исход войны; шестое — нельзя заключать союзов с безбожниками.

В конце трактата Франк ставил, как он сам писал, «один небольшой вопрос», затрагивающий важную проблему, которая впоследствии не раз станет предметом юридических споров. Она привлечет особое внимание на Нюрнбергском процессе. Речь идет о личной ответственности за выполнение преступного военного приказа. Всегда ли ссылками на военную дисциплину можно оправдывать действия солдат? Обычно отвечали «да». Франк говорит: «Нет!» Вот его аргументация: если князь «воюет из тщеславия, зависти, мести, кровожадности, произвола или тирании, то послушание, коим пособствуют ему, богопротивно, следует повиноваться ему или Богу? Судите сами». Эти слова сказаны в XVI в., но сегодня они занимают умы больше, чем когда-либо. Как должен вести себя офицер, получивший приказ начать атомную атаку, которая приведет к гибели человечества? И еще одна, прямо-таки пророческая мысль встречается у Франка, когда он писал, что в строгом смысле слова на войне не бывает победы, победа — это только окончание кровопролития. Потери всегда невосполнимы, поэтому победа и поражение одинаково ужасны, и даже выигранная война проиграна перед Богом.

Эпоха Возрождения универсализировала и секуляризировала идею мира. Речь уже шла о мире для всех народов, в том числе и для инаковерующих. Авторитет Библии не был поколеблен, на нее ссылались по-прежнему, но становилось все очевиднее, что разрешение проблем мира должно носить философский и политический характер. Ни Эразм Роттердамский, ни Себастьян Франк, никто другой в то время не сформулировал программы действий. Однако мысль о такой программе зрела.

В 1623 г. в Париже была опубликована полуанонимно книга «Новый Киней, или Рассуждение о состоянии, предоставляющем возможности и средства для установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире...». Она привлекла внимание современников,

и уже через год появилось ее новое издание. В развитии идеи всеобщего мира ей было суждено сыграть выдающуюся роль. Но к концу XVII в. она была забыта. Книга пережила второе рождение в 1849 г., когда на пацифистском конгрессе, созванном по инициативе В. Гюго, Р. Кобдена, Д. Брайта и других противников войны, делегат из США У. Самнер рассказал о найденной им в Париже книге и охарактеризовал автора «Нового Киней...» как первого пацифиста. В конце XIX в. интерес к «Новому Киней...» усилился, особенно после Гаагской конференции, когда его автора стали рассматривать как провозвестника основных принципов международного трибунала в том их виде, в каком они обсуждались на этой конференции. Настоящее имя автора этой книги оставалось неизвестным. Лишь в 1890 г. Э. Нис доказал, что за инициалами Е. Сг. Раг. скрывался Эмерик Крюсе⁴.

О жизни Эмерика Крюсе имеются скудные сведения. Он родился в 1590 г. и умер в 1648 г., получил известность как издатель и комментатор Стация. В 1613 г. он опубликовал стихи на латинском языке в честь Генриха IV, а в 1629 г. — в честь военных походов Людовика XIII в Италию.

Книга Крюсе не содержит глав и параграфов (в ней отсутствуют даже абзацы), но она отличается четкостью и последовательностью изложения. Согласно Плутарху, Кинеем звали мудрого советника древнегреческого царя Пирра. Новый Киней, по мысли Крюсе, должен наставлять властителей современного мира. От Эразма и Франка Крюсе отличается то, что он не просто читал нравоучение, а набросал, хотя и в общей форме, контуры создания мирного сообщества государств.

Его идеи о мирном сообществе государств касались не только европейских стран, но и всех народов мира. На первом месте в этом сообществе стран стоял папа римский, на втором — турецкий султан, на третьем — германский император, на четвертом — король Франции, на пятом — король Испании. На шестое место могли претендовать монархи Персии, России, Китая. Впрочем, эта иерархия носила у Крюсе скорее почетный, условный характер: все решения, согласно плану Крюсе, должны приниматься в высоком собрании народов демократическим путем в результате голосования. В качестве местопребывания мирной ассамблеи Крюсе предлагал Венецию.

Основы для создания миролюбивого сообщества государств Крюсе видел в естественном праве людей на жизнь и благосостояние.

⁴ Nys E. Histoire du droit international // Revue de droit international et de législation comparée. T. 22. Bruxelles, 1890. P. 371.

Это естественное право, как законы природы, одинаково для всех. Этим законам необходимо подчиняться еще и потому, что человечество едино, человек — общественное животное, он обязан считаться с другими людьми, оказывать помощь соседям.

Мысль о естественном праве людей на жизнь зародилась в глубине веков. Уже в античности сложилось представление о некоем правовом кодексе, якобы установленном самой природой. В Средние века идея естественного права облекалась в теологическую форму. Основой этого права признавался божественный закон, вечный, неизменный, универсальный. Только в XVII в. теория естественного права приобрела новое, светское содержание, ее сторонники пытались опираться на разум и опыт человека. Считается, что первое обоснование и систематическое изложение новой теории естественного права дал Гуго Гроций. Однако труд Гроция «О праве войны и мира» появился в 1625 г., т.е. на два года позднее книги Крюсе, идеи которой в какой-то степени предвосхитили теорию патриарха буржуазной международно-правовой науки. Возможно, что Гроцию, получившему убежище в Париже, где он создал свой фундаментальный труд, был известен трактат Крюсе.

Прямым откликом на «Новый Киней...» был так называемый Великий план, содержащийся в мемуарах герцога Сюлли. В них излагался план умиротворения Европы, якобы выдвинутый в свое время королем Франции Генрихом IV, который умер за 28 лет до выхода книги. Этот план получил еще более широкую известность, чем книга Крюсе. Правда, уже современники сомневались в том, что автором плана является король. Вскоре было доказано, что он написан Сюлли — бывшим министром короля. Сюлли апеллировал к авторитету Генриха IV, чтобы придать своему детищу больший вес.

Утопические идеи Крюсе Сюлли наполнил реальным содержанием — политическими идеями своей эпохи. По существу, план Сюлли — это проект военно-политического союза западноевропейских государств. В качестве возможного внешнего врага рассматривалась Турция, которую предполагалось вытеснить с Балканского полуострова. В плане Сюлли рассуждения о мире касались еще одной внутриевропейской политической проблемы — добиться ослабления могущественной Габсбургской монархии, установить на континенте политическое равновесие, которое пошло бы на пользу Франции.

Сюлли предлагал разделить Европу на 15 государств, приблизительно равных по силе. Внутренние споры между государствами должен был решать союзный совет из 60 членов (по четыре от каж-

дого государства). Этот совет, располагая вооруженными силами федерации, был обязан также предупреждать возникновение гражданских и религиозных войн. Тема мирного сосуществования была использована в проекте Сюлли в интересах поднимавшегося французского абсолютизма. Тем не менее идеи союза государств, изложенные в Великом плане, оказали несомненное влияние на мыслителей.

Во второй половине XVII в. все чаще раздавались голоса, осуждающие войны. Лабрюйер, Фенелон, Гудар де Ламотт искали причины военных столкновений и средства устранить их. Над грандиозным планом защиты мира работал видный чешский философ и педагог Ян Амос Коменский. Обоснованию идеи мира посвящен его трактат «Необходимо только одно» (1668) — своего рода духовное завещание выдающегося мыслителя. Несколько раньше Коменский посвятил участникам международной конференции в Бреде, вырабатывавшей условия мирного договора между Англией и Голландией, книгу «Вестник мира», в которой призывал прекратить взаимную вражду и установить среди христианских народов прочный мир. В этой книге Коменский поставил вопрос о коренном пересмотре внешней политики ведущих держав: «...нельзя положить конец войнам, продолжая вести их, распрям, разжигая их, преследованиям, преследуя людей. Для этого необходимо предпринять полное изменение всех этих дел»⁵.

Коменский разработал всеобъемлющую программу преобразования человеческого общества; ее обоснованию он посвятил многие годы своей жизни. Его капитальный труд «Всеобщий совет человеческому роду, и прежде всего ученым и благочестивым властителям Европы, об исправлении человеческих дел» содержит основные положения этой программы. Коменский гневно клеймил феодальные порядки, особенно войны, порождаемые этими порядками.

К сожалению, автору не удалось закончить свою грандиозную программу и поведать о ней современникам. Из «Всеобщего совета...» при жизни Коменского были опубликованы лишь первые два тома — «Панэгерзия» («Всеобщее пробуждение») и «Панавгия» («Всеобщее озарение»). Остальные пять томов этого сочинения были найдены в XX в., а наиболее важный, шестой том — «Панортозия» («Всеобщее исправление») впервые был издан лишь в 1950 г.

Уильям Пенн, один из руководителей квакерского движения, управлявший колонией в Северной Америке, названной впоследствии в его честь Пенсильванией, опубликовал в 1693 г. книгу «Опыт

⁵ *Comenius J.A. The Angel of Peace. N. Y., 1945. P. 126.*

о настоящем и будущем мире в Европе» — в разгар войны Франции с Аугсбургской лигой. В эту войну была втянута почти вся Европа.

Основная идея «Опыта о настоящем и будущем мире в Европе» — создание всеобщего союза государств. Пенн, как и многие просветители, — сторонник договорной теории происхождения государства, согласно которой люди из любви к миру и справедливости согласились пожертвовать частью своей свободы и образовали государство, законам которого они подчиняются с общего согласия. Эту теорию он пытался применить к отношениям между государствами, предлагая современным правительствам отказаться от решения спорных вопросов силой оружия и вступить в союз государств, решения которого, оберегая всеобщий мир, в то же время защищали бы интересы каждого из членов союза. В отличие от «Великого плана» Сьюлли (об этом плане Пенн упоминает в своем сочинении) его проект предусматривал включение в союз государств не только западноевропейских держав, но также России и Турции. Есть сведения о том, что проект Пенна был направлен английской королеве Анне для обсуждения на одной из мирных конференций. Но, к сожалению, этот проект не повлиял на политические судьбы стран Европы.

Другие проекты построения мирных международных отношений, возникавшие в начале XVIII в., постигла та же участь. Это относится, в частности, и к получившему в свое время наибольшую известность проекту аббата Шарля Ирины де Сен-Пьера. Дипломат и философ, представитель раннего Просвещения, Сен-Пьер принадлежал к числу тех, кто впервые выдвинул идею о непрерывном поступательном развитии общества. Он считал, что война — главный тормоз на пути прогресса культуры. На мысль посвятить себя делу мира Сен-Пьера натолкнул случай. Однажды во время путешествия в его карете сломалась ось. «Почему она сломалась? — подумал путешественник, наблюдая за ремонтом своего экипажа. — Потому, что дорога находится в ужасном состоянии. Почему не чинят дороги? В казне нет денег для этого: король Франции ведет войну». Этот маленький эпизод содержал в себе как бы в зародыше всю дальнейшую аргументацию против войны, которую впоследствии развил Сен-Пьер. Война не только уносит человеческие жизни, но и поглощает огромные средства, которые можно использовать на благо людей. Не случайно впервые свой мирный план Сен-Пьер изложил в «Записке об улучшении дорог» (1708).

В дальнейшем Сен-Пьер отдал много сил обоснованию и развитию идеи всеобщего мира. В 1712 г. он издал «Записку о сохранении вечного мира в Европе». В 1713–1717 гг. он написал трехтомное про-

издание «Проект вечного мира в Европе», в 1729 г. выпустил сокращенный вариант «Проекта...», который вскоре был переиздан. Во многих других небольших работах, письмах и документах он постоянно возвращался к основным идеям своего проекта. В этом проекте Сен-Пьер сформулировал идеи всеобщего мира столь основательно и так настойчиво добивался их самого широкого распространения, что долгое время его имя являлось символом служения делу мира.

Как и Пенн, Сен-Пьер считал, что залог мира — в создании европейского союза государств, члены которого добровольно отказываются от применения оружия при решении возникающих между ними конфликтов. Правители Европы, все без исключения, должны по собственной инициативе направить своих представителей в этот союз и неукоснительно выполнять его постановления. Все споры необходимо разрешать только путем переговоров. Если между государствами возникает конфликт и они не могут между собой договориться, они обращаются к специальным посредникам, выделенным другими государствами. Если подобные переговоры не дают положительных результатов, то окончательное решение остается за Советом. Если же отдельные члены союза откажутся выполнять постановление Совета или станут готовиться к войне, пытаться поссорить союзников, союз вправе рассматривать их как нарушителей мира в Европе. В том случае, если кто-либо из членов союза прибегнет к оружию, союз выступит против него, «принудив его к возмещению ущерба, который был причинен, и к уплате всех военных издержек союзников»⁶.

В то время идеи Сен-Пьера не оказали существенного влияния на политику европейских кабинетов. Однако, получив широкое распространение, они повлияли на формирование мировоззрения многих мыслителей как во Франции, так и далеко за ее пределами. Полвека спустя после смерти Сен-Пьера Гердер писал: «Если бы Сен-Пьер воскрес и увидел бы, что его идеи, желания, надежды стали в известном смысле достоянием всех добрых и достойных, он бы, наверное, сказал: “Время прошло быстрее, чем я предполагал”»⁷.

Во Франции представители позднего Просвещения покончили с иллюзиями просветителей ранней его эпохи, апеллировавших к добродетелям и разуму своих правителей. Выявив связь войны с характером государственного устройства, они показали, что для достижения мира

⁶ *Abbé de Saint-Pierre. Abrégé du Projet de la Paix perpétuelle.* Rotterdam, 1729. P. 30.

⁷ *Herder I.G. Sämtliche Werke.* Bd XVII. Berlin, 1912. S. 276.

необходимо прежде всего провести преобразования форм государственного правления. При этом остро встал вопрос о способах устроения деспотических форм правления.

Этот вопрос поставил Жан-Жак Руссо, соединивший идею международного договора с идеей политического переустройства общества. К проекту Сен-Пьера Руссо проявлял огромный интерес. Племянник Сен-Пьера предоставил в распоряжение Руссо не только труды, но и рукописи аббата. По мнению Руссо, главный недостаток проекта Сен-Пьера заключался в том, что в нем он не мог отрешиться от мысли, что «люди руководствуются больше своими познаниями, чем страстями»⁸. Вместе с тем к самой идее вечного мира Руссо относился весьма положительно. «Это основательная и полезная книга, и очень важно, что она существует» — так оценил Руссо трактат Сен-Пьера. Руссо весьма живо изложил содержание трактата о вечном мире Сен-Пьера и опубликовал это изложение в 1761 г., а также свое сочинение «Суждение о вечном мире», которое вышло в свет лишь через 20 лет, уже после смерти Руссо.

Английское Просвещение не было столь радикальным, как французское. Последнее развивалось в обстановке приближавшейся революции. Англия уже пережила ее. Авторы мирных проектов, появившихся в Англии в XVIII в., по-прежнему апеллировали к разуму правителей. Наибольшую известность среди таких авторов получили двое — Беллерс и Бентам.

Джон Беллерс в начале XVIII в. обратился к правителям Европы с призывом установить на континенте прочный мир. В 1710 г. его план был издан анонимно⁹. Подобно В. Пенну, Беллерс считал, что совместные усилия по сохранению мира укрепят суверенитет монархов внутри страны. Беллерс предлагал созвать европейский конгресс с целью создания сената для решения спорных международных вопросов.

В 1786–1789 гг. из-под пера Иеремии Бентама вышел трактат «Принципы международного права и мира», увидевший свет лишь в 1843 г., уже после смерти автора. В первой части трактата Бентам исследовал причины войн. По его мнению, таковыми являются действительные или мнимые ущемления прав в области личных интересов подданных одного государства подданными другого государства. Бентам проанализировал десять вариантов споров между государствами: 1) о преимущественных правах; 2) о границах; 3) о территориальных правах;

⁸ См.: *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь. М., 1961. С. 368.

⁹ Some Reasons for an European State Proposed to Powers of Europe. By an universal Guarantee and annual Congress, Senate, Duet or Parliament... In order to prevent Broils and Wars at Home, when foreign Wars are ended. London, 1710.

4) о завоевательных походах; 5) о попытках установить монополию торговли; о тирании одной нации по отношению к другой; 6) о страхе перед завоеванием; 7) о вновь открытых землях; 8) об участии во внутренних смутах, о непризнании вновь возникшего правительства; 9) религиозные; 10) о корыстных интересах правящих кругов. Вывод, к которому пришел Бентам, гласит: причины войн коренятся в сфере политики, а не психологии. Следовательно, надо перестраивать политические отношения.

Вторая (основная) часть трактата посвящена анализу способов и средств установления всеобщего и длительного мира. Бентам набросал чрезвычайно смелую для того времени программу: сокращение вооружений, освобождение колоний, отказ от тайной дипломатии. Эти требования намного опередили свое время, хотя в целом мировоззрение Бентама оставалось в рамках умеренного просветительства. Он верил в разум и добрые чувства человека. Он убедительно показал все преимущества мирной жизни, апеллировал к здравому смыслу. Его проект родился до Великой французской революции, до тех военных и социальных катаклизмов, которые потрясли Европу в конце XVIII — начале XIX в. и были теоретически осмыслены немецкой классической философией.

Идея вечного мира составляет неотъемлемую часть учения Канта. Глубоко обоснованная мысль о том, что мир с необходимостью проложит себе дорогу в отношениях между государствами, — вот то новое, что было внесено Кантом. Проблема мира впервые предстала как реальная философская проблема. Этика Канта будет неполной без завершающей ее мирной программы, в свою очередь основные положения концепции мира базируются на его этических принципах. Это относится и к философии истории Канта, и к его теории культуры, и к учению о праве. Короче говоря, все части философской системы Канта, касающиеся человека и общества, логично приводят к постановке вопроса о преодолении войн. Идея вечного мира — заключительное звено философской системы Канта. Без этого звена она лишается цельности.

Кант — диалектик, в отличие от просветителей он понимает значение социальных антагонизмов и не сетует по поводу отсутствия согласия между людьми. Антагонизм — источник, а не тормоз прогресса. По мнению Канта, в условиях идиллической жизни аркадских пастухов, взаимной любви и всеобщего довольства человек никогда бы не развил заложенные в нем таланты, люди, мирные как овцы, владели бы животное существование. Поэтому воздадим хвалу природе за то, что она наделила человека ненасытной страстью и жадой господства.

Люди хотят согласия, но природа лучше знает, что им необходимо, и ведет их по пути раздора.

К чему приводит этот путь? К неожиданным результатам. Прежде всего к образованию государства, которое устанавливает правовой порядок, ограничивая произвол отдельных индивидов, направляя их предприимчивость в законосообразное русло. Затем возникает другая необходимость — установить правовые отношения между государствами. Как в свое время люди вынуждены были создать государство, так и государства должны объединиться, чтобы предотвратить взаимное истребление. Сама природа (а точнее, историческая закономерность), используя неуживчивость людей и государственных органов, «побуждает сначала к несовершенным попыткам, но в конце концов после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь печального опыта, а именно выйти из не знающего законов состояния диких и вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое, государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов... от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли. Какой бы фантастической ни казалась эта идея и как бы ни высмеивались ратовавшие за нее аббат Сен-Пьер и Руссо (может быть, потому, что они верили в слишком близкое ее осуществление), это, однако, неизбежный выход из бедственного положения...»¹⁰

Здесь передана квинтэссенция учения Канта о вечном мире. Как моралист Кант всегда осуждал войну, как диалектик он признавал ее значение на определенном этапе истории общества, как футуролог он видел неизбежность ее изживания. Поскольку люди поступились частью своих прав (вернее, своего произвола), объединившись в целях самосохранения в государство, постольку и государство со временем откажется от своего права вести войну.

Новое, внесенное Кантом в споры о вечном мире, состояло в обосновании исторической необходимости вечного мира на Земле. Не здравый смысл и добрая воля монарха, не его представления о пользе и счастье подданных, а сам ход истории преодолевает войну, делает ее неприемлемой формой межгосударственных отношений. Вечный мир неизбежен, он наступит на нашей планете, хотят того отдельные люди или не хотят.

¹⁰ Кант И. Собр. соч. Т. 8. М., 1994. С. 21.

Эту мысль Кант сформулировал в небольшой статье (стоящей многих философско-исторических фолиантов!) «Идея всеобщей истории» (1784), повторил и развил в ряде других работ, особенно ярко в трактате «К вечному миру» (1795), представляющем образец политической мудрости и тончайшей иронии. Ирония здесь неизбежна: слишком возвышенный предмет рассматривал философ; чтобы не впасть в патетику, он как бы играет словами.

Перед человечеством, согласно Канту, открываются две возможности вечного мира. Или путь договора, запрещающего войны, или «вечный мир» на всемирном кладбище человечества после истребительной войны. О первой возможности вели речь многие и до Канта, вторую пророчески предвидел мыслитель, привыкший все додумывать до конца. Никто, кроме Канта, не мог в XVIII в. представить себе самоистребление человечества; двести лет спустя такая возможность стала реальной.

Однако Кант был оптимистом и верил в благоразумие людей. Он строил свой трактат как подобие дипломатических договоров, слегка пародируя их. В нем имеются «прелиминарии», «окончательные» статьи, к договору приложена даже «тайная» статья. Прелиминарии подготавливают почву для устранения вражды и недоверия во внешней политике. Вот их содержание: ни один мирный договор не может считаться таковым, если при его заключении сохраняется основание для будущей войны; ни одно самостоятельное государство не может быть приобретено ни по наследству, ни куплей, ни в виде дара; постоянные армии должны со временем исчезнуть; государственные долги не должны использоваться для внешнеполитического давления; ни одно государство не должно вмешиваться в политическое устройство и управление других государств; ни одно государство не должно прибегать к таким враждебным действиям против другого государства, которые подрывали бы взаимное доверие (засылка тайных убийц, отравителей, подстрекателей к мятежу и т. д.). Сравните эти шесть кантовских прелиминарии с шестью условиями предотвращения войн Себастьяна Франка, и прогресс философской мысли о мире станет очевидным. Наивные упования на всевышнего уступили у Канта место требованиям устранить причину агрессии, укрепить международное сотрудничество.

В окончательных статьях договора о вечном мире описывались условия его сохранения. В первую очередь Кант требовал республиканской конституции для каждой страны (понимая под республиканским устройством принцип разделения властей). Далее речь шла о характере того международного объединения, которое должно обеспечить вечный

мир. Согласно Канту, такое объединение должно представлять собой федерацию свободных государств. Это был бы союз народов, который, однако, не должен быть государством народов. Идею всемирного правительства Кант решительно отвергал. Третья, окончательная статья направлена против колониальных захватов: пришельцы из другой страны имеют право лишь на гостеприимство, не более того.

Договор о вечном мире венчает «тайная» статья. Каково ее содержание? На первый взгляд это скорее шутка: государства, вооружившиеся для войны, должны принять во внимание максимы философов об условиях возможности всеобщего мира. Во всякой шутке есть доля правды, и то, о чем пишет далее Кант, звучит вполне серьезно: «Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями. Да этого не следует и желать, так как обладание властью неизбежно искажает свободное суждение разума. Но короли или самодержавные (самоуправляющиеся по законам равенства) народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, они должны дать им возможность выступать публично. Это необходимо и тем и другим для внесения ясности в их деятельность».

Помыслы подлинного философа, согласно Канту, направлены на установление мира, предотвращение «конца всего сущего». Он не верил в возможность естественного и тем более сверхъестественного конца истории, но предостерегал от противоестественного, который могут вызвать сами люди. Не случайно он так много размышлял о политике и морали. Как объединить их? Рассуждениями на эту тему завершается трактат «К вечному миру». Политикоморалисту, приспособляющему мораль к своей политике, он противопоставляет моралиста-политика, который озабочен тем, чтобы в политике руководствоваться моральными принципами. Первому Кант давал иронические советы — вроде «разделяй и властвуй» и т.д. Второму он указывал способ соединения морали и политики. Способ этот — право. Опора права — гласность, без гласности не может существовать справедливость. Именно гласность в международных делах открывает путь к вечному миру.

Идеи Канта о мире между народами вызвали огромный интерес среди его современников. Ни одно его произведение не пользовалось таким успехом, как трактат «К вечному миру». Первое его издание молниеносно раскупили, вскоре вышло второе издание. В Швейцарии появился французский перевод, однако Кант остался им недоволен. Через год в Кенигсберге вышли третье немецкое и авторизован-

ное Кантом французское издания. Тем временем в Париже вышел новый французский перевод, опубликованный в виде книги (по частям) в газете «Монитор». Появились многочисленные рецензии и отклики.

Одним из первых на выход трактата Канта откликнулся его неизменный критик Иоганн Готфрид Гердер. В десятом выпуске его «Писем для поощрения гуманности» (1797) есть раздел, названный, как и трактат Канта, «К вечному миру». Программа Гердера отличается тем, что он апеллировал не к правительствам, а к народам, более всего страдающим от войны. Он был непримирим к деспотизму и произволу правителей, государство рассматривал как орган насилия. Гердер глубоко демократичен, он уверен в действенности народных требований, которые правительства вынуждены будут выполнять. Вместе с тем формирование таких качеств, как человечность, справедливость, Гердер связывал с нравственным совершенствованием людей, с воспитанием нравственных убеждений у народов. Глубокая мысль Канта о роли социальных антагонизмов, которые с неизбежностью приведут к мирному союзу государств, Гердер не понял и не принял.

Более радикальная программа наметилась в отклике И.Г. Фихте на трактат Канта. Он был опубликован в 1796 г. в «Йенском философском журнале». В отличие от Гердера, лелеявшего мечту об обществе без государства, Фихте исходил из того, что «существование в государстве — единственное естественное состояние человека». Нет других правовых отношений между людьми, кроме прав, возникающих при подчинении законам и властям. Конечно, существующие государства далеки от совершенства. Мысль Фихте предельно ясна: только государство, основанное на «равновесии» имуществ, на справедливом распределении богатств, на праве и разуме, может служить примером и предпосылкой создания международного объединения, способного установить вечный мир.

Полностью разделял взгляды Канта и Иосиф Гёррес, будущий «гейдельбергский» романтик. В одном из первых сочинений — «Всеобщий мир — идеал» (1798) — он развивал и пропагандировал программу кенигсбергского философа. Под пером Гёрреса трактат Канта приобрел «якобинские» черты: союз государств мыслился им как объединение под эгидой революционной Франции народных республик Европы и Северной Америки. Юный Гёррес примыкал к немецким якобинцам и с надеждой смотрел на продвижение войск революционной Франции. Но когда армия Директории заняла его родной Кобленц и начались грабежи, Гёррес пытался протестовать, за что угодил

в военную тюрьму. В 1799 г. он приехал в Париж с целью просить первого консула Бонапарта смягчить оккупационный режим в немецких областях. Но его попытки потерпели неудачу. В столице Франции Гёррес воочию убедился, что революционный дух санкюлотов улетучился, уступив место милитаристскому угару. В его умунастроениях произошла переоценка, характерная для значительной части немецкой интеллигенции.

Романтик Фридрих Генц, в молодости приветствовавший Великую французскую революцию, к рубежу столетий разуверился в возможности преобразования общества на справедливой основе и достижения всеобщего мира. В трактате «О вечном мире» (1800) он критически рассмотрел все высказанные когда-либо предложения об устранении войн и разделил эти предложения на три группы. К первой относятся те, в которых провозглашается объединение народов во всемирном государстве, ко второй — те предложения, согласно которым путь к миру — в абсолютной изоляции народов, к третьей — предложения о создании федерации, союза государств. Все эти предложения, считал Генц, беспочвенны. Ведь создать всемирную монархию или республику невозможно. Нельзя представить себе под одним государственным колпаком разные народы с разными религиями, обычаями, традициями. Заговоры, восстания и их насильственное подавление будут неизбежны.

Идея абсолютной изоляции народов была изложена в трактате Фихте «Замкнутое торговое государство». В таком государстве мир сохраняется благодаря тому, что государство достигает своих «естественных границ», за которые ему выходить нет необходимости. Но какой ценой достигаются эти границы — спрашивал Генц. За такой вечный мир надо слишком дорого платить, поэтому проект изолированного существования государств, считает Генц, не реален. Необходимое условие существования государств, культуры — это взаимное общение людей всей планеты.

Третий путь к вечному миру — создание союза государств. Генц рассматривал идеи Сен-Пьера, Руссо, Канта. Трудность или, точнее, невыполнимость их проектов, считал он, состоит не в том, что нельзя создать федерацию народов, а в том, что невозможно ее сохранить. Столь же химерична, по мнению Генца, и идея создания международной организации, призванной поддерживать всеобщий мир. Путь к вечному миру между государствами аналогичен пути к миру внутри государства. Идеал вечного мира совпадает с идеалом совершен-

ного государства. Но и то и другое недостижимо. И все же «мы должны с полной ответственностью, мужеством и неутомимым рвением стремиться достигнуть того и другого», — писал он.

Скептическое отношение Генца объясняется прежде всего крушением идеалов, провозглашенных Великой французской революцией. Ее руководители встали на неправильный путь. Поэтому вместо объединения народов возникли кровопролитные войны между народами.

После окончания Наполеоновских войн и успокоения Европы общественная мысль снова обращается к идеям мира. Эстафету принял Карл Христиан Фридрих Краузе. Учение Краузе на его родине, в Германии, не получило распространения, но приобрело известность за ее пределами, главным образом в испаноязычных странах. Там и сегодня существует «крауизм» как одно из ведущих философских направлений. Краузе выдвинул идею органического единства мира и человечества. Первочайкой общества является семья. Семьи образуют род, племя. Племена формируют народы, которые в свою очередь должны слиться воедино. Эта мысль лежит в основе книги Краузе «Прообраз человечества» (1811). Первоначально, считал он, возникнут три объединения народов — Старый Свет (Европа, Азия и Африка), Новый Свет (Северная и Южная Америка) и Австралия. В ходе этих процессов сформируются принципиально новые общественные отношения, проложат себе дорогу истинная дружба и единение, и только тогда люди впервые сольются в единое человечество. Краузе был знаком с «Панэгерзией» Коменского, у последнего он заимствовал и размах планов, и выпренность языка. Краузе был убежден в реальном воплощении своих мечтаний и в 1814 г. кратко их изложил, и в таком виде они вошли в данную книгу.

А как решались подобные проблемы в России? Русское Просвещение, тесно связанное с западноевропейской общественной мыслью, внесло свой вклад в разработку гуманистической идеи всеобщего мира. Р.М. Цебриков перевел с французского языка изданный в 1757 г. в Амстердаме труд Анжа Гудара «Мир Европы, или Проект всеобщего замирения», снабдив его своими комментариями и добавлениями. В 1771 г. И.Ф. Богданович опубликовал перевод изложения трактата Сен-Пьера. Я.П. Козельский, опиравшийся в своих трудах на идеи французских просветителей XVIII в., и особенно на идеи Руссо, считал, что основной путь к достижению мира заключается в создании общества, построенного на

гармонии интересов правителей и подданных. Для этого необходимо и «уравнение прав народов», и «доброе и справедливое обхождение с другими народами»¹¹.

В 1803 г. вышла книга «Рассуждение о мире и войне». Ее автором был известный русский просветитель Василий Федорович Малиновский, будущий директор Царскосельского лицея. В первой части своего трактата, написанной еще в 1790 г., он обличал войны и кровавые столкновения между народами. Во второй части, написанной через восемь лет, излагал план создания международной организации для обеспечения мира. Недавно обнаружена не публиковавшаяся ранее третья часть трактата Малиновского, содержащая программу общественных преобразований, обеспечивающих мир.

Не от своего ли учителя Малиновского усвоил интерес к проблеме вечного мира его ученик А.С. Пушкин, оставивший специальную заметку по этой проблеме? Пушкин был уверен, что со временем люди осознают «жестокость войны так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т.п. ...Принцип вооруженной силы прямо противоположен конституционной идее»¹². Поэт полагал, что менее чем через сто лет постоянной армии не будет. Увы, он ошибся.

В XIX в. продолжали возникать проекты вечного мира, но на фоне развернувшейся между различными государствами борьбы за раздел, а потом и передел мира они выглядели беспомощно, не находя того мощного общественного резонанса, который встречали подобные проекты столетием раньше. В первой трети XIX в. началось и получило довольно широкое распространение движение сторонников мира, выступавших с пропагандой мирных отношений между народами. К концу XIX в. во всем мире насчитывалось 125 Обществ защиты мира. Участники движения пытались внедрить в качестве обязательных принципы международной третейской юрисдикции, ограничить право объявления войны, сократить военные расходы, создать прочные правовые основы для защиты мирного политического порядка и т.д. Основную свою задачу сторонники мира видели в том, чтобы всесторонне обосновать проблему мира как проблему международного права, решение должно иметь обязательный характер.

¹¹ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. С. 541.

¹² Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 7. М., 1978. С. 532.

На Гаагской конференции по ограничению вооружений (1899), созванной по инициативе России, обсуждались предложения русского императора о прекращении роста сухопутных и морских сил, замораживании и последующем сокращении уровня военных бюджетов. Но эти предложения не нашли отклика: Россию робко поддержала только Италия, а малые страны лишь молча сочувствовали. Принятые конференцией конвенции и декларации, включающие в себя некоторые международные правила, призванные содействовать мирному разрешению международных споров, не могли предотвратить военных конфликтов, вызванных борьбой за передел мира: через несколько месяцев после ее окончания началась Англо-бурская война.

Марксизм пытался принять идею всеобщего мира, полагаясь на классовую борьбу и освобождение рабочего класса: войну нельзя преодолеть, не уничтожив ее социальные корни. Марксизм уповал на то, что простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, станут высшими законами в отношениях между народами. «Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса»¹³.

Так думал Маркс. Вожди большевизма предназначили России стать страной освобождения рабочего класса, страной-мироносицей. Но освобождение рабочего класса не состоялось, так же как не состоялся и мир на земле, и так называемая разрядка, и новое политическое мышление. Увы, XX в. оказался веком истребительных войн и социальных потрясений, погубивших миллионы человеческих жизней и принесших народам неисчислимые страдания. Последняя мировая война и последовавшая за ней холодная война стали первыми на земле глобальными войнами. И окончание холодной войны тем не менее не сделали мир более безопасным: новая эпоха стала менее предсказуемой, чем в «добрые старые времена» холодной войны.

Вступая в XXI век, мир становится «глокальным», т.е. глобализирующимся и локализирующимся одновременно. Во многих точках идет «всемирная» война, отличающаяся от мировых войн точечным, пуантилистским характером, «мятежевойной», в которой участвуют не только государства, но и «серые» зоны — корпорации, спецслужбы, кланы, племена, преступные группы и пр., что является выражением системного кризиса капитализма, о котором на Западе пишет

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 11.

даже Дж. Сорос¹⁴, а у нас, пожалуй, один из самых чутких и эрудированных ученых А.И. Фурсов¹⁵.

Речь идет об угасании мифа о прогрессе и о начале регресса, когда усиление глобальной информатизации и наукоемких производств отсекает от «общественного пирога» значительные группы населения не только на периферии капитализма, но и в ряде западных регионов. Речь идет также о «таянии» национальных государств, социальное пространство которых занимают наднациональные (Евросоюз, транснациональные корпорации и пр.) или локальные (местная клановая власть) структуры и коррумпированные чиновники. Эти процессы, а также падение социализма как системы, фиксирующее момент конца мирового капитализма, положило начало крушению системы международных отношений, сложившихся после Второй мировой войны: ООН потеряла авторитет; разрушен ялтинский мир; мальтийский мир обнаруживает большую нестабильность — отдельные государства (США) или надгосударственные структуры (НАТО) стремятся единолично установить новый мировой порядок, не считаясь с международным правом.

В борьбе за своекорыстные интересы разрушается мировой порядок, осуществляется постмодернистский передел мира, порождающий хаос и являющий очередной триумф воли, утверждающей право силы и бессилие права. В этих условиях конкретный облик мира будет зависеть от осмысленных действий людей, от их целеустремленной воли, от борьбы за сохранение мира. Знание об обществе, уважение к традиции способны научить людей жить, не пугаясь будущего. По словам великого Канта, «...вечный мир (конечная цель всего международного права) есть, разумеется, неосуществимая идея. Но политические принципы, нацеленные на то, чтобы вступать в такие международные связи, которые служили бы постоянному *приближению* к состоянию вечного мира, вполне осуществимы...»¹⁶ Стремление к нему — императив внешней политики. Императив надежды. Память о вековой мечте человечества и свет знания о творцах идеи вечного мира укажут путь к спасению человечества.

И.С. Андреева,
доктор философских наук

¹⁴ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.

¹⁵ Фурсов А.И. Колокола истории. М., 1996; *Его же*. Дни шакалов, или Размышления о терроризме в контексте эпохи // Культура. М., 1999. № 47.

¹⁶ Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 387.

**ТРАКТАТЫ
О ВЕЧНОМ МИРЕ**

Эразм РОТТЕРДАМСКИЙ

ЖАЛОБА МИРА, ОТОВСЮДУ ИЗГНАННОГО И ПОВЕРЖЕННОГО

1517

Говорит Мир:

Если бы смертные, пусть и незаслуженно, мною презирали, изгоняли и уничтожали меня, но во благо себе, я бы оплакивал лишь только свою обиду и их несправедливое отношение ко мне. Теперь же, когда они, повергнув меня, сами лишились источника всякого человеческого счастья и навлекли на себя море всевозможных бед, мне более пристало оплакивать их несчастье, нежели свою обиду. И участь тех, на кого надо бы гневаться, печалит меня и вызывает во мне сострадание. Воистину недостойно человека отталкивать от себя любящего, а отворачиваться от оказавшего тебе добрую услугу — неблагодарно, ниспровергать творца и хранителя всего — нечестиво. Впрочем, не великое ли безумие отказывать себе в столь многих и великих благах, какие я приношу, и вместо них по собственной воле угодить в ужасную Лерну¹ всех зол? Подобаает гневаться на злодеев, но разве можно не оплакивать людей, подстрекаемых Фуриями?² Как раз потому достойны они великого сожаления, что сами себя не оплакивают; потому столь несчастны, что не сознают своего несчастья, тогда как первым шагом к исцелению бывает осознание тяжести собственного недуга.

И в самом деле, если я — Мир, прославленный Богами и людьми, источник, творец, кормилец, благодетель, защитник всего доброго, что есть на небе и на земле, если без меня не может быть ничего цветущего, надежного, чистого и святого, ничего приятного людям и удобного Богам, если в противоположность всему этому война подобна океану

¹ *Лерна* — озеро, река, болото, где жила многоголовая гидра, убитая Геркулесом.

² *Фурии* (греч. *Эринии*) — Алекта, Мегера и Тисифона, богини возмездия.

бедствий, какие только существуют в природе, если из-за нее мгновенно увядает все цветущее, идет прахом сбереженное, рушатся устои, гибнет все благоустроенное, горкнет сладкое, если, наконец, она — столь безбожное дело, что становится скорой погибелью для благочестия и веры, если нет ничего более рокового для людей, ничего более ненавистного Богам, чем одна-единственная война, то — о бессмертный боже! — кто поверит, что ведут ее люди, кто поверит, что есть в них хоть крупица здравого смысла? Ибо они, неся огромные потери, прилагая столько усилий, прибегая к таким уловкам, подвергая себя заботам и опасностям, стремятся изгнать меня, оплатив столь дорогой ценой множество бедствий. Если бы мною так пренебрегали дикие звери, мне было бы легче снести обиду, а в надругательстве над собою я бы винил природу, наделившую их злым нравом. Если бы меня ненавидели бессловесные скоты, я приписал бы это их неведению, ибо не дано им той силы духа, которая одна только и может постичь мои дары. Но вот что постыдно и более чем поразительно: природа произвела единственное существо, наделенное разумом и способное постигать Божий промысел, породила его для любви и согласия, и все же среди самых лютых зверей, среди самых тупых скотов мне скорее найдется пристанище, чем среди людей.

И небесные светила при всем их различии повинуются своим законам. Борющиеся меж собою силы природных стихий сохраняют, уравнивая друг друга, вечный Мир и в таком разногласии поддерживают, благодаря стройности и взаимосвязи, согласие. А какая нерушимая гармония членов в телах живых существ, какая готовность защищать друг друга! Есть ли что-нибудь более несхожее, чем тело и душа? Однако, лишь разъединив их, узнаешь, сколь тесно связаны они природой. И если жизнь не что иное, как единство тела и души, то здоровье представляет собой гармонию всех свойств тела. Живые существа, лишённые разума, мирно обитают среди себе подобных. Стадами живут слоны, стадами пасутся свиньи и овцы, стаями летают журавли и галки, собираются вместе аисты, являя собою пример любви и преданности, приходят на помощь друг другу дельфины, известно согласие, царящее среди муравьев и пчел. Но стоит ли продолжать разговор о тех, кто, не имея разума, все-таки не лишен чувства?

Дружат деревья и травы. Иные растения бесплодны, если женское начало в них не соединено с мужским. Виноградная лоза обвивает вяз, персик любит виноградную лозу. Словом, они, не способные чувствовать, будто бы ощущают благодетельность Мира. Однако, не обладая даром чувствования, они уже тем близки к чувствующим, что живы.

В чем столь же мало заключено разума, как в камнях? Однако можно сказать, что им тоже присуще стремление к Миру и согласию. Магнит притягивает к себе железо и удерживает его. А могут ли ладить друг с другом наиболее свирепые звери? Львы не вступают в схватку друг с другом. Вепрь не вонзает смертоносный клык в вепря, рысь мирно живет с рысью, змея не приходит в ярость при виде змей, а согласие меж волками даже вошло в поговорку. Добавлю, что есть куда более удивительные вещи: нечестивцы, по милости коих впервые было нарушено и до сих пор нарушается согласие как на небе, так и среди людей, вступают в союз друг с другом и благодаря единомыслию удерживают свою тираническую власть. И только людей, коим, казалось бы, более других подобает быть едиными, не примиряют ни природа, обыкновенно столь могущественная и деятельная, ни воспитание, не сплачивают выгоды, проистекающие от согласия, и даже многие совместно пережитые несчастья не склоняют их к взаимной любви. У всех людей одно обличье, одинаковый голос, тогда как прочие виды живых существ сильно различаются формами тела, и одному лишь человеку дана сила разума, общая для всех людей, которой лишены животные. Только это живое создание наделено даром речи, особенно помогающим тесной дружбе.

Каждый человек предрасположен к воспитанию и добродетели, имеет мягкий и кроткий нрав, склонный к взаимному доброжелательству, так что и сам он заслуживает быть любимым, и ему приятно оказывать бескорыстные услуги другим, если только он, охваченный нечестивыми страстями, точно опоенный зельем Цирцеи, не превращается в изверга. Поэтому все, что поощряет взаимную любовь, в народе называют человеческим, и само слово «человечность» говорит не о природных свойствах, а о нравах, достойных природы человека. Она дала ему еще и слезы, свидетельство отзывчивой души, дабы, если случится обида и темное облачко омрачит дружбу, легче было восстановить согласие. Как много у природы доводов в пользу единокровия! Однако, сделав привлекательной взаимную благосклонность и не довольствуясь этим, она хочет, чтобы дружба человеку была не только приятна, но и необходима. Поэтому и распределила она телесные и духовные дарования так, чтобы никто не был наделен ими в достаточной мере и более уже не нуждался в чьих-либо, даже мельчайших, услугах. Она не дала всем того же и поровну, дабы это неравенство выравнивалось взаимным влечением.

Каждая местность родит свои плоды, так что сама потребность подталкивает к взаимному обмену. Прочих живых существ природа вооружила, дав им возможность защищаться, и только человека сотворила

безоружным и слабым, безопасность которого — в союзе и тесной дружбе. Необходимость создала государства, и она же научила людей объединяться, дабы общими усилиями отражать нападение диких зверей и разбойников. В обществе людей нет ничего самодостаточного. Род человеческий погиб бы, едва появившись, если бы не приумножился благодаря супружескому согласию. И человек не родился бы или же, едва родившись, погиб бы, расставшись с жизнью уже на ее пороге, если бы добрые руки повивальных бабок и милосердие кормилиц не поддерживали дитя. Для того природа и разожгла в людях негасимый огонь любви, чтобы родители проникались нежностью к еще не родившемуся ребенку. Позаботилась она и о взаимной любви детей к родителям, чтобы те и другие помогали друг другу; греки весьма удачно называют это «любовью аистов». Вносят свою лепту и узы кровного родства и свойства, а также сходство в некоторых людях характеров и даже внешних черт, что вызывает взаимную благосклонность; многих связывает некое таинственное родство духа, а также чудесное побуждение к взаимной любви, которое древние, изумляясь, приписывали божеству или духу-хранителю.

Сколько доводов привела природа в пользу Мира и согласия, как она старается к ним приманить, привлечь, подтолкнуть! И какая же Богиня раздора, обладающая властью чинить зло, сумела разорвать, разрушить, разбить эти узы, вместо них поселив в сердцах людей неутолимую жажду борьбы? Если бы привычка сначала не лишила способности удивляться злу, а потом и вообще замечать его, кто бы поверил, что наделены разумом люди, сражающиеся, бранящиеся и враждующие друг с другом, постоянно находящиеся в состоянии раздоров, тяжб и войн? Короче, в упоении грабежами, кровопролитием, резней и разрушением они не щадят ни святого, ни мирского. Нет такого священного договора, который мог бы образумить их, неистово изничтожающих друг друга. А ведь для установления согласия между людьми не требуется ничего, кроме общего названия — «человек».

Допустим, природа всемогуща, когда имеет дело со зверями, но она ничего не может добиться от людей, неужели и Христос ничего не значит для христиан? Пусть недостает силы природному закону, весьма действенному в отношении тех, кто лишен разума, но почему же учение Христа, гораздо более совершенное, не убеждает исповедующих его в необходимости соблюдать прежде всего Мир и взаимное благоволение, почему не отваживает от столь нечестивого и ужасного, подобно-го безумию, занятия — от войны? Когда я слышу слово «человек», немедленно устремляюсь туда в надежде встретить существо, как будто нарочно рожденное для меня, и обрести там покой. Когда я слышу слово

«христиане», я прямо-таки лечу туда, надеясь, что среди этих-то людей я уж конечно буду царить. Однако со стыдом и досадой вижу, что и здесь рынки, суды, дворы правителей и храмы оглашаются такой перебранкой, какой не бывало и у язычников. И хотя немалая доля человеческих бед проистекает от своры судейских, однако она — лишь одинокий островок среди моря предающихся тяжбам. Гляжу на город — и тотчас рождается надежда, что найду единство среди тех, кого окружают одни стены, кем правят одни законы и кого, точно плывущих на одном корабле, сплачивает общая опасность. Но увы! И тут, вижу я, все до того осквернено раздорами, что едва ли отыщешь хоть один дом, где бы мне на несколько дней нашлось пристанище. Минуя простой народ, подобно морю волнуемый своими страстями, я направляюсь, как в некую тихую гавань, во дворцы государей. У них, говорю я, определенно найдется место Миру, ибо они мудрее черни, они — душа и краса народа. Они правят от имени того, кто есть учитель и князь согласия, кто препоручил меня всем, а им — в первую очередь. И они обещают много хорошего. Я слышу любезные приветствия, вижу дружеские объятия, веселые пирушки и всевозможные проявления тонкого вкуса. Но какой позор! Среди них не видать и тени истинного согласия. Все приукрашено и лживо, испорчено явными группировками, тайными раздорами и соперничеством. Короче, я понял, что там не пристанище для Мира, а, скорее, источник и рассадник всех войн.

Куда же наконец податься мне, несчастному, столько раз испытавшему крушение надежды? Быть может, в правителях больше величия, нежели просвещенности, ими чаще руководят страсти, а не зрелое рассуждение. Поищу-ка я убежища среди ученых, ибо науки создают людей, философия — более чем людей, а теология сотворяет святых. Уж у них-то я определенно найду покой после стольких мытарств. Но вот досада! И здесь тоже идет особого рода война — хотя и менее кровавая, но столь же безумная. Школа спорит со школой, а поскольку истинное для одних сомнительно другим, добытые знания не проникают за море, не преодолевают Альп, не переходят за Рейн, и даже в одном и том же университете ритор воюет с диалектиком, а юрист с теологом. Не ладят меж собою и люди одной науки: последователь Фомы сражается с приверженцем Скотта, реалист — с номиналистом, платоник — с перипатетиком³. Не соглашаясь

³ *Реалист* — сторонник реализма, направления в средневековой философии, признававшего объективное существование общих понятий. *Номиналист* — сторонник номинализма, направления в средневековой философии, рассматривавшего общие понятия лишь как знаки, которым во внешнем мире ничего не соответствует. *Платоник* — последователь древнегре-

друг с другом даже в мелочах, ожесточенно споря о том, что не стоит и выеденного яйца, переходя в пылу полемики от аргументов к перебранке, а от нее к драке, и уж если спор не решить ни кинжалами, ни копьями, то они разят друг друга ядовитым пером, точно клыками терзают на бумаге один другого, чернят смертоносным жалом своего языка доброе имя противника.

Куда же мне после стольких пустых обещаний обратиться? Что еще остается, кроме религии, этого единственно священного прибежища? И хотя все христиане исповедуют ее сообщая, однако целиком ей посвятили себя люди, призванные быть духовными пастырями народа. Приглядываясь к ним со стороны, я проникался надеждой, что там уготована мне тихая гавань. Сияют белые, моего цвета, одежды, вижу кресты, символы Мира, слышу сладчайшее имя «брат», свидетельство особой любви, слышу приветствия, пожелания Мира, радости и счастья, замечаю общность во всем, дружный соборный капитул, один храм, одни законы, ежедневные собрания. Кто же не поверит, что здесь обитель Мира? Но — о стыд! — почти нигде соборный капитул не ладит с епископом и даже, мало того, сам раскололся на группировки. Есть ли священник, не затеявший тяжбу с другим священником? Апостол Павел не велел христианину спорить с христианином, а ныне священник сражается со священником, епископ с епископом. Кто-нибудь, пожалуй, сочтет это простительным для них, ибо в силу давнего навыка они почти что вошли в сообщество нечестивцев, начав владеть тем же, что и они. Что ж, пусть, будто бы по праву, пользуются присвоенным.

Остается еще один род людей, столь прочно связанных с религией, что они, даже если бы и захотели, не смогли бы освободиться от нее, как черепаха не может сбросить свой дом-панцирь. Во мне зажглась бы надежда, что найду среди них пристанище, если бы, столько раз обманутый, я не отчаялся окончательно. И все же решил попробовать, дабы не осталось еще не изведанного мною. Ты спрашиваешь, каков итог? Никто не внушал мне большего отвращения. И на что надеяться там, где благочестие в раздоре с благочестием? Сколько монашеских орденов, столько и видов благочестия. Доминиканцы спорят с миноритами, бенедиктинцы с бернардинцами⁴, сколько названий — столько культов

ческого философа-идеалиста Платона. *Перипатетик* («прогуливающийся») — философ школы Аристотеля (по преданию, Аристотель излагал свои философские взгляды во время прогулок).

⁴ *Доминиканцы, минориты, бенедиктинцы, бернардинцы* — монашеские ордена.

и разных религиозных обрядов; ни в чем нет согласия, каждый любит только свое, ненавидя и предавая анафеме чужое. И даже внутри самих орденов поселился раздор: обсерванты ругают колетанистов, те и другие — конвентуалов⁵, название коих происходит от слова «согласие», хотя именно согласия им и недостает.

Разуверившись, таким образом, во всем, я возжелал укрыться в каком-нибудь воистину тихом монастыре. Прискорбно признать, что (о, если бы это не было сущей правдой!) до сих пор я не нашел ни одного монастыря, который бы не был отравлен изнутри ненавистью и бранью. Стыдно сказать, из-за каких ничтожных пустяков и вздора затевают схватки старцы почтенного вида, который им придают бороды и сутаны, убежденные в своей великой учености и святости.

Оставалась еще слабая надежда, что среди многих брачных союзов найдется место Миру. Разве не сулят его общий дом, общее хозяйство, общее ложе, общие дети, наконец, право на сами тела друг друга, так что они скорее кажутся одним человеком, слитым из двух, нежели двумя людьми? Однако и сюда прокралась злокозненная Богиня раздора, разъединяя сердца тех, кто связан столькими узами. И все же среди них мне скорее бы нашлось место, чем среди людей, облеченных саном и знаками отличия, священнодействующих проповедников высшего милосердия. И наконец, последнее, что я пожелал: поселиться в сердце хотя бы одного человека. Но даже этого мне не удалось. Человек в разладе сам с собою: разум борется со страстями, одно чувство сталкивается с другим, благочестие зовет в одну сторону, честолюбие — в другую, похоть внушает одно, гнев — другое, чванливость — третье, жалость — четвертое. Люди не стыдятся называть себя христианами, во всем расходясь с заветами Христа. Если проследить всю его жизнь, то чему учит она, как не согласию и взаимной любви? О чем его наставления и притчи, как не о Мире и взаимной любви? Когда великий пророк Исайя, исполненный святым духом, предрекал пришествие Христа, устроителя всех дел, разве он назвал его сатрапом, или разрушителем городов, или воителем, или триумфатором? Отнюдь нет. Так кем же? Князем Мира. Поэтому, желая, чтобы Христа считали наилучшим из князей, он перечислил все, на его взгляд, наилучшее. И неудивительно, что так казалось Исайе, если даже Силий, языческий поэт, писал обо мне: «Мир — лучшее из всего, что природа дала человеку». Ему как бы вторит кифаред из Священного

⁵ *Обсерванты, колетанисты, конвентуалы* — течения внутри монашеских орденов францисканцев и доминиканцев.

Писания: «И назначено ему место в Мире»⁶. В Мире, говорит он, а не в шатрах воителей и военных лагерях. Он — князь Мира — любит Мир, его оскорбляет раздор. Исайя называет Мир плодом справедливости, подразумевая, если не ошибаюсь, то же, что и апостол Павел, превратившийся из мятежного Савла в кроткого человека, учителя Мира; ставя любовь превыше всех даров Святого Духа, с каким жаром и красноречием восхвалял он меня коринфянам! Разве могу я не гордиться, что меня хвалил столь славный муж? Он говорит то о «Боге Мира»⁷, то о «Мире Бога»⁸, ясно тем самым показывая, что эти два понятия взаимосвязаны, что не может быть Мира там, где нет Бога, и что Бога не может быть там, где нет Мира. В Священном Писании вестники Мира названы благочестивыми слугами Бога, так что легко догадаться, кем следует считать вестников войны. Услышьте, отважные воители, узрите, под чьими знаменами сражаетесь: конечно же — того, кто первым посеял раздор между Богом и человеком. Причиной всех бед, постигших род людской, послужил этот раздор. Некоторые болтают вздор, говоря, что в Священном Писании Бог называется «Богом рати» и «Богом отмщений»⁹. Велика разница между Богом евреев и Богом христиан, хотя по сути своей это один и тот же Бог. Но пусть будет, коль уж мы привержены старым названиям, Богом рати, только под ратью следует понимать гармонию добродетелей, с помощью которых благочестивые люди сокрушают пороки. И пусть будет Богом отмщений, только под отмщением понимай исправление пороков, так что кровавые побоища, рассказами о которых изобилуют книги евреев, толкуй не как растерзание людей, а как изгнание из сердца нечестивых страстей. Но продолжим наши рассуждения: всякий раз, когда в Священном Писании говорится о совершенном блаженстве, употребляется слово «Мир». Исайя говорит: «Мой народ будет жить в красе Мира»¹⁰. И другой говорит: «Мир Израилу». Исайя прославляет ноги возвещающих о Мире, приносящих добрую весть.

Всякий возвещающий о Христе возвещает о Мире. Всякий прославляющий войну прославляет Антихриста. Так что же привлекло сына Божьего на землю, как не желание примирить человечество с отцом, неразрывно связать людей друг с другом взаимной любовью и, наконец, самого человека сделать своим другом? Значит, послан он был ради меня и

⁶ Пс. 76/75. 3.

⁷ Рим. 15: 33; Флп. 4: 9; Фес. 5: 23.

⁸ Флп. 4: 7.

⁹ См.: Втор. 32: 35; Пс. 24: 1; Иер. 51: 56.

¹⁰ Ис. 32: 18.

ради меня претерпел муки. Поэтому он хотел быть, подобно Соломону, миротворцем. Сколь бы велик ни был Давид, однако ему, воителю, окропленному кровью, не дано было выстроить храм Господа, не сподобился он, как Христос, стать миротворцем. Задумайся, воитель, вот о чем: если оскверняют войны, начатые по Божьей воле, то каков же итог войны, на которую толкают гордыня, гнев, ярость? Если благочестивого царя запятнала пролитая кровь язычников, то к чему же приводит безмерное пролитие крови христиан? Заклинаю тебя, христианский государь, взглядишь, если ты воистину христианин, в образ Господа твоего, посмотри, как Он вступил в царство Свое, как правил и как его покинул, и скоро поймешь, как тебе надлежит править, а именно так, чтобы превыше всего для тебя были Мир и согласие. Когда родился Христос, разве ангелы вострубили в военные трубы? Трубный звук услышали иудеи, коим дозволено воевать. С этим совпали знамения, будившие ненависть к врагам. Но народу-миротворцу ангелы Мира пропели совсем иную песнь. Разве они подают сигнал к сражению? Разве предвещают победы, триумфы, трофеи? Никким образом. Так что же? Они возвещают о Мире, согласно прорицаниям пророков, и возвещают не тем, кто помышляет о резне и войнах, кто со свирепой радостью тянется к оружию, но тем, чья добрая воля склонна к согласию. Пусть смертные как угодно оправдывают свое пристрастие, но если бы они не любили войну, то не сражались бы друг с другом в нескончаемых войнах. А сам Христос, уже вошедший в силу, чему Он учил, выразителем чего был, как не Мира? Своих Он обыкновенно приветствовал пожеланием Мира: «Мир вам»¹¹, и это приветствие предписал им как единственно достойное христиан. И апостолы, не забывая о данном завете, свои послания начинали с пожелания Мира тем, кого особенно любили. Прекрасно желание того, кто желает спасения, но о высочайшем блаженстве молит молящий о Мире. Смотри, сколь настойчиво Христос, идя на смерть, напоминал о том, чему учил всю жизнь: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас». И далее: «Мир оставляю вам, Мир Мой даю вам»¹². Слышите, что он оставляет своим? Может быть, коней, дружину? Может быть, царство, Богатство? Ничего подобного. Так что же? Он дает Мир, Мир оставляет. Мир с друзьями, Мир с врагами. Мне бы хотелось, чтобы ты задумался над тем, о чем на Тайной вечере, когда уже близок был смертный час, Он просил в последних мольбах отца своего. Я думаю, не стал бы Он просить о чем-то пустячном, зная, что любое его желание будет

¹¹ Ин. 20: 19.

¹² Ин. 13: 34; 14: 27.

исполнено. «Отче святой, — сказал он, — соблюди их во имя твое, чтобы они были едино, как и мы»¹³. Смотри, сколь тесного единства пожелал Христос своим: Он не сказал, чтобы они были единокорны, но сказал, чтобы они были едино. И это не как угодно, а «как и мы», единые совершеннейшим и невыразимым образом. Он показывает также, что у людей есть только один путь к спасению — жить в Мире друг с другом. И если властители мира сего метят своих тем или иным знаком, дабы можно было отличить их от чужих, особенно на войне, то смотри, каким знаком отметил Христос своих: конечно же никаким, кроме взаимной любви. Все узнают, говорит Он, что вы — Мои ученики, не по тому, что вы особым образом одеваетесь, не по тому, что вы едите особую пищу, не по тому, что много поститесь или читаете много псалмов, но если будете любить друг друга, и не как угодно, а так, «как Я возлюбил вас»¹⁴.

Неисчислимы наставления философов, разнообразны предписания Моисея, многочисленны эдикты царей, но, говорит он, заповедь моя одна — возлюбите друг друга. Наставляя своих, как подобает молиться, разве он в самом начале не напомнил о христианском согласии? «Отче наш»¹⁵, — сказал он. Как бы моление одного человека, одно общее для всех требование, один дом, и все — одна семья, все зависят от одного отца; так почему же они сражаются друг с другом в нескончаемых войнах? Как ты можешь взывать к общему отцу, вонзая меч в сердце своего брата? И желая лишь одного, чтобы как можно глубже укоренилась любовь в душах его последователей, сколькими символами, притчами и поучениями крепил Он стремление к согласию! Себя он называет пастырем, а приверженцев своих — овцами. Кому, спрашиваю, доводилось видеть овец, воюющих с овцами? Что же делать волкам, если овцы сами задирают друг друга? Называя себя виноградной лозой, а своих — ветвями, что выразил Он, как не единокорные? Показалось бы дурным знамением, требующим искупительной жертвы, когда бы ветви одной виноградной лозы воевали друг с другом. Но разве не чудовищно, что христианин сражается с христианином? Если, наконец, вообще хоть что-нибудь свято для христиан, то конечно же должны быть святы для них и жить в их душах последние наставления Христа, данные им сынам своим в виде завета, которые, как Ему хотелось, никогда ими не будут преданы забвению. И чему Он учит, наставляет, что наказывает, о чем молит, как не о

¹³ Ин. 17: 11.

¹⁴ Ин. 13: 34.

¹⁵ Мф. 6: 9 и сл.

взаимной любви? Что было освящено причастием к священному хлебу и чаше любви, как не новое и нерасторжимое согласие? Поскольку Он знал, что не может быть Мира там, где идет борьба ради должности, славы, Богатств, отмщения, Он вырвал из сердец своих последователей подобные желания и запретил вообще оказывать сопротивление, даже злumu, требуя творить, сколь возможно, добро причиняющим зло и благословлять проклинающих.

Разве могут считать себя христианами люди, из-за ничтожной обиды ввергающие многие земли в войну? Христос учит, что первый в Его народе должен служить всем и лишь потому может начальствовать, что лучше других и многим приносит пользу. И как не устыдятся водворяющие такой хаос ради ничтожного приращения к своим владениям? Он учит жить по примеру птиц и лилий — одним днем. Он запрещает заботиться о завтрашнем дне, хочет, чтобы все свершалось по воле небес, и не допускает Богатых в царствие свое. И как не устроятся проливающие столько человеческой крови из-за ничтожного долга, быть может и не подлежащего уплате? Однако в наше время эти причины войны считаются, бесспорно, справедливейшими. Воистину одного добивается Христос: велит, чтобы научились у Него быть кроткими духом. Когда он велит оставить дар перед жертвенником и не приносить его, пока не примиришься с братом, разве он не дает тем самым ясно понять, что согласие предпочтительнее всего и никакой дар не угоден Богу, если я, Мир, не служу порукой. Бог отвергал от иудеев дар, козла или барана, поскольку жертву приносили живущие в раздоре. И христиане, воюющие друг с другом, осмеливаются приносить священный дар Богу? Когда Христос сравнивает себя с наседкой, собирающей под свои крылья цыплят, какой удачный образ находит Он для выражения согласия! Он объединял — а почему же христиане уподобляются хищникам?

Называют Его и краеугольным камнем, соединяющим и держащим обе стены, — так почему же наместники Его вооружают весь свет, натавливая страну на страну? Тот высший миротворец — их господин, как они похваляются, а сами никак не могут примириться друг с другом. Он примирил Пилата с Иродом, а Своих последователей не может привести к согласию? Петра, тогда еще наполовину иудея, поспешившего в миг смертельной опасности защитить господина своего и учителя, Он, обороняемый, сам порицал и велел вложить меч в ножны, а христиане по малейшему поводу выхватывают меч и обращают его против христиан же. Да и мог ли Он хотеть защиты мечом, если и умирая молился за виновников своей смерти? Все книги христиан, прочти хоть Ветхий, хоть Новый Завет, беспрестанно твердят о мире и согласии, а вся их

жизнь полна войн. Что же это за звериная свирепость, которую ничем нельзя ни унять, ни смягчить?

Так что пусть перестанут кичиться христианским именем или же согласием докажут приверженность учению Христа. Доколе жизнь будет противоречить званию? Помечайте, сколь вам угодно, дома и одежды изображением креста: не признает Христос сего знака, если не будет он, по Его велению, знаком согласия. На глазах у собравшихся апостолов Христос вознесся, и было им велено, так же собравшись, ожидать духа небесного. Христос обещал всегда быть среди единодушно собравшихся, дабы никто не надеялся, что будет Он когда-нибудь там, где война. Ибо что есть огненный тот дух, как не любовь? Ни с чем у нее нет столь много общего, как с огнем: не теряя жара, огонь зажигает другой огонь. Хочешь убедиться, что дух тот породил согласие? Тогда вспомни: у всех, говорит Он, было одно сердце и одна душа.

Изыми дух из тела, и тотчас распадется связь всех членов. Изгони Мир, и пропадет общность христианской жизни. Ныне, утверждают Богословы, через таинства изливается небесный дух. Если правду говорят, то где же особенное действие того духа — «одно сердце и одна душа»? Если же это — басни, то почему так много почтения им? Однако я говорю об этом, чтобы христиане устыдились своих нравов, а не с целью принизить таинства. Поскольку Христу угодно было наречь свой народ церковью, что это, как не побуждение к единодушию? Что общего у военного лагеря с церковью? Она зовет к единению, а тот — к раздору. Если ты горд, что являешься частью церкви, какое тебе дело до войны? А если ты от церкви отлучен, какое тебе дело до Христа? Если всех вас приемлет один дом, если общий у вас господин, если ему вы все служите, если допущены вы к одним и тем же таинствам, если рады одним и тем же дарам, если живете одним делом и молитесь об одном для всех воздаянии, так отчего же вы не ладите друг с другом? Мы видим, что среди нечестивых наемников, за деньги готовых чинить резню, царит великое согласие лишь потому, что они сражаются под одними знаменами — а благочестивых христиан, имеющих так много общего, ничто не связывает? Бессильны, значит, и все таинства?

Одно для всех крещение, воссоединяющее нас с Христом, и, отсеченные от мира, мы становимся членами тела Христова. Где еще встретишь такое единство, как в членах единого тела? Поэтому нет ни раба, ни свободного, ни варвара, ни грека, ни мужчины, ни женщины, но все — одно во Христе, всех приводящем к согласию. Немного крови, выпитой из одной чаши, так связывало скифов, что они, не медля, могли и смерть

принять за друга. Столь же свята была для язычников дружба, скрепленная общей трапезой, — а христиан ни хлеб небесный, ни священная чаша не удерживают в дружбе, освященной самим Христом, возобновляемой и воплощаемой ими в таинствах? Если тогда и Христос ничего не добился, то к чему же теперь все церковные обряды? Если Он исполнил нечто важное, то почему же вы пренебрегаете Им так, будто Он, лицедействуя, разыгрывал безделицу? Осмелится ли подойти к святому причастию, символу дружбы, пиршеству Мира, тот, кто замышляет войну против христиан, собирается погубить их, ради спасения коих умер Христос, пролить кровь тех, за кого пролил свою кровь Христос? О сердца, несокрушимее алмаза! Иметь так много общего — и терпеть в жизни нескончаемые раздоры? Все повинуются одному закону появления на свет, неизбежного старения и смерти. У всех один родоначальник, один вероучитель, искупивший своей кровью грехи всех, все посвящены в одни таинства культа, приобщены к телу и крови Христа, от коих исходит к ним благодать — от одного источника истекающая и равно общая для всех. Одна у всех церковь и, наконец, одно для всех воздаяние. Даже небесный Иерусалим, о котором мечтают истинные христиане, ведет свое название от представления о Мира, воплощение которого — церковь. Так почему же она столь сильно расходится со своим прообразом? Неужели ничуть не преуспела на стольких путях искусная природа и сам Христос ничего не добился столькими представлениями, таинствами, символами веры? И даже, по пословице, злые дела объединяют злодеев. Христиан же не объединяют ни зло, ни благо. Сколь хрупка, сколь коротка жизнь человека, скольким болезням, скольким несчастным случайностям она подвержена! И все же, хотя в жизни больше зла, чем можно перенести, безумцы сами навлекают на себя большинство бед. Такая слепота напала на людей, что ничего не замечают. Действуют столь неосмотрительно, что рассекают, разбивают, разрывают все узы, наложенные природой и Христом, все союзы. Повсюду ведут жестокую борьбу, смутам нет ни конца, ни края. Народ ополчается на народ, государство на государство, партия на партию, правитель на правителя, и по глупости или тщеславию двух людишек, вскоре кончающих, словно поденки, свою жизнь, все в мире переворачивается вверх дном.

Не буду говорить о трагедиях древних войн. Вспомним, что творилось в последнее десятилетие¹⁶: среди каких народов не велись с

¹⁶ Имеются в виду события, происходившие во время так называемых итальянских войн, продолжавшихся с 1494 по 1559 г., в которых принимали участие итальянские государства, Франция, Испания, Англия, Швейцария.

величайшей жестокостью сражения на суше и на море? Какая страна не окропилась христианской кровью? Какая река, какое море не окрасились кровью людей? И — о позор! — сражаются с большей свирепостью, чем иудеи, чем язычники, чем дикие звери. Войны, в которых иудеи бились с иноверцами, христианам надлежало бы вести против пороков. Но они ныне с пороками мирятся, а с людьми воюют. И все-таки иудеев побуждало к войне повеление Божье. Христиан, если отбросить их оправдания и рассматривать истинное положение вещей, увлекает тщеславие, гонит гнев — худший советник, манит ненасытная жажда Богатства. Иудеи обычно воевали с чужими народами — у христиан же с турками мир, а между собою война. Языческих тиранов обычно подстрекала к войне жажда славы, однако они так покоряли варваров и дикие племена, что было полезно покориться победителю, который стремился оказать побежденным большую милость. Они старались, сколь было возможно, одержать бескровную победу, благодаря которой наградой победителю служила добрая слава, а утешением побежденным — милость победителя.

Но стыдно подумать, по каким низменным, ничтожным поводам христианские государи ввергают страны в войну. Один отыскивает или выдумывает некий обветшалый, прогнивший титул — как будто так важно, кто управляет государством, лишь бы заботился об общественном благе. Другой приводит в оправдание, будто в договоре из ста глав что-то обойдено молчанием. Третий питает неприязнь к кому-то из-за отбитой невесты или дерзкой насмешки. Но нет большего злодейства, чем если правители, заметив, что согласие народа ослабляет их власть, а раздор ее укрепляет, прибегают к хитрости тиранов: подстрекают людей, готовых оказать такую услугу, развязать войну, дабы тем самым и пребывающих в согласии посорить, и несчастный народ хорошенько обобрать. Об этом пекутся нечестивцы, кормящиеся бедами народа и в мирное время почти не находящие себе дела в государстве. Какая адская злоба могла преисполнить подобным ядом христианскую душу? Кто научил верующих в Христа тирании, какой не знали ни Дионисий, ни Мезенций, ни Фаларид? Это скорее звери, чем люди, известные лишь тиранством, ни на что не годные, кроме как для злых дел, единодушные только в своем стремлении притеснять народ. И они, творящие подобное, считаются христианами; с ног до головы замаранные человеческой кровью, они осмеливаются входить в святые храмы, подходить к святым алтарям. О чудовища! Отправить бы вас на край света! Если вы — члены единого тела Христова, так отчего же не радуется счастью других? Теперь считается почти справедливой причиной войны, если в соседнем королевстве дела обстоят чуть

благополучнее. И если вам угодно признать правду: что побудило и ныне побуждает столь многих тревожить оружием Французское королевство, как не то, что оно — самое процветающее из всех? Ни одно другое не имеет столь обширных владений, нигде нет более почтенного парламента, более знаменитого университета и нигде не царит большего согласия, благодаря чему там и самая могущественная власть. Нигде законы не имеют такой силы, нигде нет более чистой веры, не испорченной общением с иудеями, как у итальянцев, и не зараженной близостью к туркам и маврам, как у испанцев и венгров. Германия, не говоря уж о Богемии, раздроблена на столько мелких территорий, что не имеет даже видимости королевства. Только Франция подобна чистейшему цветку христианского могущества; она — точно некий надежнейший оплот, защита от внезапно налетевшей бури. Для нападения, натиска на нее используются всевозможные средства и ухищрения — и как раз по той причине, по которой, будь в них хоть сколько-нибудь христианской души, они должны были бы желать ей всевозможного блага. Однако для столь нечестивых дел приходится благочестивый предлог: так они якобы пролагают путь для распространения царства Христова. Какое злодейство! Считается, что мало порадили о христианстве, если не опустошили прекраснейшую и счастливейшую часть христианского мира.

И разве они, творя подобное, не превосходят свирепостью диких зверей? Не все звери, даже дикие, дерутся, разве что вступая в схватку для отпора чужакам. Это, как мы уже говорили, надо чаще повторять, дабы оно крепче запомнилось. Змея не кусает змеи, а рысь не задирает рыси. Но если уж и дерутся, то с помощью того оружия, каким их наделила сама природа, — а людей, рожденных безоружными, каким оружием, о бессмертный Боже, вооружает злоба! Христиане обращают против христиан адовы машины. Кто поверит, что бомбарды изобретены человеком? Звери столь тесными рядами не бросаются друг на друга ради взаимного уничтожения. Кому доводилось видеть, как десять львов дерутся с десятью быками? А по сколько десятков тысяч христиан бьются на мечах друг с другом? Для них так важно поразить, так важно пролить кровь братьев! Звери обычно не вступают в схватку, если их не разъяряет голод или тревога за детенышей. А христианам какая обида покажется столь малой, что не послужит удобным поводом для войны? Если бы так поступал простой люд, то это можно было бы оправдать его невежеством; если бы молодежь, то ее можно было бы извинить за неопытность, присущую этому возрасту; если бы безбожники, то несколько смягчилось бы впечатление от жестокости содеянного. Однако мы видим, что семена раздора чаще

всего сеют те, кому подобало бы своим мудрым водительством смирять бесчинства черни. Простой и презираемый народ возводит замечательные города и достойным образом управляет ими, приумножая их Богатства. Туда проникают сатрапы и, подобно трутям, расхищают созданное усердием других людей; что было накоплено старанием многих, то преступно расточается немногими, что было разумно устроено, то жесточайшим образом разрушается. Если уж забылось давнее, то пусть, кто желает, вспомнит о войнах последних двенадцати лет, пусть взвесит их причины и тогда поймет, что все они были начаты по милости правителей и велись к великой беде народа, не имея ничего общего с его интересами.

Некогда у язычников считалось постыдным надевать шлем на седую голову, а у христиан это достойно похвалы. По мнению Овидия, не подобает быть старцу солдатом, а у христиан быть воином в семьдесят лет — славное дело. Мало того, не стыдно и самим священнослужителям, которые не должны быть запятнаны кровью (чего в давние времена желал даже Бог кровавого и немилосердного закона Моисея), не стыдно Богословам, наставникам христианской жизни, не стыдно проповедникам совершенной религии, не стыдно епископам, не стыдно кардиналам и наместникам Христа быть ревнителями и разжигателями того, что Христос столь беспощадно предавал анафеме. Как можно совместить митру и шлем? Что общего у пастырского посоха с мечом? Что общего у Евангелия со щитом? Как можно приветствовать народ пожеланием Мира, одновременно подстрекая страны к жесточайшим битвам, ниспосылать Мир на словах, на деле готовя войну? Не ты ли теми же устами, какими прославляешь Христа-миротворца, восхваляешь и войну, одной трубой возвещаешь о Боге и о Сатане? Не ты ли во время Богослужения, облаченный в священные одежды, подстрекаешь к убийству простой народ, ожидающий услышать из твоих уст слово Евангелия? Не ты ли, занимая апостольский престол, проповедуешь чуждое учению апостолов? Не страшишься ли, что сказанное о провозвестниках Христа: «Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое, благовествующих спасение»¹⁷ — обратится в нечто обратное: как отвратителен язык священников, побуждающих к войне, подстрекающих к злодеяниям, толкающих к гибели? У благочестивых, хотя и пребывавших еще в язычестве, римлян человек, вступивший в должность верховного жреца, по обычаю, клятвенно заверял, что сохранит свои руки чистыми от крови, а посему не мстил даже за оскорбление. И Тит Веспасиан, языческий император, твер-

¹⁷ Рим. 10: 15.

до соблюдал эту клятву, за что его и хвалил один языческий писатель¹⁸. Увы, теперь люди окончательно потеряли стыд! У христиан священники, слуги Божьи, и монахи, притязающие на еще большую святость, разжигают в сердцах правителей и простого народа страсть к убийствам и грабежам. Трубу благой вести они обратили в Марсову трубу и, забыв о своем достоинстве, рыщут туда и сюда, чего только не делают, чего не претерпевают, лишь бы раздуть войну. И по вине этих людей, коим подобало бы своим авторитетом унимать разбушевавшихся, государи загораются боевым пылом, хотя при иных обстоятельствах, пожалуй, предпочли бы мирную жизнь. Но вот что особенно чудовищно: они и сами ведут войны, причем ради вещей, презиравшихся даже языческими философами и тем более заслуживающих презрения со стороны мужей апостольских.

Несколько лет назад, когда мир в силу какой-то пагубной страсти был ввергнут в войну, проповедники Евангелия, некие минориты и доминиканцы, затрубили с амвона в боевые трубы, еще больше распалая тех, кто и так был склонен к неистовству. Англичан они настраивали против французов, а французов — против англичан. Всех они подстрекали к войне. К Миру не призывал никто, кроме одного или двоих, коим простое упоминание обо мне грозило смертельной опасностью. Туда и сюда рыскали святые прелаты и, позабыв о достоинстве своем и призвании, прилежно усугубляли общий для всего света недуг, то Юлия, папу римского, то королей подбивая поскорее начать войну, как будто те сами недостаточно безрассудны, мы же, однако, это явное безумие оправдываем возвышенными предложениями. Для этого мы бессовестнейшим, чтобы не сказать безбожным, образом извращаем законы отцов, сочинения благочестивых мужей, слова Священного Писания. Дело зашло уже так далеко, что почитается глупым и нечестивым даже рот раскрыть для осуждения войны и восхваления того, что прежде всего восхваляли уста Христовы. Кажется, что мало печется о народе, мало благоволит государю тот, кто советует разумнейшее из возможного и отговаривает от самого губительного. Священники теперь подались прямо в военные лагеря, где епископы верховодят, и, покинув свои храмы, служат Беллоне. И сама война уже порождает священников, епископов и кардиналов, которым звание лагерного легата кажется почетным титулом, достойным преемника апостолов. Неудивительно, что войной и живут те, кого война породила. Чтобы зло было неистребимо, подобную нечестивость прикрывают

¹⁸ *Языческий писатель* — Светоний (ок. 75–140 гг. н. э.), автор «О жизни двенадцати цезарей».

личиною благочестия. На знаменах изображен крест. Безбожный солдат, за деньги нанятый терзать и убивать, как боевой знак несет впереди войска крест, то, что только и могло бы заставить забыть о войне, становится ее символом. Какое тебе дело до креста, нечестивый солдат? Подобные настроения и дела больше подходят для гадов, тигров и волков. Крест — знак того, кто победил не сражением, а своей смертью, кто спас, а не погубил, и первейшее назначение этого знака — напоминать тебе, с какими врагами ты должен биться, если только ты — христианин, и как надлежит тебе побеждать. Ты несешь знак спасения, готовя погибель брату, и губишь крестом того, кто крестом был спасен. А что сказать о том, что прямо со святого Богослужения (ибо и оно переместилось в военные лагеря), в котором прежде всего воплощается высшее единство христиан, устремляются в бой, пронзают острым мечом сердце брата и, нечестивцы из нечестивцев, делают Христа (если только Христос вообще удостоивает их своим присутствием) свидетелем злодейства, тем самым как нельзя более ублажая безбожников? И что нелепее всего, в обоих лагерях, над обоими боевыми рядами сияет знак креста, обе воюющие стороны проводят Богослужение. Какое чудовищное дело: крест сражается с крестом, Христос воюет против Христа! Этот знак имени Христова должен устрашать врагов. Почему же теперь нападают на то, чему молятся? Не какой угодно крест подобает людям, а только истинный. Для чего же, спрашиваю, молясь Богу, солдат повторяет «Отче наш»? Бесстыдный, как ты смеешь взывать к отцу, намереваясь вцепиться в горло брата! «Да святится имя твое» — что еще может больше обесславить имя Божье, чем такая борьба между вами? «Да придет царствие твое» — так молишься ты, укрепляя свою тиранию столь великим кровопролитием? «Да будет воля твоя и на земле, как на небе» — Христос хочет Мира, а ты готовишь войну? Ты просишь общего Отца о хлебе насущном, ты, сжигающий хлебные нивы брата, желая, пусть лучше погибнут, нежели ему принесут урожай? И не стыдно тебе говорить это? «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» — и это говоришь ты, спешащий совершить братоубийство? Ты пытаешься молитвами отвратить от себя искушение, навлекая грозящую тебе опасность на брата? Ты требуешь избавить тебя от зла и по этой причине замышляешь величайшее зло для брата?

Платон считает, что нельзя назвать войной войну, которую греки ведут против греков. Это, говорит он, раздор. А теперь даже священной считается война, которую по какому угодно поводу христиане ведут против христиан руками наемников. По законам язычников того, кто обог-

рил меч кровью брата, зашивали в кожаный мешок и бросали в воду. Неужели те, кого соединил Христос, в меньшей степени братья, чем люди, связанные кровным родством? Теперь даже полагается награда за братоубийство. О жалкая участь воинов! Победитель становится братоубийцей, а побежденный гибнет, оставаясь все же виновным в братоубийстве, поскольку покушался на брата. И при всем этом они клянут турок как нечестивцев и врагов Христа, как будто сами они, учиняя подобное, остаются христианами или будто бы для турок есть более приятное зрелище, нежели видеть, как они пронзают друг друга пиками. Говорят, что турки приносят жертвы бесам, но поскольку для них нет более желанной жертвы, чем если христианин обрекает на заклание христианина, разве, спрашиваю, не то же самое делаешь и ты? И тогда злые духи наслаждаются двойной жертвой, ибо в равной мере жертвой становится и тот, кто убивает, и тот, кого убивают. Если кто-то благоволит туркам, если кто-то водится с бесами, то пусть как можно чаще приносит подобного рода жертвы! А я уже давно слышу, что говорят в свое оправдание изворотливые люди — на свою беду. Жалуются, что их принуждают против воли идти на войну. Сбрось личину, оставь притворство, спроси свое сердце — и поймешь, что гнев, тщеславие и глупость влекут тебя туда, а не нужда. Конечно, если только ты не считаешь нуждой, когда душа ничем не бывает сыта. Брось пустые слова. Бога не обманешь. И все же устраивают торжественные молебны, крикливо требуют Мира, громко орут: «Да ниспошли нам Мир, умоляем тебя, услышь нас!» Неужели Бог по справедливости не ответит им: «Зачем потешаетесь надо Мною? Просите, чтоб избавил вас от того, что вы обрели по собственной воле? Пытаетесь мольбами отвратить то, что сами себе учинили». Любая обида приводит к войне — а кому же не на что пожаловаться? Между мужем и женой случаются обиды, на которые надо закрывать глаза, если не хочешь нарушить взаимную благосклонность. И если нечто подобное произойдет среди государей, зачем же сразу хвататься за оружие? Существуют законы, ученые люди, досточтимые аббаты, почтенные епископы, здравый совет которых может прекратить раздор. Почему же не призывают стать третейскими судьями тех, кто не бывает столь несправедливым, что не предпочтет мириться с меньшим злом, лишь бы не пытаться счастья на войне? Едва ли бывает такой несправедливый Мир, чтобы нельзя было предпочесть его даже самой справедливой войне. Сначала до мелочей взвесь все, что война требует или приносит с собой, и тогда поймешь, какая выгода тебе от нее. Весьма высок авторитет папы римского, но когда народы и государства сражаются в нечестивых войнах, и притом годами, — где

же папский авторитет, где власть, ближайшая к Христу? Тут-то она, конечно, проявила бы себя, если бы сами папы не были одержимы теми же страстями. Призывает папа к войне — и все повинуются. Почему не повинуются столь же охотно, когда зовет он к Миру? Если они предпочитают Мир, почему же столь охотно послушались Юлия, зачинщика войны, а Льву, призывавшему к Миру и согласию, едва ли кто-нибудь повиновался?¹⁹ Если воистину священна власть римского папы, то конечно же подобает ей наибольшую силу иметь, когда он зовет к тому, чему единственно учил Христос. Впрочем, те, кого Юлий сумел поднять на гибельную войну (а Лев, святейший папа, всячески призывавший к христианскому согласию, успеха не имел), ясно показали, что под предлогом служения церкви они потакали своим страстям, если не сказать хуже.

Если вам глубоко противна война — дам совет, как можно защитить согласие. Прочный Мир создается не династическими браками и не союзами, которые заключаются между людьми и которые, как видим, чаще приводят к войне. Надо уничтожить сами источники, из которых бьет ключом это зло: низкими страстями порождаются эти бесчинства. И пока каждый угождает своим прихотям, государство гибнет, причем никто не достигает того, чего добивался нечестивыми способами. Пусть будут правители мудры — ради народа, а не ради самих себя, истинно мудры, чтобы свое величие, счастье, Богатства, блеск мерили тем, что делает подлинно великим и несравненным. Пусть к государству относятся с таким чувством, как отец к своей семье. Пусть король почитает себя великим, если повелевает добрыми подданными; счастливым, если сумел их осчастливить; возвышенным, если повелевает свободным народом; Богатым, если имеет Богатый народ; процветающим, если имеет владения, процветающие в вечном Мире.

Знать и магистраты должны в этом подражать государю. Пусть мерилom всего станет благополучие государства: таким путем они вернее достигнут и своего собственного благополучия. Нелегко короля, проникшегося истинным понятием о благе, побудить к выколачиванию из своего народа денег, дабы заплатить наемникам. Неужто подданных своих он доведет до голода, лишь бы обогатить нескольких нечестивых вое-

¹⁹ Эразм отмечает агрессивный характер политики папы Юлия II (1503–1513), который, стремясь увеличить территориальные владения и власть папского государства, не только принимал наиболее активное участие в разработке захватнических планов и создании различных лиг в период итальянских войн, но и лично руководил военными действиями. Его преемник Лев X (1513–1521) в глазах Эразма был поборником мира.

начальников? Неужто подвергнет стольким опасностям жизнь своих подданных? Думаю, что нет. Пусть так употребит свою власть, чтобы всегда помнил: он — человек и повелевает людьми, свободный — свободными, наконец, христианин — христианами. Народ, в свою очередь, дает ему столько, сколько надо для общественного блага. Добрый государь не должен требовать больше. И пусть согласие граждан укрощает страсти дурного правителя. Пусть обе стороны помнят также и о личной пользе. Пусть величайшие почести воздаются тем, кто предотвращает войну, кто своим мудрым решением восстанавливает согласие, наконец, кто всеми силами делает так, что становятся ненужными огромные армии и запасы оружия. Из книг известно, что из всех императоров один только Диоклетиан замышлял столь прекрасное дело.

Если уж войны невозможно избежать, пусть она ведется так, чтобы величайшие бедствия обрушились на головы тех, кто послужил ее причиной. Теперь же государи без риска для себя ведут войну, военачальники возвышаются, а большая часть бедствий выпадает на долю земледельцев и прочего простого люда, с интересами которых война не имеет ничего общего и которые сами не давали повода к войне. Где государева мудрость, раз он это не принимает во внимание, где государева душа, раз он это считает пустяками? Пусть будут найдены разумные основания, согласно которым власть в государстве не менялась бы столь часто и не переходила с легкостью от одного к другому, ибо любой переворот порождает смуту, а она — войну. Добиться этого будет не трудно, если королевские дети будут вступать в брак в пределах родительских владений, а если кому-то из них угодно будет свататься к соседям, то пусть его лишат надежды на наследование. И пусть не позволено будет государю продавать или уступать другому какую-либо часть страны, словно свободные общины — его частная собственность. Ибо свободны те, кем повелевает король, а в рабском состоянии пребывают угнетаемые тираном. Теперь же из-за династических браков случается так, что родившийся в Испании вдруг становится повелителем Индии, а кто недавно правил в Сирии, тот оказывается королем в Италии. Выходит, что ни та, ни другая страна не имеет правителя, ибо первую он покинул, а во второй его, совершенно неизвестного, родившегося в другом мире, не признают. И пока он домогается этой страны, пока смиряет ее, пока утверждается в ней, другую страну он истощает и жестоко попирает; иногда он, едва ли способный к управлению одной страной, стремится заполучить и другую и в итоге теряет обе. Пусть государи раз и навсегда договорятся, где каждый из них должен править, и однажды установленные пределы владений пусть

будут неизменны: не расширяются и не сокращаются вследствие династических браков и не перекраиваются по договорам. Пусть каждый приложит все усилия, чтобы его владения процветали: когда одно королевство станет предметом всех его забот, он постарается, чтобы дети унаследовали это королевство, изобилующее всеми благами. Так, несомненно, наступит всеобщее процветание. Впрочем, их должны связывать не узы династических браков или простое товарищество, а искренняя, чистая дружба, но более всего — одинаковое и общее стремление сослужить людям добрую службу. Правителю пусть наследует или ближайший прямой потомок, или тот, кто решением народа будет признан наиболее достойным. Прочие же пусть довольствуются положением среди благородной знати.

Королям подобает не ведать личных пристрастий и все решать в интересах общественного блага. Для этого государь пусть избегает дальних путешествий и даже не имеет желания пересекать рубежи королевства, памятуя о поговорке, справедливость которой подтвердилась в веках: «Своя рубашка ближе к телу». Не тогда пусть считает себя богатым, когда чужое отнимет, а когда благоустроит свои владения. Когда речь пойдет о войне, пусть он не слушает совета юнцов, коим потому только война приятна, что не довелось им самим испытать всех ее бедствий. Пусть не зовет он на совет и тех, кому выгодно рушить общественное спокойствие, кто живет за счет народного горя. Пусть призовет он мудрых, здравомыслящих старцев, любовь которых к отечеству известна. И пусть не затевает он опрометчиво, по чьей-либо прихоти войну, которую, развязав однажды, не так-то легко закончить. Ее, самое ужасное, что только бывает, можно начинать лишь с согласия всего народа. Сразу же следует устранить причины войны. Кое на что лучше смотреть сквозь пальцы, и на доброту ответят добротой. Иногда Мир можно и купить. Если подсчитаешь, во что обойдется война и сколько человеческих жизней унесет, то цена, как бы дорого ты ни заплатил, покажется ничтожной, ибо военные издержки, не считая пролитой крови твоих граждан, будут значительнее. Подумай, каких бедствий ты избежишь, сколько добра сбережешь, — и расходов будет не жаль.

А между тем пусть прелаты исполняют свой долг, пусть священники истинно будут священниками, пусть монахи вспомнят о своем обете, а богословы пусть учат тому, что угодно Христу. Пусть все единодушно поднимутся против войны, пусть все возвысят против нее голос. Пусть все публично и частным образом прославляют, превозносят и внушают идею Мира. Если даже они не сумеют добиться, чтобы споры не решались мечом, не должны ни благословлять войну, ни участвовать в ней,

дабы дело, бесспорно столь нечестивое, столь подозрительное, а также его зачинщики не пользовались почетом. Достаточно и того, что павшие на войне будут погребены в неосвященной земле. Если среди такого сорта людей попадаются и хорошие (а их конечно же очень мало), они из-за этого не лишатся воздаяния. Впрочем, у нечестивцев, каковых большинство, лишившихся почета, поубавится самодовольства. Я говорю о тех войнах, которые повсюду, по самым ничтожным и даже несправедливым поводам начинают христиане против христиан. Однако я по-другому отношусь к тем, кто с искренним и благочестивым старанием отражает нападения чужеземцев и с опасностью для себя защищает общественное спокойствие. Теперь трофеи, окропленные кровью тех, ради спасения которых Христос пролил свою кровь, помещают в храмах, среди статуй апостолов и мучеников, как будто отныне благочестие не в том, чтобы становиться мучениками, а делать их. Достаточным почтением к этим трофеям было бы выставление их на площади или в арсенале. В священные храмы, коим подобает неоскверненная чистота, не следует вносить ничего замаранного кровью. Однако, скажут нам, древниеставляли в храмах предметы, напоминавшие о победах. Да, но то в храмах, в коих совершались жертвоприношения демонам, а не Богослужение.

Пусть священники, служители Бога, всегда будут там, где необходимо прекратить войну. Если в этом они единодушны, если об одном повсюду проповедуют, то и авторитет их благодаря согласию будет возрастать. Поэтому, раз уж таков роковой недуг человеческой натуры, что не могут люди жить без войны, не лучше ли направить это зло против турок? Хотя было бы предпочтительнее и их тоже обращать в христианскую веру наставлением, добрыми делами и праведной жизнью, а не нападать на них с оружием в руках. Если же, как было сказано, войны вообще невозможно избежать, то война против турок, конечно, будет меньшим злом, чем столь нечестивые сражения и столкновения христиан друг с другом. Если не связывает их взаимная любовь, то, определенно, соединит общий враг, и будет тогда какое ни есть единство, хотя и без истинного согласия.

Наконец, Мир по большей части водворяется тем, что его надо всем сердцем желать. Ибо все, кому истинно дорог Мир, не упускают случая защитить его. Они либо не замечают, либо устраняют все, что мешает Миру, и готовы терпеть многое, лишь бы сохранить столь великое благо. Теперь люди сами ищут повод к войне. То, чем согласие крепится, они рушат или оставляют без внимания, а что ведет к войне, то они выпячивают и усугубляют. Стыдно рассказывать, из-за каких пустяков разыгрываются столь великие трагедии, от сколь ничтожной искорки разгораются

страшные пожары. Тогда приходит на ум вереница всевозможных обид, и каждый склонен преувеличивать причиненное ему зло. А добрые дела между тем пребывают в глубоком забвении, так что любой клятвенно присягает в своей готовности идти на войну. Часто личные интересы государей вынуждают народы братья за оружие. Однако поводом для войны могут быть лишь весьма важные общественные интересы. Там, где нет причин для раздора, люди сами выдумывают их, используя названия стран для разжигания ненависти. Знать поддерживает даже эти заблуждения глупой черни, злоупотребляя ими в своих корыстных интересах; даже священники участвуют в подобном обмане. Англичанин — враг французу по той лишь причине, что тот француз. Британец ненавидит шотландца лишь потому, что тот шотландец. Немец не ладит с французом, а испанец — с ними обоими. Какая превратность! Пустое слово, название местности, разъединяет людей, так почему же не примиряет их множество других вещей? Британец желает зла французу. А почему ты, человек, не желаешь добра человеку, христианин — христианину? Почему же пустяки для вас значат больше, чем самой природой установленные связи, больше, чем Христовы узы? Пространство разделяет тела, но не души. Рейн разделял некогда галла и германца, но он не разъединяет христианина с христианином. Пиренеи отделяют испанцев от французов, но они не нарушают единства церкви. Море отделяет англичан от французов, но оно не нарушает общности религии. Апостол Павел гневался, когда слышал среди христиан такие речи: «Я — Аполлосов, я — Кифин, я — Павлов»²⁰, и не позволял, чтобы эти нечестивые слова ранили Христа, всех примиряющего. А мы, значит, придерживаемся мнения, что общее название родины может служить веским основанием для того, чтобы один народ стремился изничтожить другой? Однако жаждущим войны и того мало: не к месту прилагая усердие, они ищут повода для раздора, разделяют саму Францию, словами разъединяют то, что не могут разъединить моря, горы и подлинные названия земель. Из французов делают немцев, дабы не окрепла благодаря общему имени дружба. Если судья, прежде чем рассматривать неприятное, например бракоразводное, дело, не спешит принять иск и не всякое доказательство признает, так почему же люди в ненавистнейшем из всех дел признают уважительной любую, самую ничтожную причину? Скорее следовало бы задуматься над тем, что составляет главный вопрос: мир, в котором мы живем, — общая родина, если только может примирить слово «родина»; все мы приходим от одних

²⁰ 1 Кор. 1: 12.

предков, если только кровное родство делает друзьями; церковь — одна семья, одинаково общая для всех; если общий дом связывает родственников, то о нем и надо заботиться. Ты терпишь мелкие обиды от тестя лишь потому, что он тесть, — и не хочешь ничего стерпеть от того, кто приходится тебе братом по вере? Многие прощая родственникам, ты не хочешь ничего простить единоверцам? Определенно, нет уз, связующих крепче, чем братство во Христе. Почему глаза твои замечают лишь то, что уязвляет душу? Если дорог тебе Мир, думай лучше так: «Этот человек меня обидел, но в других случаях он чаще был полезен мне, да и обидел-то по наущению других». И подобно тому как у Гомера причины раздора, возникшего между Агамемноном и Ахиллом, приписываются сторонниками согласия проискам Богини Аты, обиды, коим нет извинения, следовало бы приписать судьбе или, если угодно, какому-нибудь злему духу и на него перенести ненависть, предназначавшуюся людям. Почему свою изобретательность люди чаще направляют на свою погибель, чем на защиту счастья? Почему зло видят лучше, чем добро? Кто чуть благоразумнее, тот взвешивает, обдумывает, осматривается, прежде чем приступить хотя бы к частному делу. Но те, закрыв глаза, очертя голову устремляются на войну, которая, начавшись однажды, никак не придет к своему концу, поскольку из мелкого конфликта она разрастается до размеров большой войны, из одной возникает много войн, из бескровной рождается кровопролитная война, но прежде всего потому, что эта буря сокрушает не того или иного человека, а всех без исключения вовлекает в свою круговерть. Поэтому если простой народ мало задумывается о подобных вещах, то государь и знать конечно же должны над этим размышлять. Священники обязаны вбивать это в голову каждого, внушать всем, кто хочет и не хочет. Дойдет наконец до сознания, если повсюду говорить об этом.

Ты жаждешь войны? Узнай сначала, что такое Мир, а что — война, какие блага сулит он и какие бедствия приносит она, и затем прикинь, стоит ли менять Мир на войну. Если есть что-нибудь прекрасное, так это — страна, изобильная, цветущая, с благоустроенными городами, с возделанными полями, с добрыми законами, с науками, достойными уважения, с безупречными нравами. Подумай и признай: «Я должен погубить это благоденствие, если буду вести войну». Напротив, если ты когда-нибудь видел города, лежащие в развалинах, разоренные деревни, сожженные храмы, опустошенные поля и зрелище это вызвало в тебе страдание, то знай: все это — плоды войны. Если ты всерьез помышляешь ввести в свою страну преступный сброд наемного воинства, кормить его в ущерб своим гражданам, прислуживать ему, ублажать его и даже

вверять его произволу себя самого и свою безопасность, то знай: таковы условия войны. Ты чувствуешь отвращение к грабежам? Именно этому учит война. Ты проклинаешь братоубийство? Именно этому учатся на войне. Разве не посмеет убить одного человека тот, кто за небольшую плату уничтожает множество людей? Пренебрежение законами быстро ведет к гибели государства, а когда вступает в дело оружие, законам вообще приходится молчать. Если противны тебе разврат, кровосмесительство и другие, еще большие мерзости, то знай: всему этому учит война. Если источником всех бед служат безбожие и непочтение к вере, то знай: в бурях войны совершенно забывают о вере. Если ты признаешь наихудшим такое состояние государства, когда наибольшего могущества достигают самые порочные люди, то знай: на войне царят отъявленные негодяи, а те, кого в мирные дни предали бы позорной казни, во время войны заправляют важнейшими делами. Да и кто лучше матерого разбойника проведет войско по непроходимой местности? Кто отважнее поднаторевшего взломщика или святотатца будет грабить дома и разорять храмы? Кто ревностней, чем головорез и убийца, будет разить врага, пронзая мечом сердце? Кто с такой же сноровкой, как поджигатель, будет предавать огню города и укрепления? Кто с таким же презрением, как пират, наловчившийся в долгих грабежах, будет встречать опасность на реках и морях? Если хочешь понять, что за безбожное дело война, посмотри, кто ее ведет. Если для благочестивого государя ничего не может быть важнее безопасности его подданных, то ему подобает прежде всего ненавидеть войну. Если счастье государя — повелевать счастливыми, то более всего он должен дорожить Миром. Если особым желанием доброго государя должна быть возможность управлять наилучшим народом, то ему подобает проклинать войну, источник всех нечестивых дел. Если он считает своим богатством то, что имеют граждане, он должен всячески избегать войны, которая, даже если и закончится самым счастливым образом, все равно каждому будет дорого стоить: честно нажитое придется потратить на жалованье негодьям-наемникам. Еще и еще раз хорошенько обдумай: любому его причина представляется важнейшей, каждому улыбается своя надежда, хотя зачастую оказывается несправедливейшей причина, кажущаяся раздраженному человеку справедливейшей, а надежда нередко обманывает. Однако представь себе самую справедливую причину для войны и вообрази как можно более благоприятный ее исход, сопоставь все потери, неизбежные при ведении войны, с выгодами, какие сулит победа, и подумай, так ли уж заманчиво побеждать. Едва ли когда-нибудь удавалось одержать бескровную победу. И вот уже подданные твои замараны

человеческой кровью. Прибавь к этому утрату добрых нравов и порядка, возместить которую невозможно никакой выгодой. Ты истощаешь свою казну, отягощаешь добрых граждан, подбиваешь на преступление негодяев, да и по окончании войны не сразу можно устранить ее последствия. Приходят в упадок ремесла, науки и искусства, замирает торговля.

Чтобы потеснить противника, прежде ты сам должен обособиться от многих соседних стран. До войны все соседние территории были твоими, ибо Мир благодаря взаимному обмену все делает общим. Посмотри, чего ты добился: теперь едва ли принадлежит тебе и то, что находится под твоей властью. Чтобы взять один городишко, сколько требуется осадных орудий, сколько палаток? Ты должен соорудить некое подобие города, чтобы разорить настоящий город, а ведь с меньшими затратами можно было бы выстроить другой настоящий город. Чтобы враг не мог выбраться из осажденного города, ты, подобно изгнанному с родины, спишь под открытым небом. Было бы дешевле возвести новые стены, чем разрушать осадными орудиями уже построенные. Я не хочу здесь подсчитывать, сколько денег проходит через руки сборщиков, получателей и полководцев — думаю, что они составляют немалую сумму. Поэтому если ты, сделав точный подсчет отдельных расходов, не придешь к заключению, что и десятой части издержек хватило бы купить Мир, я безропотно буду терпеть, что меня отовсюду изгнали. Однако ты сам себе покажешься недостаточно благородным, если простишь хоть какую-нибудь обиду. Наоборот: нет более верного доказательства низменной натуры, не достойной королевского звания, чем отмщение. Ты расцениваешь как ущерб собственному величию, если, ведя переговоры с соседним государем, может быть даже своим родственником или свойственником, возможно оказавшим тебе некогда добрую услугу, ты поступишься толикой своих прав. Но не больше ли ты роняешь собственное достоинство, будучи вынужденным то и дело умилять золотом чужеземных наемников — подонки общества, вечно ненасытных последних негодяев, направлять послов к продажным и зловредным карийцам²¹, униженно прося их о помощи, вверяя собственную голову и состояние своих подданных защите тех, для кого нет ничего ни обязательного, ни святого. Поэтому, если и покажется тебе Мир несколько несправедливым, остерегайся думать, что в том твоя потеря, но знай, что такой ценой ты купил Мир.

²¹ *Карийцы* — народность, населявшая юго-западную часть Малой Азии с III тысячелетия до н. э. Использовались египетскими фараонами в качестве наемников.

Некто весьма хитроумный, пожалуй, скажет: «Охотно бы простил, если бы дело касалось лично меня. Однако я — государь и исполняю, хочу или нет, общественные обязанности». Не должен с легкостью ввязываться в войну тот, кто печется лишь о благе подданных. В действительности все наоборот: причина почти всех войн обусловлена тем, что она не имеет ни малейшего отношения к народу. Ты претендуешь на какие-то земли, но при чем здесь интересы народа? Ты хочешь отомстить тому, кто отверг твою дочь, но какое до этого дело всему государству? Обдумать и понять это достойно воистину мудрого, воистину великого государя. Довелось ли кому-нибудь превзойти Октавиана Августа обширностью своих владений и блеском правления? Но и он заявлял, что даже отрекся бы от власти, если бы нашел более достойного быть правителем государства. Заслуженно восхваляли знаменитые авторы слова другого императора: «Пусть погибнут, — говорит, — мои сыновья, если кто-нибудь другой может лучше позаботиться о государстве». Такую заботу проявляли о государстве безбожные люди, поскольку они не знали христианской веры. Неужели же христианские государи столь дешево ценят христианский народ, что готовы подвергнуть страны жесточайшим мукам, лишь бы отомстить за личные обиды и исполнить свои прихоти?

Уже слышу, как некоторые уклончиво заявляют, что не могут быть в безопасности, если не дадут решительный отпор нечестивцам. Почему среди бесчисленных римских императоров только Антонины, Пий и Философ²² не подвергались нападению? Лишь потому, что никто не правит в большей безопасности, чем тот, кто готов, если надо, и сложить с себя власть, которую исполняет в интересах государства, а не ради самого себя. Поэтому если ничто вас не трогает — ни природой данный здравый смысл, ни благочестие, ни столь великое бедствие, то поругание имени христианина конечно же приведет ваши души к согласию. Какой частью мира владеют христиане? Прежде всего это — город, стоящий на вершине горы, видимый Богу и людям. Однако подумайте, что чувствуют, что говорят, как поносят Христа враги имени Христова, видя, что христиане враждуют друг с другом по более ничтожным поводам, чем язычники, беспощаднее, чем безбожники, и с применением более ужасных орудий, чем у них? Чье изобретение пушки? Разве не христиан? А чтобы еще отвратительнее было, они дают им имена апостолов, запечатлевают на них изображения Богов. О жестокая насмешка! Направлял ли Павел, этот неутомимый поборник Мира, адкову машину на христианина? Если мы хотим обратить

²² *Философ* — имеется в виду римский император Марк Аврелий (161–180 гг. н. э.).

турок в христианскую веру, то давайте сначала сами станем христианами. Никогда они не поверят, что мы — христиане, если поймут, что нигде не бывает больших бесчинств, чем у христиан, — единственное, что Христос предавал страшным проклятиям. Язычника Гомера весьма удивляло в язычниках то, что, хотя они могли пресытиться приятными вещами, такими как сон, яства, напитки, танцы и музыка, никогда у них не наступало пресыщения от злосчастной войны. И это в полной мере справедливо по отношению к тем, кому даже само слово «война» должно было бы внушать отвращение. Рим, этот неистовый прежде воитель, и то не раз видел запертым храм своего Януса²³. Как же получается, что у вас не бывает и дня без войны? Как вы будете проповедовать учение Христа-миротворца, сами непрерывно пребывая в раздоре друг с другом? Подумайте, сколько смелости придают туркам ваши распри: ведь нет ничего проще, как победить не знающих согласия. Хотите внушать им страх? Будьте единодушны. Почему вы сами себе отказываете в приятности нынешней жизни и хотите лишиться грядущего блаженства? Жизнь смертных сама по себе подвержена многим несчастьям, а согласие помогает избавиться от небольшой части тягот, когда люди взаимными услугами или утешают друг друга, или друг другу помогают. Если случается что-то хорошее, то согласие делает его более приятным и доступным многим, когда друг одаряет друга и доброжелатель благодарит доброжелателя. Сколь ничтожно и сколь преходяще то, ради чего между вами возникает такой раздор! Смерть грозит всем, королям не меньше, чем простому люду. Какую суматоху вызывает создательница, которое и само вскоре рассеется подобно дыму! У дверей стоит вечность. Надо ли для достижения призрачных целей усердствовать так, как будто жизнь наша бесконечна? О, сколь несчастны не верящие в блаженную жизнь благочестивых людей и не возлагающие на нее надежд! Бесстыдны внушающие себе, что через войну проходит путь к блаженной жизни, хотя жизнь эта не что иное, как несказанное единение блаженных душ, исполнение того, о чем Христос так настойчиво молил своего небесного отца: чтобы они были связаны друг с другом так же, как он сам с отцом. Разве вы подходите для сего высшего единения, если каждый из вас между тем не подготавливает его? Подобно тому как подлый прожигатель жизни не может вдруг превратиться в ангела, из кровожадного воителя не получится сразу ровни мученикам и девам. Достаточно, увы, более чем достаточно пролито христианской, если мало для вас значит

²³ Храм, воздвигнутый в честь италийского бога Януса, имел двое ворот, закрывавшихся в мирное время и открывавшихся настежь во время войны.

человеческой, крови, достаточно посвирипевствовали ради взаимного уничтожения, достаточно уже принесено жертв фуриям и Орку²⁴, достаточно долго разыгрывалась драма, услаждавшая глаза турок. Пора образумиться после стольких тягот и бедствий войны. Все, что до сих пор делалось безрассудного, припишем судьбе. И пусть христиане решат, как некогда решали язычники, предать забвению чинившееся прежде зло.

После этого с общего согласия направьте все усилия на поддержание Мира, постарайтесь, чтобы Мир скреплен был не веревочными, а прочными, как алмаз, узами, которые и разорвать невозможно.

Я обращаюсь к вам, государи, ибо от вас более всего зависит судьба людей, вы служите для народа воплощением образа Господа нашего Христа: услышьте голос вашего повелителя, призывающего к Миру, осознайте, что все страны, измученные долгим страданием, требуют от вас этого. Если и теперь еще кто-нибудь из вас чувствует себя оскорбленным, то справедливость требует простить обиду ради общего счастья людей. Дело слишком важное, чтобы затягивать его по каким-то ничтожным причинам. Я обращаюсь к вам, священники, служители Бога, чтобы вы, приложив все силы, воплотили наиболее, как сами знаете, угодное Богу и устранили то, что ему более всего ненавистно. Я обращаюсь к вам, Богословы: возвестите Евангелие Мира, всегда проповедуйте его народу. Я обращаюсь к вам, епископы и другие прелаты церкви: всей силой вашего авторитета водворяйте Мир, скрепленный вечными узами. Я обращаюсь к вам, знать и магистраты: пусть ваша добрая воля станет помощницей мудрости королей и благочестия прелатов. Я обращаюсь ко всем, кто считает себя христианином: единодушно сплотитесь ради Мира. Покажите, что может согласие народа против тирании сильных мира сего! Пусть все равноправно выскажут свои предложения. Пусть вечное согласие соединит тех, кого столь многими нитями соединили природа и еще больше Христос. Пусть все совместными усилиями стремятся к достижению того, что в равной мере составляет счастье каждого.

К этому взывает всё, а в первую очередь — сам здравый смысл и, как бы я сказал, сама гуманность. Взывает к этому и Христос, источник и творец человеческого счастья. Склоняют к этому столь многие выгоды Мира, столь многие бедствия войны. Зовут к Миру и сами души государей, словно бы по Божьему велению склонные к согласию. Папа Лев X, смиренный миротворец, явил всем пример — призвал к Миру, действуя как истинный наместник Христа. Если вы — подлинно овцы, то следуйте

²⁴ *Орк* — подземный мир, в переносном смысле — смерть.

за пастырем своим. Если вы — сыны, то внимайте отцу. К Миру зовет не только по титулу христианнейший король французов Франциск, который и Мир за деньги приобрести не отказывается, и ни в каком деле не руководствуется одними интересами собственного величества, а радуется о всеобщем Мире, примером своим показывая, что воистину славно и короля достойно сослужить как можно более добрую службу всему роду человеческому. К Миру призывал славнейший правитель Карл, юноша безупречного нрава. Не уклоняется от Мира император Максимилиан, не уходит от него и знаменитый английский король Генрих. И прочим подобает последовать примеру этих великих государей. Большая часть народа проклиняет войну и молит о Мире. Лишь очень немногие, чье подлое благополучие строится на бедствиях народных, желают войны. А справедливо ли, чтобы их бесчестные помыслы имели больший вес, чем воля всех добрых людей, судите сами. Видите, что до сих пор ничего не достигнуто договорами, ничто не продвинулось вперед благодаря династическим бракам, ни к чему хорошему не ведут ни насилие, ни мщение. Теперь попробуйте обратное, посмотрите, что могут миролюбие и благодеяние. Война порождает войну, месть влечет за собой месть. Пусть теперь милость рождает милость, а благодеяние вызывает благодеяние, и пусть в том будет больше королевского величия, кто чаще идет на уступки. Не имело успеха творимое людскими усилиями, но сам Христос благословит Богоугодные замыслы, возникающие по его внушению и под его покровительством. Благодатным будет Его присутствие, Он будет помогать и благоволять тем, кто благоволит делу, коему сам он более всего благоволит: соображения общественной пользы должны быть выше личных страстей. Впрочем, если заботиться о благе всех, то и уделом каждого будет более счастливая судьба. Власть государей приобретет больше величия, если они будут повелевать благочестивыми и счастливыми подданными — править скорее с помощью законов, нежели силой оружия. Достоинство знати еще более возвысится, духовенство получит ничем не нарушаемый досуг, а народ будет счастливо жить в изобилии и покое. Враги креста устроятся имени христианина. Наконец, пусть каждый из вас будет дорог и приятен друг другу, но прежде всего — угоден Христу, ибо в том и состоит высшее счастье.

Я сказал.

*Перевод с латинского
В.Д. Балашова*

Эмерик КРЮСЕ

НОВЫЙ КИНЕЙ,

**ИЛИ РАССУЖДЕНИЕ О СОСТОЯНИИ, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩЕМ
ВОЗМОЖНОСТИ И СРЕДСТВА ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО
МИРА И СВОБОДЫ ТОРГОВЛИ ВО ВСЕМ МИРЕ...**

1623

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга может легко обойти всю обитаемую землю, чтобы дойти до всех государей: не боясь заслужить немилость, она раскрывает истину и заслуживает внимания благодаря важности своего содержания, что должно служить автору рекомендательным письмом и доверенностью. Автор не уподобляется изобретательному Динократу, который создавал прекрасные, но бесполезные планы. Он выражает пожелания и стремления добрых людей и представляет спасительное средство, осуществление которого зависит от тех, кто держит в руках все международные дела. Эта книга никого не задевает, еще менее она кому-либо льстит, она не преграждает дорогу к правде из-за любви к своей стране или к своей религии, хотя эти два фактора настолько важны для души автора книги, что сама смерть неспособна их искоренить. Цель этой книги состоит не в разрешении противоречий, не в опровержении панегириков или в поношении. Автор оставляет подобные высказывания теологам и ораторам, а также всем, кто захочет найти применение своему красноречию и «золотому перу» в этой области, такой благородной и важной. Многие объясняют тайны религии и приводят неопровержимые доказательства против неверующих, обращаясь к непререкаемым авторитетам. Это достойно похвалы, но необходимо всеми средствами искоренять самый распространенный порок, который является источником всех других пороков и, как из-

вестно, источником бесчеловечности. Однако ересь существовала не у всех народов и не во все времена. Атеизм еще более редок, и даже самые жестокие люди, глядя на небо, вынуждены признать Бога. Мы видим бесконечное множество людей, которые считают себя обязанными верить в божественное только потому, что это подсказывает им разум, посредством которого они хорошо распознают Бога; но они не могут согласиться с другими догматами веры, поскольку они не освещаются этим естественным светом, который должен упорядочить все убеждения и верования, а не просто подчинить им верующих. Тем не менее они не осмеливаются открыто обнаружить себя и внешне приспосабливаются к религии и обычаям из страха быть зачисленными в атеисты, особенно если действительно они атеистами не являются. Их, скорее, можно назвать неверующими, поскольку они следуют только разуму и презирают божественную веру, как бы считая ее воображаемой добродетелью. Число этих людей увеличивается ежедневно. Ибо они более не верят так легко ни Писанию, ни проповеди, а многие из них получают советы, не вызывающие сомнения по их молодости, которые им самим затем покажутся весьма сомнительными, когда они дойдут до того, что глубоко призадумаются над всем этим и тщательно подумают над словами пророка: «Все люди — лжецы»¹. Вот почему самые знаменитые предсказатели, видя, что какая-либо доктрина слишком далека от здравого смысла и малоэффективна для того, чтобы возвысить умы людей нашего времени, что в ней нет ничего, что могло бы служить руководством по воспитанию нравственных убеждений, ждут от нее только основательного рассмотрения милосердия, которое более легко поддается поощрению и утверждается более прочно в уме доброго, чем злого, человека, не верящего в Бога, а если и верящего, то, скорее, по прихоти или привычке. Можно ли иным путем составить понятие о лгу, обманщике или простом смертном? Правдоподобно ли, чтобы он верил в ад, если он не верит в бессмертие души? Какие бы меры ни принимались, они никогда не убедят его; напротив, они дадут повод иноземцам подвергнуть сомнению истинность их религии. Во времена святого Людовика татары решили присоединиться к христианству, но они утратили это желание, когда прослышали о злых делах христиан. Приемлемы их соображения или нет — этот вопрос я здесь не затрагиваю. Дело в том, что религия может обсуждаться только на основе человечности и моральной добродетели, к которым нужно призывать великих и малых мира сего, государей и народы, долго не останавливаясь на схоластических

¹ Пс. 116. 11.

диспутах, которые производят больше шума, чем дают результатов. Я понимаю, что необходимо отказаться от разного рода ересей, но считаю самой большой ересью, или ошибкой, поведение тех, кто строит свою суверенную славу на несправедливости и не признает ничего похвального, кроме оружия. Есть ли у нас надежда увидеть хоть какой-либо прогресс в религии или в спокойствии для государства, если это достойное порицания мнение будет принято? И тем не менее не следует мешать проникновению в умы людей этого мнения: об этом ведь не станут говорить, если это не имеет какого-либо значения: напротив, кажется, что молчание и безмолвное согласие — свидетельство одобрения. Пользуясь случаем, довожу свои предложения и мирный совет до читателя; он обнаружит их новизну, поразмыслит о форме изложения проблемы и о значительности вопроса, который излагается здесь. Мир — вот мой обычный предмет, который я здесь исповедую, но он достигнут лишь наполовину. Сколько государей-христиан собиралось по этому поводу для обсуждения этой проблемы и чтобы прочно укрепить их союз против их общего врага; тогда же один знаменитый персонаж указал средства уничтожить всех турок в течение четырех лет или приблизительно за это же время²; имеется множество других прекрасных замыслов, которые очень легко описать. Но существуют еще и те, кто ограничивает их стиль, они придумывают способы приобщить к культуре и обогатить свои страны, они заботятся так мало об иноземцах, что полагают политическим благоразумием сеять среди иностранных государств раздоры, чтобы наслаждаться более надежным, спокойным состоянием в своей стране. Однако я придерживаюсь совершенно другого мнения. Мне кажется, что когда горит или рушится дом твоего соседа, то это для нас является как знаком беды, так и поводом для сочувствия, поскольку человеческое общество — это единый организм, все органы которого связаны между собой доброжелательством, поскольку невозможно, чтобы болезни одного органа не сообщались бы другим. Таким образом, эта маленькая книга излагает универсальную политику, полезную всем народам и приемлемую для тех, у кого есть хоть какой-либо свет разума и чувство гуманности. Что касается других, то я предвижу, что они вовсе не будут читать представленные в этой книге рассуждения или не примут их к сведению; особенно это относится к тем честолюбивым воякам, кто с презрением называет нас «людьми пера» или «писателями»; но чтобы отстоять нашу честь и достоинство, мы приве-

² Речь идет о гугенотском полковнике и военном писателе Франсуа Делану (*De la Noue F. Discours politiques et militaires. P., 1587, disc. 22*).

дем старинное изречение: «Дела лучше, чем слова». С этим я полностью согласен, лишь бы действия были добрыми, а не жестокими. Было время, когда я совершенно иначе отвечал этим деятелям. Теперь же пусть они удовлетворятся подобной интерпретацией этого вопроса. Я не пишу для варваров или для невежественных людей, которые придут в негодование после публикации этой книги. Людям более тонкого ума, возможно, вовсе не понравится эта книга, и они ее, может быть, будут сравнивать с «Государством» Платона, идеи которого существовали только в воображении автора. Это сравнение неуместно, поскольку в данной книге предлагаются меры, которые не только возможны для осуществления, но которые в древности испробовались в жизни. В империи Августа все народы жили мирной жизнью. В царствование Франциска I мирная жизнь расцветала в течение нескольких лет во всей Европе.

Что нам мешает надеяться на благо, которым в прошлом люди уже наслаждались? Я верю, что нет ничего более легкого, чем достижение всеобщего мира, если христианские государи захотят его осуществить, и именно наш французский Геркулес Справедливый³, чье прозвище дает мне основание для добрых надежд. Вовсе не следует говорить, что предложения, которые делаются или касаются осуществления всеобщего мира, являются химеричными и лишены каких-либо оснований. Каждый оценит эту книгу по-своему. Я надеюсь, что для этой книги найдется место в кабинетах всемогущих владык и что разумные люди извлекут из нее важные заключения, несмотря на скучное изложение.

СОВРЕМЕННЫМ МОНАРХАМ И СУВЕРЕННЫМ ПРАВИТЕЛЯМ

Я не обращаюсь с этим рассуждением к простолыдину, который живет в зависимости от господина и не следует никаким принципам в своих поступках; еще меньше того я не обращаюсь к людям, признающим только силу, которые смеются над честностью и опираются только на силу. Это к вам, великие мира сего, обращена эта маленькая книга, которая надеется найти доброжелательный прием. Это к вам относятся такие обращения: «высокопревосходительные», «всемогущие», «непобедимые монархи». Я полагаю, что некоторые из «Ваших высочеств» не нуждаются в новых советах и что Бог избрал вас, предоставив вам такое

³ Имеется в виду король Людовик XIII, король Франции (1610–1643).

почетное положение, которое одновременно соответствует вашим заслугам. Тем более что советы, исходящие из чистого разума, а не из иллюзий, обычно принимаются доброжелательно, и каково бы ни было ваше благополучие, оно все же подвержено изменениям, и я подумал, что не будет неблагоразумным представить со всей моей скромностью средства упрочить ваше положение путем установления всеобщего мира. Даже если бы речь шла не только о вашем частном интересе, то было бы достаточно учесть, что общественные интересы вызывают сочувствие рода человеческого, который совместными призывами молит вас о мире, заклинает вас остановить тот процесс, из-за которого люди впадают в нищету, просит вас покончить с народными тяготами и ужасом вооруженных столкновений, которые являются результатами всяких злоупотреблений. Это гражданские требования. Разумнее откликнуться на этот призыв, чем стремиться к разжиганию военных страстей по примеру древних персов, которые не могли вообразить себе иной жизни, кроме войны и победы, которые представлены в этой книге как проклятие и характеризуют суверена как сторонника несправедливости и угнетателя людей. Я не буду тратить время на то, чтобы обличать этих развращенных людей. Достаточно указать на причины войн. Следует особенно выразить сожаление по поводу «ослепления» тех, кто совершает столько жестоких поступков друг против друга — и часто беспричинно. Но я заранее отказываюсь от рассмотрения народных смут и гражданских волнений, чтобы подстрекатели не подумали, что они найдут здесь поддержку публичным беспорядкам. Подстрекатели не найдут в этой книге поддержки и тех мирных решений, которых они недостойны, если они не признают своих суверенов и если они не откажутся от подстрекательства к смуте. Оставим в стороне эти темы, о которых мы будем говорить в другом месте. Я хотел бы сказать, что войны с иностранными государствами возникают или ради стремления к почестям, или ради выгоды, или ради того, чтобы возместить ущерб, а также ради чисто военных упражнений. Можно упорядочить религиозные вопросы, поскольку опыт показывает, что религия наиболее часто служит причиной военных раздоров. Я не упоминаю здесь об особой необходимости, которая заставила некогда многочисленные народы целыми толпами покинуть свои страны, будучи вынужденными искать новые места жительства. Результатом этого переселения народов явились колонии, известные в прошлом. Однако в современную эпоху подобные перемещения народов крайне редки. Таким образом, мы не можем признать других целей и причин войн, как только те четыре, о которых было сказано выше.

Первая причина — самая распространенная и кажется наиболее законной. Если стремление к почестям естественно для благородной души, то пристойно, когда человек ищет этих почестей в военных успехах, так как его слава зависит от всеобщего признания и было бы безумием поступать вопреки этому. Все народы в этом вопросе приходят к единому мнению, и обычаи, как древние, так и современные, всегда отдают почести солдатам, привилегии дворянству и командованию таким образом, что честь других стран и их совершенство теряют репутацию в свете блестящих военных побед другой стороны. Большинство государей подвержены этой ошибке и не признают ничего другого, кроме оружия. Это зло возникло не сегодня. Император Север воевал, чтобы обогатить своих солдат, и презирал все другие занятия. Когда царя древней Албании Пирра спросили, кому он оставит свое царство, тот ответил: «Тому, у кого будет лучшая шпага». Но эти слова отдают варварством и жестокостью. Кому мы можем противопоставить авторитет того славного царя лакедемонян⁴, который уважал больше справедливость, чем храбрость, говоря, что эта добродетель не является необходимостью, когда имеют место разум и человечность. И действительно, стоит ли хвастаться и высоко ставить те вещи, которые могут делать самые глупые животные? Ведь вредить и убивать — так легко! Это может сделать маленькая змея или насекомое. Возмутительна наглость тех хвастунов, которые хотят прославиться тем, что ими было много убито людей в сражениях. Это честь, говорят они, уничтожить своего врага. Разве у нас есть другие враги, кроме диких зверей? Существует дружба и родство между людьми, основанные на естественной схожести внешнего облика. Каждый тщательно оберегает себе подобных. Тем не менее мы совсем не храним наши живые подобия, мы превращаем в триумф уничтожение себе подобных, в то время как позорно отступаем перед львами, тиграми, волками и змеями, нашими естественными врагами, на которых мы не посмели бы напасть, если бы не имели специальных охотничьих навыков; будучи слишком слабыми, мы должны прибегать к особым хитростям и изощренной ловкости, чтобы поразить нашего противника. Если бы эти звери обладали некоторыми интеллектуальными способностями, то этого было бы достаточно, чтобы в короткий срок уничтожить всех людей. Таким образом подвергается истреблению население Африки. Множество змей уничтожили города, а назойливость крыс и лягушек прогнала некоторые народы из их стран. Знаем ли мы, что Бог не воспользуется такого рода средствами, чтобы наказать

⁴ *Лакедемоняне* — спартанцы.

нас еще и за несправедливости и беззакония. Действительно, существует много поводов, чтобы обнажить шпагу, но мало поводов для того, чтобы ее снова спрятать в ножны. Нам свойственно одерживать верх при помощи нашей силы, хотя по силе звери нас превосходят. Но нам приходится признать, что это — наименьшее из человеческих совершенств и ее следствием является вульгарная доблесть, которая не имеет никакого основания и не должна иметь поддержки. Вследствие этого она не заслуживает большой похвалы. Я говорю «вульгарная» доблесть, чтобы провести различие между тем великодушием, которое заключается в храбром упорстве, и тем, что в презрении ко всем вражеским выпадам. Показатель подлинной доблести — отвергнуть несправедливость и не совершать ее более, стойко и благородно встретить смерть и другие несчастья, если придется с ними столкнуться, но не искать их в надежде на приобретение сомнительных почестей, тщетность которых в конце концов признается теми, кто за них отдал всю жизнь. Не возникает ли у нас сожаление, когда мы умираем, что мы часто предавались безумным порывам? Тогда имеется прекрасная возможность в этом раскаяться. Я видел людей, которые перед лицом смерти отказывались следовать религиозному обычаю, оправдывая свои прежние поступки, надеясь на выздоровление. Те, кто умирает на поле боя, вероятно, мыслят подобным образом. Разум стучится в наши двери каждый час и подсказывает нашему слуху беспрестанно мудрые решения. Но нет больше времени, чтобы принимать это решение, когда нам придется уйти из этого мира. В этом мы видим несчастье людей, которые признают свои ошибки только в самых крайних случаях и не прислушиваются к разуму до тех пор, пока не окажутся в безвыходном положении. Общественное мнение направляет, нравы и обычаи регулируют их поведение, и только честолюбие слепых в этом отношении людей заставляет их отказаться от мысли о Боге, о людях и думать лишь о том, как бы им столкнуть людей между собой; но они когда-нибудь поймут, что жестоко ошиблись. Поскольку, вместо того чтобы приобрести репутацию, к которой они стремятся, и умереть, имея высокие почести, они попадут в позорное рабство, на радость и забаву своих врагов. Представим себе условия, в которые попадают военнопленные: их подвергают насмешкам, унижениям простолюдины и крестьяне, и в конце концов их скорее всего повесят или же их ждет другая смерть, полная мучений и позора. Тем не менее это — обычные последствия войны. И кто бы это ни был — солдат, рыцарь, капрал или главнокомандующий армией — все они подвержены этим бедствиям войны. И даже самый великий государь или император не является исключением. Валериан, Балдуин, Туман-бей,

Баязет, Аттабалиппа и другие, которые жалким образом закончили свою жизнь, дали хороший урок государям, чтобы они поняли, что бесчестья надо опасаться больше, чем надежды прославиться на войне. Поскольку зло встречается чаще, чем добро, и если возникает безумная идея расстаться с прочным положением ради чего-то неопределенного, то государи должны оберегать свою честь, не рисковать ею, поощряя рискованные предприятия, навешанные соблазнами, не думая о том, что они могут приобрести, и не принимая в расчет то, что они могут потерять. Государям начерчивают план их будущих завоеваний, рисуют в их воображении триумфальные арки, но не говорят им о том позорном иге, в котором они могут оказаться и опасность которого все время висит над ними. Они внушают им древнюю максиму, что «монархия — это роскошная гробница, но она стоит того, чтобы ради нее идти на риск». Этому внушению поддаются особенно честолюбивые люди, а также слишком отчаянные, которые хотели бы возвеличиться, рискуя даже своей жизнью. Но государи, которые уже приобрели величие и авторитет, не стремятся бросить все ради непостоянства фортуны, которая играет с самыми великими людьми и оборачивает неожиданными несчастьями их самые высочайшие намерения. И в настоящее время международные дела находятся в таком состоянии, когда нет даже небольшого государства, которое не могло бы при помощи своих союзников противостоять самым могущественным государям земли. Мудрый государь не станет нападать на страну другого государя, опасаясь погубить свое собственное государство. Если же амбиции побуждают его рисковать своей жизнью и жизнью своих подданных, чтобы всеми средствами добиться почестей, ради которых он идет на риск, то позор и беда могут обрушиться на его голову и на тех, кто развязывает войны. Они оказываются на краю пропасти, и достаточно небольшого ветерка, чтобы их столкнуло в пучину нищеты; в то время как они будут думать, что они обретут заоблачное блаженство и процветание, поворот фортуны их низвергнет в бездну, и из государей они превратятся в рабов. Вот они уже пойманы, связаны, и за ними идет палач. Только тогда им станет ясно, как далеки они от той славы, которую они себе представляли; у них теперь будет много свободного времени, чтобы понять, что счастье, которым они могли наслаждаться, если бы их не обуревали чрезмерные амбиции, изменило им. Это не беспочвенные аргументы, которые мы приводим. История свидетельствует и опыт подтверждает, что война скорее подвергает риску репутацию государя, чем увеличивает его славу. Когда они смогут приобрести столько почестей, сколько имел Цезарь, создавший вселенскую империю благодаря своим победам, не будет ли

жестоко достичь всего этого таким презренным путем? О почесть, это ничтожнейшая вещь, когда она достигается морем крови! Я чту твою память, Сальвий Отти, счастливые времена твоего правления — единственная надежда и удовлетворение римских солдат, которые добровольно жертвовали своими средствами и своей жизнью, чтобы вознести тебя на императорский трон, и отдали тебе свое оружие как доказательство своей верности и привязанности. Ты отказался от их предложения, предпочитая умереть простым дворянином, чем завоевывать страны путем гибели стольких подданных. Этот поступок стоит всех империй мира. Потомки отдадут тебе предпочтение перед лаврами Цезаря, поскольку многие последуют твоему примеру, но твоя благородная доброта останется в веках неповторимой. Стоит ли монархам добиваться власти путем жестоких кровопролитий и побоищ? Это абсурдно. Они же не разбойники. Это Богоизбранники, представляющие Бога на земле, благодетели народа, предназначенные для того, чтобы лечить, а не ранить и убивать народ, чтобы строить, а не разрушать. Но предположим, что война была необходима для создания монархии. Теперь же, когда монархия установлена, нет необходимости в том, чтобы заливать мир кровью. Стоит ли отправляться на поле боя, а затем, не нанося удара, ранить честь командующего суверена, которого нашли с таким трудом, если мало вероятно, что будут исполнены их желания. Как они стремятся к тому, чтобы любой ценой достигнуть победы. Это слишком большая цена для сохранения монархии, когда твердо знаешь, что почести непосредственно и крепко связаны с войной, а выгода от этого более чем сомнительна, поскольку на двух солдат, которые обогащаются во время войны, приходится пятьдесят, получающих только ранения и неизлечимые болезни. Что же касается государей, то они истощают свою казну. Филипп II, король Испании, израсходовал миллионы золотых монет и добился таких незначительных успехов в войне, так что его пример послужит уроком его последователю, чтобы он стремился с пользой заключить мир, вместо того чтобы вести бесполезные войны. Единственный, кто может гордиться своими военными подвигами, — это великий государь Франции. Кроме того что все его подданные — профессиональные военные, его военные походы осуществлялись так успешно, что в настоящее время не существует монархии, равной его государству. Тем не менее посмотрите, чего он достиг в течение последних лет. Он не делал ничего другого, как только защищал свою страну. Он был доведен до крайности своими собственными вассалами; надо было думать о том, как сохранить себя, а не о новом завоевании, учитывать, что если военная сила установила монархию, то эта же сила может ее

сокрушить, несмотря на то что государь, кажется, достиг самого высокого уровня могущества и величия. В то же время христиане не лучшим образом осуществляют свои завоевания. Поэтому им сопутствует неудача. Если они добиваются какой-либо победы, то не наслаждаются ею долго. Турки же, напротив, удерживают завоеванное ими и не допускают того, чтобы их легко вытеснили из завоеванных владений. Я сравниваю эти два народа, поскольку они считаются естественными врагами и разделили почти весь мир на две части по причине различия их религий. Таким образом, если бы они смогли прийти к соглашению, это было бы огромным достижением на пути к всеобщему миру. Поскольку христиане-государи, примирившись с мусульманами, еще охотнее придут к соглашению с представителями других религий, французский государь, заключив соглашение со всеми христианами, легче установит контакт с государем Персии или Татарии. Что же касается язычников и евреев, то я полагаю, что они не откажутся быть включенными в этот общий договор о мире. Трудность заключается в претензии некоторых суверенов, которые лишены своих владений или части государств. Это становится одной из распространенных причин войны, когда государь обращает свое оружие, чтобы вернуть свои прежние владения и отомстить за причиненное ему зло. Но если рассмотреть происхождение таких империй и королевств, то можно прийти к заключению, что подобные претензии имеют слабое основание, поскольку монархии не приобретаются, как всякое другое наследство. Они идут непосредственно от Бога и устанавливаются только согласно Его провидению, раздающему скипетры и отнимающему их, когда Ему кажется, что монархи не достойны их иметь. Существует много свидетельств, доказывающих правоту этого положения и являющихся ему подтверждением. Это особенно касается римского императора. Кто, как не он, может сожалеть по поводу того, что большинство современных государств основаны на руинах Римской империи?⁵ Однако он вынужден довольствоваться тем, что ему осталось, и вспоминать, что его империя обогащалась за счет ограбления всего мира и продемонстрировала храбрость всем народам, которые впоследствии захватили значительную ее часть. Нет необходимости называть других государей, которые напрасно стремились вернуть себе те владения, которые были ими утрачены. Этот факт доказывает, что королевства, как и отдельные люди, имеют свое рождение,

⁵ Речь идет о Священной Римской империи германской нации (962–1806), постепенно превращавшейся в ходе Тридцатилетней войны (современником которой был Э.Крюсе) в конгломерат независимых княжеств.

развитие, расцвет и упадок. И не стоит самообольщаться и говорить, что Бог поощряет справедливые действия, поскольку это означает проникновение в тайны провидения, чтобы убедить себя, что Бог будет благоприятствовать скорее нам, чем кому-либо другому. Надежда на это воображаемое благоприятствование заставляет предпринимать войны многих государей, предполагающих, что у них есть на это право, и воображающих, что Бог выбрал их, чтобы уничтожить державу, которую они считают несправедливой и тиранической. Они оказываются очень далеки от своих расчетов: ради одного лье страны, которую они хотят завоевать как узурпаторы, они теряют пятьдесят своих и подвергают опасности свое государство, а некоторые оставляют там честь и жизнь. Достоин похвалы тот государь, который доблестно противостоит тому, кто хочет принести горе в его страну. Но с тех пор как они полностью лишились своих владений и из-за военной слабости оказались неспособными вернуть свои владения и почести, они должны уступить. Я утверждаю, что это нужно людям, а не Богу, который ревниво наблюдает за монархиями как за Своими самыми совершенными творениями, образы которых Он создал по Своему величию и по характеру Своей добродетели. Однако Он объявляется покровителем всех видимых владений, особенно с тех пор, как государи прочно утверждают в них. Те же, кто на них нападает, не достигнут ничего.

...Не во власти человека разрушить божественно установленный порядок, каким являются монархии. Государи, интересы которых разрушают государство, ослабляют его, должны сознавать, что Бог не будет содействовать их притязаниям: если он передал скипетр в другие руки, то он сделал благодеяние их предшественникам, восстановив их земли и дав им могущество, чтобы они могли бы воспользоваться ими по своему усмотрению, а не иначе. Пусть они не жалуются на всеобщее зло, происходящее в государстве; пусть не обвиняют никого в узурпации, которая осуществляется по Божьей воле; пусть откажутся от своих бессмысленных надежд и от желания мести, которую они не могут осуществить. Они должны выбрать другой путь: если раньше они обращались к оружию, то теперь они должны обратиться к арбитражу всемогущих и суверенных государей. Сделав это, они обретут дружбу себе подобных, защитят себя от своих врагов в случае, если не захотят подчиниться приговору третьей стороны. Если государь признает решение третьей стороны, который активно участвует в делах враждующих сторон, это несомненно умножит его величие. Ведь добровольное принятие арбитров — вещь, когда-то практиковавшаяся и практикуемая доньше монархами. Если будут мирно завершаться ссоры, возникшие из-за владений государей-сувере-

нов, то будет легче решить и другие споры, вести дебаты, которые происходят между великими мира сего из-за границ их владений, денежных доходов, податей и других менее важных дел, как, например, некоторые оскорбительные действия или слова, вызывающие часто жестокие войны из-за погрешности или промаха третьих лиц, которые могли уладить разногласия, используя при этом некоторые честные сатисфакции, чтобы удовлетворить тех, кто был оскорблен. Этой цели в значительной степени послужит всеобщая ассамблея, о которой мы будем вести речь в дальнейшем. Вот третья возможность войны, очень нежелательная. Остается четвертая, которой, я это признаю, очень трудно препятствовать, ввиду того что люди по природе, а особенно люди воинственные, не терпят покоя. Вот почему мы читаем, что столько людей когда-то покинули добровольно свои страны, чтобы участвовать в военных столкновениях в других местах; они не могли вынести, чтобы их руки онемели от их великодушия. Эта воинственность вынудила некоторых королей разрешить своим подданным искать счастья из страха, что они уподобятся древним одрисам⁶, которые наносили сабельные удары по своим собственным телам, когда у них не оказывалось врагов, с которыми надо было сражаться. Германцы тренировали свою молодежь в разбойничьих набегах, чтобы найти им занятие в свободное время. Что будет делать сегодня огромное число простолюдинов, которые слышат только пушечную пальбу, держат руку только на рукоятке своих шпиг и ходят словно по полю боя, как говорит один умный аноним? Ответ на этот вопрос предельно прост. Мир не создан для тех, кто не знает ничего, кроме как причинять зло. Королевский двор — не для них. Их всех нужно отправить к каннибалам, к дикарям, которые не являются людьми, а только имеют их облик. Достоин проклятия тот, кто ищет покоя в смуте, стремится достичь почестей, совершая подлости, и хочет проводить время в бесчеловечных поступках. Обуздайте, великие монархи, обуздайте этих чудовищных «храбрецов»! Этот дух насилия, который служит не государям, а своей удаче. Эти люди бросят своих государей в тяжелый момент и при случае их предадут. Что можно ждать от тех, кто жаждет только крови и резни? Бесспорно, солдаты нужны государю для личной охраны и защиты государства, но когда он подведет итог, чего больше он получает от этого — хорошего или плохого, то обнаружит, что намного опаснее давать им воинские звания, поскольку ум воина честолюбив и склонен к насилию и, несмотря на то что он

⁶ *Одриссы* — могущественное фракийское племя, населявшее в эпоху Великого переселения народов северо-восточную часть Балканского полуострова.

имеет, думает о том, что может приобрести. Не было ли подобных примеров в прошлом и в нынешнем веке? Римские императоры оказались в тягелом положении, поскольку они воздавали много почестей своей охране. Бунтовщики отдадут или, лучше сказать, предадут империю или расчленят ее согласно их желаниям. У них нет ни капли верности их государю, которого они ненавидят, с ним они могут жестоко расправиться, чтобы поставить на его место другого, который будет принят на таких же условиях, что и первый, т.е. он подвергнется такому же обращению, как и первый государь. Как это понравится его палачам, которые произносят смертный приговор тому, кому они подчинили свои жизни? Таким образом, государь оказывается часто во власти тех, кто считались его рабами. Какая жалость видеть суверена, вынужденного покинуть своих самых верных слуг по воле банды мятежников, которые излагают свои требования с оружием в руках и нагло угрожают своему государю, как бы он ни боролся за свою имперскую корону. Османы⁷ никогда бы не потеряли свою власть, и их империя никогда не была бы разрушена, если бы они не давали неограниченную власть янычарам⁸. Если бы они захотели создать международный орган, главной задачей которого было бы мирное разрешение конфликтов, и обсудить это вместе с другими монархами для достижения общественного мира, они не терпели бы этих заносчивых нападок, были бы лучше оснащены и вовсе не зависели бы от капризов смутьянов, которых они принудили бы принять свои требования. Император Проб, рассуждая о таком деле, говорил откровенно, что он мог бы вести свои дела таким образом, чтобы полностью обходиться без солдат. Великие государи, вам предстоит осуществить это священное решение. Все люди вообще и ваши народы в частности обязаны это делать! Нет завоеваний, которые достойны стольких аплодисментов, не существует побед, которые заслуживают стольких радостных фейерверков. Какие высокие почести могли бы вы желать, если бы увидели, как под вашим покровительством будет достигнут мир во всем мире? В хроники ваше имя будет вписано золотыми буквами. Будут благословлять ваше царствование как начало или возвращение счастливого века. Не будут больше говорить о завоеваниях Александра Македонского и триумфальных победах Цезаря, о стратегии Ганнибала и Сертория. Будет признано, что тщеславие этих людей основано на убийствах и грабежах, о чем они должны были бы постоянно сожалеть и испытывать из-за этого беспрестанный стыд. Нуж-

⁷ Османы — династия турецких султанов (1299/1300–1922).

⁸ Янычары — турецкая регулярная пехота, созданная в XIV в.

но показать потомкам подлинный облик и «божественность» этих бравых героев, которые проявили чудовищную бесчеловечность и варварство, а несправедливость подчинили законам справедливости. Но этот прекрасный замысел нельзя осуществить жестокостями, кровавой резней и враждебными действиями, его можно достигнуть лишь при помощи доброго правительства, осуществляющего законную власть и порядок, власть, которая четко отличается от разбойничьего, тиранического, полного смут и треволнения, недолгого по своей продолжительности.

Нельзя считать, что величие короля определяется размерами его монархии. Агесилая называли великим государем. Можно ли быть более великим и более справедливым, чем я, говорил он. Подлинное величие государя заключается в полном повиновении его подданных и в неуклонном процветании его государства, что не может осуществиться, если он ввяжется в войну, которая принесет большой ущерб ее участникам, а одновременно ослабит повиновение и уважение к государю. А это размахивание жезлом в мирное время, которое вынуждает государя лстить своему вассалу и давать простому солдату множество прекрасных обещаний! С какой целью делаются эти позорные уступки? Чтобы посягать на имущество своего соседа, чтобы наводить ужас на других. Если сила вашей храбрости зовет вас к обретению более высоких благ, если вы не можете удовлетворяться имеющимися владениями, все же всеми средствами постарайтесь убедить себя в необходимости остаться в их границах и ни под каким предлогом не переступайте их. Ограничьте вашу территорию таким образом, как это сделал мудрый Нума Помпилий, издав от имени Бога указ, запрещающий пролитие крови. Август продолжал ту же политику и добровольно установил границы своей империи, ограничив таким образом свои собственные притязания. Этот император наглядно показал, как нужно использовать воинов: после того как он установил мир, он построил крепостные гарнизоны на границах, кроме того, он держал два хорошо оснащенных флота на пограничных морях; в случае надобности их можно было быстро использовать. Этот пример противоречит тем, кто утверждает, что ценности вырождаются в период всеобщего мира. Я мог бы им ответить, что весь мир согласен с тем, что главное, о чем только и нужно заботиться, — это остерегаться войн; лучше быть трусливым, чем жестоким и варваром. Сумели же римляне навести порядок и помешать распространению трусости и слабости в мирное время. Они организуют турниры, соревнования в стрельбе, наземные и морские военные учения, чтобы быть всегда готовыми к серьезным сражениям, а также чтобы избежать скуки, которую приносит долгое бездействие. Поскольку каждый

человек деквалифицируется, если он не занимается своим ремеслом, то солдату, который не знает другого ремесла, кроме военного дела, необходимо дать возможность обучать новобранцев, чтобы он мог сохранять свои профессиональные знания, проверять свою силу, выносливость, ловкость, сноровку и делать это с честью для себя, не убивая никого. И, видя всеобщее одобрение и понимая, что требуется от них, они охотно устраивают представления. Эти военные тренировки теряют свою привлекательность, если солдаты начинают сражаться умышленно. Охота на зверей помогает преодолеть нестерпимую скуку. Охота — благородное упражнение, очень подходящее для военных, особенно высокой квалификации. Я ставлю в один ранг со зверями дикарей, которые вовсе не обладают разумом. Они предоставляют справедливый повод для войны против них, так же как против пиратов и воров, которые не знают ничего другого, как только совершать грабительские набеги. Вот где можно на законных правах использовать солдат, которым не будет оснований жаловаться, поскольку они всегда будут нужны для поддержания мира и сохранения короны государя, который не может править, не имея в своем распоряжении армию. Исходя из этого, не следует относиться с презрением к тем, кто имеет эту профессию, напротив, следует награждать их некоторыми привилегиями и предоставлять им средства к жизни, чтобы избежать недовольства. Если же состояние государственных финансов не позволяет предоставить им эти свободы, то можно в этом случае использовать два способа. Первый состоит в том, чтобы уволить из армии часть военнослужащих, оставив только наиболее сильных и способных к военному делу, следуя примеру Юлия Цезаря, который намного уменьшил число граждан, находящихся на содержании республики, сократив их до ста пятидесяти тысяч. Второй способ заключается в том, чтобы ввести особый налог на содержание жандармерии, который несомненно охотно бы поддержал весь народ и вовсе не сожалел бы об этом, поскольку это необходимо для сохранения мира, дабы граждане могли избежать утеснений и грабежа солдат, которым мало платят. Отрегулированное содержание жандармов — залог мира, но это трудно осуществить, их оплату будут задерживать, к тому же она у них будет неодинаковая. Однако этих людей нужно держать в узде и следить за тем, чтобы их безделье не порождало смуту. Особенно следует остерегаться населения городов, которым трудно управлять. В то время как сельские жители в большинстве своем заняты и озабочены содержанием своего хозяйства, в городах можно видеть множество бездельников (иногда вынужденных), которые не знают, что им делать, и ищут, к кому бы придаться. В Риме орудует много таких кана-

лий, которые живут как им вздумается, согласно своим пристрастиям, и часто в сердце города для развлечения они начинают грабить, убивать и сеять смуту. Чтобы предотвратить это зло, необходимо обновить древний обычай афинян и египтян, которые заставляли каждого гражданина отдавать отчет в том, что он делает, и наказывали тех, кто живет, не работая. Еще китайцы не выносили бездельников, сознавая, что они становятся ворами, убийцами и гуляками. Государь Гиппарх возмутился, когда увидел нескольких мужчин, пребывающих в безделье; он заставил их работать, и, чтобы у них не было оснований отлынивать от работы, он предоставил им землю и быков. Сельское хозяйство и торговля — две необходимые и не менее почетные профессии. И та и другая требуют трудолюбия, смелости, умения, сноровки. Сельское хозяйство кормит государство, торговля его расширяет. Недостойно полагать, что эти профессии — рутинные, что они унижают благородных людей. Римские патриции своими руками держали плуг, имели сельскохозяйственные фактории в различных провинциях, результаты их труда шли в торговый оборот. Множество государей имеют свои корабли на морях, которые они посылают в другие страны, извлекая при этом большую прибыль. Нельзя пренебрегать и купцами, особенно теми, кто принимает благородное решение совершить рискованные путешествия, чтобы обогатить себя и свою страну. И нельзя делать одно без другого, ведь народ состоит из богачей и бедняков. В данный момент многие государи имеют своих вассалов на море, которые плывут в другие страны, принося тем самым значительную прибыль. Благополучие монархии не зависит от количества духовных лиц даже самого высокого ранга, как бы их достоинство ни было велико и необходимо для того, чтобы привлечь благословение неба. Благополучие государства не зависит также от чиновников и судебных исполнителей, число которых превышает потребность в них во многих местах. Короче говоря, нет профессии, которую можно было бы сравнить по ее полезности с профессией торговца, законно увеличивающего свои средства за счет своего труда и часто с риском для жизни, не причиняя при этом вреда и не оскорбляя никого, в чем он достоин больших похвал, особенно если сравнить его с солдатом, чье выдвижение основано на пепелище и на руинах других народов. Чтобы устранить бездельников и предотвратить крамольные мысли, которые возникают в умах ничем не занятых людей, нет лучшего способа, как привлечь их к торговле, к обучению различным видам ремесел. Кир, желая предотвратить смуты в Лидии, побуждал свой народ посещать театры, зрелища и питейные заведения; напротив, чтобы сделать народ активным и трудолюбивым, необходимо открывать лавки и развивать

торговлю, независимо от того, что является предметом торговли. Но ни крупные, ни мелкие торговцы не возьмутся за это дело охотно, если не будут созданы благоприятные условия, ведь они, как никто другой, облагаются высокими налогами. Вполне естественно, что государь извлекает доходы от торговли, которая совершается в пределах его владений, а также выходит за пределы его государства, но он должен устанавливать эти налоги умеренно, насколько это возможно для него, и особенно развивать торговлю, необходимую для жизни, например зерном, вином, солью, мясом, рыбой, шерстью, тканями, кожей, с целью чтобы торговцы передвигались со своим товаром более свободно и чтобы люди могли приобретать все это по недорогой цене. Благодаря этому все были бы довольны, и вместо того, чтобы роптать на государя, ему желали здоровья и называли бы его земным Богом, благословляя его тысячи раз и проявляя свою доброжелательность к нему таким образом, что ему не понадобятся больше солдаты, настолько он будет чувствовать себя уверенно в своем государстве. Что касается иностранцев, то с ними он договорится согласно положениям королевского ордонанса, если они не будут слишком требовательными, к тому же необходимо преодолеть их недоверие. Если это удастся сделать, то мы сможем достигнуть всеобщего мира, прекрасным результатом которого будет установление коммерции, и государи должны позаботиться о том, чтобы их подданные смогли безо всяких опасений торговать как на море, так и на суше, и чтобы каждый мог свободно вести торговлю в своем государстве. Но чтобы успешно начать торговлю, необходимо позаботиться не только о больших, но и о маленьких реках, сделать их судоходными, чтобы они были способны пропускать корабли, поскольку это создает удобство для торговли. В тех же государствах, где нет рек, нужно создавать искусственные водные пути, как у брабантцев, которые вырыли каналы от Брюсселя к Леско, чтобы облегчить сообщение с Анвером. Существует много прекрасных рек во Франции, которые служат только для того, чтобы в них топили ценности, как это продемонстрировал на совете король Карл IX, который решил пойти на это, если произойдут смуты, могущие разрушить его планы. Между тем можно предложить способ и за короткое время соединить несколько судоходных рек. Средства и затраченные труды быстро окупятся. Но еще более полезно для общего судоходства было бы соединение двух морей. Это можно сделать только тремя способами. Когда-нибудь они осуществляются с большой смелостью и результатом: для этого нужно прорыть канал в перешейке между двумя морями; или реку, впадающую в одно из морей неподалеку от другого моря, соединить с ним каналом; или же соединить две реки, которые впадают

в разные моря. Первый способ практиковался царем Деметрием и императорами Юлием, Калигулой и Нероном, которые пытались перерезать перешеек, отделяющий Эгейское море от Ионического, но им не удалось этого добиться. Второй был применен Птолемеем, который вырыл огромный водоем между Нилом и Красным морем, но бросил это дело, поскольку его предупредили, что море находится на большей высоте, чем Египет, и вследствие этого вся его страна будет затоплена. Турки возымели то же намерение, чтобы облегчить себе дорогу в Индию. Этот способ удался Карлу Великому, соединившему реки Альмону, Раданцию во Франконии, из которых одна впадает в Дунай, другая соединяется с Майном и Рейном и впадает в Балтийское море. Благодаря каналам не будет много пересадок и бесконечного числа рискованных и неудобных способов передвижения из одного моря в другое. Конечно, риск есть, и труд может быть затрачен напрасно, ведь если долго будут идти дожди, то выстроенный водоем превратится в трясину; навигационные планы не осуществляются, если в Германии не будет установлен мир. Но существует другое место, где можно соединить два моря: а именно в Лангедоке, если прорыть канал от Ауды, которая проходит через Нарбонну в Средиземное море, до Рейна, который сливается с Гаронной и впадает в Атлантический океан. Французский король первым намеревался обязать своих подданных осуществить эти планы, которые принесли бы ему не меньше славы, чем его победы, если бы смерть не лишила его этих почестей. Таким же способом будет легко сократить путь от Каспийского моря к Черному, прорыв небольшой участок между Доном, впадающим в Азовское море, а затем в Черное, и Волгой, которая впадает в Каспийское море, поскольку эти две реки очень близко приближаются друг к другу. В этом месте торговля между Москвой и Индией происходит наиболее оживленно. Я признаю, что подобные сооружения очень величественны и трудоемки, но они достойны великих монархов, которые должны использовать время, когда нет войн, на самую важную деятельность — на успешное осуществление торговли. Какое удовлетворение испытали бы мы, когда увидели бы людей, свободно передвигающихся из одной страны в другую, свободно общающихся между собой без всяких церемоний, характерных для разных стран, без всякой щепетильности, без различий между разными странами, существующими на земле; ведь земля для всех является общим домом. Только дикари и воры могут помешать такому великому благу, но не исключено, что, оказавшись в одиночестве, они подумают о своей совести. Если они захотят вести свой прежний жестокий образ жизни и согласованное сопротивление всех народов не сможет им противостоять

(когда это будет доведено до их сведения), то их нужно изолировать, взять в плен и убить как диких зверей в их логовищах. Война против них всегда будет благим действием, если их не удастся вернуть к разумной жизни. Что же касается воров, совершающих преступления на суше, то их легко укротить силой или голодом, отрезав им пути к добыванию средств к жизни, если они заберутся в труднодоступные для проникновения места, которых существует множество. Пиратов труднее настичь из-за огромной протяженности морей, которые служат им убежищем. Чтобы покончить с ними, нужно разработать два противоположных способа борьбы с пиратами и разбойниками. Это — либеральность и насилие. Помпей практиковал и тот и другой способ в борьбе против морских разбойников, которые держали в подчинении все судоходство Средиземного моря, что привело к тому, что в Италии обнаружилась нехватка продовольствия и вещей. После того как Помпей снарядил большое число кораблей и организовал погоню за пиратами, в ходе переговоров он заставил их принять условия, которые он им предложил, — освободить порты, которые они занимали, вытеснить их из различных мест, отдав им земли, чтобы они ими владели, а также уничтожил их объединения: благодаря сплоченности пиратские банды чувствовали себя непобедимыми. Если государь и сильные мира сего объединят свои интеллектуальные усилия, они смогут за короткое время очистить море от этих бандитов. Пираты — это позор, который монархи не терпят, но отдают им на откуп даже такие важные места, как Алжир и Сомали. Великий государь французский знает, что он извлекает мало выгоды и еще меньше чести из этого, хотя эти люди могут оказать ему услугу в случае нужды, но ему более пристойно охранять свои города с помощью смелых и благородных солдат, чем объявить себя открытым защитником пиратов. Более того, всеобщий мир освободит его от этой зависимости, и другие монархи используют со своей стороны все свое могущество, чтобы уничтожить пиратов. Но я полагаю, что вначале следует прибегнуть к более гуманным способам для устранения воров и бандитов, предоставив им возможность заняться честным трудом. Бедность принуждает некоторых людей совершать незаконные действия; если устранить эту основную причину, то они будут жить, подчиняясь всеобщим законам. Необходимо назначить им пособие, дать наследственное имущество. Так много земель, бесполезных из-за того, что их не обрабатывают; их достаточно, чтобы прокормить огромное число бедняков. Имеются бесплодные долины, которые могут превратиться в цветущие земли, если создать систему орошения путем проведения каналов. Подобное уже было, когда римляне нанимали множество людей для рас-

чистки и осушения огромных болот, которые имелись по дороге к Неаполю. Но они слишком пассивно вели работу, так что эти места и до сегодняшнего дня полны ила и тины, а ведь они могли быть преобразованы в прекрасные луга или плодородные земли, если бы люди по-настоящему там работали. То же самое можно сказать и о заболоченных и пустынных землях Лангедока, Прованса и других кантонов Французского королевства, которые свидетельствуют о плохом хозяйствовании или о небрежности французов.

...Если и существуют трудности, то они могут быть преодолены с огромной затратой энергии. Нет ничего невозможного, когда это зависит от рук и мастерства человека. Египтяне затратили много времени и денег только на то, чтобы построить пирамиды, которые предназначены для демонстрации их мастерства. С большим основанием следует приложить усилия к тому, чтобы сделать плодородными бесплодные поля для облегчения жизни множества бедняков. Если же нет другой возможности, чтобы по взаимному соглашению пойти на мировую с пиратами, то их следует склонить к тому, чтобы они взяли земли, которые нужно обрабатывать, и обеспечить им право прямого наследования земли, а за это им платить небольшую ренту в качестве поощрения. Хотя эта сумма будет оплачиваться из общественных фондов, но она принесет и пользу. Иногда мир с врагом покупается очень дорого. Почему бы не предотвратить злые намерения этих людей, которые объявляют войну всему миру, при помощи честной щедрости, которая смягчит их сердце, умерит их дерзость и вернет их к спокойной жизни. Существуют такие естественные явления, как, например, те две скалы, которые не двигаются со своего места, когда их грубо толкают, но если к ним прикоснуться кончиком пальца, то их можно поколебать. Так же и многих людей можно исправить добротой, в то время как никакой силой их нельзя изменить. Нет более прекрасной и более надежной победы, чем победа милосердия и великодушия. Правителя никогда не будут порицать, если он таким способом извлечет пользу для своего народа и для себя. Султан Сулейман предпринял шаг большого политического значения, добившись согласия с главарями пиратов Драгутом и Барбароссой. Он принял их в своем Государственном совете, предоставил им земельные владения и почетные должности, заключил с ними мир; вскоре вместо опасных врагов он получил добрых друзей. Этот способ повернуть пиратов на стезю добродетели достоин похвалы, поскольку за ними могут последовать другие, и, таким образом, страх и отчаяние не будут побуждать их к свершению еще более тяжких преступлений. Если же некоторые из пиратов будут продолжать

грабительские набеги, то их нужно карать без малейшего милосердия. Для этой цели каждый правитель должен иметь в своем распоряжении несколько вассалов, в обязанности которых входит борьба с этими морскими чудовищами. Август старательно этого придерживался, поскольку помимо вассалов, которых он имел в портах Остии и на Рейне, Дунае и Евфрате, он содержал две большие флотилии: одну в Мессине, которая охраняла берега Франции, Испании, Африки, Египта, Сардинии и Сицилии, другую в Равенне, где он имел флот, который направлялся в Грецию и на Восток. Речь идет не только о монархах прошлого времени, которые обеспечивали безопасность морских дорог. Для них это было и почетно, и выгодно. Король Испании, например, тоже об этом заботится, поскольку его лейтенант Де Гоа все время находится в плавании по Индийскому океану с военной флотилией, чтобы пресекать разбойничьи действия пиратов; с этой же целью он содержит значительный военный гарнизон в городе Сан-Доминик, который благодаря удачному расположению властвует над всем морским пространством Нового Света. И другие государи могут избавить берега своих стран от разбоя и грабежей, и, таким образом, развитие торговли будет обеспечено, и граждане будут иметь прекрасные условия для торгового обмена как морским, так и сухопутным путем. Если кто-то не чувствует призвания и способности к торговле, то существуют другие профессии, которые широко распространены среди низших слоев. Однако из-за этого не следует относиться к ним с пренебрежением, поскольку архитектура, живопись, золотые и серебряные изделия, часы, шелк, полотна и другие искусства, которые мы называем механическими, вовсе не уступают в изобретательности или изяществе свободным искусствам, а в утилитарности их превосходят. Вот почему хорошо было бы поощрять ремесленников, предлагать им вознаграждение и назначать во всех городах официальных лиц, которые регистрировали бы имена тех жителей, кто блестяще проявил себя в каком-либо мастерстве, чтобы им было предложено вознаграждение согласно их способностям. Их искусство нужно демонстрировать в присутствии опытных в данной области мастеров. Подобная политика будет способствовать развитию духовной творческой активности. Она отвлечет людей от праздности и даст им возможность полнее проявить свое призвание в надежде быть щедро одаренными в случае, если они будут хорошо выполнять порученное им дело. Особенно им будет лестно, когда они увидят, с каким вниманием правительство ждет развития их профессионального мастерства, ибо ничто так не способствует развитию добропорядочности или мастерства, как вознаграждение, полученное ими от общественных властей. Тогда люди, вы-

полняющие одинаковую работу, будут больше удовлетворены ею: каждый приложит все усилия к тому, чтобы превзойти своего компаньона, чтобы о нем заговорила молва и он получил бы свидетельство о том, как высоко его мастерство. Однако мы еще не дошли до того, чтобы увидеть такой порядок вещей. Искусными ремеслами пренебрегают, и в частности само государство. В нашем веке почти нет способа достичь среднего благополучия путем выполнения какого-либо частного ремесла. Человек, владеющий мастерством, какими-либо выдающимися знаниями или искусством, являющимися его призванием, рассматривается только как подмастерье и не знает, к кому он должен обращаться, чтобы заработать себе на жизнь, если он не имеет никакого другого заработка, который бы соответствовал его достатку. К кому должен он обращаться? К себе подобным? Зависть помешает им желать ему добра, а когда он овладеет мастерством, то ему будет необходимо достать денег, чтобы ему присвоили звание мастера. В противном случае он не получит разрешения содержать мастерскую. Такое положение, несомненно, способно уничтожить все виды прикладных искусств, сделать многих людей ни к чему не способными. И они предпочитают бродяжничать, служить посыльными или попрошайничать, а не работать, видя, в каком плачевном состоянии находится хороший рабочий или искусный ремесленник. Нужно заботиться о развитии прикладных ремесел, способствовать проведению в жизнь вышеуказанных регламентаций, чтобы простой народ посвятил себя этому делу в надежде получить прибыль и средства, необходимые для жизни.

Поскольку Ликург был совершенно лишен мудрости и не поощрял ремесла и развитие торговли среди своих граждан, то им не оставалось ничего другого, как браться за щит и меч. Это приводит к тому, что общество подвергается насилию, лишается прекрасных изделий и даже самых необходимых вещей. Такие порядки годятся только для республики зверей, которые имеют лишь зубы и когти. Нума поступил более мудро, когда разделил народ Рима по фратриям и развивал там множество ремесел, полагая, что население города должно состоять из ремесленников и торговцев, что без них государство не может жить и терять свой облик. Я предлагаю вам подумать о том, в каком трудном положении мы оказались бы, если бы не имели трудолюбивых граждан — виноградарей, ткачей, кожевников, кузнецов, жестянщиков, врачей, маляров, плотников, литейщиков, сапожников, сукновалов, канатчиков, золотых дел мастеров, гончаров, токарей и других подобных рабочих, которые не только удовлетворяют наши потребности, но и обеспечивают нашу жизнь. Говорить, что призвание к этим профессиям достойно

рабов, как это утверждал Ликург, — глупость, потому что благоразумный и доброжелательный человек никогда не пренебрегает вещами, без которых он не может обойтись. И зачем пренебрегать художественными промыслами, особенно теми, которые помимо прибыли демонстрируют мастерство, умение, доставляют удовлетворение? Впрочем, не положение обеспечивает почет человеку, а скорее человек делает почетной свою профессию, как говорил Эпаминонд, когда ему давали постоянные поручения, мало соответствующие его истинным способностям.

Однако авторитетные люди ради облагораживания своей расы, ради развития тонкости своего ума должны больше заниматься науками, и особенно теми, которые полезны для жизни — такими как медицина или математика. В отношении этих наук нельзя слишком рассчитывать, рассматривая объем их предмета и значение их для практики, что дети смогут их усваивать с уверенностью и доказывать их с легкостью. Что же касается медицины, то, хотя многие ее отрицают, полезность ее очевидна; и хотя нападки на нее будут продолжаться, найдутся сотни людей, которые выдвинут ответные аргументы для ее защиты. Посмотрим на другие науки. Теология превосходит наши способности. Диалектика — не что иное, как прикладная наука, подчиненная другим наукам. Физика дает знание природы, которое зависит от опыта. Риторика бесполезна. Юриспруденция больше не является необходимой: добросовестное судебное разбирательство на основе естественного права достаточно, чтобы вести процесс, не обращаясь к множеству законов и решений, которые запутывают причины, вместо того чтобы их выявлять. Грамматика, поэзия и история скорее демагогические, чем полезные, науки. Таким образом, среди важных наук медицина и математика занимают первое место по своей общественной полезности, и поэтому они достойны уважения и одобрения. Но это не значит, что нужно предвзято относиться к другим наукам, которые также играют большую роль. Вот науки, которыми правители должны заставить заниматься своих подданных, чтобы, найдя для себя полезное занятие, они не развлекались бы, тревожа общественный покой. И, таким образом, мы ликвидировали бы причины и поводы для войн. Можно здесь привести и другое соображение. Это недружелюбие и, можно сказать, антипатия, которая существует между различными народами как результат их древних раздоров или различия их религий. Разве это можно, скажет кто-нибудь, согласовать интересы народов, которые разъединены по своей доброй воле, по эмоциям так, как турки и персы, французы и испанцы, китайцы и татары, христиане, евреи или мусульмане? Я говорю, что такое недру-

желюбие есть не что иное, как политическое явление, и не может помешать объединению, которое существует и должно существовать между людьми. Расстояние, местоположение, разделение жилищ вовсе не уменьшают близость людей по крови. Они не могут лишить людей естественного сходства, истинной основы дружелюбия, человечности. Почему я, являясь французом, должен желать зла англичанину, испанцу или индейцу? Я не желаю этого, когда я думаю о том, что они такие же люди, как и я, что я подвержен, как и они, ошибкам и греху, что все народы связаны едиными естественными узами, и, следовательно, они нерасторжимы. Что делать, если один человек не признает другого — иноземца, поскольку это не соответствует общественному мнению и тем нравам, которые он унаследовал от своих предков? Я скажу то же самое и в отношении религии, которая будоражит людей: так их восстанавливает друг против друга, что, когда христианин встречается еврея или мусульманина, он думает, что он «осквернен» их видом, воображая, что видит демона; мусульманин и еврей платят ему тем же, испытывая такой же ужас при виде христианина или язычника. Я указал на эти четыре религии в первую очередь потому, что они наиболее распространены и все другие религии от них зависят. Христиане хулят мусульман за их предрассудки и смешные верования, те в свою очередь обвиняют христиан в богохульстве, безжалостности, говорят о них всегда только с презрением. Язычники же кичатся своей древностью, считают себя счастливыми, поскольку упорно придерживаются жертвоприношений. Евреи смеются над всем этим, и хотя их ненавидят и преследуют во всем мире, тем не менее они извлекают из этого доказательство о благословении и божественном покровительстве, считая себя Богоизбранными, поскольку, среди огромного числа врагов и столь преследуемые, они сохранили себя и сохраняют до сих пор, несмотря на притеснения и нападки, которым они подвергаются. Историки хвалят мессинцев за то, что они, найдя убежище в чужой стране, на протяжении трехсот лет несколько не изменили ни свой язык, ни старинные обычаи. Следует еще больше удивляться евреям, которые на протяжении стольких веков постоянно и настойчиво придерживаются верований и обычаев своих отцов. Все эти религии основываются на священных доказательствах и на чудесных явлениях, и каждый предполагает, что его религия — самая лучшая. Я не пытался изучать эти различия. Человек более некомпетентный, чем я, столкнется с очень большими трудностями в изучении различий между религиями. Единственное, что я могу сказать, так только то, что все религии преследуют одну цель — признание и обожание Божества.

И если некоторые не находят правильного пути к этому или законных средств — это скорее из-за их злого умысла. Они скорее достойны сожаления и сочувствия, чем ненависти. Имеет ли смысл объявлять войну из-за различия в религиозных церемониях? Я не буду говорить о религии, поскольку основное ее проявление заключается в поклонении Богу, что требует скорее человеческого сердца, чем внешнего культа и жертвоприношений, в которых так много парадности. Это не значит, что я призываю пренебрегать такими обрядами, но я утверждаю: мы не должны преследовать тех, кто не хочет соблюдать наши религиозные обряды. По закону Моисея запрещено хулить чужих Богов, и в храмах Соломона принимались жертвоприношения от идолопоклонников. В настоящее время люди уничтожают тех, кто не разделяет их веру. Они подвергают их судилищам и приговаривают не к обычным казням, а к вечным мучениям. Сострадание — слишком хорошее дерево, чтобы давать столь плохие плоды, как злоба, вражда и взаимные оскорбления. Эта добродетель, как и все другие, должна сопровождаться благоразумием, страхом, чтобы с нами не случилось то, что произошло с персонажем Апулея, который, намереваясь превратиться в птицу, превратился в осла. Таким образом, в то время, когда мы пытаемся подняться на небо при помощи религии, мы погружаемся в тупоумие и жестокую бесчеловечность. Я не обвиняю никого и не выделяю ни одну из религий. Бывает, что некоторые могут быть сопоставлены с друзьями Одиссея, которые думали, что нашли богатый клад, а это был лишь шар, наполненный ветром. Приворотное зелье ослепляет каждого человека и превращает его в Нарцисса наоборот: он теряет любовь к самому себе. Как поется в пастушеской песне, «часто безобразное влюбленному кажется прекрасным». Если бы мы были довольны тем, что мы любим, наши обычаи не вызывали бы ни удивления, ни сожаления, но в этом мы отличаемся от других влюбленных, которые вовсе не желают изменения объекта их любви. Мы же, напротив, хотим, чтобы наши убеждения охватили весь мир, поскольку для нас они непогрешимы. Этот порок присущ простым людям, которые никогда не пересекали окраину своего города. Они думают, что все должны жить, как они, признавать только их обычаи, на манер наивных афинян, которые считают, что в их стране луна лучше, чем в других. Мудрый и божественный разум проникает намного глубже и полагает, что гармония мира складывается из различных нравов, и то, что похвально в одном месте, непригодно в другом, как говорил один благородный перс Фемистоклу. ...Случается, что некоторые философы утверждают, что честность и мерзость представляют собой не что иное, как политический фантом. В этом надо серьезно разоб-

раться. Меня весьма задевает это предположение. Но прежде чем повсюду выявлять пороки, нужно посмотреть в первую очередь на свои собственные недостатки, а не подражать той фее, которая широко раскрывала глаза, когда входила в дом своих соседей, а возвращаясь в свое жилище, обращала свой взор за порог дома. И если любопытство толкает нас к тому, чтобы замечать распушенность других, то, после того как мы заклеим их недостатки, бросим по крайней мере взгляд и на то, что есть в них достойного похвалы. Не будем уподобляться Офиогену и отвечать ядом на какие-то действия. Не будем уподобляться мухам, которые садятся скорее на зараженные и шероховатые места, чем на ровные и чистые. Я думаю, что те люди, о которых говорилось выше и которые не следуют истинной религии, являются нечестивыми, что их сознание абсурдно и достойно порицания. Если же, однако, они являются такими же людьми, как мы, созданными по нашему образу и подобию и одним и тем же творцом, способными к мудрым действиям и к моральным добродетелям, то их можно сделать достойными дружбы и восхищения, если отказаться от упорных предубеждений и отрицательных эмоций. Откажемся от этих предубеждений нашего рассудка и нашего безрассудства, мешающих взаимопониманию между людьми и развитию хороших наклонностей, которыми одарена человеческая природа. Представим себе, что религия состоит не только из вероучения и внешних обрядов. Недостаточно сказать: «Я истинно верующий, я присутствую на жертвоприношениях, я участвую в общественных молитвах». Нужно быть порядочным человеком, обладать милосердием, без чего вера будет неполной. Тот, у кого отсутствует эта добродетель, не обладает религиозностью, глубоко запечатленной в сердце.

Некоторые служат Богу из чувства лицемерия, другие верят в Бога согласно существующим обычаям, но когда поклонение Богу соединено с добротой и милосердием — это признак истинно религиозной души. Набожность несовместима с озлоблением, враждебностью. Если мы идем по пути, ведущему к здравому смыслу и в добрый час, то попытаемся повести туда тех, кто не идет по этому пути, попытаемся сделать это при помощи нашего образования и хорошего примера. Не существует других способов устранить ошибки и дурные суждения, которые люди усвоили о божественных вещах. Хулить все бесполезно. Силой нельзя ничего добиться. Разве мы этого не знаем? Поистине было бы лучше, если бы существовала единая форма поклонения божеству, поскольку различия внешнего культа разделяют привязанности людей и приводят их часто к обособлению друг от друга. И действительно, мудрые правители противятся часто новым религиям, которые стремятся утвердиться, но они

укрепляют те религии, которые уже получили широкое распространение и глубоко укоренились. В первом случае правителей побуждает усердие, а во втором — их обязывает необходимость и уверенность в правильности их политики. Война резко снижает истинную религиозность вместо того, чтобы развивать ее, будучи источником всяких низостей, бесчеловечности, богохульства и атеизма, которые подталкивают государство к краху. Я не стану утверждать, как симониане⁹, что неважно, каким путем раскрывается секрет божественной сущности; еще менее хотел бы я утверждать, что религии созданы людьми, как писал один теолог, великий защитник, между прочим, католической религии. Кто может оценить все религии по одному признаку и подвергнуть три истины сомнению, если учесть, что каждый человек может заблуждаться? Конечно, существует вероисповедание, форма церемоний которого более приемлема, чем другие. Но поскольку это благословение сверхъестественное, необходимо, чтобы оно исходило от Бога, а не от людей, которые даже с помощью оружия не могут заставить поверить в самый незначительный догмат своих вероисповеданий. Они принуждают людей посещать храмы, синагоги, мечети, но в результате этого насилия они делают людей лицемерными, а не верующими. Те, кто верит в истинность религии, кто благодарит Бога за милосердие, стараются доказать это, совершая добрые дела. Те же, кто не стремится подчинить своей воле верования других людей, в этом вовсе не заинтересованы, поскольку их сдерживает неприязнительность и они не нарушают общественное спокойствие. Это та цель, которой нужно следовать. Людям не дозволено карать или исправлять изъяны веры. Это дозволено только тому, кто видит сердце и наиболее сокровенные мысли. Факты своеволия наказуемы согласно гражданским законам, предполагающим неискаженное знание, доступное только божественному суждению. Таким образом, тот, кто хочет играть на этих струнах, ничего не достигнет. Император Карл V, усердный защитник своей религии, хотел задушить лютеранство в момент его возникновения. Используя для этой цели силы Испании, Италии, Германии и Нидерландов, он выиграл битву против протестантов, захватил их предводителей в плен и нанес такой сокрушительный удар этой новой секте, что она оказалась на грани гибели. Непостижима, однако, игра фортуны. Этот Антей, который удвоил свою силу благодаря победе, оказался перед лицом нового врага в своем стане. Его сторонники восстали против него. Он оказался в трудном положении. В конце концов он заключил договор, что-

⁹ *Симониане* — религиозно-гностическая секта.

бы обеспечить свою безопасность и предоставить побежденным все, что они требовали, а именно свободу совести и вероисповедания.

То же самое произошло и с нашими королями, которые испробовали все возможные пути, чтобы объединить своих подданных на основе древней веры. Они преследовали врагов веры огнем и кровью, они стреляли в них из арбалетов в многочисленных столкновениях. Но сегодня они поняли, что легче сохранить обе религии в мире, чем продолжать религиозные войны, что разделение веры вовсе не препятствует всеобщему объединению. Таким образом, мы можем наблюдать, что турки живут мирно, хотя они допускают существование религий, противоположных мусульманской вере. Поляки не шокированы вовсе разнообразием религий, а король Испании предоставляет индейцам свободу вероисповедания. Мы приводим все эти факты, чтобы доказать, что свобода вероисповедания не может помешать всеобщему миру. Но недостаточно установить мир. Необходимо обеспечить постоянство и стабильность мира. А это чрезвычайно трудно. Поскольку чтобы заключить соглашение, необходимо не только доброе намерение, затрагивающее сердце государей, необходима убежденность в авторитетности человека, который сможет примирить всех. Часто необходимость заключить соглашение возникает после того, как люди в битвах истощили друг друга. Кажется, что доброжелательность не может быть постоянной в океане наших дел, где порывистый ветер амбиций провоцирует столько гроз. Допустим, что мир заключен на всем земном шаре. Что будет, если нашим потомкам придет в голову изменить его статьи? Изъявление воли всегда переменчиво, и действия людей нашего времени не могут обязать к чему-либо наших потомков. Чтобы поставить прочную преграду на пути распространения этих сомнений, достаточно вспомнить, что мы говорили о причинах войн, которые не настолько значительны, чтобы нарушить мир. Тем не менее для предупреждения нежелательных действий возникнет необходимость выбрать город, в котором все суверены могли бы постоянно иметь своих послов, для того чтобы возникающие противоречия можно было устранить путем обсуждения вопросов представителями всех государств в ассамблее. Послы тех суверенов, которые будут заинтересованы в том, чтобы изложить на ассамблее претензии своих властителей, и послы других государей должны обсуждать все проблемы беспристрастно. Чтобы вынести авторитетное суждение, необходимо получить согласие великих республик, которые будут также иметь в этом совете своих представителей. Я говорю о великих республиках, имея в виду Венецию и Швейцарию, а не те маленькие государства, которые не могут содержать себя и

зависят от покровительства других государств. Если кто-то будет принуждать таких высокопоставленных представителей, то он впадет в немилость всех других государей, которые найдут благоприятный способ привести его к разумению. Может быть, наиболее удобное место для такой ассамблеи — это Венеция, поскольку она является как бы нейтральной и независимой от всех государств. Венеция близко расположена к наиболее важным монархиям земли, к государству папы римского и короля Испании. Она находится недалеко от Франции, Турции, Московии, Польши, Англии и Дании. Что же касается Персии, Китая, Эфиопии, а также Восточной и Западной Индии, то, хотя эти страны очень отдалены, навигация восполняет это неудобство. Для такой важной цели не следует отказываться от столь длительного путешествия. Таким образом, я не нахожу в мире более подходящего местоположения для столь благородной деятельности, чем та страна, которая была упомянута выше. Но более значительные трудности возникнут при установлении ранга, который будут иметь вышеуказанные послы; ведь добровольно они не уступят свой ранг одному; я выскажу свои соображения по этому вопросу не потому, что я чувствую себя способным выступить в качестве арбитра, а потому, что необходимо осветить эту проблему. Каждый сможет высказать свое мнение. Если же я поддаюсь искушению моих предпочтений, то мои стремления проявятся, поскольку честь каждого достопочтимого человека коренится в преданности своей религии и своей стране. Поскольку я являюсь католиком и французом, то это вынуждает меня высказывать мнение, исходя из интересов моей страны и религии. Но не может идти речь только о том, чтобы соблюдать интересы лишь своей страны. Необходимо думать о том, как обеспечить благо человеческому обществу, членами которого мы являемся. Нельзя ни к кому относиться с предубеждением, необходимо предоставить каждому тот ранг, которого он достоин. Я буду говорить здесь беспристрастно, как если бы я находился в воображаемой республике Платона. Если какой-либо монарх скажет, что я отдаю предпочтение другим монархам, то я буду умолять его величество поверить в том, что я это сделал, не будучи осведомленным о его могуществе, и что в этом случае я примкну к наиболее распространенному и открыто выраженному мнению. Поскольку я уверен, что немногие станут отрицать величие папы римского, благодаря почестям, которые ему оказывают правители христиане, и долгу чести, который ему воздают из-за его духовного сана, а также из уважения к древнему Риму, временным повелителем которого он является, то, исходя из этого, пусть занимает он первое место на всех ассамблеях в лице его представителя. Что же касается второго места, то

нужно воздавать почести государям согласно их величию, могуществу и процветанию их монархии. Эти качества обнаруживаются у турецкого султана, и не следует отрицать, что ему надлежит занять это место. Исключительно по праву того, что он владеет городом Константинополем, резиденцией Восточной империи, которая по значимости равна Риму. Эти рассуждения ведут к тому, что император-христианин, который хотел бы оспорить это право у турецкого султана, удовлетворится третьим рангом так же охотно, как другие монархи предоставят ему это место по своей воле. Хотя государи получают свои скипетры от Бога и хотя их имена являются августейшими, а их личность священной и неприкосновенной, тем не менее титул императора во все времена считался особенным и возвышенным. Следует ли напоминать, что ошибаются те, кто утверждал, что император всего лишь обыкновенный правитель, имеющий авторитета не больше, чем венецианский дож. Чтобы подтвердить сказанное, приводятся примеры из жизни двух или трех императоров, которые были лишены трона. Но этот аргумент неприемлем ввиду того, что нам известны многочисленные примеры о жизни государей, которые, лишившись своих скипетров, тем не менее были признаны как суверены их наследниками. Если несколько правителей подчинят свою власть объединенной ассамблее всех государств и если они ничего не будут предпринимать без ее совета, то из этого не следует, что они в результате потеряют свой авторитет. Так же будет обстоять дело и с монархами, если они разрешат ассамблее изучать и проверять эдикты, провозглашенные их советами или парламентами. Добровольное подчинение этим мерам не может быть достигнуто при помощи принудительного воздействия. И если кто-то из правителей покоряется из скромности или беспечности, то можно сослаться на многих других, которые, не позволяя умалять свое могущество, ведут себя иначе. Избрание императора — великая честь, но почтение, которое он воздает папе римскому, — это церемонии, которые вовсе не ущемляют его величия. Более того, когда стоит вопрос о том, чтобы обсудить закон, нужно вначале рассмотреть его истоки и первоначальные установления, а не изменения, которые в нем произошли. Если мы обратимся к древним императорам, то у нас не возникнет сомнения, что они не были суверенами. Юлий Цезарь, который первым принял этот титул, говорил, что республика ничего не стоит сама по себе и что все, о чем идет речь, должно держаться на нерушимом законе. Август был полновластным властителем, и даже народ уступил ему все свое могущество. Я скажу нечто подобное и о других императорах: если они принимают мнение сената или ассамблеи или оправдывают его действия, то это не потому, что они

принуждены это выполнять; они делают это из добродетели (истинной или симулируемой). Ведь наиглавнейшая черта суверенитета, к которому всегда стремятся все правители, — править абсолютной властью, располагать ею полностью и в свое удовольствие, даже когда речь идет о жизни своих подданных; раздавать царства и не нести за это никакой ответственности. Императоры пользуются всеми этими правами, и если они позволяют ослабить свой авторитет, это не означает, что титул, который они носят, если рассматривать его сущность, есть не что иное, как звание Верховного Главнокомандующего, как хочет нас убедить Боден. Я хорошо знаю, что так действительно было во времена римских свобод. Тогда глава армии провозглашался императором именно после того, как он одерживал несколько знаменательных побед; он узурпировал этот титул только на очень короткий отрезок времени, титул, который служил ему в качестве прозвища. Однако Юлий Цезарь, вытеснив своих врагов и овладев Римом, высоко поднял это звание и принял титул императора, присовокупив его к своему имени, чтобы придать ему значение государя-правителя. Все это принесло ему и ненависть, и недоброжелательность многих людей, как это отмечали историки. Но если говорить о нашем времени, то правителю вовсе не воздадут почестей для того, чтобы подчиниться этому государю, если его знают как простого офицера или вассала другого короля. Короли Франции в этом особенно заинтересованы, ибо держат в своей власти страну, завоеванную их оружием. Средство, при помощи которого им удастся главенствовать над другими государями, заключается, в том, что они властвуют над народом самым избранным, который когда-либо существовал в мире. Так, если бы мы говорили о древних галлах, то их завоевания известны, и племена, которые остались после них в различных регионах, свидетельствуют об их значительности. Так, если мы бросим взгляд на французов, которые являются наследниками галлов, то упоминание о них до сих пор вызывает страх, и они знамениты более, чем какие-либо другие народы, среди чужеземных наций. Кто по этой причине добровольно покинет четвертое место в ассамблее? После короля Франции я, не колеблясь, могу поставить короля Испании, который по могуществу и богатству равен самым великим государям и превосходит их по величине своих владений. Шестое место может быть оспариваемо между правителями Персии, Китая, царства пресвитера Иоанна¹⁰, турецким султаном и Великим князем Московским. Тем не менее, когда я размышляю

¹⁰ *Царство пресвитера Иоанна* — легендарное государство христиан-несториан в Азии.

о том, что Персия была когда-то всемирной монархией и что еще сегодня она владеет значительной частью своих прежних территорий, я предполагаю, что правителю Персии нужно отдать предпочтение перед эфиопами, а этим последним — перед татарами, поскольку государство этого народа основано только в течение последних трех или четырех веков, а царство пресвитера Иоанна может похвастаться своей древностью помимо других достопримечательностей, которые делают его великим. Правитель Китая после Татарии заслуживает достойного места на ассамблее суверенов по своей роскоши и еще больше по достойной политике своего государства. Князь или царь Московского государства равен ему или превосходит его по силе. Короли Великобритании, Польши, Дании, Швеции, Японии, Марокко, Великого Могола, другие монархии, такие как Индия и Африка, не должны оказаться на последнем месте. Все достойные государи, которые хранят сами свое государство и не зависят ни от кого, исходя из того могли бы оспаривать почести среди себе подобных. Однако поскольку всех их можно созвать на ассамблею, нужно сохранять порядок. Я не могу представить себе лучший и наиболее разумный способ, чем тот, который я предложил. Но если некоторые правители не будут удовлетворены, они смогут обратиться к суждению других. Это вовсе не уменьшит их авторитета, напротив, они заслуживают всяческой похвалы за то, что они добровольно подчинятся разуму. Ведь никогда не нужно утверждать, что разум находится на кончике шпаги. Такое фанфаронство присуще дикарям. Древние галлы оказались в тупиковом положении, когда они ответили римским послам, что право остается за более сильным. Роковой исход их действий ярко демонстрирует, что те, кто отвергает разум, предпочитая применять силу, попадают в конечном счете во власть своих врагов, которые обращаются с ними совершенно иначе, чем если бы они пошли на соглашение, и дают им почувствовать, что из-за своей бравады они оказались в рабском положении. Несомненно, что монарх, каким бы он ни был, не должен мешать суждению таких суверенов не только по поводу войны, но и по многим другим вопросам, которые могли бы возникнуть, чтобы можно было их решить. И когда мнения ассамблеи государей, правителей или их послов совпадают или разделяются лишь частично либо создается равновесие, что может произойти, следует призвать парламентариев от стран, которые будут иметь совещательный голос, чтобы завершить дебаты и ликвидировать противоречивые мнения путем голосования. Если же многочисленные государи, равные по своему величию, силе и роскоши, не захотят делать уступки один другому, я думаю, что в этом случае будет правильнее решить, как это делается

в некоторых случаях, что либо первый среди них, либо наиболее опытный получит власть. Для лучшего ведения дел можно было бы также взять пример с римских консулов, которые правили каждый по очереди и таким образом разделяли власть, которая предоставлялась последовательно тем, кто эту власть оспаривает. Это будет хорошим способом устранять всяческие недовольства; при этом к такому способу не будут прибегать, если между теми, кто имеет высокие титулы, возникнет согласие путем совместной договоренности.

...Неразумно, чтобы правитель города или маленькой страны вступил в противоречие на совете государства с королем Франции или Испании или с герцогом, маркизом, графом. Я уверен, что герцоги Флоренции, Лотарингии, Савойи, хотя они являются суверенами, тем не менее будут считать себя польщенными занимать место в этой ассамблее рядом с теми, кто имеет титул короля, особенно с теми, кто не узурпировал этот титул. Если же те, кто обладает близкими по значению титулами, будут оспаривать власть друг у друга, а именно герцоги, маркизы и графы, между которыми я не вижу разницы, хотя знаю, что герцог обычно почитаем больше, чем маркиз и граф (происходит часто наоборот: граф или маркиз имеет в своем владении герцогов, которые по рангу выше их), нельзя отдать предпочтение одному перед другим из-за величия их титула; нужно оценивать их по другим достоинствам: таким как репутация, древность происхождения, могущество, размеры владения. Все это является основными факторами, которые принимаются во внимание при воздаянии им почестей или власти. Согласно этому положению, монархи и императоры обсудят различия между упомянутыми правителями меньшей значимости и каждому предоставят его место, которое те примут, как это можно предположить, с доброй волей. Кто же из государей может оказаться столь безрассудным, чтобы возражать ассамблее всех государей мира? Города Греции подчинялись решениям амфикионов¹¹, и те, кто им не повиновался, вызывали всеобщее негодование не только в стране, но и за ее пределами, у чужеземцев: как, например, Филипп Македонский рассорил фокейцев¹² и воспользовался случаем, чтобы вести с ними жестокую войну, поскольку они были осуждены амфикионами. Древние государи галлов,

¹¹ *Амфикионы* — в Древней Греции религиозно-политический союз племен и городов для разрешения мирным путем взаимных споров.

¹² *Фокейцы* — выходцы из Фокиды — области средней Греции, населяли самую северную древнегреческую Ионийскую колонию в Малой Азии (IX–VIII вв. до н. э.), мореплаватели и торговцы.

хотя они имели свои владения, свой особый суверенитет, разбирали свои разногласия по совету друидов¹³, под угрозой быть отлученными и презируемыми всем народом. Тем не менее никогда совет не был таким августейшим, ассамблея такой почетной, как та, о которой мы говорим, где будут представлять послы всех монархий и суверены республик, которые будут хранителями, опорой и заложниками всеобщего мира. Чтобы лучше хранить мир, все вышеуказанные государи будут считать нерушимым законом все, что будет решено большинством голосов на вышеупомянутой ассамблее, и будут преследовать оружием всех, кто захочет противостоять этим решениям. Это сообщество, которое будет обсуждать как стремление к господству на ассамблее, так и другие вопросы, будет удерживать и тех и других в добром разуме, будет устранять всех недовольных и умирять их мирным, деликатным путем, если это возможно сделать, или же в случае необходимости — силой. Способ, при помощи которого мир установится между всеми правителями, будет достижим особенно тогда, когда он будет обеспечен в каждом государстве. Для этой цели суверены со своей стороны приложат все усилия, и у них не будет многих трудностей в том, чтобы заставить повиноваться свой народ и держать его в узде. Монархов заставляет держать в строгости своих подданных страх, чтобы они не объединились с иноземцами, дабы эти последние не могли воспользоваться разногласиями и раздорами между подданными государя. Однако эта боязнь станет излишней, поскольку благодаря всеобщему миру каждый удовлетворится своим правом власти и не будет думать ни о чем другом, как управлять своим народом. Властители будут почитаться всеми добропорядочными людьми, а злые люди трепетать при их виде. Им нужно будет опасаться только бунтов и опасных предубеждений, с которыми они покончат с помощью других суверенов, которые им быстро предоставят помощь, поскольку все заинтересованы в том, чтобы подавить бунты. Таким образом, государи добьются первого результата в достижении всеобщего мира. И все это они могут осуществить при том положении, в котором они пребывают. Как бы они ни сплачивались, какие бы крепости они ни строили и как бы они ни вооружались, они будут всегда чего-то страшиться, если единодушно не придут ко всеобщему соглашению. Не нужно будет опасаться нападения государя-врага, чтобы лишиться их владений; ведь не только соседний правитель, но часто и очень отсталый народ (что меньше всего предполагалось) способен разрушить монархию.

¹³ *Друиды* — жрецы у кельтов Галлии, Британии, Ирландии.

...Полагаем, что с нами не произойдет то, что мы сделали с другими. Мы еще не знаем всех стран обитаемой земли. Может быть, существует какой-либо народ к западу или к югу, который еще причинит нам беспокойство. Кто сказал бы 150 лет назад американцам, что скоро придут бородатые мужчины, чтобы завоевать их земли? Они бы не приняли во внимание это предупреждение и посмеялись бы над этим. В один прекрасный день они увидели то, чего не могли предусмотреть. Если раньше они только слышали упоминание об испанцах, то теперь внезапно они явились во всем своем могуществе, подобно тому как молния появляется перед раскатом грома. Отдаленность их местопроживания, трудности дорог, широта грозного океана, все, что служило им естественной границей, не спасло их от катастрофы, что кажется невозможным, если бы мы не видели результатов всего этого. Событие невероятное! Увидеть, как триста человек, приехавших в незнакомую страну, изобилующую богатствами и с большой численностью населения, построили там крепости, не встретив противодействия, а затем навязали свой закон огромному народу, захватили и убили его вождей. И наконец, этот плодородный и цветущий край превратили в край ужасающего рабства! Все это кажется невероятным! Может показаться, что они были ничтожными людьми, которые не обладали ни храбростью, ни самоуважением. Но историки их так не представляют. Напротив, историки отмечают, что большинство из народа хорошо владело оружием. Все же, несмотря на доверчивость народа Мексики, Кортес с девятьюстами испанцами не победил бы его, если бы этому не способствовали враги, которые помогли Кортесу армией численностью в 200 тыс. человек. Значительная часть жителей этой страны открыла ворота иноземцам, которые уничтожили и тех и других. Если бы государства Нового Света были мирными, если бы те, кто там властвовал, были довольны своими владениями, то они пользовались бы все еще полной свободой. Однако они не могли жить спокойно, не пожирая тела своих соседей. Они хотели подчинить своей воле соседние народы, расширить как можно больше свои владения. Их погубило честолюбие. Это ярко показывает, что ничто, кроме всеобщего мира, не может обеспечить существование государства, условием которого является ограничение его территорий, чтобы каждый правитель удовлетворялся бы пределами земли, которыми он владеет в настоящее время, и чтобы он их не нарушал ни под какими предлогами. Если он будет оскорблен тем, что ему установили ограничения, и полагает, что границы королевств и государств начертаны рукой Бога, который их изменяет по своему разумению, что если его отец и прадед были всемогущи и его великие более отдаленные пред-

ки находились здесь как в своих владениях, то, исходя из этого, он будет говорить, что стремится только возвратить утраченное, а именно то, что Бог когда-то предоставил его народу. Но ему скорее нужно стремиться сохранить то, что у него осталось, он не должен рисковать своими надежными владениями ради приобретения менее надежных. Короче, чтобы вернуться к нашему вопросу: если у него есть какое-либо основание жаловаться, то пусть он обращается к великой ассамблее как к наиболее компетентному трибуналу, который только и можно себе представить.

...Вот основной способ установления всеобщего мира, от которого зависят все другие способы. Именно с этого следует начинать. Если же суверены будут устраниваться от участия в ассамблее, если они не будут принимать участия в совместных обсуждениях через своих послов, то они будут стремиться к тому, чтобы посягать друг на друга. Но если они удовлетворены тем, что они имеют сейчас, если они высказывают публично свои претензии, что они и должны делать, если они объединятся в рамках этой ассамблеи, членами которой они являются, то нет ничего, что могло бы замедлить установление прочного мира или его разрушить. Не следует говорить, что злые люди этому помешают, что их гораздо больше, чем добрых. Это предположение — ложное. Даже если бы оно было справедливым, его следует отбросить... Положим шпаги в ножны, не стоит разжигать вечную вражду! Мы достаточно вызвали гроз. Настало время придать спокойствие и тишину этому великому океану путем полнейшего и совершеннейшего примирения. Это зависит от ваших величеств, великие монархи. Вы можете устранить все смуты мира и убедить ваши народы в необходимости повиновения законам природы и вашим законам. Что требуете вы, какого преимущества? Мир сохранит вас в вашем величии и в почитании, в надежности вашего положения. И напротив, война все это разрушает, часто лишая правителя его войска. Если бы вы покорили весь мир, а это никогда не произойдет, в конце концов вас принудят к отречению от власти, ввиду того что война ведется для того, чтобы был достигнут мир. Все то, что вы сделали бы во всемирном государстве, сделайте в своем, которое в ваших руках. Вы видите, как мало пользы вы делаете с помощью оружия, и если вы завоюете несколько городов, через короткое время вы их потеряете или же их завоюет кто-то другой, кто сражается лучше. Часто после того как вы разгромили ваших врагов, опустошили их земли, необходимость принуждает вас дать согласие на заключение мира или перемирия из-за недостатка продовольствия или из-за болезни, которая опустошает вашу армию и заставляет вас терять результаты тяжелейших завоеваний, которые обходятся обычно намного дороже, чем

если бы вы приняли совместные решения по спорным вопросам. В этой связи мне вспоминается то, что говорили королю Португалии, когда он решил отправиться в Африку: что для подобной экспедиции ему необходима многочисленная армия, масса денег и очень много продовольствия. Здесь в нескольких словах хорошо представлены трудности и рискованность войны.

...Я стану философом, если я буду перечислять выдающиеся учения о всеобщем мире, но нет необходимости вновь приводить речи, которыми изобилуют книги. Я коснусь здесь только семи или восьми пунктов, которые мне кажутся необходимыми для того, чтобы держать народ в подчинении долгу, предостерегать его от случайного бунта. Речь идет о мудром правлении, о наказании за колдовство, о вознаграждении за заслуги, об обеспечении продовольствием народа, о регулировании судебных процессов, об обеспечении народа зерном, о дозволенных законом развлечениях и о воспитании. Государство функционирует успешно, когда все эти вышеизложенные принципы совпадают. Из них первый принцип имеет огромное значение как для благосостояния народа, так и для процветания государства; поскольку невозможно гарантировать все остальное подданным монархии, если правительство не завоевало их доверия, постольку должно управлять согласно законам естественного разума, которым все люди без исключения должны подчиняться. Это подчинение вовсе не означает унижения перед суверенной властью; напротив, оно освобождает людей от пороков, которые порождаются досадной сервильностью. Царствовать означает управлять своим корыстолюбием. Каждый правитель может легко достигнуть создания подобной монархии. Однако государи больше озабочены тем, чтобы создать абсолютную монархию.

...Государь должен наблюдать за отклонениями в поведении всех своих подданных, но особенно он несет ответственность за тех, кому он поручает высокие посты. Все их действия, хорошие или плохие, приписываются государю. Поэтому необходимо регулировать эти действия, и легко довести дело до конца тогда, когда не злобствуют и не приходят в отчаяние. Кто не трепещет, когда он видит, как наказывают чиновника и полководца или других высокопоставленных лиц? Самые лучшие действия монарха заключаются в том, чтобы взять под свое покровительство простой народ, защищать его от угнетения сильных мира сего, которые злоупотребляют своей властью и используют ее только для того, чтобы угнетать более слабых. Что же касается мелких воров и убийц, то их нужно наказывать без милосердия.

...Народ наглеет, когда ему не могут оказать сопротивления. Когда нужно, ему следует показать и силу, чтобы он извлек из этого разумные выводы. Такой маневр послужит уроком тем, кто хотел бы расшатать основы государства. Они не решатся действовать, если увидят, что их суверены готовы быстро предотвратить бунты и наказать зачинщиков. Если суверен показывает хлыст или палку, то самые важные вельможи будут подчиняться его приказаниям и не посмеют его оскорбить. Чтобы еще надежнее сохранить свою безопасность, никогда не следует предоставлять абсолютную власть кому бы то ни было из вассалов из опасения, чтобы с государем не случилось бы то, что случилось с нашими первыми королями, которые были в конце концов изгнаны дворцовыми управителями, получившими от них большую власть, чтобы спокойно вести беспечную жизнь. Монарх должен умереть стоя, т.е. в действии, а не в праздности, как говорил император Веспасиан. Конечно, ему нужны чиновники и офицеры. Тем не менее, подобно тому как солнце посылает свои лучи самым маленьким звездам, не уменьшая тем самым своего света, он не должен никогда ни с кем разделять свой авторитет, свою власть, которой он владеет согласно его высокому положению, как и большим числом обязанностей, вытекающих из его высокого положения. Если же он видит, что его вассал уже достиг влияния благодаря своим богатствам или благородству происхождения, то он должен предоставить ему больше почестей, чем власти. Государь может сделать вассала почетным мэром, главою своего совета, губернатором его главного города — это будут должности с небольшими возможностями властвовать, но почитаемые и достойные первых правителей королевства. Должности маршала, адмирала и те, где сосредоточено больше власти, лучше предоставлять другим сенаторам меньшего ранга, поскольку в этом заключается политическая мудрость: предоставлять одним больше почестей, другим — больше власти, чтобы все были довольны, а суверен был бы более уверен в том, что заговор не зреет как среди мелкопоместных дворян, так и среди более могущественных и высокородных. Вот почему император Август не допускал к управлению Египтом сенаторов, опасаясь, что они могут овладеть этой богатой провинцией, имеющей огромное значение для империи. В то же время должность претора он занимал сам. Одновременно с этим должности главы правительства, канцлера и главнокомандующего войсками предоставлялись только римским всадникам и распределялись одинаково между двумя людьми, так чтобы один был противопоставлен другому, оба должны были удерживать свою власть, находясь под гнетом взаимного страха ее потерять. Следует также использовать разнообразные приемы

предосторожности по отношению к мятежникам, которых нужно не только предупреждать, но и наказывать без всякого милосердия. Однако существуют другие люди, которые не нападают открыто на публику, тем не менее они чрезвычайно опасны — такие, как бездельники, склочники, расточители, картежники. Эти люди не считаются преступниками, однако они вовсе не лучше их. Мы уже сказали о бездельниках. Спорщики способны причинить большой вред. Они требуют только войны; когда у них нет врагов среди своего народа, они особенно настаивают на развязывании войны. Этот порок был присущ жителям севера, которые были заносчивы, наглы и не могли жить без драки и без ссоры с кем-либо, что следует всегда предотвращать. Если они нападают на простака, как это чаще всего бывает, они наносят ему сначала тысячу оскорблений, а потом переходят и к открытым нарушениям закона. Так почитание государя и закона снижается, и вслед за этим следует неизбежная смута. Может случиться, что эти зачинщики столкнутся со смелым человеком, и тогда дело дойдет до драки. Если они — влиятельные люди, то будут вовлекать в свою ссору своих родственников и друзей, что имеет опасные последствия. Существует единственное средство против подобных людей. Это принудит смутьянов принести соответствующую сатисфакцию тем, кого они обидели. Я говорю — соответствующую сатисфакцию — это значит пропорционально нанесенной обиде. Так, например, за нанесенные палочные удары сатисфакция должна быть более значительной, чем за пощечину или за нанесение оскорбления. К тому же оскорбление, нанесенное сеньору или чиновнику, должно быть наказуемо более сурово, чем когда оно нанесено сапожнику или носильщику. Различия между людьми разных социальных рангов заключаются в том, что одним наказание назначается более суровое, другим более легкое. Это решение предоставляется на рассмотрение судьям. Но чтобы ничего не скрывать, они делают слишком хорошую сделку из чести других и не наказывают слишком сурово за нанесение оскорблений. Например, если безрассудный наглец нанесет оскорбление кому-либо из граждан, то он будет заключен в тюрьму на два или три дня, однако если у него есть друзья, то он не пробудет там больше трех часов. Его заставят только устно извиниться с присуждением штрафа, хотя удары палки нанесены и стыд живет в душе избитого. Что делать, если многие не могли поступить иначе и вынуждены были сделать вызов своим врагам, чтобы спасти честь? В результате этого происходит так много дуэлей, столь обычных в настоящее время во Франции, что наши короли стремятся этому помешать, но им это никогда не удастся, если они не прикажут, чтобы предоставили большую сатисфак-

цию тому, кому было нанесено оскорбление личности или задета его честь. Следует наказывать этих фехтовальщиков беспощадно, предавать их позору после смерти и конфисковывать их имущество.

...Всеобщий мир предотвратит это зло, если мы сможем его добиться, запретив публичные враждебные действия, так что отдельные случаи взаимной ненависти можно будет устранить или смягчить. Когда это будет достигнуто, нужно будет урегулировать расходы каждого, чтобы он не промотал свое состояние. Это имеет немалое значение для сохранения государства, поскольку расточители, оказавшись в положении нуждающихся (поскольку они из-за своего мотовства могут разориться), будут искать случая, чтобы овладеть состоянием других, для того чтобы жить в том излишестве, к которому они привыкли. Если происходят какие-то волнения в государстве, то эти люди всегда оказываются в первых рядах. Катилина почти не имел других приверженцев, а только тех, кто промотал свое состояние в тавернах, притонах, игорных домах. Таверны служат только для проезжих. К публичным домам относятся терпимо в некоторых странах, чтобы избежать наибольшего зла; тем не менее в них не было бы необходимости, если бы существовала римская полиция, которая поощряла бы своих граждан вступать в законный брак, предлагая им при этом многочисленные выгодные привилегии. Я вовсе не хочу безбрачия служителей религии, но было бы полезно, чтобы остальная часть населения побуждалась к вступлению в брак по примеру китайцев, которые предоставляют денежные средства своим детям и женят их очень рано из опасения, что они предадутся распутству; исходя из этого главного, дело государства — это поощрение своих граждан к вступлению в брак. Это самое большее, что можно сделать, чтобы помешать распутству, и наилучший способ предотвратить его. Поскольку это прелюдия к адюльтеру, то достаточно ужесточить борьбу с пороками, которые совершаются тайно, поскольку разрешается содержать дома свиданий. Вот почему эти позорные места должны быть запрещены, здесь молодежь теряет здоровье, материальное благосостояние: они наносят больший вред, чем игорные дома, поскольку в игорных домах пропадают только деньги.

...Я вовсе не собираюсь поднимать здесь вопрос, являются границы государств вечными или нет. Этот вопрос обсуждается с разных сторон, к которым я совершенно безразличен, лишь бы отдавались почести достойным людям, невзирая ни на их состояние, ни на их расовую принадлежность. Некоторые вещи становятся значительными, когда они сочетаются с добродетелью. Римляне это очень хорошо понимали.

Я часто обращаюсь за примером к римлянам, поскольку они предоставляют нам прекрасные примеры подобного рода. Они избирали судьями самых богатых граждан Помпеи, присваивали звание всадника только тому, кто имел 20 тыс. франков; чтобы стать сенатором, нужно было иметь такое же состояние. Они не продавали, таким образом, должностии не предоставляли их бедным, понимая, что те извлекут из высокого положения все, чтобы разбогатеть. Благородство народа также заслуживает рассмотрения, если предположить, что сын благородного отца унаследовал его добродетели, и он заслужит упреки, если будет вести себя недостаточно благородно. Исходя из этого, нужно отдавать предпочтение тому, чьи предки неизвестны, в тех случаях, если они соревнуются в способностях и испытаниях. Но необходимо, чтобы всегда добродетель была выше почестей и вознаграждений, иначе дела пойдут плохо. Для государя бывает трудным отказать своему брату или матери, если они просят, чтобы он назначил на высокую должность рекомендованного ими человека; такая рекомендация должна быть принята, если рекомендуемый для должности, которую он должен занимать, обладает всеми необходимыми достоинствами...

Чтобы государство состояло не только из порядочных людей, но и из людей способных, владеющих различными профессиональными качествами и мастерством, нужно развивать промышленность и предложить некоторую плату тем, кто может способствовать быстрому развитию искусств и наук. Те, которые презирают умных людей, являются варварами или глупцами, а многие это делают из зависти, поскольку они не обладают тонким умом и хотели бы, чтобы все люди были невежественными, дабы их позор был сокрыт среди множества им подобных. Науки занимают первое место в почестях после добродетели. Я не намерен воспринимать как добродетель грубую храбрость, которую мужчины любят выставлять напоказ. Богу не понравится, если я захочу божественное совершенство поставить во второй ряд после грубой храбрости, которая маскируется в добродетель и не имеет других целей, как грабежи и убийства. Самые великие государи всегда уважали ученых и предоставляли им самое высокое вознаграждение за их труд... Что я скажу о Цезаре, Карле Великом и бесконечно многих других, которые хотели бы увековечить свои имена, оставив после себя не только свои военные подвиги, но и мемуары?

Не стоит думать, что наука ослабляет храбрость мужчин, что она делает их неспособными владеть оружием, как утверждали когда-то скифы, которые, завоевав Афины, хотели предать огню все библиотеки, на-

ходившиеся в городе; но один из них помешал им, сказав, что нужно оставить грекам их книги, чтобы они смогли развлекаться чтением, поскольку если они будут развлекаться чтением, то утратят свою храбрость и станут более изнеженными. Готы придерживались того же мнения, они не хотели, чтобы их короли были образованными. Они заплатились за этот предрассудок, поскольку имели возможность убедиться, что самые невежественные и глупые вовсе не являются самыми храбрыми. Они были разгромлены и изгнаны как невежды из всех стран теми, кого они презирали. Их царствование прошло так бесследно и с такими незначительными историческими результатами, что мы сегодня физически почти ничего о них не знаем, кроме фактов варварства. Афинское и Римское государства были более сильными, у них были широко распространены упражнения для развития ума и тела, и никогда ни один народ не был более доблестным, более счастливым и мудрым. Но зачем искать примеров в античности, когда мы видим в нашем веке, что наиболее воинственные народы Европы придают большое значение учености. Я бы назвал их, если бы не боялся скомпрометировать другие нации. Известно, что наукам придают большее значение, чем работе мастеровых и их ремеслам, однако не следует с пренебрежением относиться к изделиям рук человеческих, поскольку они необходимы людям; по этой причине те, кто занимается ремеслами, заслуживают общественного признания. Царь Митридат назначил приз лучшим пьянчужкам. Ксеркс выделял тех, кто изобретал новые способы наслаждения. Комедианты получали денежные вознаграждения за то, что доставляли удовольствие людям. С еще большим основанием следует признать ремесленников, особенно авторов интересных изобретений. Не следует поступать так, как это делал Тиберий, который приговаривал к смертной казни каждого, кто находил способ сделать стекло ковким. Это означало отрезать дорогу развитию промышленности и уподобиться в некоторой степени эфесийцам, которые не могли переносить в своей среде подлинную добродетель, в связи с чем Гераклит говорил, что они все заслуживали казни через повешение. Кто станет оспаривать сейчас достоинство тех, кто изобрел часы и печатный станок? Кто не почитает сейчас память этого умного неаполитанца, который четыре сотни лет назад изобрел морской компас? Я не упоминаю тысячи других изобретений, которых мы не имели бы, если бы их авторы подвергались бы такому жестокому обращению. Конечно, необходимо иметь хороших ученых, особенно в области архитектуры, ювелирного дела, кораблестроения, кузнечного дела и других подобных ремесел, без которых нельзя обойтись. Дары монарха найдут здесь хорошее применение. Если его доходов не

хватит, чтобы вознаградить всех добродетельных людей, занятых в промышленности, то по крайней мере пусть он вознаградит тех, кто занимается двумя самыми важными видами наук и ремесел, хотя это послужит только стыдливым извинением для облегчения их бедности. Именно в мирное время, когда у государя мало расходов, он может позволить себе щедроты по отношению к своим приближенным, хотя многие другие люди также этого заслуживают. В этом деле, как и во всех других, благоразумие послужит ему руководством, дабы он мог разумно распоряжаться средствами, которые нужно раздать. Не следует давать средства без разбора всем, как это делал Гелиогабаль, который вознаграждал распутников и клейменных. Нужно регулировать свою щедрость согласно своему могуществу, из страха впасть в бедность и нищету, как Калигула и Нерон. Мудрый король будет рассчитывать в первую очередь на самого себя, учтя все те расходы, которые ему необходимы для достойного содержания двора. Он позволит себе щедроты лишь в исключительных случаях. Но когда он увидит мастерство своего гражданина, если он бедный, он назначит ему достойную пенсию, а если богатый или благородный, то вознаградит его почестями. Поскольку самое приятное вознаграждение, которое можно было назначить этим людям, — это почести, постольку они ценят почести превыше всех благ мира. Таким образом, это самый большой стимул к добродетели, который можно было бы себе представить. Надежда заслужить почести сформировала многих храбрых солдат в Греции и Италии. Для этих целей были созданы олимпийские игры, на которых победитель в качестве приза получал простой лавровый венок. Филипп Македонский удивлялся, что греки сражаются ради такой незначительной награды, но он не обратил внимания на неоценимые почести, которые они получают, когда их торжественно чествуют и сопровождают в их страну под бурю аплодисментов и радостных песен, не считая того, что в их честь отливаются статуи при их жизни. В Риме с триумфом встречали полководцев, которые одерживали блистательные победы. Несомненно, что надежда быть увенчанным славой заставляла их пренебречь собственной жизнью и свободно отдавать себя на службу республике. Чего не сделают мужчины ради того, чтобы торжественно войти в свой город? Чего они не сделают ради того, чтобы передать шпагу и рыцарский устав королю, как это сделал капитан Байярд? Если говорить о других мирных призваниях, скольких увидим мы ораторов, которые управляли бы народом так, как когда-то Демосфен и Цицерон? Сколько поэтов получили короны из рук императора, как это практиковалось на концертах поэзии, которые происходили на горе Альба? Эти высокие почести без денежного вознагра-

рождения тем не менее являются сильным стимулом, к которому стремятся многие. Это привело к тому, что многие государи Европы установили титул рыцаря и те, кому присваивается этот титул, без всяких денежных расходов становятся самыми великими в своем государстве, ибо звание рыцаря, являясь особым титулом, вдохновляет на добрые намерения благородного человека, который видит себя собратом и компаньоном своего короля. Существуют и другие почести, меньшего значения, такие как достоинство государственного консула, привилегии, почести и другие должности, которые государь может раздавать, не уменьшая свои сокровища. Правители, которые стремятся завоевать мир, хорошо вознаграждают своих вассалов, раздавая им покоренные провинции. Поскольку они прогоняют из этих земель их прежних владельцев, то они предоставляют самые прекрасные земли своим командирам и солдатам, чтобы они были довольны и оказывали услугу государю в случае необходимости.

...Во все времена существовали бедняки; они необходимы ввиду того, что гармония страны зависит, в частности, от неравенства во владении имуществом; но нужно проявлять к ним милосердие, особенно к калекам, слепым, старым, больным, немощным. Что же касается тех, которые здоровы и бодры, то их нужно кормить и, кроме того, обучать ремеслу, если они молоды, чтобы они могли зарабатывать себе на жизнь. В то же время если они по возрасту и силам оказываются пригодными, то их следует держать в качестве рабочих, поскольку государи для постройки и укрепления своих городов всегда нуждаются в рабочей силе, а также чтобы мостить дороги, конопатить щели кораблей, чинить мосты и крепости. Первые цезари предпринимали огромное строительство, которое вовсе не было необходимым, но они хотели украсить свою империю и таким образом дать работу множеству бедняков, которые в противном случае умерли бы с голоду. И в настоящее время венецианские дожи кормят в своих арсеналах две или три тысячи лиц, хорошо зная, что этот акт милосердия служит применению общественных денег для бедных, чтобы заставить их работать. С этой целью в густонаселенных городах создаются дома для бедных и нуждающихся, но не больных, чтобы они могли овладеть каким-либо мастерством и уменьшить таким образом число бродяг и бездельников, которые не хотят ничего другого, как воевать или воровать. Есть бедняки, которых не нужно ни запира́ть в дома милосердия, ни обращаться с ними как с другими бедняками, поскольку они были покалечены войной, пожарами, несчастными случаями и стесняются попрошайничать. Нищие лучше их приспособлены к жизни, поскольку эти ловкие вымогатели никогда не практиковали другой профессии. Однако, по правде

говоря, легче помешать наступлению бедности, чем избавиться от нее, когда она наступила. Исходя из этого, опыт подсказывает нам, что войны, судебные процессы и налоги приводят людей в приюты. Если мы устраним эти причины, то мы не увидим больше таких жалких нищих; первая причина — наиболее важная, и две другие от нее зависят. Поскольку в случае войны простой народ облагается налогом, подвергается ограблению солдатами в деревнях и городах, ростовщиками, к которым он вынужден прибегать из-за своей бедности; из всего этого возникают судебные тяжбы, которые заканчиваются крушением домашних очагов. Итак, всеобщий мир является лучшим средством для предотвращения этих несчастий. Мир возродит плодородие полей, даст свободу труженику, освободит его от тягот, которые возлагаются на него во время войны, избавит его от тирании ростовщиков, которые строят свое счастье на несчастье другого. Не нужно будет бояться судебных процессов, от которых мир служит гарантией. Однако достаточно появиться одному плохому соседу, мстительному и злобному, чтобы начать судебную тяжбу с мирным человеком, разорить его имущество в сутяжничестве, поскольку есть люди, которым нравится только судиться.

...Самые прекрасные вещи широкодоступны. Солнце бросает свои лучи одинаково на золото и на грязь. Воды текут открыто. Бог сохраняет самую малую тварь в первозданном виде. Почему же король сокрыт от своего народа? Почему он не устанавливает контакты со своими подданными, чтобы получить запросы из их рук, услышать об их бедности из их уст, поскольку бедняки обычно изгнаны из своих семей или презираемы ими, думающими только о собственном благополучии. Август, Клавдий, Веспасиан, Адриан и другие императоры вершили правосудие, сидя не только на троне, который олицетворял собой справедливость, но и в своих покоях во все часы дня, даже во время обеда, даже во время болезни, находясь на ложе. Могущественный царь Митридат выучил двадцать два языка, чтобы слышать мольбы всех народов, которыми управлял. Наш Святой Людовик был не менее любознателен в этом отношении, поскольку даже во время своих прогулок в Венсенском лесу он останавливался возле одного дуба и там давал аудиенцию всем тем, кто там присутствовал, советы сеньорам, которые там находились, произносил импровизированные речи. Я знаю, что государь не может успеть везде побывать, так же как и нет необходимости, чтобы он был обязан постоянно принимать разных людей; но он должен предоставить для своих подданных по крайней мере несколько дней в неделю, по примеру Карла Великого, который разрешал им приближаться к нему с какой-

либо справедливой жалобой. Это помешает совершению множества несправедливостей и заставит судей, адвокатов и прокуроров действовать согласно закону, когда они узнают, что их действия известны государю.

...Поскольку мы живем не в век совершенства, то государь должен с особым вниманием следить за поведением судей, рассматривать их дела, как и все другое, где требуются его советы, особенно побуждать судей быстро, точно, правильно проводить судебные процессы, не вдаваясь в излишние формальности. Нельзя торопить судебное разбирательство, но не следует также медлить, когда ясно, на чьей стороне справедливость. Иногда под предлогом необходимости рассмотрения незначительных мелочей запутывается дело в интересах тех, кто хочет, чтобы никогда судебное разбирательство не закончилось. Иногда в этом заключается ошибка судей, которые заинтересованы в том, чтобы очень медленно проводить судебные процессы, и слишком снисходительны к тем, кто старается воспользоваться предлогом, чтобы затянуть или запутать судебное разбирательство. Судьи должны наказывать таких людей, поскольку они дают подданным государя основание выражать недовольство в отношении самого священного порядка в мире из-за того, что приходится прилагать столько труда, чтобы добиться справедливости. Решение суда не столь плохо разработанная процедура, чтобы ее приходилось много раз откладывать. Если имеется много фактов, то вопрос не требует больших разбирательств. Вопросы права в большинстве случаев предусмотрены законом, эдиктами, обычаями, приговорами, которые совершаются над себе подобными, поскольку несчастные случаи и коммерция являются часто причинами судебных разбирательств. Когда существуют обстоятельства, которые их могут изменить, то, если они значительны, их можно легко обнаружить. Но часто на практике из мухи делают слона, и судебные чиновники при помощи своего стиля работы и рутины находят всегда какое-либо алиби, чтобы затянуть судебный процесс, вместе с тем их юрисконсульты, вместо того чтобы глубоко высветить факты, привыкли затемнять их, усложняя тем самым процесс их рассмотрения.

...Судебный процесс — скверная вещь. Он приводит к таким же результатам, как и война; здесь нет ничего более, кроме того, что обедняет народ в мирное время, кроме податей, которые дают основание для серьезных жалоб. Я не разделяю мнения Нерона, решившего освободить от налогов своих подданных. Монарх нуждается в средствах, чтобы поддерживать величие и обеспечивать свое состояние, но он должен пользоваться этим умеренно, а не забавляться поговоркой некоторых льстецов: «Нет худшего суда, чем суд народа». Эти люди разрушают

взаимную дружбу, которая должна существовать между государем и его подданными. Историки дают нам бесконечные примеры перемен, которые происходят в государствах из-за налогов. И хотя налоги вначале вводятся для расходов на войну, наши короли протестуют против их отмены, когда война заканчивается; какой предлог они приводят для того, чтобы сохранять налоги в обстановке всеобщего мира? Но самое большое зло совершается, когда налоги снимаются: поскольку бедняки оказываются в неравном положении по сравнению с богачами, они несут всю тяжесть налогов, в то время как богачи не платят ничего. Как устранить злоупотребление налогами? Нужно использовать опыт Прованса и Лангедока или обратиться к тому, как это было в Риме, когда каждый гражданин платил налог в соответствии с его средствами, о наличии которых он объявлял открыто; когда сурово наказывали тех, кто скрывал свое богатство.

...Оставив в стороне другие преимущества, которые можно извлечь из переписи людей и их имущества, нужно принять во внимание, что при этом легче решить вопрос, чтобы каждый платил взносы, исходя из того, сколько он может платить. В противном случае бедняки будут единственными угнетаемыми в вопросе о снятии налогов, в чем обнаруживается еще и другое зло.

...Именно по этой причине государь должен производить учет своих финансов, которые он может честным образом увеличить, облагая налогом торговцев, которые ввозят товар в его страну, и тех, кто его вывозит. Государь должен иметь часть прибыли от тех, кто ведет торговлю в его государстве, и брать налог с торговли. Если товары, которые привозятся, необходимы для жизни, то нет никакой опасности в том, что на них накладывается налог, как и на всякие деликатесы и предметы роскоши, которые будут ввезены в страну. Не следует делать различий между торговцем-иноземцем и торговцем-соотечественником, как это делают многие государи в настоящее время, поскольку условия торговли должны быть равными везде, особенно в условиях всеобщего мира, когда сохраняются хорошие отношения со всем миром.

...Необходимо укрепить свои финансы, особенно на тот случай, когда необходимо будет одалживать зерно для провианта, чтобы удовлетворить потребности людей и предотвратить нужду, которая может внезапно наступить. Так, самая большая забота римских магистратов состояла в том, чтобы обеспечить запасы зерна, которое прибывало из разных мест, главным образом из Африки и Египта, причем все годы Африка снабжала зерном в течение восьми, а Египет четырех месяцев. Это зерно было слишком дорогим, что вызывало гнев у народа, который часто нападал на торговцев

этим товаром, бросая в них камни, грязь, навоз. Как свидетельствуют факты, в Клавдия бросали остатки хлеба, сопровождая это грубыми оскорблениями на базарной площади. Если бы он не скрылся, то мог бы подвергнуться большей опасности. Даже добрый Антоний получил удар камнем в подобной смуте, хотя ее можно было предупредить, если бы, подобно Иосифу, приготовили запасы зерна на много лет, которые тщательно охраняли, а общественные амбары в разных городах постоянно обновлялись бы и хорошо стерегли. Однако не стоит раздавать бесплатно зерно, согласно обычаям Рима, поскольку это приводит к безделью народа и к истощению финансов. Еще менее следует подражать Никифору Фоке, который наполнил амбары зерном и стал продавать его, когда цены на зерно сильно повысились. Запасы зерна следует сделать для того, чтобы продавать его по доступной цене в годы неурожая и голода. В таком случае государь продемонстрирует свою предусмотрительность и заботу о своих подданных, которые ропшут, когда не видят зерна на рынке, и вменяют в вину своему суверену неурожайные годы, как будто он отвечает за температуру воздуха и благоволение Неба. Хотя, например, короли Индии клянутся священной клятвой сделать так, чтобы солнце продолжало свой путь и земля свои дары производила в изобилии. Следовательно, необходимо удовлетворить потребности народа в хлебе, поскольку более всего ему нужны хлеб и зрелища, согласно изречению поэта-сатирика. Надо учиться организовывать дозволенные развлечения, чтобы удерживать людей от дурных мыслей. Естественно, что весь мир стремится к наслаждениям, поэтому благоразумно со стороны государя позволить своему народу благородные развлечения и законные удовольствия, особенно игры с получением призов, театральные зрелища и другие развлекательные упражнения, которые, не уменьшая денежного состояния, полезны телу и укрепляют дух. С этой целью следует организовывать конные состязания, поэтические концерты и концерты старинной музыки. Все это делается не только для укрепления тела и для оживления средств развлечения, а для того, чтобы развеселить присутствующих. На доходы от постановки трагедии и комедии афиняне содержали ратуши, кроме того, они создали особый магистрат, который покрывал расходы на представления и оплату артистов.

...Не смешно ли осуждать постановку комедий для подданных, которым нравятся всякие порочные действия, и вместе с тем презирать слова, которыми все это произносится? Люди вовсе не выходят из театра более безнравственными. Они были испорчены до того, как туда пришли. Театр способен преобразовать их дом: здесь не будет больше ни фарса, ни комедии. Пусть они дают хороший пример своей семье, и тогда не

нужно будет опасаться распущенности среди молодежи. Но если они будут продолжать свои злые или подлые поступки, то нужно их вывести на чистую воду, чтобы народ их избегал или смеялся над ними.

...Несомненно, наш ум имеет большую склонность к гармонии. Эти его особенности нужно внимательно изучать, ибо духовная радость сильнее всех других. Чудесные свойства интеллекта побудили двух интересующихся политикой философов высказать мысль, что для урегулирования нравов нужно усовершенствовать музыку, ибо она способствует сохранению государства. Я не буду здесь подробно рассматривать это высказывание, но нужно признать, что нет более надежного средства, чем музыка, способного смягчить человека и сделать его более миролюбивым.

...Чтобы осуществить преобразование (общества), нужно начать с воспитания молодежи, о которой раньше заботились больше, а теперь на нее почти не обращают внимания, поскольку чиновники целиком полагаются на родителей, а родители предоставляют полную свободу своим детям. Это особенно опасно в наше время, поскольку авторитет родителей упал. Тогда, когда они имели высокий суверенный авторитет перед своими детьми, они их наказывали согласно своей воле, даже беспричинно обрекали их на смерть. Справедливость предполагает, что человек не до такой степени лишен гуманности, чтобы бить или убивать своего сына без значительного для этого повода. Теперь, когда опасные последствия такой родительской власти миновали, дети освободились от власти родителей до такой степени, что диктуют законы своим отцам, а иногда и оскорбляют родителей действием или словом. Чтобы избежать несчастия, которое в результате этого может произойти, необходимо, чтобы страна взяла на себя обязанность в отношении молодежи, чтобы она поручила чиновникам заботу о молодых «растениях», с тем чтобы те дали хорошие «плоды». Лакедемоняне хорошо это понимали и не позволяли отцам воспитывать своих детей так, как они этого хотят. Они распределяли детей по группам, начиная с семилетнего возраста, и поручали их магистрату, созданному с целью воспитания детей. Магистрат приучал детей пить и есть вместе, в общественных столовых, учил их некоторым упражнениям. Их обучали весьма основательно приемам борьбы и сражений. Борьба — весьма опасное занятие, и можно легко травмировать нежное тело ребенка, к тому же дети здесь учатся быть задиристыми, приобретают черты варваров, которые не уважают общественную дисциплину. Аристотель считал необходимым обучать детей свободным искусствам. Короче, я советую, чтобы до четырнадцати лет их учили читать, писать и считать — преимущество, которое даст им затем знание законов, древней истории своей страны; подобным образом

детям римлян законы двенадцати таблиц проникали глубоко в сердце. Кандиоты¹⁴ перелагали свои ордонансы на музыку, чтобы они с большей легкостью и удовольствием усваивались нежным детским умом. Кроме того, они пели им гимны, сложенные в честь Богов и прославленных людей. Существуют самые разные уроки чести, которые несколько устарели, и их следует обновить. Я придерживаюсь мнения, что детям необходимо преподавать иностранные языки, которые наиболее распространены среди их соотечественников, такие как греческий и латинский среди христиан, арабский — среди мусульман. Науки для них небесполезны, они просвещают умы и приносят удовлетворение; когда дети станут взрослыми, они смогут продвинуться в области изучения теологии, медицины, юриспруденции и философии. Кроме того, дети смогут всегда гордиться тем, что они не провели свое детство бесполезно, как большинство их сверстников, которые, начиная с колыбели, привыкли бездельничать и резвиться так, что вырастают невежественными. Не лучше ли воспитывать детей в строгости, ожидая, что, когда они окрепнут, их можно будет нагрузить физическими упражнениями и науками, чтобы они умели не только хорошо говорить и ценить все, что их окружает, но и смело защищаться в случае необходимости. С этой целью с четырнадцати лет они должны обучаться езде на лошади, плаванию, прыжкам, стрельбе из оружия и продолжать выполнять все эти виды обучения вплоть до восемнадцати лет. Тогда их возвращают отцам, которые будут получать огромное удовольствие, глядя на них. Подобно галлам, которые хотели видеть только как их детей готовят носить оружие, так каждый будет спокоен, видя своего сына, способного ориентироваться в жизни и на войне, и в дни мира. Он смог бы выбрать себе занятие согласно своим способностям, не то что современные несговорчивые дети. Ведь детьми легко руководить, если они получили хорошее образование. У государя всегда много людей, способных дать совет и выполнить любые работы, которые помогут ему в случае необходимости. Государь знает тех, кто может послужить ему в любом деле, это избавляет его от необходимости обращаться к помощи иноземцев. Среди его подданных должны быть многочисленные хорошие служащие, солдаты и ремесленники. Поэтому нет ничего более важного, чем воспитание молодежи. Это — основа государства, опора спокойствия, которого мы ищем. Воспитатели должны постоянно держать детей в поле зрения. Чтобы никто не впал в безделье, они должны заставить каждого выбирать себе определенный образ жизни, после того как они выйдут из «общественной Академии». В чем я не могу

¹⁴ Кандиоты — жители о-ва Канди в Средиземном море.

согласиться с египтянами и лакедемонянами, так это в том, что они настаивали, чтобы их дети наследовали профессию их отцов, т. е. чтобы сын повара стал поваром, а сын секретаря не мог стремиться получить более почетную профессию. Это преграждало дорогу добродетели и способностям к различным видам мастерства. Нужно предоставить свободный выбор профессии молодым людям, чтобы они с увлечением занялись совершенствованием мастерства, к которому у них есть склонность и способности. Их способности всегда доставят удовольствие государю, у которого они должны спросить разрешения для развития своего призвания. Вот почему необходимо регулировать случайные моменты, чтобы в стране было достаточно различных специалистов; чтобы одни специалисты не увеличивались чрезмерно, что не идет на пользу государству. Без сомнения, все подданные должны стать солдатами в случае, если начнется война. Об этом их предупредил французский король, когда отменил службу легионеров. Нет необходимости иметь в государстве так много судей, священников, религиозных служителей, прокуроров, адвокатов, чиновников, сержантов, огромное количество которых отягощает королевство. Следует число этих людей свести к определенному минимуму, соответствующему нуждам города или провинции. Этим должны заняться специальные чиновники, поскольку они отвечают за перепись населения и регистрируют имена и профессии граждан. Что же касается дворянства, то нельзя регулировать их число ввиду того, что оно зависит от богатства благородных семей. Достаточно наблюдать за тем, как они выполняют свои обязанности, из опасения, чтобы они не совершили чего-либо бесчестного, а в случае если они совершат какой-либо недостойный поступок, то следует подчинить их поведение правилам, как и всех других людей, когда речь идет об урегулировании нравов. Что же касается рабочих, ремесленников, мастеров и купцов, торгующих на море и на суше, то величие и выгода государства во многом зависят от них, поэтому не стоит опасаться, если их будет очень много. Необходимо только наблюдать за порядком, чтобы одни не посягали на других, чтобы каждый удовлетворялся своей профессией, дабы избежать путаницы и разногласия. Вот средства сохранить мир, особенно в монархии. Существуют и другие, более универсальные средства (для сохранения мира), которые обращены к здравому смыслу суверенов. Первым и наиболее главным среди них является тот, кто довольствуется границами своего государства, которые ему предписаны Генеральной ассамблеей, о чем мы говорили. Если такое положение будет достигнуто, то нужно предупредить всех представителей различных народов, чтобы они, торгуя друг с другом, были уверены в том, что если произойдет ссора или спор между ними, то местные

судебные власти быстро и абсолютно беспристрастно их рассудят. Поскольку речь идет о всеобщем мире, нужно вести себя справедливо по отношению к иноземцам и никоим образом не допускать, чтобы они были обижены представителями стран, в которых пребывают, и чтобы они вели свои дела успешно ради своей выгоды. У римлян был специальный чиновник, которому вменялось в обязанность разбирать судебные дела иноземцев по закону. Оскорбление, нанесенное иноземцу, может стать одной из причин войны. Швейцария ополчилась против герцога Бургундского, чтобы отомстить ему за обиду, нанесенную одному из ее торговцев, у которого украли телегу со шкурами баранов. Если всеобщий мир будет установлен, то, без сомнения, некоторые бездельники постараются нарушать его самыми изощренными способами и, чтобы выполнить свое намерение, нанесут тысячи оскорблений иноземным торговцам, будут нападать на них, отнимать их имущество с целью изгнать их из страны и нарушить тем самым взаимоотношения между государствами, которые являются единственным связующим звеном дружбы и сотрудничества. Исходя из этого, необходимо опасаться, чтобы они не прибегали к разбойным нападениям, поскольку это изменяет мир к худшему. Пусть каждый государь возьмет под охрану иноземцев, если его подданные будут очень им досаждают. Я говорю о таких подданных, которые не оказывают помощь человеку, восставшему против своего суверена.

...Мы стремимся к миру, но мы ищем не временного мира, мира не на три дня; мы ищем мира, который был бы желанным, осуществлялся бы на равноправных основаниях и был бы постоянным; мира, который дает каждому то, что ему принадлежит, — привилегии гражданам, гостеприимство иноземцам и всем, независимо от их национальной принадлежности, свободу путешествий и торговли. Но поскольку коммерция и связи между народами осуществляются посредством денег, на основании которых происходит обмен, необходимо регулировать цены. После того принимается решение ни под каким предлогом не вводить ничего нового в этой сфере, поскольку если существует неуверенность в отношении курса и качества денег, то заключаемые договоры становятся ненадежными и человек никогда не будет уверен в том, что он извлечет из этого выгоды.

...Я признаю, что всякое повышение цен предосудительно, что необходимо сделать — так это на основе совместного соглашения государи должны разработать единый денежный курс, чтобы каждый мог заключать договоры без нанесения убытков друг другу. По этому поводу дано много советов, которые заслуживают того, чтобы они были использованы на деле. Например, советуют назначить во всех странах одну и ту же цену на меру веса золота и приравнять двенадцать серебряных ливров к одному

золотому ливру. Эта пропорция была принята еще в древние времена и соблюдалась в большей части мира, например государь Индии во времена Августа поражался, видя, что его подданные поддерживают такую политику по отношению к римлянам. Следует запретить использовать низкопробное серебро, поскольку некоторые государи разрешали делать фальшивые деньги или добавлять в монеты другие металлы, к тому же монеты не всегда одинаковые. Однако люди, считавшие их одинаковыми, выбирали по возможности самые хорошие монеты, используя плохие для своей выгоды, что вело к огромным народным потерям. Этого не произошло бы, если бы монеты чеканились из чистого золота или серебра, поскольку когда частый металл подменяется другим, то по весу, объему, звуку и другим качествам быстро вскрывается подделка, однако трудно определить качество и ценность монет, которые, как правило, разнообразны и неравны.

...Какие бы меры ни принимали государи, они не смогут помешать шулерам покупать полноценный металл, а продавать сплав. Такого рода аферы будут иметь место в границах их государства, государства их соседей или других, с которыми они будут вести торговлю. Вот почему необходимо, чтобы все придерживались общего правила, согласно которому не только золото и серебро, но и все товары должны продаваться по одинаковой цене во всех странах. Это нелегко сделать, но природа ценных металлов будет служить эталоном для этого; изделия из них будут регулировать вес и меры.

...Если все государи согласятся принять измерение по общему стандарту, какой они выберут, придя ко всеобщему соглашению, чтобы все крупинки золота были бы одинаковы по весу (чтобы была принята единая мера веса) и чтобы другие меры веса, которые применяются, не были бы причиной раздоров.

Вообще не следует опасаться принимать меры, которые необходимы и легковыполнимы, лишь бы был достигнут всеобщий мир. Однако чтобы хорошо начать это дело, нужно, чтобы всемогущий государь уговорил других следовать вышеуказанному регламенту, чтобы торговые пути были свободны и торговля была открыта посредством установления мира, чтобы можно было торговать, не нанося никому вреда. Нет человека, более способного для претворения этих целей, чем папа римский. Это его долг упорядочить общее согласие между христианскими государями. Что касается мусульман, которые составляют значительную часть мира, то французский король благодаря доверию и репутации, которую он имеет среди них, сможет легко склонить их к миру. Однако император, короли Испании, Польши, Персии и Эфиопии, возможно, будут иметь некоторые трудности

при направлении своих послов в ассамблею и будут опасаться, как говорится, за свое могущество, а это помешает им настойчиво добиваться мира. Это соображение не относится к нашему королю, тем более что у него нет оснований бояться турецкого султана: вот почему он может достойно принять это важное дело, учитывая также давний союз, который существовал между двумя государствами — Францией и Турцией. Что бы ни произошло, но достойно, чтобы христиане заговорили о мире первыми, хотя бы только для того, чтобы иметь возможность свободно идти на богомолье к гробу Господню; для этой цели они без особых трудностей могут заключить договор с турками, чтобы достигнуть также мира между другими монархиями, которые не настолько сильны, чтобы сопротивляться двум столь мощным державам. Мы читаем, что Хермит Симонетти примирил Франческо Сфорцу с венецианцами. Известно, что в течение 80 лет два самых могучих христианских государя два раза заключали мир при помощи веротерпимости. С тем большим основанием мы должны надеяться на прочный мир, если суверены соединятся для этой цели. Бог, который владеет сердцами королей, хочет расположить их к такому священному начинанию, чтобы прекратить так много зла и привести мир к прекрасному веку, который, как обещали древние теологи, должен наступить после потрясения через шесть тысяч лет. Ибо они говорили, что тогда весь мир будет жить счастливо и в полном покое. Это понятие изживет себя, когда в нем не будет необходимости. Именно государям надлежит предоставить такое счастье своим народам. Что же нам делать с оружием? Будем ли мы жить всегда подобно животным? Если мы попытаемся по этому поводу провести сравнение, то обнаружим, что они никогда не сражаются и не начинают войну, если к этому их не принуждает голод или другая необходимость. Люди же затевают ссоры часто по пустякам; иногда, чтобы повеселиться, они отправляются на лоно природы, но не для того, чтобы вызвать один другого на поединок: ведь это совсем не то, когда десять тысяч сражаются против десяти тысяч и видят груды мертвых и ручьи человеческой крови, текущие по равнине. Представим себе разнообразное оружие, готовое поразить врага, свирепые взгляды, отвратительные лица солдат, угрозы, варварские крики, которые раздаются и с той, и с другой стороны, сопровождаемые грохотом пушек, затем приближение и ужасающее смешение человеческих тел, растерзанных и расчлененных, — одни разрезаны на куски, другие, полумертвые, умоляют своего соратника нанести им смертельный удар, чтобы избавиться от ужасных мучений их еле теплящуюся жизнь. Затем кровавая резня распространяется на незащищенных людей, старики изрублены, дети убиты или уведены в плен, женщины изнасилованы, храмы осквернены, все

предано надругательству, и ничего нет, кроме беззакония и несправедливости. Обычно вслед за этим следуют два других несчастья — голод и чума. Поскольку работы в сельском хозяйстве приостановлены из-за войны, народу нечего есть, он вынужден питаться плохими сортами мяса, которые, вместо того чтобы служить пищей, порождают дизентерию и другие заразные болезни. К сожалению, Гераклит имел основание оплакивать ослепление человека, который приносит самому себе столько несчастья. Беды делают условия его жизни хуже, чем у животных, и вовсе не стоит удивляться, если Гриллус, превратившись в свинью, предпочел прогнивать в этом облике, чем возвращаться в свое изначальное состояние. Так, мудрый Плотин стеснялся быть человеком и никогда не говорил о своих родителях и о своем рождении. И сегодня, что делать, когда мы видим столько Тимонов и столько одиноких людей? Если мы скажем, что они ипохондрики, то они могут сказать с полным правом, что это мы их сделали такими. Злобные поступки, низость, жестокость, которые они видели всю жизнь, способны заставить их возненавидеть весь мир, нужно быть бесчувственным, чтобы не содрогнуться при виде всего этого. Когда нет ничего другого, как осмысление краткости нашей жизни и уверенности в смерти, которая грозит нам каждый момент, то мы должны стыдиться того, что мы так мучаем себя ради воображаемых почестей. Мы сделали бы лучше, если бы подражали египтянам, которые приносили скелет или другое свидетельство смерти и клали среди пирующих, чтобы призвать их к осознанию необходимости делать добрые дела, когда возникнет в этом необходимость. Нужно смотреть выше и сознавать, что существует Бог, который наказывает людей за их наглость и жестокость; если же мы избавимся от этих двух пороков, то войны прекратятся. Вложим же шпаги в ножны, подумаем о тщетности побуждений, которые заставили нас взяться за оружие. Оставим скифам поклонение мечам. Уподобимся скорее ессеям¹⁵, у которых не было ни одного оружейного мастера; или же тем древним народам, которые не знали, что такое убить или совершить зло. Что касается меня, то я вношу от себя лично это пожелание и предостережение, которое, возможно, окажется бесполезным. Тем не менее я хочу оставить это свидетельство потомкам. Если это ничему не послужит, то нужно иметь терпение. Я теряю так мало — бумагу и слова. Я сказал и сделал все, что было в моих силах, для общественной пользы и благополучия, и те, кто прочтет эту маленькую книгу, будут мне благодарны, и я надеюсь, что они сохраняют память обо мне.

Перевод с французского Е.Е. Кирилловой

¹⁵ *Ессеи* — приверженцы общественно-религиозного течения в Иудее во второй половине II в. до н. э. — I в. н.э., предшественники христиан.

Уильям ПЕНН

ОПЫТ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ МИРЕ В ЕВРОПЕ

ПУТЕМ СОЗДАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНГРЕССА,
ПАРЛАМЕНТА ИЛИ ПАЛАТЫ ГОСУДАРСТВ

1693

Beati pacifici.
Cedant arma togae¹

К читателю: Я хорошо понимаю, что взялся за дело, которое требует гораздо большего умения, чем мое, чтобы выполнить его действительно так, как оно заслуживает и как того требует тяжелое положение Европы. Но ведь и новички могут охотиться столь же успешно, как и опытные охотники, хотя для этого требуется умение выследить дичь и настичь ее. Я надеюсь, что это начинание не будет поставлено мне в вину, лишь бы оно не показалось кому-нибудь несбыточным или несправедливым. Может быть, оно побудит более искусное перо улучшить и усовершенствовать мой план с большим умением и успехом. В оправдание предпринятого мною дела я могу сказать только то, что оно является плодом тревожных размышлений о мире в Европе. Только тот, кому любовь к ближнему не свойственна, так же как вселенной чужд покой, может почувствовать себя оскорбленным за столь миролюбивое предложение. Пусть люди поносят мое начинание, лишь бы они использовали выгоды этого проекта. До тех пор пока вера в тысячелетнее царство Христа не станет всеобщей, я не знаю другого более действенного средства для достижения мира и счастья в этой части света.

¹ «Beati pacifici» (лат.) — «Блаженны миротворцы» (см. Мф. 5: 9). «Cedant arma togae» (лат.) — «Пусть оружие уступит место тоге» (Цицерон), т.е. пусть решает не военная сила, а гражданская власть.

1. МИР И ЕГО ВЫГОДЫ

Надо быть не человеком, а статуей из меди или камня, чтобы оставаться бесчувственным, наблюдая кровавую трагедию этой войны в Венгрии, Германии, Фландрии, Ирландии и на морях, ведущейся с 1688 г.², смертность от болезней и истощения в морских и сухопутных походах, гибель бесчисленного множества людей и кораблей в свирепой морской пучине. И поскольку это должно одинаково глубоко волновать человеческую природу, есть нечто весьма знаменательное в том, что мудрые люди задумываются над этим предметом и особенно над тем, как дорого обходится кровопролитие, составляющее главную часть этой трагедии. Особенно если подумать о порождаемой войной неопределенности, ибо неизвестно, как и когда она окончится и будут ли ее издержки меньше, а опасности — не больше, чем до сих пор. Разве мы не постигаем всю прелесть и выгоду, которые дает мир, лишь в его противоположности? Ибо в условиях мира — таково несчастье человечества — мы слишком часто испытываем пресыщение, подобно тому как полный желудок не переносит сладости; или как тот незадачливый человек, который, имея прекрасную и добрую жену, искал удовольствия в запретной и мало привлекательной компании и говорил, когда его упрекали за пренебрежение большими радостями, что он мог бы любить свою жену больше всех других женщин, если бы она не была его женой, хотя именно это должно было бы только увеличивать его обязательства по отношению к ней. Именно это является важным признаком испорченности нашей натуры. И мысль о том, что мы способны оценить пользу и наслаждение нашим благополучием лишь после того, как мы утратили его, должна нас немало смущать и побуждать к действию наш разум в более благородном и справедливом смысле. Ведь преимущество здоровья мы можем почувствовать, лишь перенеся болезнь, а удовлетворение достатком — лишь в результате суровых уроков нужды, и, наконец, мы не осознаем благ мира, не испытав на себе мучительных и беспощадных бедствий войны. Бесспорно, это не последняя причина того, что Богу нравится наказывать нас войной столь часто. Чего мы можем желать больше, чем мира, кроме благ, которые он дает? Мир сохраняет наши владения; мы живем без страха перед вторжением; наша торговля сво-

² Война 1688–1697 гг. Франции с Германией, Испанией, Швецией и другими государствами, образовавшими Аугсбургскую лигу, в которую с 1689 г. входила и Англия.

бодна и надежна, и мы просыпаемся и ложимся без опасений. Богатые извлекают свои богатства и дают работу бедным ремесленникам. Развивается строительство и осуществляются различные проекты для пользы и удовольствия; расцветает промышленность, которая приносит благосостояние и дает средства для благотворительности и заботы о ближнем, достойных украшений королевства или республики. Война же подобно морозам 1683 г. сразу уничтожает все эти блага и приостанавливает гражданское развитие общества. Богатые придерживают свои запасы, бедные становятся солдатами либо ворами или умирают от голода и нищеты; ни промышленности, ни строительства, ни ремесла; исчезают гостеприимство и милосердие; все, что дарует мир, пожирает война. Мне больше нет нужды говорить об этом предмете, поскольку преимущества мира и тяготы войны столь многочисленны и заметны для любого пытливого ума при любой форме правления. Я перехожу к следующему пункту: каково лучшее средство для достижения мира? В этом разделе будет раскрыт способ, который я собираюсь предложить.

II. О СРЕДСТВАХ УСТАНОВЛЕНИЯ МИРА, КОТОРЫЕ ОСНОВАНЫ НА ГОСПОДСТВЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ, А НЕ ВОЙНЫ

Справедливость является лучшим, чем война, хранителем и носителем мира: хотя, как говорят обычно, *paх gueritum bello* — мир есть конечная цель войны, — и в этом смысле О.К.³ сделал это выражение своим девизом; однако обычное употребление этого выражения показывает нам, что, честно говоря, люди охотнее стремятся удовлетворить свои желания посредством войны и что, поскольку они преступают мир, чтобы достигнуть своих устремлений, они в состоянии снова думать о мире не раньше, чем их аппетиты будут в какой-то степени удовлетворены. Если взять историю всех времен, мы увидим, что агрессоры гораздо больше побуждаются честолюбием, захватническими притязаниями и стремлением господствовать, чем сознанием права. Но поскольку подобные левиафаны все же появляются на свете редко, я попытаюсь сейчас показать, что им никогда не удалось бы нарушить мир во всем мире и покорить

³ О.К. — Оливер Кромвель.

целые страны, как они это совершали, если бы план, который я предлагаю на благо нашему времени, был бы осуществлен уже тогда. Выгоды, отличающие правовые действия от войны, видны также из успеха посольств, которые выслушивают жалобы и петиции, исходящие от потерпевшей стороны, и тем самым часто предотвращают войны. Быть может, успех этих посольств скорее определяется заботой о престиже или пониманием недостаточности имеющихся средств либо каким-нибудь другим частным интересом или соглашением заинтересованных правителей и государств, чем чувством справедливости. Но совершенно очевидно, что, хотя война не может быть оправдана ничем, кроме как причиненной несправедливостью или жалобой на нарушение права, большинство войн начинается с подобных притязаний. Всего лучше это можно увидеть и понять в своем отечестве. Ибо именно справедливость способна предотвратить как гражданскую войну внутри страны, так и войну внешнюю. И мы видим, что когда открыто нарушается справедливость, в королевствах и республиках вспыхивает война между правительством и народом. И какой бы она ни была незаконной со стороны народа, мы видим, что ее возникновение неизбежно. Подобная война должна послужить правителям таким же предостережением, как если бы народ имел право вести ее. Однако при всем этом я должен сказать, что лекарство почти всегда хуже, чем болезнь: зачинщики войны редко достигают цели или выполняют в случае победы свои обещания. А кровь и нищета, которые обычно сопровождают эти начинания, значат как на земле, так и на небесах гораздо больше, чем все прежние потери и страдания и все старания победителей улучшить свое положение. Обманутые надежды оказываются небесным приговором и божьей карой за эти насильственные деяния. Возвращаясь к прежнему, скажу, что справедливость есть средство мира между правительством и народом, индивидуумом и обществом. Она предотвращает раздоры и в конце концов прекращает их: ибо, не говоря о том, что чувство стыда или страха заставляет их прекращать борьбу, обе стороны, подчиняясь правительству, должны ограничивать свои желания и жажду мести удовлетворением, которое дает только исполнение закона. Таким образом, мир поддерживается силой права, которое есть плод деятельности правительства, так же как правительство создается обществом, а само общество — взаимным соглашением.

III. ПРАВИТЕЛЬСТВО, ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЦЕЛЬ ВО ВСЕХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ

Правительство является средством против хаоса, сдерживающим началом, выступающим в роли арбитра, с тем чтобы никто не мог необузданно нанести ущерб ни себе самому, ни другому.

Оно, бесспорно, было сначала патримониальным: отцу или главе семьи наследовал старший сын или ближайший родственник по мужской линии. Но со временем по мере увеличения населения способ правления изменился, правительство приобрело другие обязанности и формы. Судить о его происхождении так же трудно, как о подлинности копий первых свидетельств о священных или мирских делах, которыми мы располагаем. Конечно, наиболее естественной и человеческой формой правления представляется всеобщее соглашение, ибо оно устанавливает свободную, если можно так сказать, связь, когда люди поддерживают свою свободу путем преданного повиновения правилам, ими самими созданным. Ни один человек не является судьей в собственном деле; благодаря этому принципу прекращается хаос и кровавый произвол бесчисленного множества судей и палачей. Вне общества каждый сам себе король, себе на погибель он может делать все, что хочет. Но когда он включается в общество, он подчиняет это свое королевское право интересам целого, получая взамен защиту. Таким образом, он теперь не является ни собственным судьей, ни мстителем, так же как и его противник; между ними стоит беспристрастный закон. И если тот, кто раньше был свободен, станет служить другому, то и другой тоже будет служить ему, хотя прежде он не имел перед ним никаких обязательств. Таким образом, несмотря на то что мы не принадлежим себе — однако любая часть общества является частью нас самих, — мы приобретаем больше, чем теряем: безопасность общества есть безопасность каждого, кто его составляет. Так что, хотя нам и кажется, что мы подчинены обществу и все, что мы имеем, принадлежит ему, на самом деле именно общество сохраняет нам все, что у нас есть.

Итак, правительство является средством предотвращения и устранения беспорядков, орудием справедливости и мира. Для подчинения человеческих страстей и аффектов оно имеет судебные палаты и заседания, суды присяжных, парламенты, с тем чтобы люди больше не были ни судьями собственных поступков, ни мстителями за причиненное им зло. Но поскольку эти страсти весьма свойственны человеку

в его испорченном состоянии, люди не соблюдают, как правило, никаких границ, и по этой причине не так-то легко принудить их к исполнению своего долга. Не то чтобы люди не знали, что неправильно и в чем заключаются их заблуждения или за что их следует порицать, — для них нет ничего более ясного, — но человеческая натура настолько испорчена, что без принуждения тем или иным образом большинство людей не было бы готово исполнить то, что они считают правильным и достойным, или уклониться от того, чего они не должны делать, даже если они отдадут себе в этом отчет. Все это побуждает меня изложить подробнее мое понимание проблемы, а чтобы меня лучше поняли, я кратко изложил в качестве необходимого введения взгляды на мир, справедливость и правительство. Пути и методы, которыми отдельные правительства сохраняют мир, помогут читателям, наиболее заинтересовавшимся моими предложениями, понять, с какой легкостью и выгодой может быть установлен и сохранен мир в Европе. Такова задуманная мною цель, почтительно предлагаемая вниманию всех, кого заинтересует этот небольшой трактат.

IV. О ВСЕОБЩЕМ МИРЕ, ИЛИ О МИРЕ В ЕВРОПЕ И О СРЕДСТВАХ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ

В первой главе я показал желательность мира; в следующей — наиболее надежное средство для его достижения, а именно справедливость, а не войну. И наконец, в третьей — что эта справедливость является плодом деятельности правительства, подобно тому как само правительство есть следствие общества, которое первоначально возникло путем разумного договора людей о мире. Теперь речь будет идти о том, что суверенные правители Европы, которые представляют это общество, или сами люди в их независимом состоянии, предшествующем общественным обязанностям, должны, исходя из того же принципа, который побудил людей создать общество, из любви к миру и порядку организовать по доброму согласию встречу их представителей на всеобщем Конгрессе, в Палате государств или в Парламенте и установить там нормы права для их взаимного соблюдения государями. Таким путем они могли бы собираться ежегодно или по меньшей мере раз в два-три года или когда возникнет необходимость. И это собрание должно называться Верховным советом, Парламентом или Палатой государств Европы. На рассмотрение этой Вер-

ховной ассамблеи необходимо выносить конфликты между теми или другими державами, которые не могут быть разрешены к началу заседания с помощью посольств. И если какая-либо держава, участвующая в этом верховном органе, откажется подчиниться его желаниям и требованиям или не станет дожидаться и в точности исполнять принятое им решение, если она вместо этого прибегнет к помощи оружия или станет откладывать выполнение решения за пределы установленного срока, то все другие державы, объединенные в единую силу, должны принудить ее к подчинению и соблюдению решений с возмещением ущерба, нанесенного пострадавшей стороне, и с оплатой издержек тех держав, которые принудили ее подчиниться. Несомненно, Европа тогда получит желанный и столь необходимый для ее измученного населения мир, так как ни одно государство не будет иметь силы, а следовательно, и желания оспаривать достигнутые соглашения; так в Европе будет осуществлен продолжительный мир.

V. О ПРИЧИНАХ СПОРОВ И ПОВОДАХ ДЛЯ НАРУШЕНИЯ МИРА

Мне кажется, что существуют только три вещи, ради которых нарушается мир, а именно сохранение, возвращение и приумножение того, что есть. Что касается первого случая, то защита от вторжения врага является делом правым; здесь я лишь обороняюсь. Второй случай, когда я считаю себя достаточно сильным, чтобы вернуть силой то, что я или мои предки потеряли из-за нашествия более сильной державы; здесь я наступаю. И наконец, увеличение моих владений путем приобретения соседних областей, если я считаю их слабыми, а себя достаточно сильным. Чтобы оправдать эту страсть, всегда найдется тот или иной предлог. И так как я сознаю свою собственную мощь, я становлюсь собственным судьей и исполнителем. Зло, подобное этому, не найдет больше места в системе государств: она станет непреодолимой преградой для подобных устремлений. Но могут иметь место два других случая, и тогда следует обратиться к справедливости Высшего суда государств. Если подумать, как мало существует охотников за наживой и как быстро они себя разоблачают, то едва ли больше одного раза в течение жизни одного или двух поколений потребуется предпринять подобное дело. И равновесие будет не так уж легко нарушить.

VI. О ПОНЯТИЯХ ПРАВА, ИЗ КОТОРЫХ МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ ПОДОБНЫЕ СПОРЫ

Но я легко предвижу вопрос, на который нужно ответить в ходе наших рассуждений, а именно: что есть право? Ведь иначе мы никогда не узнаем, что есть несправедливость. Весьма уместно установить это понятие. Но гораздо уместнее, чтобы это сделала суверенная Палата государств, нежели я. Чтобы все же содействовать решению вопроса, я должен сказать следующее. Понятие о праве могло складываться либо путем длительного и несомненного наследования, например корон Испании, Франции и Англии; либо путем выборов, как в Польше и в Германской империи; либо с помощью браков, как в династии Стюартов в Англии или у курфюрста Бранденбургского, приобретшего герцогство Клеве, или как мы приобретали в прежние времена разные места за рубежом; оно могло возникнуть также путем купли, как это часто случилось в Италии и Германии, либо путем завоевания, подобно тому как турки поступали в христианских странах, испанцы — во Фландрии, которая раньше почти целиком находилась в руках Франции, а французы — в Бургундии, Нормандии, Лотарингии, Франш-Конте и др. Только последнее понятие о праве — завоевание — с нравственной точки зрения является сомнительным. И хотя оно действительно заняло место в ряду правовых притязаний, оно утверждается острием меча и подписывается кровью. Все, кто не может защищаться и сопротивляться, вынуждены подчиниться. Но весь мир знает, долго ли существуют подобные государства и что они погибают вместе с силой, предназначенной для их защиты. И все же иногда завоевание может получить одобрение, но лишь тогда, когда соглашение о мире содержит одобряющие его статьи. Впрочем, это не всегда способно погасить огонь, подобно тому как угли, тлеющие под пеплом, готовы вспыхнуть при первой возможности. Тем не менее я должен признать, что завоевание, подтвержденное договором и заключением мира, является приемлемым правовым установлением. И несмотря на то, что оно не является изначальным и естественным, а в значительной мере привито искусственно, его следует поддерживать хотя бы потому, что оно обеспечивает надежность более важных правовых понятий, достигнутых путем соглашения. Еще об одном необходимо упомянуть в этом разделе: с какого времени эти понятия должны иметь силу или как далеко назад мы можем идти, чтобы принять их или отвергнуть? Было бы слишком дерзким и непростительным, если бы я попытался дать окончательное суждение по этому дели-

катному вопросу. Будет ли это больший или меньший отрезок времени — до последнего ли всеобщего мира в Нимвегене⁴, или до начала нынешней войны, или же с момента заключения мирного договора, — решение этого вопроса надо предоставить заинтересованным сторонам и специалистам. Но каждый должен быть готов пойти на уступки и жертвы, чтобы сохранить остальное и с помощью такого урегулирования навсегда освободиться от неизбежности потерять большее.

VII. О СОСТАВЕ ПАЛАТЫ ГОСУДАРСТВ

Состав этого Верховного учреждения, или Палаты государств, представляет на первый взгляд немалые трудности в отношении вопроса о том, сколько голосов следует выделить, имея в виду неравенство княжеств и государств. Однако, допуская возможность более приемлемого решения, я не считаю этот вопрос неразрешимым. Ведь если было бы возможным оценить ежегодные доходы различных государств, чьи представители образуют это высокое собрание, вопрос о числе делегатов или голосов, которыми должно быть представлено каждое суверенное государство, не был бы неразрешимым. Очевидно, что доходы могут быть точно подсчитаны в Англии, Франции, Испании, Германской империи и т. д., если принять во внимание поступления с земельных владений, таможенные доходы от ввоза и вывоза, налоговые регистры и сметы, существующие во всех государствах для регулирования налогов. Таким образом, при наличии даже небольшой склонности к миру в Европе можно преодолеть это препятствие. Я мог бы, принеся глубочайшие извинения, дать примерное решение, которое далеко от точности, но я не настаиваю на нем и не предлагаю его как точный расчет, я делаю его лишь приблизительно. И хотя это предложение далеко от справедливого соотношения, оно укажет рассудительному читателю — таково мое намерение — определенную цель. Кстати сказать, я исхожу не из подсчета или оценки доходов того или иного государя, но из ценности территории, в которую включаются все доходы в целом, в том числе и правителей. Это справедливое мерило для суждения, поскольку один государь может иметь доходов больше, чем другой, подчас владеющий более богатой

⁴ *Всеобщий мир в Нимвегене* — ряд мирных договоров (1678–1679), завершивших войну между коалициями государств, которые возглавлялись Францией и Нидерландами.

страной, хотя в примерном решении, которое я теперь предлагаю, предусмотрительность не так уж необходима, поскольку, как я уже сказал, я не пытаюсь делать точных подсчетов и основываю свое суждение на догадке исключительно с целью наглядности. Так, я считаю, что должны послать: Германская империя — двенадцать представителей, Франция — десять, Испания — десять, Италия, которая приближается к Франции, — восемь, Англия — шесть, Португалия — три, Швеция — четыре, Дания — три, Польша — четыре, Венеция — три; семь провинций — четыре; тринадцать кантонов вместе с малыми близлежащими государствами⁵ — два, герцогства Голштинское и Курляндское — одного; если же будут приняты также турки и московиты, было бы достойно и справедливо, если бы они посылали еще по десять человек. Итак, всего было бы девяносто. Хотя это великое собрание представляет собой всего лишь четвертую часть известного нам в настоящее время мира, но зато лучшую и богатейшую, где религия и образование, цивилизация и искусство занимают достойное место. Но вовсе не обязательно, чтобы всегда столь большое количество лиц представляло крупные государства, поскольку голоса могут быть поданы одним человеком от любого государства так же хорошо, как десятью или двенадцатью. Однако чем представительнее является ассамблея государств, тем более значительными, эффективными и свободными будут дебаты, и решения по необходимости будут иметь больший авторитет. Место первой встречи должно находиться по возможности в центре Европы; в дальнейшем они могут встречаться, где пожелают.

VIII. О ПОРЯДКЕ ЗАСЕДАНИЙ ПАЛАТЫ ГОСУДАРСТВ

Чтобы избежать споров о старшинстве, зал заседаний должен быть круглым и иметь различные двери для входа и выхода с целью предупреждения обид. Если общее число представителей делится на десять, то каждая из частей выбирает из своей среды одного, который по очереди с другими председательствует на заседании. К ним должны быть обращены все речи, они должны резюмировать содержание дебатов, ставить вопросы на голосование, которое, по моему мнению, должно осуществляться тайной баллотировкой согласно разумному и

⁵ *Семь провинций* — Нидерланды; тринадцать кантонов — Швейцария; малые близлежащие государства — «союзные земли» Швейцарии (XV–XVI вв.) Сен-Галлен, Невшатель, Валлис и др.

достойному похвалы методу венецианцев, который в значительной степени препятствует дурному воздействию подкупа. В самом деле, если кто-нибудь из делегатов этого высокого и могущественного собрания оказался бы столь низким, вероломным и бесчестным, что поддался подкупу деньгами, он мог бы, даже приняв деньги, тайно проголосовать за свои принципы и в соответствии со своими убеждениями. Все, кому известно тайное голосование, очень хорошо знают это сильное средство и испытанное лекарство против подкупа: ибо, кто захочет дать свои деньги, если его так легко надуть, причем два шанса против одного, что так и будет. Если только человек будет уверен в том, что его не избалуют, принимая деньги в подобном случае, он скорее основательно надует тех, кто их дает, чем причинит зло своей стране.

Мне кажется, что в этом Верховном парламенте решение должно приниматься не иначе как большинством, составляющим три четверти от общего числа, или по крайней мере большинством в семь голосов сверх половины. Я уверен, что это поможет предотвратить предательство, поскольку понадобится слишком много денег, если с их помощью искушение в этом собрании все же окажется возможным, чтобы склонить голосование в дурную сторону. Все жалобы должны представляться в письменном виде в форме памятных записок, а протоколы заседаний сохраняться особыми лицами в шкафу или ящике со столькими замками, сколько имеется десятков в Палате государств. И если бы в каждой десятке имелся секретарь, а также рабочее место для него в самой ассамблее, и если бы в конце заседания от каждой десятки выделялся человек, который, изучив и сравнив протоколы, ведущиеся секретарями, затем запирает их таким способом, как я только что предложил, это было бы хорошо и правильно. Справедливо, чтобы каждое государство, если оно захочет, могло иметь оригинал или копию этих памятных записок и протоколов заседаний. Конечно, свобода и порядок речи не могут быть нарушены теми, кто является мудрейшим и знатнейшим в своем государстве, ради его собственной чести и благополучия. Если возникнут разногласия среди делегатов одного и того же государства, тогда представитель большинства должен подать голос за свое государство. Я думаю, что совершенно необходимо, чтобы каждое государство понуждалось к присутствию строгой системой штрафов и чтобы никто не покидал заседания без разрешения, пока все не будет закончено. Ни в коем случае нельзя допускать нейтрального отношения к спорам, так как подобное безразличие легко откроет дорогу

для нечестных махинаций, за которыми последует цепь тайных и явных преступлений. Я хотел бы сказать немного о языке, на котором следует вести заседания Верховной палаты государств; конечно, это должен быть только латинский или французский; первый очень удобен для юристов, последний наиболее легок для знатных людей.

IX. О ВОЗРАЖЕНИЯХ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ВЫДВИНУТЫ ПРОТИВ ДАННОГО ПЛАНА

Сначала я хочу ответить на возражения, которые могут быть высказаны против моего предложения; в следующем и последнем разделах я постараюсь показать некоторые из тех многочисленных преимуществ, какие возникнут в результате образования этой Европейской лиги, или конфедерации.

Первое возражение заключается в том, что наиболее сильная и богатая держава никогда не согласится с этим планом; а если и примет его, то тогда опасность подкупа окажется большей, чем раньше угроза силы. Отвечаю на первую часть возражения: данное государство не сильнее, чем остальные, вместе взятые; вследствие этого его надлежит побудить и принудить к вступлению в союз, прежде чем оно станет слишком сильным, когда будет уже поздно что-либо предпринимать по отношению к нему. Что касается последней части возражения, то я должен сказать, что подкуп возможен в любом случае. Может быть, количество подкупов окажется меньшим. Если же будут избраны разумные, честные и состоятельные люди, они будут презирать как низость получение от кого бы то ни было денег за бесчестные поступки. Наконец, они могут контролировать себя путем взаимного наблюдения, и все они благоразумно останутся в пределах, предоставленных им властью, которую они представляют. Во всех важных случаях, особенно перед принятием окончательного решения, они обязаны передавать своему правительству наиболее существенные пункты каждого важного дела и получать его решающие инструкции. Последние должны быть даны самое большее через двадцать четыре дня с того момента, когда будет определено место заседаний.

Другое возражение состоит в том, что якобы возникает опасность изнеженности, если ремесло солдата выйдет из употребления, и когда возникнет в нем действительно нужда, мы можем потерпеть поражение, как Голландия в 1672 г.

На самом деле опасности изнеженности не существует, потому что каждое государство, если захочет, может ввести умеренность и строгость как принцип воспитания юношества путем простой жизни и обязательного труда. Обучайте юношей точному знанию и естественным наукам, которыми гордится немецкое дворянство! Это делает из них мужчин, а не женщин и не львов: поскольку солдат — другая крайность по отношению к изнеженности. Только знание природы, так же как занятия искусством, столь же полезные, сколь и приятные, воспитывает в людях самопознание и понимание мира, в котором они родились; они учат их, каким путем нужно приносить пользу себе и другим, спасая и помогая, а не убивая или разрушая. Политические знания вообще и в частности изучение конституций европейских государств и особенно своей собственной страны являются наиболее ценным элементом образования. Это подготовит человека для парламентской деятельности внутри страны и службы при дворах государей и в Верховной палате государств за рубежом. В конце концов он станет человеком, которому близки общественные интересы, он принесет людям пользу, а когда наступит время, уйдет в отставку.

Теперь о второй части возражения — о нехватке солдат в Голландии в 1672 г. Само мое предложение отвечает на этот вопрос. Так как причин для войны в одном месте не больше, чем в другом, то будет бесполезно искать повода к ней. Не следует думать, что кто-либо станет содержать большую армию, зная, что за его спиной стоит сила, от которой зависит безопасность всех остальных. К тому же, если возникнет необходимость, всегда по указанию Палаты государств можно поставить вопрос о том, что правитель содержит большое количество войск или увеличивает свою армию, и он обязан будет немедленно перестроить или сократить свою армию, чтобы она не угрожала соседям. Но небольшое количество войск, необходимое в каждом государстве, предотвратит подобного рода опасность и устранил какой-либо страх.

Третье возражение состоит в том, что возникнут большие трудности при устройстве младших сыновей в семье, так как бедняки могут быть либо солдатами, либо ворами. Я отвечу на это, обратившись ко второму возражению. Мы будем иметь больше купцов, земледельцев или искусных инженеров, если правительство проявит хотя бы ничтожную заботу об образовании молодежи, что должно стать наряду с заботой о благосостоянии каждой страны главной задачей правительства. Ибо от образования молодежи зависят свойства следующего поколения и то, в каких руках — хороших или плохих — окажется правительство.

Перехожу к последнему возражению, согласно которому государи будто бы потеряют свой суверенитет, с чем они никогда не примирятся. Но это мнение, с вашего позволения, также ошибочно, поскольку они остаются у себя дома столь же суверенными, какими были всегда. Ни их власть над народом, ни их обычные доходы, получаемые ими от народа, не уменьшатся, не говоря уже о том, что естественным следствием этого будет сокращение военных расходов. А сохраненные таким образом средства с большей пользой могут быть использованы для всеобщего блага. Таким образом, государства остаются суверенными, как и прежде, но теперь ни одно из них не имеет преимуществ перед другим. И если это называется ослаблением их мощи, то только в том смысле, что большая рыба более не сможет пожирать малую и что любая держава равным образом защищена от несправедливости и сама не способна совершать их. *Sedant arma togae* — прекрасное изречение: воркование голубя; оливковая ветвь мира; благодеяние, столь великое, что, когда бог хочет жестоко наказать нас за грехи, он в качестве розги по большей части выбирает войну. И опыт учит нас, что именно она оставляет самые глубокие шрамы.

Х. О РЕАЛЬНЫХ ВЫГОДАХ, КОТОРЫЕ ВЫТЕКАЮТ ИЗ ДАННОГО МИРНОГО ПЛАНА

Перехожу теперь к последнему разделу, в котором я перечислю некоторые из тех многочисленных реальных благ, которые вытекают из этого проекта о настоящем и будущем мире в Европе.

Среди них далеко не последнее место занимает тот факт, что этот план предотвращает обильное пролитие человеческой, христианской крови! Дело, столь противное Богу и, как всегда, столь ужасное и бедственное для людей, само по себе говорит в пользу нашего плана вопреки всем возражениям. Ведь что иное, кроме своей души, может человек дать в обмен за жизнь? И хотя люди, занимающие в правительстве высокое положение, редко подвергаются личной опасности, их важнейшая обязанность заключается в заботе о сохранении жизни своих подданных; нет ни малейшего сомнения в том, что они ответственны перед Богом за кровь, которая была пролита у них на службе. Так что помимо уничтожения многих человеческих жизней, необходимых каждому правительству для труда и ум-

ножения человеческого рода, отныне будут предотвращены стенания многих вдов, родителей и сирот, которые, являясь естественными последствиями войны, не могут ласкать слух правительства.

К этому добавляется другое очевидное благо для христиан, которое вытекает из осуществления мирного проекта: доброе имя христиан, которое потерпело большой урон из-за кровопролитных и несправедливых войн не только против неверных, но и друг с другом, будет в какой-то степени восстановлено в глазах нехристианских народов. Ведь позорно для нашей святой веры, что христиане во славу своего спасителя слишком долго жертвовали своей верой и достоинством ради мирских страстей, слишком часто побуждались честолюбием или жаждой мести. Не всегда поступали они по праву. И право не есть повод для войны: не только христиане против христиан, но христиане одного и того же вероисповедания обгащают свои руки в крови единоверцев, причем они, как только могут, взывают к помощи и поддержке доброго и всемилостивого Бога, чтобы он держал их сторону при уничтожении их братьев. Между тем Спаситель говорил им, что он пришел к людям, чтобы спасти, а не лишать их жизни, чтобы дать и укрепить мир среди людей; и во всяком случае, если Он мог сказать, что хочет ниспослать войну, это была бы война подлинно священная, направленная против дьявола, а не против людей. Среди всех его титулов наиболее ценным и желанным для нас является то, что Он Князь мира. Это его натура, его призвание, его деяние, это конечная цель и высшая благодать пришествия его, основателя и хранителя нашего мира от Бога. И весьма знаменательно, что во всем Евангелии Он только один раз назван львом, но зато очень часто — агнцем божьим, чтобы показать Его мягкую, кроткую и полную любви натуру. И те, кто хочет стать приверженцами Его креста и царства, поскольку они нераздельны, должны уподобиться Ему, как возвестили св. Павел, св. Петр и св. Иоанн. Также сказано, что не агнец должен склониться перед львом, но лев перед агнцем; это означает, что война должна сделать уступку миру, а солдаты — обратиться в отшельников. Конечно, христиане не должны ни искать ссор между собой, ни впадать в гнев против кого бы то ни было и меньше всего стремиться к сомнительным и преходящим радостям этого мира. И не должно быть никаких исключений из этого правила. Здесь имеется широкое поле деятельности для благочестивого духовенства Европы, которое оказывает большое влияние на правителей и народ. Проповеди и усердие священников могли бы служить осуществлению предложенных мною мирных средств,

которые положат конец если не раздорам, то хотя бы кровопролитию. И тогда в ходе свободного обсуждения судьей станет разум, а не меч; таким образом, право и мир, цель и плоды мудрого правления и наилучший путь развития любой страны последуют за осуществлением этого проекта.

Третья выгода от нашего плана состоит в том, что он сохраняет деньги в равной степени как правителей, так и народа и тем самым предотвращает то недовольство и разногласия между ними, которые обычно возникают из-за чудовищных расходов на войну. С другой стороны, мой план дает им возможность содействовать развитию науки и образования, благотворительности, ремесел и т. д., что составляет добродетель правительства и украшение страны.

Но деньги и хорошее состояние хозяйства не единственная выгода, извлекаемая в соответствии с моим планом страной, благополучию и счастью которой посвящен этот краткий трактат. Мой проект сокращает также большие расходы, требующиеся для частых и дорогостоящих посольств, для содержания шпионов и разведки, на которые даже самые разумные правительства тратят огромные суммы. Причем все это осуществляется не без аморальных методов, например подкупом подчиненных, с целью выведать таким путем секреты их хозяев, что нельзя оправдать ни христианской, ни древнеримской добродетелью. Но там, где нечего бояться, не нужны и сведения, и подкуп или становится слишком дешев, или исчезает совсем. Я мог бы также упомянуть о пенсиях вдовам и сиротам погибших на войне, а также инвалидам, доля которых в бюджете страны достигает значительных размеров.

Четвертое преимущество нашего плана состоит в том, что страны, города и деревни, которые могли бы быть опустошены жестокостью войны, остаются в целости. Это благо лучше всего могут понять во Фландрии и Венгрии, а также на всех пограничных землях, которые почти всегда являются ареной грабежа и разорения. История Англии и Шотландии дает нам достаточный пример, не говоря уже о том, что делается на морях.

Пятая выгода мира обеспечивает легкость и безопасность торговли и сообщения — счастье, потерянное со времени распада Римской империи на многочисленные государства. Но мы можем легко представить себе удобства и выгодность путешествий через государства Европы с помощью пропуска от любого из этих государств, подлинность которого удостоверяется лигой миролюбивых государств. Тот, кто путешествовал по Германии, разделенной на мно-

жество государств, испытав большое количество задержек и проверок на своем пути, знает необходимость и значение этой привилегии, особенно если бы он совершал большое турне по Европе. Таким путем осуществляется преимущество универсальной монархии, но без присущих ей отрицательных сторон. Если бы все принадлежало одной империи, то отдельные провинции, которые ныне образуют европейские королевства и государства, несмотря на указанное выше преимущество, страдали бы от гнета больших денежных поборов в пользу верховного правления, от честолюбия и жадности различных проконсулов и правителей, а также от больших налогов на содержание многочисленных гарнизонов. Эти военные отряды, которые поддерживают их собственное угнетение, чувствуют себя здесь непрочно и стремятся только к тому, чтобы разбогатеть: конечно, у них нет того интереса к жизни народа, какой постоянно выказывает его собственный правитель. Таким образом, только управление туземных государей или сословий в сочетании с преимуществом мира и безопасности может сделать приемлемой универсальную монархию. Такова особенность нашего предложения, и на этом основании его следует предпочесть.

Следующая выгода состоит в охране наиболее процветающих областей, принадлежащих христианам, от набегов турок. Ибо для Порты было бы невозможным одерживать над христианами столь частые и значительные по последствиям победы, если бы не беззаботность или не преднамеренное потворство, а то и прямая помощь некоторых христианских правителей. И по той же причине, по какой ни один из христианских монархов не осмелится сопротивляться или разрушать этот союз, турецкий султан почувствует необходимость согласиться с ним ради сохранения того, что он имеет в Европе, где он при всей своей силе ясно почувствует перевес противостоящей ему мощи. Грабежи и слезы, измена и кровь, опустошения, которые войны причинили христианским народам, особенно в течение последних двух столетий, говорят в пользу наших предложений и тем самым бесхитростно показывают всю благодать мира.

Седьмым преимуществом европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств является то, что возникнет и укрепится личная дружба между государями и парламентами, что приведет к искоренению войн и возвращению мира на тучной и плодородной почве. Ведь государям, так же как и частным лицам, было бы интересно посмотреть дворы и города других стран, если бы они могли

спокойно и безопасно удовлетворить эту свою склонность. Сильное стремление к миру возникло бы тогда, когда они могли бы свободно беседовать друг с другом и лично высказывать или получать знаки взаимной любезности и доброжелательности. Гостеприимство, которое оставляет подобное впечатление, едва ли послужит поводом для возникновения недоразумений или споров. Их соревнование должно выражаться в примерах доброй воли в отношении законов, нравов, образования, искусств, строительства и, в частности, в том, что относится к милосердию — истинной славе правительства, где нищие такая же редкость, как в иных местах было бы чудом не видеть ни одного.

Но этим не ограничиваются блага, которые вытекают из этого свободного общения правителей. Помимо того будет охраняться естественная взаимная склонность, которая почти целиком утрачена, с тех пор как их дети или сестры вступают в брак в другие царствующие дома. Ведь теперешнее состояние неискренности между государями лишает это естественное чувство радости, которой обладают семьи простых людей. С тех пор как дочь или сестра вступает в брак с главой другого государства, природа подчиняется интересу, который по большей части основан не на здоровом и достойном похвалы фундаменте, а на честолюбии или низкой алчности. Я повторяю, что эта свобода, как результат нашего мирного плана, в семьях правителей возвращает природе ее справедливое право и достоинство, приносит этим семьям благополучие, которое всегда сохраняется там, где природа занимает свойственное ей место. Ныне дочери могут сами просить своих родителей, а сестры братьев о добром взаимопонимании между ними и их мужьями, где природа не подавляется разлукой или нечистыми интересами; напротив, она оказывает более сильное воздействие благодаря встречам и знакам внимания, исходящим от столь близких родственников; именно так оно скорее достигнет цели. Они едва ли смогут противостоять нежнейшим просьбам столь могущественных просителей, как дети и внуки, сестры, племянники и племянницы. И наоборот, дети и сестры в ответ на такие просьбы родителей и братьев станут хорошими отношениями между ними и их супругами хранить и укреплять их собственные семьи.

Чтобы завершить этот раздел, нужно назвать еще одно очевидное преимущество, которое вытекает из этого обоюдного согласия и доброго взаимопонимания и, на мой взгляд, должно иметь большое зна-

чение для государей. Я считаю, что они должны выбирать себе в жены тех, кого они любят, а не руководствоваться выгодой или низкими побуждениями, редко порождающими и сохраняющими ту доброжелательность, которая должна царить между мужем и женой. Удовлетворение, которое познают столь немногие правители и которому уступают все другие радости! Это заставляет меня часто думать о том, что преимущество простых людей в их семейном благополучии перед правителями является достаточным противовесом их большому величию и блеску: последние существуют больше в воображении, чем реально, причем часто противозаконны. Первые же естественны, прочны и достойны похвалы. Кроме того, несомненно, взаимная склонность мужчины и женщины еще до брака, которая так редко встречается среди правителей, оказывает наилучшее и благородное влияние на их потомков, которые по их примеру в свою очередь выбирают себе желанных супругов. Это в значительной степени предотвращает незаконную любовь и беды, которые неизбежно вытекают из подобных интрижек. Какая ненависть, какая кровная вражда, сколько войн и опустошений в течение столетий порождалось антипатией государей и их жен! Какой противоестественный разрыв между их детьми, какой упадок династий и даже потеря земель! Смотрите, вот подходящее средство, естественное, приносящее счастье как государям, так и их народу, и в высшей мере действенное, чтобы предотвратить все эти беды! Ибо как только характер государей будет обновлен и укреплен с помощью взаимных обетов и выражений любви, о которых я уже говорил, это окажет столь благотворное и здоровое влияние на их уmonoстроение, что двор и страна очень скоро почувствуют благие последствия, особенно если у подданных достанет благоразумия показать свою заинтересованность в благополучии детей и родственников их правителей. Ведь это обстоятельство побудит не только государей быть добрыми, но и их родственников обяжет выступить могучими заступниками народа перед его правителями, если, к несчастью, возникнут какие-либо разногласия между ними обоими.

Так кончается этот раздел. Мне остается только дать заключение к этому трактату. Если я не сумел понравиться моему читателю или оправдать его ожидания, меня немного утешает мысль о моих добрых намерениях и о том, что он затратил на это лишь немного денег и времени. А краткость — это извинение, если не добродетель в тех случаях, когда предмет незанимателен или тем более плохо изложен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне хотелось бы закончить мое предложение о европейском Суверенном или Верховном конгрессе, Парламенте или Палате государств тем, о чем я упоминал раньше и что обращает на себя внимание каждого, кого это касается, если он вспомнит об опыте своего правительства. Согласно тому же закону справедливости и благоразумия, с помощью которого родители и хозяева управляют со своими семьями, магистраты руководят своими городами, сословные представительства — вольными городами, князья и короли — своими княжествами и королевствами, Европа может установить и сохранять мир среди своих государств. Ибо войны есть не что иное, как поединок между государствами. И подобно тому как правительство в королевствах и республиках препятствует людям быть собственными судьями и мстителями, держит в узде такие человеческие страсти, как оскорбление или месть, и подчиняет как малых, так и великих господству справедливости, так и сила не должна одолевать или подавлять право, а сосед не должен покушаться на независимость и суверенитет соседа, поскольку они откажутся от своих изначальных устремлений в пользу общественного блага и спокойствия. Таким образом, будет не так уж трудно, если трезво взвесить все в целом и по частям, понять, разработать и, наконец, осуществить план, который я здесь предложил.

А для лучшего понимания и осуществления идеи безопасности и умиротворения Европы, которую я здесь излагаю, я советую государствам и сословиям внимательно прочитать сообщение сэра Вильяма Темпла о Соединенных провинциях⁶, которое представляет собой образец и дает основанный на опыте ответ на все возражения, которые могут быть выдвинуты против осуществимости моего проекта; больше того, он являет собою эксперимент, который не только подходит к нашему случаю, но и преодолевает трудности, которые могут сделать его осуществление сомнительным. В самом деле, мы найдем там три степени суверенности, из которых складывается в Генеральных штатах верховная власть. Я назову их в обратном порядке. Во-первых, это сами Генеральные штаты, затем непосредственно суверенные государства, образующие Штаты и представляющие собой провинции, соответству-

⁶ Пенн ссылается на труд своего современника, государственного деятеля Англии Вильяма Темпла (1628–1699) «Замечания о Соединенных провинциях» (1672).

ющие державам Европы, которые по нашему плану посредством своих представителей должны образовать европейский Конгресс, Парламент или Палату государств. Кроме того, различные города в каждой провинции, которые образуют многие независимые или отдельные суверенные единицы, образуют провинциальные генеральные штаты, так же как последние составляют Генеральные штаты в Гааге⁷.

Но я признаюсь, что мое горячее желание состоит в том, чтобы честь провозглашения и осуществления столь великого и благого проекта принадлежала бы Англии раньше, чем всем другим европейским странам! И это несмотря на то, что кое-что из содержания нашего предложения, особенно замысел и подготовка, является заслугой мудрости, справедливости и величия Генриха Четвертого, короля Франции, чьи выдающиеся качества возвысили его личность среди всех его предшественников и современников, и он по достоинству был отмечен именем Великого. Ибо он ближе всех подошел к тому, чтобы принудить правителей и государства Европы к политическому равновесию, когда испанская клика именно по этой причине затеяла и осуществила его убийство руками Равальяка. Я не боюсь получить порицание за предложенное мною средство установления настоящего и будущего мира в Европе, поскольку оно представляет собой не только проект, но и славное поле деятельности одного из величайших государей, который когда-либо правил, и поскольку оно нашло практическое осуществление в устройстве одного из мудрейших и могущественнейших государств. В заключение следует сказать, что моя личная ответственность во всем этом деле очень невелика; поэтому, если оно удастся, моя заслуга в этом будет ничтожной. Ибо уже пример великого короля показывает нам, что план заслуживает осуществления, а сообщение сэра Вильяма Темпла дает превосходный пример того, что его осуществление фактически возможно. Европа же своими беспримерными страданиями ныне настоятельно побуждает нас воплотить этот план в жизнь. Таким образом, мое участие заключается только в том, что в этот критический момент я думаю об этом и представляю свой план на суд общест-венности ради мира и процветания Европы.

*Перевод с английского
И.С. Андреевой*

⁷ Генеральные штаты — парламент Нидерландов после революции 1566–1609 гг.

Шарль Ирине де СЕН-ПЬЕР

**ИЗБРАННЫЕ МЕСТА
ИЗ ПРОЕКТА ВЕЧНОГО МИРА
(В ИЗЛОЖЕНИИ Ж.-Ж. РУССО. 1760)**

1713–1717

Никогда еще ум человеческий не был занят более величественным, более прекрасным и полезным замыслом, нежели проект вечно-го и всеобщего мира между всеми народами Европы; вот почему никакой другой автор не заслуживает большего внимания общества, чем тот, кто предлагает средства осуществления такого проекта. Трудно себе представить, чтобы подобная тема не возбудила в отзывчивом и добродетельном человеке хотя бы незначительного воодушевления, и я не знаю, быть может, иллюзии истинно человеческой души, которой благодаря ее порыву все кажется легко осуществимым, предпочтительнее той черствой и отталкивающей рассудочности, которая в своем безразличии к общественному благу вечно отыскивает любые препятствия всему, что может пойти ему на пользу.

Не сомневаюсь, что многие читатели заранее вооружатся недоверием, чтобы воспротивиться радости убеждения, и я жалею этих людей, столь безрадостно считающих упрямство мудростью. Но я надеюсь, что какая-либо честная душа разделит упонительное волнение, с которым я принимаюсь за столь значительный для человечества предмет. Я увижу, по крайней мере мысленно, объединенных и полюбивших друг друга людей, я буду размышлять о спокойном и миролюбивом сообществе братьев, живущих в вечном согласии, руководствующихся одними и теми же истинами, счастливых всеобщим благополучием; и образ несуществующего счастья позволит мне вкушать на несколько мгновений счастье подлинное, порожденное созданной в моем уме столь трогательной картиной.

Я не в силах был отказаться от выражения в этих первых строках переполнивших меня чувств. Попробуем же теперь рассуждать хладнокровно. Твердо решив не предлагать ничего такого, что я не смог бы обосновать, я считаю себя вправе просить читателя в свою очередь не отвергать ничего того, что ему удастся опровергнуть, ибо я боюсь не столько резонеров, сколько тех, кто и доводам не поддается и противопоставить им ничего не желает.

Не нужно долго размышлять над средствами улучшения какого-либо правительства, чтобы заметить затруднения и помехи, которые порождаются скорее не его устройством, а его внешними связями, так что большую часть тех усилий, которые ему надлежало бы посвятить правлению, оно вынуждено уделять собственной безопасности и более помышлять о том, чтобы оказаться в состоянии противостоять другим правительствам, нежели стремиться к совершенству в самом себе. Если бы общественное устройство, как полагают, было плодом разума в большей мере, чем страстей, нужно ли было бы ждать так долго, чтобы увидеть, слишком ли много или слишком мало сделано им для нашего счастья, увидеть, что все мы в гражданском состоянии совместно с нашими согражданами и в природном состоянии вместе с остальным человечеством предотвращали частные войны лишь для того, чтобы разжечь из них всеобщие, в тысячу раз более ужасные, что, объединяясь в группы из нескольких человек, мы на деле становимся врагами рода человеческого.

Если существует какое-либо средство устранить эти опасные противоречия, то им может быть лишь форма конфедеративного правления, которое, объединяя народы узам, подобными тем, что сплачивают отдельных индивидов, подчиняет равным образом и тех и других авторитету законов. Подобное правление к тому же кажется предпочтительнее, чем всякое другое, потому что оно равным образом несет выгоды и большим и малым государствам; благодаря своей мощи оно внушает почтение своим соседям, потому также, что в нем неукоснительно соблюдаются законы и оно, только оно одно, способно удерживать в повиновении подданных, вождей и иностранцев.

Хотя эта форма правления выглядит в ряде отношений новой — да и в самом деле, она была правильно понята только в Новое время, — древним она также была известна. У греков были свои амфикионы, у этрусков были лукумоны, у латинян — ферии, у галлов — цитеи — их народные собрания; последние дни Греции были прославлены Ахейским союзом. Но ни одно из этих обществ не достигло мудрости

сообщества германских государств, Гельветической лиги и Генеральных штатов¹. Существование этих политических учреждений в столь малом числе и столь далеких от совершенства, на которое, как видно, они способны, объясняется тем, что наилучшее не достигается с такой же легкостью, с какой его можно себе вообразить, и тем, что в политике, как и в морали, обширность наших познаний свидетельствует лишь о размерах наших зол.

Помимо этих общественных конфедераций могут молчаливо сформироваться другие — менее заметные, но не менее реальные, порожденные общностью интересов, взаимосвязью истин, единством обычаев и другими обстоятельствами, в силу которых сохраняются взаимные связи между разобщенными народами. Таким образом, все европейские державы образуют между собой род системы, в которую они объединены одной и той же религией, одними и теми же правами людей, правами, литературой, торговлей и известным родом равновесия, являющимся необходимым результатом всего этого, и, несмотря на то что никто в действительности не помышляет сохранять это равновесие, оно может быть нарушено не столь легко, как думают многие.

Это сообщество народов Европы существовало не всегда, но особые причины, которые породили его, все еще способствуют его сохранению. В самом деле, до римского завоевания все народы этой части света, варвары, не ведавшие о существовании друг друга, имели лишь одно общее свойство — быть людьми, и это свойство, приниженное в то время рабством, в их сознании немногим отличалось от животного состояния. Так, тщеславные и склонные к резонерству греки различали, если так можно сказать, два вида людей, один из которых, а именно они сами, был создан, чтобы управлять, а другой, включавший в себя все остальное человечество, — исключительно ради услужения. Из этого положения вытекало, что галл или ибер значил для грека не

¹ *Амфикиотионы, лукумоны, ферии, цитеи* — союзы племен и городов-государств, создававшиеся для совместной охраны общего святилища, где хранились сокровища, происходили межплеменные празднества и т. п.

Ахейский союз — союз древнегреческих городов-государств, сложившийся в III в. до н.э., в котором было общее союзное гражданство, единая система монет, мер и веса.

Сообщество германских государств — Священная Римская империя германской нации.

Гельветическая лига — союз Швейцарских кантонов (Гельвеция — латинское название Швейцарии).

Генеральные штаты — парламент Нидерландов.

больше, чем какой-нибудь кафр или американец, а сами по себе варвары между собой имели не больше общего, чем греки с ними.

Но когда этот суеверный по своей природе народ попал под власть римлян, бывших его рабов, и часть известного тогда земного полушария испытала общее иго, среди всех членов Империи сформировалось политическое и гражданское единение. Это единство было в значительной степени упрочено благодаря стремлению — или очень мудрому, или же крайне безрассудному — наделить побежденных всеми правами, которыми располагали победители, особенно благодаря знаменитому декрету Клавдия², который всех подданных Рима включил в число его граждан.

К политической цели, которая таким образом объединяла всех членов в одно целое, добавились гражданские установления и законы, которые сообщили новую силу этим связям, справедливо и беспристрастно, ясно и четко определив, по крайней мере насколько это было возможно в столь обширной империи, взаимные обязанности и права государя и подданных, а также граждан между собой. Кодекс Феодосия, затем законы Юстиниана³ образовали новую цепь правосудия и разума, заменившую, к слову сказать, права самодержца, которые тем весьма заметно ослаблялись. Такая замена значительно задержала распад Империи, и в ней благодаря этой мере долго сохранялось подобие судебной власти, распространявшейся на тех самых варваров, которые расшатывали Империю.

Третью связь, более сильную, чем перечисленные, образовала религия, и нельзя отрицать, что прежде всего христианству Европа еще и поныне обязана существованием такого рода сообщества, которое возникло среди ее сочленов и укрепилось настолько, что тот из них, который в этом смысле не воспринял взглядов других, всегда оказывается как бы чужаком среди других членов сообщества. Столь

² Декрет Клавдия (48 г. н.э.) — предоставил населению некоторых из завоеванных Римом областей права римского гражданства; основной целью декрета было упрочение власти Рима над покоренными народами и привлечение граждан-провинциалов на службу в римскую армию.

³ Кодекс Феодосия — законодательный сборник указов римских императоров (438), составленный при императоре Восточной Римской империи Феодосии с целью унифицировать судопроизводство на территории Римской империи и тем самым укрепить ее единство.

Законы Юстиниана — свод гражданского права (529–565), с помощью которого правительство Восточной Римской империи пыталось воспрепятствовать росту власти феодализирующейся знати.

презираемое при своем возникновении христианство послужило в конце концов прибежищем для своих гонителей. После того как Римская империя так жестоко и безрезультатно преследовала христианство, она нашла в нем источник силы, которой сама уже не располагала; проповедь христианства имела для нее большую ценность, нежели военные победы; Империя посылала епископов исправлять промахи своих полководцев и торжествовала благодаря своим священникам там, где ее солдаты терпели поражение. Именно благодаря этому франки, готы, бургунды, лангобарды, авары и множество других племен признали наконец власть Империи, после того как они покорили ее и приняли, по крайней мере внешне, вместе с учением Евангелия законы государя, который повелевал им его проповедовать.

Уважение, которое все еще оказывали этому большому агонизирующему организму, было таково, что до последнего момента его разрушители украшали себя его же титулами: военачальниками Империи становились те же завоеватели, которые ее унизили; самые выдающиеся вожди принимали почести патрициев, должности префектов, консульские звания и даже домогались их. Подобно льву, стремящемуся подолститься к человеку, которого он мог бы растерзать, эти устрашающие победители воздавали почести императорскому трону, хотя в их власти было опрокинуть его.

Вот таким путем духовенство и Империя образовали ту общественную связь различных народов, которые без всякой подлинной общности интересов, правопорядка или зависимости, приобрели общность принципов и взглядов, воздействие которых сохраняется и тогда, когда основа его разрушена. Древнее подобие Римской империи продолжало порождать известный род связи между сочленами, из которых она ранее состояла; и после того как Рим возобладал в новой форме после разрушения Империи, от этой двойной связи⁴ осталось (там, где находился центр двух могущественных начал) сообщество европейских наций, более тесное, чем в других частях света, различные народы которых, слишком разрозненные, чтобы сотрудничать, не имеют к тому же никакого объединяющего их начала.

⁴ Почтение, внушаемое Римской империей, настолько пережило ее могущество, что многие юристы спрашивали, не является ли германский император естественным властелином мира; а Бартоло развил эту идею до того, что считал еретиком всякого, кто осмеливался в этом сомневаться. Сочинения канонистов полны сходных решений по поводу светской власти Римской церкви.

Добавьте к этому особое положение Европы, более равномерно населенной, более равномерно плодородной, лучше объединенной во всех своих частях; непрестанное перекрещивание интересов самодержцев, порождаемое узами крови, торговыми делами, искусствами, владением колониями; добавьте к этому же обилие рек и разнообразие направлений, в которых они текут, что делает легкими средства сообщения; непоседливое настроение жителей, побуждающее их непрестанно путешествовать и часто приезжать друг к другу; изобретение книгопечатания и общее влечение к печатному слову, благодаря которому у европейцев возникла общность наук и знаний; наконец, большое число и незначительные размеры государств, что в силу потребности в роскоши и благодаря разнообразию климатов непременно делает их необходимыми друг другу. Все эти причины превращают Европу в отличие от Азии или Африки в идеальное собрание народов, объединяемых не одним лишь именем в подлинное сообщество, имеющее свою религию, свои нравы, обычаи и даже законы, от которых ни один составляющий сообщество народ не может отступить, не нарушив тотчас же общего спокойствия.

С другой стороны, взирая на вечные раздоры, разбой, узурпации, восстания, войны, убийства, которые ежедневно вносят разлад в это почтенное прибежище мудрецов, это блестящее вместилище наук и искусств, сопоставляя наши великолепные слова и наши ужасающие поступки, такой избыток человеколюбия в принципах и такую жесткость в действиях, столь кроткую религию и столь кровавую нетерпимость, политику, весьма умеренную в книгах и крайне жесткую на деле, таких благодетельных вождей и столь несчастные народы, столь умеренные правительства и столь безжалостные войны, — взирая на все это, с трудом понимаешь, как можно примирить такие удивительные противоречия; пресловутое же братство народов Европы выглядит лишь насмешкой, которая иронически выражает их взаимное озлобление.

Однако все это — нормальный ход вещей. Всякое общество, лишенное законов или вождей, всякий случайно возникший или также случайно сохраняющийся союз необходимо должен переродиться в ссору и распрю при первой же перемене ситуации. Древний союз народов Европы усложнил их интересы и права на тысячу ладов; они соприкасаются в стольких пунктах, что малейшее движение одних не может не задеть других; их расхождения тем более губительны, чем теснее их связи, а их частные столкновения носят почти такой же ожесточенный характер, какой свойствен гражданским войнам.

Согласимся же, что взаимоотношения европейских держав в точности характеризуются состоянием войны и что все частные соглашения между некоторыми из них — это, скорее, быстро проходящие передышки, нежели подлинный мир, вследствие того, что эти соглашения обычно гарантируются лишь самими договорившимися сторонами, или оттого, что права их никогда не регулируются радикальным образом, а их плохо удовлетворенные запросы или вытекающие из них претензии во взаимоотношениях между державами, которые не признают никакого главенства над собой, являются неизбежным источником новых войн, возникающих, как только перемена ситуации придает новые силы претендующей стороне.

Поскольку к тому же европейское публичное право не установлено, не утверждено с общего согласия и не руководствуется никакими общими принципами, постоянно видоизменяясь в зависимости от места и времени, оно изобилует противоречащими друг другу правилами, которые могут регулироваться только правом сильного; война становится еще более неотвратимой благодаря тому, что, даже если все желают поступать по справедливости, лишенный надежной ориентации разум неизменно склоняется к защите личных интересов, коль скоро речь идет о сомнительных вещах. При самых благих намерениях все сводится к решению подобного рода противоречий оружием или их смягчению посредством временных соглашений; однако вскоре к прежним причинам этих споров добавляются другие, видоизменяющие их; все запутывается, усложняется, суть дела уже невозможно разобрать, самоуправство заступает место права, слабость выдается за несправедливость; и среди этих непрерывных беспорядков каждый, сам того не замечая, в такой мере утрачивает свои изначальные позиции, что, если бы можно было вернуться к устойчивому первоначальному пониманию права, в Европе осталось бы мало государей, которые не должны были бы лишиться всего, что они имеют.

Другие, более скрытые, но не менее реальные семена войны таятся в том, что вещи не меняют формы, изменяя свою природу: ибо наследственное по сути дела правление внешне кажется выборным, ибо в монархиях существуют парламенты или национальные штаты, а в республиках — наследственные вожди; ибо одна держава, зависящая от другой, сохраняет видимость свободы, а народы, подчиненные одной и той же власти, управляются не одними и теми же законами, а порядок наследования неодинаков в различных государствах одного и того же самодержца; опасность, наконец, в том, что каждое

правительство вечно изменяется к худшему и нет никакой возможности помешать этому процессу. Вот в чем общие и частные причины, которые объединяют нас для взаимного уничтожения и заставляют создавать прекрасное учение об обществе руками, неизменно обогретыми человеческой кровью.

Коль скоро причины зла выяснены, исцеление от него, если оно возможно, указано ими самими. Все понимают, что всякое общество формируется в силу существования общих интересов, а всякие разногласия возникают из противоположности интересов; и так как тысяча случайных событий может изменить и преобразовать эти интересы, то в обществе, раз уж оно возникло, необходимо должна быть принудительная сила, которая руководит всеми действиями его членов и согласует их с тем, чтобы придать общим интересам и взаимным обязательствам ту устойчивость, которой они не могут иметь сами по себе.

К тому же было бы большой ошибкой надеяться, что это пагубное состояние могло бы когда-либо измениться лишь в силу самих вещей и без вмешательства в него. Европейская система имеет именно ту степень устойчивости, которая удерживает ее в состоянии неизменного волнения, не позволяя ей совсем развалиться; и если наши беды не могут более возрасти, они еще менее могут прекратиться, ибо никакие великие преобразования отныне невозможны.

Чтобы придать всему этому необходимую убедительность, начнем с общего обзора нынешнего положения дел в Европе. Расположение гор, морей и рек, которые служат границами между населяющими ее народами, по-видимому, определило число и величие этих народов; можно сказать, что политическое устройство этой части света в известном отношении есть плод деятельности природы.

В самом деле, не следует думать, что это удостоившееся стольких похвал равновесие было кем-то установлено и что кто-либо прилагал усилия, чтобы его поддерживать. Равновесие существует, и те, кто не чувствует в себе достаточно веса, чтобы его нарушить, объясняют свои частные действия необходимостью его укреплять. Вне зависимости от того, помышляют о нем или нет, это равновесие сохраняется и нуждается лишь в самом себе для своего поддержания, обходясь без всякого вмешательства со стороны; едва только оно нарушилось бы в одном пункте, оно тотчас восстанавливалось бы в другом; так что, если государи, которых обвинили бы в стремлении создать всемирную монархию, действительно пожелали бы ее образовать, они проявили бы при этом больше заносчивости, чем ума. Как иначе

можно отнести к подобному замыслу, смехотворность которого тотчас бросается в глаза? Как не понять, что в Европе нет властелина, настолько превосходящего других, чтобы когда-либо стать их повелителем? Все завоеватели, которые совершали перемены в свете, всегда нападали или неожиданно, или используя иноземные и более боеспособные войска; к тому же они нападали на такие народы, которые были либо безоружны, либо разобщены, либо недисциплинированны. Но где сыскал бы любой европейский государь эту непредвиденную мощь, способную подавить всех остальных, коль скоро наиболее могущественный из государей являет собой весьма малую часть целого и все остальные государи проявляют весьма значительную бдительность? Может ли он иметь большее войско, нежели все они? Этого он не может, подобная армия в короткое время разорила бы его или же его войска были бы слабее сил противника ввиду их сравнительной многочисленности. Может ли он иметь более закаленных в боях солдат? Их у него будет относительно меньше. К тому же военная выучка повсюду примерно одна и та же или же уравнивается в короткое время. Будет ли у него больше денег? Но источники их одни и те же для всех, да никогда деньги и не совершали великих завоеваний. Может быть, он совершит внезапное вторжение? Но нужда в провианте и укрепления противника будут останавливать его на каждом шагу. Захочет ли он возвыситься мало-помалу? Тогда он даст неприятелю возможность сплотиться, чтобы противостоять ему; ему тотчас же станет недоставать времени, денег и людей. Разъединит ли он другие державы, чтобы их одолеть их же силами? Европейский опыт показывает тщетность такой политики, ибо самый ограниченный государь не попадет в подобную ловушку. Наконец, в силу того что ни одна из сторон не может получить особых ресурсов, сопротивление в конечном счете становится равным усилиям нападающего, а время быстро уравнивает поражениями кратковременные удачи, если и не каждого государя в отдельности, то по крайней мере всех их в целом.

Можно ли, наконец, представить себе соглашение двух или трех монархов, направленное на подавление остальных? Эти три властелина, кем бы они ни были, не составят вместе и половины Европы. Тогда другая ее часть, безусловно, объединится против них; им нужно будет победить более сильного противника, нежели они сами. Добавлю, что интересы одних слишком противоположны интересам других, чтобы подобный проект вообще мог осуществиться. И я скажу еще, что, если уж они замыслили нечто подобное и начнут осуществлять свой замысел, при-

чем добьются известных успехов, сами эти удачи послужат семенами раздоров в стане вооруженных завоевателей, потому что немыслимо, чтобы их завоевания были поделены так, что каждый счел бы себя необделенным и менее удачливый немедленно не выступил бы против достижений других, которые по тем же самым причинам не замедлили бы тоже рассориться между собой. Я сомневаюсь, чтобы, с тех пор как существует мир, нашлись бы три или даже две тесно сплоченные великие державы, которые бы покорили другие, не повздорив при этом по поводу контингента войск или раздела завоеванного, и не придали бы слабой стороне новых сил благодаря своему неразумному поведению. Таким образом, какие бы предположения ни строить, невероятно, чтобы один государь или союз нескольких государей могли ныне существенно и надолго изменить существующее положение вещей.

Суть не в том, что Альпы, Рейн, море, Пиренеи — непреодолимые для тщеславия препятствия; эти препятствия подкреплены другими, которые их усиливают или водворяют государства в прежние границы, когда преходящие усилия раздвигают их переделы. Что действительно в определенной степени поддерживает европейскую систему, так это дипломатические переговоры, которые почти всегда взаимно уравнивают друг друга; однако эта система имеет и другую, еще более солидную опору — совокупность германских государств, расположенных примерно в центре Европы, которая удерживает от соблазнов все остальные части ее и, может быть, в еще большей степени сдерживает своих соседей, чем своих собственных сочленов: эта внушающая чужеземцам страх группировка, сильная численностью и достоинствами своих народов, полезна благодаря своему устройству, которое лишает ее средств и воли к завоеваниям и в то же время составляет камень преткновения для других завоевателей. Несмотря на изъяны в устройстве Империи, несомненно, что, пока эта группировка существует, равновесие в Европе не будет нарушено, что ни одному монарху нечего бояться быть свергнутым другим и что Вестфальский договор, пожалуй, всегда будет для нас основой политической системы⁵. Публичное право, которое немцы так тщательно штудируют, гораздо важнее, чем они сами полагают, и это не только германское публичное право, а в известном смысле и право всей Европы.

Но если эта система незыблема, то именно по этой причине она подвержена внутренним возмущениям; ибо европейские державы

⁵ Вестфальский договор 24 октября 1648 г. положил конец Тридцатилетней войне в Европе (1618–1648).

совершают акции, за которыми следуют ответные действия, и они если и не уничтожают совсем государства, то держат их в состоянии постоянного беспокойства; их усилия неизменно бесплодны и всегда возрождаются, точно морские волны, беспрестанно возмущающие поверхность моря, но никогда не изменяющие его уровня, так что народы неизменно страдают без всякой ощутительной выгоды для самодержцев.

Мне было бы легко вывести эту истину из частных интересов всех дворов Европы, ибо я без труда показал бы, что эти интересы перекрещиваются таким образом, что взаимно удерживают друг друга от рискованных действий: но взгляды на торговлю и деньги, порождая своего рода политический фанатизм, так быстро изменяют кажущиеся интересы государей, что нет возможности составить себе какое-либо определенное представление об их подлинных интересах, так как все теперь зависит от экономических теорий, по большей части весьма диких, которые приходят в головы министров. Как бы там ни было, торговля, которая каждодневно стремится к устойчивому равновесию, лишая определенные державы исключительных преимуществ, которые они из нее извлекли, лишает в то же время государства одного из важных способов навязывать другим свою волю⁶.

Если я настаиваю на равном распределении сил, которое является следствием современного устройства Европы, я делаю это ради вытекающего из него следствия, имеющего большое значение для создания общего объединения; ибо, чтобы образовать устойчивую и долговечную конфедерацию, нужно связать всех ее членов такой тесной взаимной зависимостью, чтобы ни один из них не был в состоянии противостоять всем остальным и чтобы обособленные ассоциации, которые могли бы причинить ущерб основной части сообщества, наталкивались на препятствия, способные помешать осуществлению их намерений; без всего этого конфедерация была бы лишена смысла и в действительности каждый оказался бы самостоятельным при всей его кажущейся зависимости. Так вот, если эти препятствия таковы, как я их только что описал, причем все державы располагают полной свободой вступать друг с

⁶ Положение изменилось с тех пор, как я написал это; но мой принцип всегда будет верен. Так, например, очень легко предугадать, что через двадцать лет Англия со всей ее славой будет разорена и, более того, утратит свою свободу. Все уверяют, что земледелие процветает на этом острове; я же бьюсь об заклад, что оно там хиреет. Лондон непрерывно разрастается, следовательно, остальная часть королевства теряет население. Англичане стремятся стать завоевателями, значит, они не замедлят стать рабами.

другом в союзы и заключать наступательные пакты, пусть читатель судит, что станут они собой представлять, когда будет существовать один большой вооруженный союз, всегда готовый упредить тех, кто пожелал бы разрушить его или оказать ему сопротивление. Этого достаточно, чтобы показать, что действия подобного сообщества будут состоять не в пустых словопрениях, которым каждый может безнаказанно противиться, но что они выльются в создание эффективной силы, способной принудить честолюбцев держаться в рамках общего договора.

Из всего изложенного вытекают три неоспоримые истины: первая — что, исключая турок, между всеми народами Европы царят несовершенные социальные связи, более тесные, однако, чем самые общие и слабые узы, объединяющие человечество; вторая — что несовершенство этого общества ставит тех, кто его образует, в условия худшие, нежели лишение их всякого общества; третья — что эти связи, делающие общество вредоносным, в то же время облегчают его совершенствование, так что все сочлены могли бы превратить в благоденствие все, что ныне составляет их несчастья, и преобразовать в вечный мир то состояние войны, которое царит во взаимоотношениях между ними.

Посмотрим теперь, каким образом этот обширный труд, начатый наугад, может быть завершен разумным образом и каким путем свободное и добровольно возникшее сообщество, которое объединяет ныне европейские государства, приобретая мощь и устойчивость подлинного политического института, может стать настоящей конфедерацией. Нет сомнений, что подобное преобразование, сообщая этой ассоциации недостающее ей совершенство, искоренит имеющиеся злоупотребления, распространит ее преимущества и вынудит все стороны содействовать общему благу; однако для этого конфедерация должна быть настолько всеобщей, чтобы ни одна значительная держава не уклонилась от участия в ней; чтобы в ней существовал судебный трибунал, способный издавать законы и уложения, которым должны подчиняться все сочлены; чтобы федерация обладала действенной и концентрированной волей, принуждающей каждое государство подчиняться общему суждению об участии в каких-либо действиях или об отказе от них; наконец, чтобы она была прочной и длительной, способной помешать ее членам отделиться по своей прихоти, как только они сочтут свои частные интересы противными общим. Таковы надежные признаки, по которым возможно убедиться, что эта организация разумна, полезна и устойчива. Теперь надлежит далее изучить эти предположения, чтобы выяснить посредством анализа, какие следствия должны вытекать из них, какие

средства необходимо применить и какую разумную надежду можно питать на осуществление их на деле.

Время от времени у нас возникают некие совместные устройства, получающие название конгрессов, на которые торжественно съезжаются представители всех европейских государств, чтобы вслед за тем столь же торжественно отбыть восвояси. Там, на этих конгрессах, совещаются, чтобы ничего не сказать, там все общественные дела обсуждаются с глазу на глаз; там совместно решают, заседать ли за круглым или квадратным столом, сколько дверей должно быть в зале, лицом или спиной к окну будет восседать тот или иной полномочный представитель, не пройдет ли другой пару лишних дюймов во время какого-нибудь визита, и толкуют о множестве других столь же значительных вопросов, бесполезно возбуждающихся вот уже три столетия и вполне, что и говорить, достойных занимать умы политиков нашего века.

Может случиться, что участники одной из таких ассамблей обнаружат присутствие здравого смысла, не исключено даже, что они будут искренне желать общего блага и по изложенным ниже причинам можно также представить себе, что после устранения многих трудностей они получают от своих суверенов приказ подписать договор о конфедерации, который, по моему мнению, может содержаться в общем виде в следующих пяти статьях.

1. В первой статье договорившиеся государи установят между собой вечный и нерасторжимый союз и назначат своих полномочных представителей, которые образуют в надлежащем месте постоянный совет, или конгресс, в котором будут разрешаться арбитражем или судом все разногласия между договаривающимися сторонами.

2. Вторая статья установит число государей, представители которых будут иметь голос в совете; определит приглашенных к участию в договоре, установит порядок, время и способ передачи через равные промежутки времени председательствования и, наконец, относительную долю взносов для покрытия общих расходов и способ их получения.

3. В третьей статье конфедерация гарантирует каждому из своих членов владения и правление в тех государствах, которыми он владеет в настоящее время, так же как выборную и наследственную преемственность согласно основным законам каждой страны, а чтобы разом покончить с источниками постоянно возрождающихся раздоров, договор будет исходить как из основы из всех взаимных обязательств договаривающихся держав, взаимно и навсегда отказывающихся от всяких дальнейших претензий, кроме будущих спорных наследований и других временных

прав, которые будут регулироваться арбитражными решениями совета без права ставить других перед свершившимся фактом или когда-либо и под каким бы то ни было предлогом поднимать друг против друга оружие.

4. В четвертой статье будут определены случаи, когда каждый союзник, нарушивший договор, должен подвергаться изоляции и преследоваться как враг общества, а именно, если он откажется выполнять решения суда великого альянса или начнет подготовку к войне, заключит союз, противоречащий законам конфедерации или возьмется за оружие, чтобы противостоять ей или напасть на одного из союзников.

Той же статьей будут также предусмотрены создание армии и совместные наступательные действия за общий счет против любого, подвергнутого санкциям государства, пока оно не сложит оружия, не подчинится решениям и постановлениям совета, возместит ущерб и расходы и покончит с противными договору приготовлениями к войне.

5. Наконец, по пятой статье полномочные представители европейских государств всегда будут иметь возможность вначале большинством голосов в совете (для временных решений), а через пять лет для окончательных решений — тремя четвертями голосов — издавать по представлению их дворов законы, которые они сочтут необходимыми, чтобы добиться для европейской республики и для каждого из ее членов всех возможных благ; однако лишь с общего согласия всех конфедератов возможно будет вносить изменения в данные пять основных статей.

Эти пять статей, сокращенные и изложенные в форме общих правил, породят — я этого не отрицаю — множество всяких мелких затруднений, ряд которых потребовал бы длительных разъяснений. Однако незначительные трудности легко устраняются при необходимости; и не в них дело в столь значительном предприятии, как то, о котором идет речь. Когда дело дойдет до вопроса о деталях устройства совета, встретится тысяча препятствий и десять тысяч способов их устранить. Здесь же надлежит рассмотреть исходя из сути дела, осуществимо ли или нет это предприятие. Мы запутались бы в целых томах мелочей, если бы пожелали все предвидеть и ответить на все вопросы. Если придерживаться неоспоримых принципов, совсем не нужно стремиться удовлетворить все умы, ответить на все замечания, сказать, как все осуществится; достаточно показать, что все достижимо.

Что же следует рассмотреть, чтобы верно судить о предлагаемой системе? Только два вопроса, ибо я не могу нанести читателю оскорбления, доказывая, что вообще состояние мира предпочтительнее состояния войны.

Первый вопрос: надежно ли послужит предлагаемая конфедерация поставленной задаче и будет ли она достаточной, чтобы утвердить в Европе прочный и вечный мир?

Второй вопрос: в интересах ли самодержцев создание подобной конфедерации и достижение постоянного мира такой ценой?

Когда общая и частная польза будет таким образом доказана, не останется в силу характера вещей причин, способных помешать успеху учреждения, которое зависит лишь от воли заинтересованных в нем сторон.

Для обсуждения первой статьи применим здесь то, что я выше говорил об общем положении в Европе и об общих усилиях, которые удерживают каждую державу примерно в ее границах, не позволяя ей полностью подавить другие страны. Чтобы пояснить мои рассуждения на этот счет, я привожу здесь список девятнадцати держав, которые предполагаются составными частями европейской республики. В связи с этим, так как каждая из них будет иметь равный с другими голос, в совете будет девятнадцать голосов, а именно:

Император Римский⁷;

Император России;

Король Франции;

Король Испании;

Король Англии;

Генеральные штаты;

Король Дании;

Швеция;

Польша;

Король Португалии;

Самодержец Рима⁸;

Король Пруссии;

Курфюрст Баварский, представляющий также своих союзников;

Курфюрст Пфальцский, представляющий также своих союзников;

Швейцарцы и их союзники;

Князья церкви и примыкающие к ним;

Венецианская республика и ее союзники;

Король Неаполитанский;

Король Сардинии.

⁷ Император Священной Римской империи германской нации.

⁸ Самодержец Рима — папа римский.

Ряд менее значительных суверенов, таких как Женевская республика, герцоги Моденский и Пармский и другие, опущенные в этом списке, присоединятся к менее могущественным государям на правах ассоциации и будут иметь с ними один голос подобно *votum curiatum*⁹ князей Империи. Нет смысла делать это перечисление более точным, потому что вплоть до осуществления проекта всегда могут произойти события, которые внесут в него поправки; однако они не изменят существа системы.

Достаточно бросить взгляд на этот список, чтобы совершенно ясно убедиться, что ни одна из названных в нем держав не в состоянии сопротивляться остальным, сплоченным воедино, а также что среди них не может образоваться обособленная лига, способная противостоять общей конфедерации.

В самом деле, как могла бы возникнуть такая лига? Из числа наиболее могущественных? Мы уже показали, что она не могла бы быть долговечной; и теперь достаточно легко увидеть, что она несовместима с частной системой каждой великой державы и с неотъемлемыми интересами устройства страны. Может ли она образоваться между большим государством и несколькими малыми? Но тогда другие великие державы, объединенные в конфедерацию, тотчас же раздавят такую лигу; не нужно ведь забывать, что великий альянс неизменно един и вооружен, ему нетрудно во исполнение четвертой статьи договора упредить и устранить всякий частный и подрывной союз, который попытался бы нарушить мир и общественный порядок. Посмотрите, что происходит в германских государствах; несмотря на злоупотребления в правлении и крайнее неравенство членов, есть ли хоть одно из них, даже среди самых сильных, которое осмелилось бы рискнуть изоляцией в рамках Империи, открыто нарушив ее конституцию, если по крайней мере у него нет твердых оснований не бояться, что Империя подвергнет его этим санкциям?

Таким образом, я считаю доказанным, что европейский совет, коль скоро он будет учрежден, никогда не будет бояться восстаний и что, хотя в нем и могут возникнуть какие-либо злоупотребления, они никогда не зайдут настолько далеко, чтобы свести на нет цели этого института. Остается теперь убедиться, удовлетворяет ли сам институт этим целям.

Для этого рассмотрим мотивы, по которым государи берутся за оружие. Это или стремление к завоеваниям, или необходимость

⁹ *Votum curiatum* (лат.) — подача голосов курией князей.

обороны от захватчика, или желание ослабить слишком мощного соседа, или поддержать свои ущемленные права, или же разрешение споров, которые не удалось решить полюбовно, или же, наконец, выполнение договорных обязательств. Не остается ни причин, ни предлогов войны, которые нельзя было бы отнести к одной из этих шести целей; следовательно, очевидно, что ни одна такая цель не должна существовать при новом положении вещей.

Прежде всего, придется отказаться от завоеваний ввиду невозможности их совершать, ибо нападающий будет уверен, что столкнется с превосходящими силами, так что при опасности все потерять не будет возможности что-либо захватить. Честолюбивый государь, который хочет возвыситься в Европе, делает две вещи: начинает укрепляться благодаря выгодным союзам и пытается захватить противника врасплох. Но обособленные союзы не послужат ничему против более сильного и очень устойчивого альянса. Ни один государь, лишенный предлога к вооружениям, не сможет, следовательно, вооружаться втайне, он будет разоблачен и наказан постоянно вооруженной конфедерацией.

По тем же причинам, которые лишают любого государя надежд на завоевание, он свободен также от боязни быть атакованным; его владения, гарантированные всей Европой, обеспечены за ним так же, как гражданам в хорошо управляемом государстве их имущество, но даже если бы он и был их единственным и подлинным защитником, в этом отношении Европа в целом сильнее его одного. Не остается более причин для желания ослабить соседа, которого уже более нечего страшиться; попытки такого рода даже не искушают, поскольку более не остается надежд на успех в таком деле.

В том, что касается подкрепления своих прав, нужно прежде всего заметить, что бесчисленное количество придилок, непонятных и запутанных претензий будет целиком уничтожено третьей статьей конфедеративного договора, которая окончательно урегулирует все взаимные обязательства суверенов, объединенных в их нынешнем положении; таким образом, все требования и возможные претензии станут в будущем ясными и будут рассматриваться советом по мере их возможного возникновения. Добавьте, что, если нападают на мои права, я должен их поддержать тем же способом, однако нельзя воспользоваться оружием без риска подвергнуться санкциям совета, значит, не оружием я должен их защищать. То же самое следует сказать об оскорблениях, нанесении ущерба, репарациях, обо всех непредвиденных расхождениях, которые могут возникнуть между двумя сувере-

нами; та же власть, которая призвана защищать их права, должна поддерживать их жалобы. Что же до последней статьи, решение очевидно. Ясно прежде всего, что раз более некого страшиться, отпадает надобность в оборонительных договорах и что, поскольку немислимо создать что-либо более надежное и внушительное, чем договор о великой конфедерации, всякий другой пакт стал бы бесполезен, незаконен и, следовательно, утратил бы силу. Невозможно, чтобы конфедерация после ее создания могла посеять какие-либо семена вражды между конфедератами и чтобы задача вечного мира не была в точности осуществлена благодаря созданию предложенной системы.

Теперь нам остается изучить другой вопрос, который касается преимуществ договаривающихся сторон, ибо хорошо понятно, что напрасно мы стали бы говорить об общих интересах в ущерб частному. Доказывать, что мир вообще предпочтительнее войны — это значит ничего не сказать тому, кто уверен, будто у него есть основания войну предпочитать миру; а демонстрировать ему способы установления длительного мира — значит лишь подстрекать его противиться их осуществлению. В самом деле, скажут нам, вы лишаете самодержцев права самим осуществлять свои права, то есть отнимаете у них драгоценное право быть несправедливыми, когда им заблагорассудится; вы отнимаете у них возможность расширять свои владения за счет соседей, заставляете отказаться от древних притязаний, достоинством которых является их непонятность, поскольку они возрастают вместе с удачей; отказаться от великолепия могущества и ужаса, которым они любят устрашать мир, от славы завоевателя, которая доставляет им почести, и, скажем, наконец, всю правду, вы принуждаете их быть справедливыми и миролюбивыми. Каково же будет вознаграждение за множество столь жестоких лишений? Я не осмелился бы ответить вместе с аббатом де Сен-Пьером, что подлинная слава государей состоит в заботе об общественной пользе и благоденствии их подданных; что все их интересы подчинены их репутации и что репутация, которую они приобретают у мудрых, измеряется благом, которое они сделали людям; что установление вечного мира, будучи величайшим предприятием, которое когда-либо осуществлялось, более всего способно покрыть своего автора бессмертной славой, что это же предприятие, будучи самым полезным для народов, также наиболее почетно и для суверенов и, главное, единственное, не запятнанное кровью, грабежами, слезами, проклятиями, и что, наконец, самая верная примета для того, чтобы различить в толпе короля, есть его труд ради общего счастья. Оставим эти речи говорунам, которые в смешном виде представили

в кабинетах министров автора этого проекта, но не будем все же подобно этим последним презирать его доводов и, какова бы ни была добродетель государей, поговорим об их интересах. Все державы Европы имеют права или притязания по отношению друг к другу; эти права по своей природе не таковы, чтобы их можно было всегда до конца выяснить, так как для суждения о них отсутствует общая и неизменная мера и потому еще, что они часто основаны на противоречивых или недостоверных фактах. Разногласия, которые они вызывают, также никогда не выясняются до конца как из-за отсутствия авторитетного арбитра, так и оттого, что каждый государь при случае без угрызений совести вновь отказывается от уступок, которые были у него вырваны силой при соглашении с более сильным или после неудачных войн. Заблуждением было бы думать только о своих претензиях к другим и забывать об их требованиях к нам, когда ни с той, ни с другой стороны нет ни большей справедливости, ни больших преимуществ в средствах заставить предпочесть свои притязания. Если уж все зависит от удачи, владения настоящего времени имеют такую цену, что благоразумие не позволяет рисковать ими ради будущей выгоды даже при равных шансах; ведь все вволю хулят человека, который в надежде удвоить свое богатство, рискует им, бросая игральную кость. Но мы уже показали, что в проектах расширения земель каждая сторона даже при современном положении вещей должна натолкнуться на превосходящее ее силы сопротивление; отсюда следует, что наиболее сильные не имеют никакого основания рисковать, а самые слабые — никакой надежды выгадать, так что для всех будет благом отказаться от своих помыслов, чтобы обеспечить то, что они уже имеют. Примем во внимание расходы людей, денег, сил всякого рода, истощение, в которое ввергает любое государство даже самая удачная война, и сравним этот ущерб с преимуществами, которые оно извлекает, и мы найдем, что оно часто теряет там, где считает себя в выигрыше, и что победитель, всегда более слабый, чем до войны, утешается лишь тем, что побежденный ослаблен еще более; да и это преимущество скорее кажущееся, чем реальное, потому что превосходство, которое, казалось, было достигнуто над врагом, утрачивается в то же время по отношению к нейтральным державам, которые, ничуть не изменяясь, укрепляются в сравнении с нами вследствие нашего ослабления.

Если самодержцы еще не отделались от безумства завоеваний, кажется по крайней мере, что более благоразумные люди начинают понимать, что войны отнимают зачастую больше, чем дают. Не входя по этому поводу в многочисленные детали, которые завели бы нас слиш-

ком далеко, можно в целом утверждать, что государь, который с целью отодвинуть свои границы теряет столько же своих прежних подданных, сколько приобретает новых, ослабевает, расширяя свои пределы, потому что, вынужденный теперь защищать большие пространства, он имеет для этого меньшее число защитников. Однако нельзя не знать, что благодаря современным способам ведения войны не только армия несет наибольшие потери в людях — это, конечно, заметные и чувствительные потери, — но все государство (и притом куда более тяжелые и невосполнимые потери, чем урон убитыми) из-за сокращения рождаемости, из-за увеличения налогов, прекращения торговли, запустения деревень, заброшенного земледелия. Это зло, которое вначале незаметно, жестоко дает себя знать впоследствии. И вот тогда-то поражаются своей слабости те, которые, казалось, стали столь могущественными.

Что делает в наше время завоевания особенно непривлекательными — это знание способов удвоить и утроить свое могущество, не только не расширяя своей территории, но даже иногда ее сокращая, как очень мудро сделал император Адриан¹⁰. Известно, что только люди составляют силу царей, и из всего, что я только что сказал, вытекает, что из двух государств, которые способны прокормить равное число жителей, то, которое занимает меньшую площадь, могущественнее на деле. Именно благодаря справедливым законам, мудрой политике, глубокому пониманию экономики разумный властелин может умножить свои силы, ничем не жертвуя случаем. Подлинными завоеваниями, которые он совершает, будут полезные учреждения, созданные им в своем государстве, а все рождающиеся в его стране подданные — то же, что убитые им враги.

Не следует обвинять меня здесь в том, что я слишком много доказываю, потому что, если бы вещи были такими, как я их изображаю, все были бы на самом деле заинтересованы не вступать в войну, и благодаря объединению частных интересов с общественным ради поддержания мира он должен был бы установиться сам собой и длиться вечно без всякой конфедерации. Такое рассуждение было бы крайне неудачно в существующих условиях; ибо, хотя всем и было бы гораздо лучше всегда жить в мире, общий недостаток уверенности на этот счет приводит к тому, что каждый, не будучи в состоянии увериться в возможности избежать войны, стремится по крайней мере начать ее

¹⁰ На самом деле римский император Адриан (76–138 гг.) отказался от завоевательной политики своего предшественника императора Тиберия из-за слабости Римской империи и отсутствия средств в казне.

при выгодных для себя обстоятельствах, когда случай тому благоприятствует, и упредить соседа, который в иных условиях не преминул бы в свою очередь опередить его; так что многие, даже наступательные, войны суть скорее несправедливые меры предосторожности ради обеспечения безопасности своего достояния, нежели способ завладеть достоянием других. Какими бы спасительными ни были принципы общего блага, ясно, что, если их рассматривать только в политическом, а часто также и в моральном смысле, они становятся вредными для тех, кто упорствует в желании применять их ко всем другим, тогда как никто не применяет их по отношению к нему самому.

Мне нечего сказать о вооружениях, потому что оружие, лишенное достаточного смысла, то есть страха и надежд, — детская забава, а короли не должны играть в куклы. Я ничего также не говорю о славе завоевателей, потому что, если бы нашлось несколько чудовищ, которые огорчились бы исключительно тем, что им некого было бы истреблять, следовало бы им не нравоучения читать, а лишить их возможности проявлять человекоубийственное безумие. Благодаря гарантиям третьей статьи договора, предусматривающей все существенные причины войны, не остается мотивов для разжигания ее против кого-нибудь другого, которые бы не могли равным образом быть использованы для войны против нас самих, так что большим достижением будет освобождение от риска оказаться одному против всех других.

Что касается зависимости, в которой все будут от общей судебской коллегии, ясно, что она ни в чем не уменьшит прав суверенной власти, но, напротив, упрочит их и сделает их более надежными благодаря третьей статье, не только гарантирующей все государства от иноземного вторжения, но также обеспечивающей власть государей от всякого возмущения их подданных. Таким образом, правление государей будет не менее абсолютным, а их короны — более сохранными, так что, покоряясь суду совета в спорах равных сторон и освобождаясь от опасной способности овладевать чужим достоянием, они всего лишь обеспечивают себе подлинные права и отказываются от тех, которых они не имеют. К тому же существует явное различие между зависимостью от кого-нибудь одного и зависимостью от коллективного органа, членом которого вы являетесь и где каждый по очереди выступает главой, ибо в этом последнем случае зависимость лишь подкрепляет свободу благодаря гарантиям, которые ее обеспечивают. Свобода отчуждена, если она попадает в руки одного властелина, но она же укрепляется, будучи достоянием сообщества. Это подтверждается, например, рейхстагом гер-

манских государств, ибо, хотя суверенность его членов во многих отношениях урезана конституцией и они, следовательно, находятся в менее благоприятном положении, чем члены европейского содружества, тем не менее нет ни одного из них, как бы ревниво ни относился он к своей власти, который пожелал бы при случае обеспечить себе полную независимость, отделившись от Империи.

Заметьте, кроме того, что Германская империя имеет одного постоянного руководителя и власть его необходимо должна вести к узурпации, чего не может быть в европейской конфедерации, где председательствование должно быть сменным и независимым от неравенства сил.

Ко всем этим соображениям добавляется одно, еще более существенное для таких жадных к деньгам людей, каковы всегда государи: большим облегчением для них будет возможность вдоволь иметь денег благодаря всем преимуществам, вытекающим для их народов и для них самих из постоянного мира и освобождения от чрезмерных расходов вследствие реформы военных учреждений, упразднения множества крепостей и огромного количества войск, которые поглощают их доходы и с каждым днем становятся все более в тягость их народам и им самим. Я знаю, что не следует суверенам упразднять все их войска, не оставляя под рукой никакой общественной силы для подавления внезапных мятежей или отражения неожиданного вторжения¹¹. Я знаю также, что понадобится предоставить конфедерации определенный контингент войск как для охраны границ Европы, так и для формирования конфедеративной армии, предназначенной в случае нужды силой подкреплять постановления совета. Однако за вычетом всех этих затрат и при ликвидации чрезвычайных военных расходов должна еще остаться большая часть обычных расходов на военные нужды, которую можно обратить на облегчение жизни подданных и пополнение государственной казны. В результате народ будет платить намного меньше, а значительно обогащенный государь будет в состоянии поощрять торговлю, земледелие, искусство, заводить полезные учреждения, которые еще более умножат богатства народа и его собственные; государство же приобретает от всего этого значительно более обеспеченную безопасность, чем та, которую оно имеет благодаря своему оружию и всему тому воинскому снаряжению, непрестанно истощающему его даже в мирное время.

Может быть, возразят, что пограничные страны Европы окажутся тогда в менее благоприятном положении и по-прежнему будут

¹¹ На этот счет возникают и другие возражения, но так как автор «Проекта» их не сделал, я их перенес в нижеследующий разбор проекта.

вынуждены вести войны или с Турцией, или с африканскими корсарами, или с татарами.

На это я отвечаю: 1) что эти страны и сейчас вынуждены их вести и поэтому для них это не будет новой обузой, а просто они будут иметь одним преимуществом меньше, чем другие, и неизбежную в их положении помеху; 2) что, обеспеченные от всяких тревог со стороны Европы, они окажутся в гораздо большей степени способными сопротивляться внешнему врагу; 3) что уничтожение всех укреплений внутри Европы и ликвидация расходов на их поддержание позволили бы конфедерации создать большое число их на границах без обузы для конфедератов; 4) что эти крепости, возведенные, снаряженные и снабженные гарнизоны за общий счет, послужили бы средством обороны пограничных держав, облегчили бы их издержки и гарантировали бы им государственное существование; 5) что войска конфедерации, расположенные по границам Европы, были бы постоянно готовы отразить нападение; 6) что столь внушительный союз, каким будет европейская республика, лишил бы чужеземцев желания атаковать одного из его членов, подобно тому как бесконечно менее могущественная Германская империя тем не менее достаточно сильна, чтобы заставить своих соседей уважать себя и дать необходимую защиту всем входящим в союз государствам.

Могут также сказать, что, поскольку европейцы более не будут воевать друг с другом, воинское искусство незаметно будет забыто, что войско утратит свою храбрость и дисциплину, что не станет больше ни полководцев, ни солдат и Европа окажется беззащитной перед угрозой любого нападения.

Я отвечаю, что возможен один из двух исходов: либо соседи Европы нападут на нее и поведут против нее войну, либо они устрашатся конфедерации и оставят ее в покое.

В первом случае представится возможность совершенствовать воинские таланты и способности, обучать и формировать войска; армии конфедерации будут в этом смысле школой для всей Европы. На границы будут отправляться, чтобы обучиться ведению войны; в лоне Европы будет царить мир, и тем самым будут объединены преимущества и мира и войны. Неужели можно поверить, будто всегда необходимо сражаться в собственном доме, чтобы стать воином? Или же французы менее храбры оттого, что провинции Турень и Анжу не воюют друг с другом?

Во втором случае совершенствоваться в воинском деле не удастся, это верно, но в этом уже не будет необходимости, ибо для чего упражняться в ведении войны, раз не с кем будет воевать? Что пред-

почтительнее — культивировать вредоносное искусство или же сделать его бесполезным? Если существовал секрет нерушимого здоровья, следовало бы или нет отказаться от него ради того, чтобы не лишать врачей возможности накапливать опыт? Можно вполне убедиться посредством этого сравнения, какое из двух искусств более спасительно само по себе и более заслуживает сохранения.

Пусть же не угрожают нам внезапным вторжением; хорошо известно, что Европа его не страшится и неожиданный пришелец никогда не явится. Миновали времена нашествия варваров, которые, казалось, падали с неба. С тех пор как мы стали озираясь любознательным оком все уголки земли, нас более не может постигнуть ничто такое, что не было бы заблаговременно обнаружено. В мире не существует державы, которая ныне могла бы угрожать всей Европе, а если когда-либо такая держава появится, остальные либо будут иметь время подготовиться, либо по крайней мере будут в большей степени способны сопротивляться ей, будучи объединены в единое целое, чем когда приходится внезапно прекращать давние распри и наспех спланировать союз.

Мы только что убедились, что все пресловутые недостатки конфедеративного состояния при внимательном рассмотрении совершенно отсутствуют. Теперь мы спрашиваем, осмелится ли хоть один человек в мире сказать то же самое о недостатках, вытекающих из существующего ныне порядка устранения разногласий между государствами по праву сильного, то есть из того состояния неуправляемости и конфликтов, которое необходимо порождает абсолютная и взаимная независимость самодержцев, господствующих в Европе, при несовершенных взаимоотношениях государей? А чтобы читатель мог лучше взвесить эти недостатки, я кратко суммирую их и представляю читателю изучить этот перечень:

1. Ни одно право не гарантировано, кроме права сильного.
2. Непрестанные и неизбежные изменения во взаимоотношениях между народами, мешающие им удерживать за собой силы, которыми тот или иной из них располагает.
3. Отсутствие подлинной безопасности до тех пор, пока соседи не покорены или не уничтожены.
4. Невозможность их уничтожить, учитывая, что после истребления одних появляются другие.
5. Колоссальные затраты и всяческие меры предосторожности из-за необходимости быть настороже.

6. Отсутствие безопасности меньшинств и возможности для них обороняться во время восстаний, ибо кто может поддержать одну из сторон в ее борьбе против другой, когда государство разобщено?

7. Недостаточная надежность взаимных обязательств.

8. Никогда и никакой надежды на справедливость со стороны без огромных потерь и расходов, которые приносят ее далеко не всегда, причем объект спора возмещает их лишь изредка.

9. Неизбежная опасность потери своих земель, а иногда и самой жизни в борьбе за свои права.

10. Необходимость помимо своей воли принимать участие в распрях соседей и воевать в самый неподходящий момент.

11. Прекращение торговли и оскудение общественных источников средств в момент, когда они более всего необходимы.

12. Постоянная угроза в случае собственной слабости со стороны более могущественного соседа и со стороны союза стран, если свое государство обладает силой.

13. Наконец, бесполезность мудрости там, где всем вершит удача; вечные лишения народов; ослабление государства как в случае неудач, так и в случае успехов; полная невозможность когда-либо учредить разумное правление, положиться на свое собственное состояние и сделать счастливыми и себя и других.

Перечислим также выгоды, которые получают от европейского арбитража объединенные в конфедерацию государи:

1. Полная уверенность в том, что нынешние и будущие разногласия между государями будут всегда урегулированы без войны, — уверенность, для них несравненно более важная, чем уверенность частных лиц в гарантии от всяких судебных споров.

2. Поводы к спорам будут устранены или сведены к минимуму в результате уничтожения всех предшествующих претензий, благодаря чему будут вознаграждены уступки и упрочены владения.

3. Полная и вечная гарантия прав и порядков наследования, закрепленных за государем, его семьей и его владениями законодательством каждой страны как от притязаний незаконных и властолюбивых претендентов, так и от восстаний мятежных подданных.

4. Полная гарантия выполнения всех взаимных обязательств государей, обеспеченная европейской республикой.

5. Свобода и полная вечная гарантия торговли между государствами и каждого государства в удаленных районах.

6. Полное и вечное упразднение чрезвычайных военных расходов на армию и флот во время войны и значительное уменьшение их обычных военных расходов в мирное время.

7. Значительное развитие сельского хозяйства и рост населения, богатств государства и доходов государя.

8. Привилегии всем учреждениям, которые способствуют славе и власти суверена, возрастанию общественных ресурсов и счастьем народов.

Я предоставляю, как я уже выше сделал, самому читателю оценить только что перечисленные выгоды и сравнить состояние мира, которое возникает из создания конфедерации, с состоянием войны, вытекающим из неупорядоченности европейской политики.

Если мы верно рассуждали при изложении этого проекта, следует считать доказанным, во-первых, что установление вечного мира зависит исключительно от согласия суверенов и единственной трудностью, которую предстоит преодолеть, является их сопротивление; во-вторых, что установление мира будет им полезно, с какой стороны ни посмотреть, и что немыслимо даже сравнить, хотя бы в том, что касается их самих, невыгоды и преимущества этих двух состояний; в-третьих, что разумно предположить, что их воля согласуется с их интересами; наконец, что установленный мир, коль скоро он осуществится по предложенному плану, окажется надежным и длительным и в совершенстве будет отвечать поставленным задачам. Конечно, сказанное означает не то, что правители примут этот проект (кто может отвечать за разум других людей?), но лишь то, что они могли бы его принять, если бы сообразовались со своими подлинными интересами; читатель должен был заметить, что мы отнюдь не предполагали людей такими, какими они должны были бы быть: добрыми, благородными, бескорыстными, любящими общее благо из чувства человечности, — но такими, каковы они есть: несправедливыми, корыстными, предпочитающими свои интересы всему остальному. Единственное, что в них предполагается, — достаточно смысла, чтобы сознать свою пользу, и вдоволь мужества, чтобы составить свое собственное счастье. Если же, несмотря на все это, проект не будет осуществлен, это произойдет не оттого, что он химеричен; нет, это случится из-за того, что люди безрассудны и что быть разумным в толпе безумцев тоже род безумия.

Жан-Жак РУССО

СУЖДЕНИЕ О ВЕЧНОМ МИРЕ

1761

Проект вечного мира, который по своему содержанию более всех прочих замыслов достоин занимать ум добродетельного человека, был также тем из всех проектов аббата де Сен-Пьера, над которым он размышлял дольше всего и который разрабатывал с наибольшим упорством; ибо трудно назвать иначе то проповедническое рвение, которое никогда не покидало его в этом деле, несмотря на очевидную невозможность успеха, на смешное положение, в которое он ставил себя изо дня в день, и на неприятности, которые ему приходилось беспрестанно испытывать. Похоже на то, что это святое сердце, помышляющее единственно об общем благе, измеряло внимание, которое оно уделяло тем или иным вопросам, единственно степенью их полезности, никогда не позволяя себе ни останавливаться перед препятствиями, ни помышлять о личной выгоде.

Если когда-нибудь какая-либо моральная истина и была доказана, то мне представляется, что это — общая и частная польза сего проекта. Преимущества, которые были бы результатом его осуществления, и для каждого государя, и для каждого народа, и для всей Европы, огромны, ясны, неоспоримы; невозможно придумать что-либо более основательное и более точное, чем рассуждения, при помощи которых автор обосновывает эти преимущества. Создайте Европейскую Республику на один только день — этого достаточно, чтобы она существовала вечно: каждый на опыте увидел бы свою личную выгоду в общем благе. Однако те же самые государи, которые защищали бы эту Республику всеми силами, если бы она существовала, точно так же воспротивились бы сегодня ее созданию, и они обязательно помешают ей утвердиться, подобно тому, как воспрепятствовали бы ее умиранию. Таким образом, сочинение аббата де Сен-Пьера о вечном мире выглядит на первый взгляд бесполезным для создания та-

кой Республики и излишним для того, чтобы ее сохранить. Значит, это — бесплодное мудрствование, скажет какой-нибудь нетерпеливый читатель. Нет, это — книга основательная и разумная, и то, что она существует, весьма важно.

Начнем с рассмотрения затруднений, выдвигаемых теми, кто судит о доводах не силою разума, а только по результатам, и кому нечего возразить против этого проекта, кроме того, что он не был осуществлен. В самом деле, скажут они без сомнения, если его преимущества столь существенны, почему же суверены Европы его не приняли? Почему пренебрегают они своею собственною выгодною, если эта выгода им столь хорошо доказана? Слыхано ли, чтобы они к тому же отказывались от средств увеличить свои доходы и могущество? Если этот проект столь хорош, как это утверждают, то можно ли поверить, что они не поторопились его принять, как спешили принимать все те проекты, которые в течение столь долгого времени всякий раз сбивали их с пути, и что они предпочли тысячу обманчивых средств явной выгоде?

Что и говорить, это правдоподобно, если только не предполагать, что мудрость глав Государств равна их честолюбию и что они видят свои выгоды тем лучше, чем сильнее их желают; на самом же деле избыток самолюбия наказывается главным образом тем, что приходится постоянно прибегать к таким средствам, которые самолюбие оскорбляют, и сам жар страстей — это почти всегда именно то, что отвращает их от цели. Будем же, следовательно, отличать в политике, как и в морали, выгоду действительную от выгоды кажущейся. Первая заключалась бы в вечном мире; это доказано в *Проекте*. Вторая заключается в том состоянии полной независимости, которая освобождает суверенов от власти закона и отдает их во власть случая, подобно безумному кормчему, который, дабы проявить ненужные знания и заставить матросов повиноваться себе, вместо того чтобы поставить корабль на якорь, предпочитает в бурю плыть между скал.

Все занятия королей или тех, на кого они возлагают обязанность делать то, что они должны делать сами, относятся только к двум целям: распространять их господство за пределы своей страны и делать его как можно более неограниченным внутри нее. Всякая другая цель либо восходит к этим двум, либо служит для них лишь предлогом. Таковы цели: *общественное благо, счастье подданных, слава нации* — слова, навсегда изгнанные из кабинетов министров и употребляемые в публичных эдиктах столь неуклюже, что они

постоянно возвещают лишь гибельные приказания, и народ стонет заранее, когда его повелители говорят ему о своих отеческих заботах.

Судите по этим двум основным принципам, как могут государи принять предложение, которое прямо противоречит первому из этих принципов и едва ли более благоприятно для второго. Ибо вполне понятно, что Европейский сейм закрепляет форму правления каждого государства не в меньшей мере, чем его границы; что нельзя оградить государей от мятежа подданных, не ограждая одновременно подданных от тирании государей; и что иначе такое устройство не сможет существовать. Итак, я спрашиваю, найдется ли в целом мире хоть один-единственный суверен, который, если, так сказать, ограничив возможности осуществления самых дорогих его замыслов, потерпел бы без возмущения даже мысль о том, что ему придется быть справедливым, и притом не только к чужеземцам, но и к своим собственным подданным.

Нетрудно понять также, что война и завоевания, с одной стороны, и усугубляющийся деспотизм, с другой, взаимно помогают друг другу; что у народа, состоящего из рабов, можно вволю брать деньги и людей, чтобы с их помощью покорять другие народы; что война дает одновременно и предлог для новых денежных поборов и другой не менее благовидный предлог для того, чтобы постоянно содержать многочисленные армии, дабы держать народ в страхе. Наконец, каждому достаточно хорошо видно, что государи-завоеватели, по меньшей мере, так же воюют со своими подданными, как и со своими врагами, и что положение победителей не лучше положения побежденных. «Я разбил римлян, — писал Ганнибал карфагенянам, — пришлите мне войск; я наложил на Италию контрибуцию — пришлите мне денег». Вот что означают *Te Deum*¹, фейерверки и веселье народа во время триумфов его повелителей.

Что же до раздоров между государами, то можно ли надеяться призвать на более высокий суд людей, похваляющихся тем, что они держат власть от своего меча, и поминающих Бога лишь только потому, что Он на небе. Разве подчинятся суверены в своих спорах судебным решениям, если вся строгость законов никогда не могла заставить частных лиц разрешать свои споры таким путем? Простой дворянин, если ему нанесут оскорбление, не снисходит до того, чтобы подавать жалобу даже в трибунал маршалов Франции²; а вы хотите, чтобы король жаловался в Европейский сейм? И еще одно разли-

¹ Тебя Бога [славим] (лат.)

² Трибунал маршалов Франции служил для разбора дел чести дворян.

чие состоит в том, что один из них грешит против законов и подвергает свою жизнь двойной опасности, тогда как другой подвергает опасности лишь своих подданных; берясь за оружие, он прибегает к праву, признанному всем человеческим родом, за использование которого он притязает держать отчет перед одним только Богом.

Государю, который подвергает свое дело случайностям войны, известно, что он подвергается риску; но он видит не столько этот риск, сколько те выгоды, которые он надеется приобрести, потому что он гораздо меньше боится слепого случая, чем уповает на свою собственную мудрость. Если он могущественен, он рассчитывает на свои силы; если он слаб, он рассчитывает на союзы; иногда ему полезно успокоить недовольных внутри страны, ослабить непокорных подданных, даже испытать превратности судьбы; а ловкий политик умеет извлекать выгоду даже из своих собственных поражений. Я надеюсь, что читатель будет помнить, что так рассуждаю не я, а придворный софист, который предпочитает власть над большой территорией и немногими подданными, бедными и покорными, той неколебимой власти, которую дают государю правосудие и законы над народом счастливым и процветающим.

И опять-таки на основе того же принципа этот придворный софист отвергает такие доводы против войны, как прекращение торговли, сокращение населения, расстройство финансов и действительные убытки, вызываемые бесполезными завоеваниями. Исчислять всегда в деньгах приобретения и убытки суверенов — это расчет весьма ошибочный; степень могущества, которое они видят мысленно перед собою, никак не измеряется миллионами, которыми они обладают. Государь всегда пускает в ход свои проекты; он хочет повелевать, чтобы обогатиться, и обогатиться, чтобы повелевать. Он будет жертвовать поочередно то одною из этих целей, то другою, чтобы достигнуть той из них, которой он не достиг: но он преследует эти две цели в отдельности лишь для того, чтобы, в конце концов, достигнуть и той и другой в совокупности; ибо для того, чтобы стать господином и людей и вещей, ему нужно обладать одновременно и властью и деньгами.

Добавим, наконец, в отношении тех великих преимуществ, которые общий и вечный мир должен принести торговле, что эти преимущества достоверны и неоспоримы сами по себе, но, будучи общими для всех, они не будут ощутимы ни для кого в отдельности; потому что такие преимущества ощущаются лишь постольку, поскольку они не одинаковы для всех, и потому, что для увеличения своего относительного могущества нужно стремиться лишь к благам для одной стороны.

Непрестанно обманываясь видимостью вещей, государи, следовательно, отвергли бы этот мир, если бы они сами взвесили свои интересы; что же будет, если они предоставят делать это своим министрам, чьи интересы всегда противоположны интересам народа и почти всегда — интересам государя? Министрам война нужна для того, чтобы сделаться необходимыми, ставить государя в затруднительные положения, из которых он не мог бы выйти без их помощи, и, если потребуется, погубить государство, лишь бы только не погубить свою карьеру; война необходима им для того, чтобы притеснять народ под предлогом удовлетворения общественных нужд; для того, чтобы выдвигать своих ставленников, наживаться на рыночных спекуляциях и втайне создавать тысячи отвратительных монополий; война необходима им для того, чтобы удовлетворять свои страсти и вытеснять друг друга; война необходима им для того, чтобы захватить в свои руки государя, вырывая его из придворного окружения, когда там ведутся против них опасные интриги. Они потеряли бы все эти возможности при установлении вечного мира. И люди еще не перестают спрашивать, почему этот проект не принят, коль скоро он осуществим! Они не видят, что в этом проекте нет ничего невозможного, кроме того, что министры не могут его принять. Что же сделают они, чтобы помешать принять этот проект? То же, что делали всегда: они выставят его в смешном виде.

Не следует также полагать, подобно аббату де Сен-Пьеру, что даже при наличии доброй воли, которой ни у государей, ни у их министров не будет никогда, легко найти благоприятный момент для осуществления этой системы; ибо для этого необходимо, чтобы сумма частных интересов не преобладала над общим интересом и чтобы каждый рассчитывал найти в благе всех то наибольшее благо, на которое он может надеяться для самого себя. А это требует такого совпадения мудрых решений в стольких умах и такого согласия во взаимоотношениях и интересах, что едва ли можно надеяться на счастливый случай, который сам принесет совпадение всех этих необходимых предпосылок. Между тем если этого совпадения нет, то заметить его может лишь сила: и тогда надо уже не убеждать, а принуждать; и нужно не писать книги, а собирать полки.

Таким образом, хотя проект этот и был весьма мудрым, в выборе средств его осуществления сказывалось простодушие автора. Он попросту считал, что было бы достаточно собрать конгресс, представить этому конгрессу его статьи — чтобы сразу же все их подписали, и все этим было бы сделано. Согласимся же, что во всех своих проектах этот

честный человек довольно хорошо видел результаты, к которым они приведут, но судил, как дитя, о средствах их осуществления.

Для того чтобы доказать, что проект Христианской Республики не есть химера, я хотел бы только назвать первого автора такого проекта: но очевидно, что ни Генрих IV не был сумасшедшим, ни Сюлли — фантазером³. Аббат де Сен-Пьер ссылаясь на этих великих людей, когда предлагал возродить их систему. Но сколь различны времена, обстоятельства, предложения, способы, которыми они были сделаны, и сами их авторы!

Чтобы судить об этом, бросим взгляд на общую обстановку в момент, избранный Генрихом IV для осуществления своего замысла. Могущество Карла Пятого⁴, который господствовал в одной половине мира и заставлял дрожать вторую, побуждало его стремиться к всемирной монархии, полагаясь на имевшиеся в его распоряжении огромные средства для достижения успеха и на огромные дарования, которые он мог использовать для этой цели. Его сын⁵, более богатый и менее могущественный, следуя беспрестанно этому плану, который он был не в состоянии осуществить, таким образом, непрерывно держал Европу в состоянии беспокойства; и австрийская династия⁶ приобрела такое влияние на другие державы, что ни один государь не царствовал спокойно, если он не был с нею в хороших отношениях. Филипп III⁷, еще менее искусный король, чем его отец, получил в наследство все эти притязания. Испанское могущество все еще внушало некоторый почтительный страх Европе, и Испания продолжала занимать господствующее положение скорее потому, что к такому

³ Руссо, несомненно, идеализирует внутреннюю и внешнюю политику Генриха IV, короля Франции (1589–1610).

⁴ Сюлли, Максимилиан де Бетюн (1560–1641) — один из наиболее выдающихся министров Франции, известный множеством проведенных им реформ.

⁵ Карл V Габсбург, король Испании и император Священной Римской империи (1519–1555). Это о нем говорили, что в его владениях «никогда не заходит солнце».

⁶ Речь идет о Филиппе II (1556–1598) — король Испании. Карл V после Аугсбургского мира (1555) отрекся от власти. Его империя распалась. Испания, Италия и американские колонии отошли к его сыну Филиппу II, а германские владения вместе с императорским титулом — к брату Карла V — Фердинанду (1556–1564).

⁷ Австрийская династия — дом Габсбургов, царствовавший в Священной Римской империи германской нации с 1273 г., сначала с перерывами, а с 1438 г. закрепивший за собою обладание этим титулом.

⁸ Филипп III — король Испании (1598–1621).

положению привыкли, нежели потому, что она обладала достаточной силой, чтобы держать всех в повиновении. В самом деле, мятеж в Нидерландах⁸, военные приготовления для борьбы с Англией⁹, гражданские войны во Франции — все это истощило силы Испании и сокровища Индии; австрийский дом, разделенный на две ветви¹⁰, не действовал уже столь согласованно; и хотя император пытался сохранить или завоевать себе в Германии такой авторитет, каким обладал Карл Пятый, он лишь отталкивал от себя государей и содействовал образованию лиг, которые чуть не свергли его с трона. Так задолго подготавливались упадок австрийского дома и восстановление свободы для всех государей. Однако никто не решался первым сбросить иго и в одиночку подвергнуться риску войны; пример самого Генриха IV, которому пришлось в ней столь худо, лишал мужества всех остальных. К тому же, если исключить герцога Савойского¹¹, который был слишком слаб и зависим, чтобы он мог что-либо предпринять, среди стольких глав государств не было ни одного человека с головою, который был бы в состоянии задумать и осуществить такое предприятие; каждый ждал, чтобы время и обстоятельства позволили ему разбить свои оковы. Вот каково было в общих чертах положение, когда Генрих задумал план образования Христианской Республики и готовился привести его в исполнение. То был проект великий, весьма заслуживающий восхищения сам по себе, и я ни в коей мере не хочу умалить его достоинства; но тайною основою его была надежда ослабить грозного врага, и потому он приобрел от сей побудительной причины ту действенность, которую он получил бы едва ли от одного только стремления к общей пользе.

Посмотрим теперь, какие средства этот великий человек употребил, чтобы подготовить столь возвышенное предприятие. Я охотно назову здесь в первую очередь то, что он хорошо видел все трудности; так что, задумав сей проект уже в детстве, он обдумывал его в течение всей

⁸ Речь идет о буржуазной революции в Нидерландах XVI в.

⁹ Речь идет о назревавшей войне между Англией и Испанией в конце XVI в.

¹⁰ Речь идет о разделении дома Габсбургов после 1556 г. на две линии — австрийскую и испанскую.

¹¹ *Герцогство Савойское* расположено в Северной Италии в области, пограничной с Францией и Швейцарией. В XV в. входило в состав Швейцарского союза, позже было занято французскими войсками, в 1559 г. вновь обрело самостоятельность. Речь идет о герцоге Карле Эммануиле I (1562–1630).

своей жизни и отложил его осуществление до самой своей старости: такое благоразумие доказывает прежде всего наличие стремления и пылкого и сдерживаемого, которое в трудных делах одно только в состоянии преодолеть значительные препятствия; и, кроме того, наличие мудрости и терпеливой и рассудительной, что задолго прокладывает себе путь силою предусмотрительности и подготовки. Ибо велико различие между начинаниями необходимыми, в которых само благоразумие требует предоставить кое-что воле случая, и теми начинаниями, оправдать которые может лишь их успех, потому что если мы можем обойтись и без них, то должны пытаться их совершить только тогда, когда действуем наверняка. Глубокая тайна, в которой он хранил это предприятие в течение всей своей жизни, была так же важна, как и трудна в столь великом деле: необходимо было содействие стольких людей, и стольким людям было выгодно помешать этому предприятию. Представляется, что, хотя он и привлек на свою сторону большую часть Европы и состоял в союзе с самыми могущественными властителями, у него было все время лишь одно доверенное лицо, знавшее его план полностью; и по счастью, ниспосланному небом лишь наилучшему из королей, этим лицом был неподкупный министр. И пока еще в народе ничего не было известно об этих великих замыслах, все подвигалось в тайне к их осуществлению. Дважды ездил Сюлли в Лондон: с королем Яковом¹² начались переговоры, и король шведский¹³ обещал поддержку со своей стороны; был заключен союз с немецкими протестантами¹⁴, и можно даже было быть уверенными в содействии государей Италии¹⁵; все способствовали осуществлению этой великой цели, не будучи в состоянии сказать, какова она, подобно тем рабочим, которые трудятся каждый в отдельности над частями новой машины, форма и назначение которой им неизвестны. Что же благоприятствовало такому общему движению? Был ли то

¹² Имеется в виду *английский король Яков I* (1603–1625), сын Марии Стюарт, королевы Шотландии, где до этого правила эта династия.

¹³ *Король шведский Сигизмунд III Ваза*, правил в 1592–1599 гг., до этого, с 1587 г., король польский.

¹⁴ *Протестанты* — сторонники реформированной церкви, отошедшие от католицизма в XVI в. в ходе движения Реформации. Французские короли прибегали иногда к союзу с немецкими протестантами в своей борьбе против других германских князей.

¹⁵ Проводя внешнюю политику, Генрих IV поддерживал силы, противостоящие Габсбургам, — герцога Савойского, Венецию, Голландию, протестантских князей в Германии.

вечный мир, которого никто не ожидал и за который немногие стали бы ратовать? Была ли то общественная польза, которая никогда не бывает пользою для кого-либо одного? Аббат де Сен-Пьер мог бы на это надеяться. Но на самом деле каждый действовал лишь в видах собственной своей пользы, которую Генрих IV умел им всем показать в весьма выгодном свете. Королю Англии нужно было избавиться от непрестанных заговоров католиков¹⁶ в своем королевстве, которых постоянно подбивала к тому Испания. Он, кроме того, видел превеликую выгоду в освобождении Объединенных провинций¹⁷, поддерживать которые стоило ему весьма дорого, причем эта поддержка приводила его ежедневно на грань войны, а войны этой он страшился или же предпочитал внести в нее свой вклад когда-нибудь, один раз, вместе со всеми остальными, чтобы навсегда от нее избавиться. Король Швеции хотел обеспечить себе владение Помераний¹⁸ и утвердиться в Германии. Курфюрст Пфальца, который был тогда протестантом и главою Аугсбургского исповедания¹⁹, имел виды на Богемию²⁰ и разделял притязания короля Англии. Государям германским нужно было пресечь несправедливые захваты австрийского дома. Герцог Савойский получал Милан и Ломбардскую корону²¹, которой он страстно домогался. Сам папа, устав от испанской тирании, присоединился к союзу, когда ему было обещано Неаполитанское королевство. Голландцам, которые получали больше, чем все остальные, обес-

¹⁶ В Англии после Реформации официальной была признана так называемая англиканская церковь. Католическая церковь, не желая смириться с поражением, организовывала заговоры. Выступления этих оппозиционных групп часто прикрывались религиозными лозунгами.

¹⁷ Речь идет о Голландии, образовавшейся благодаря объединению северных провинций Нидерландов в конце XVI — начале XVII в.

¹⁸ *Померания* — земли в Северной Германии, вошедшие в состав Пруссии при курфюрсте Фридрихе Вильгельме I (1640–1688).

¹⁹ *Аугсбургское исповедание* — изложение лютеранского вероучения, утвержденное на имперском сейме в Аугсбурге (1530), созванном Карлом V с целью примирения протестантов и католиков.

²⁰ *Богемия* — так именовалась территория Чехии, которая была заселена кельтским племенем бойев, откуда и произошло это название. В XVI в. Чехия была захвачена Габсбургами.

²¹ *Милан* — главный город Ломбардской области, ведущей свое название от племени лангобардов, владевших ею в VI–VIII вв. Герцогство Савойское получило большую часть этой территории и о. Сицилию много позже, по Утрехтскому миру 1713 г., вместе с титулом короля.

печивалась свобода. Наконец, кроме общей заинтересованности в унижении высокомерной державы, что желала господствовать повсюду, у каждого была частная заинтересованность, весьма сильная, весьма ощутимая, которую ни в какой мере не подрывала боязнь попасть из-под власти одного тирана под власть другого, потому что было условлено, что завоевания будут разделены между всеми союзниками, за исключением Франции и Англии, которые не имели права оставить что-либо за собою. Этого было достаточно, чтобы успокоить тех, кто более всего опасались честолюбивых замыслов Генриха IV. Но этому мудрому государю было известно, что, не оставляя себе ничего по этому соглашению, он тем не менее получал от него больше, чем кто-либо иной. Ибо, хотя он ничего не добавлял к тому наследию, которое получил, ему достаточно было разделить наследство единственного государя, превосходившего его своим могуществом, чтобы стать самому наиболее могущественным; и всем было отчетливо видно, что, приняв все предосторожности, которые могли обеспечить успех этого предприятия, он не пренебрег и теми мерами, которые давали ему первенство в том сообществе, которое он хотел создать.

Больше того, его приготовления вовсе не ограничивались образованием грозных внешних лиг и заключением союза с его соседями и соседями его врага. Заинтересовав столько народов в унижении первого властителя Европы, он не забывал одновременно готовиться, чтобы самому стать таковым. Он потратил пятнадцать лет мира на то, чтобы достойно подготовиться к тому начинанию, которое задумал. Он наполнил свои сундуки деньгами, свои арсеналы — артиллерией, оружием, боевыми припасами; он задолго подготовил средства на непредвиденные нужды. Но он сделал, безусловно, больше того, мудро управляя своими подданными, незаметно искореняя семена раздоров и приведя свои финансы в столь большой порядок, что они могли обеспечить ему все необходимое, без того, чтобы ему пришлось наложить новое бремя на своих подданных. Так что обеспечив внутренний мир и оставаясь грозным для внешних врагов, он оказался в состоянии вооружить и содержать шестьдесят тысяч человек и двадцать военных кораблей, покидать свое королевство, не оставляя в нем ни малейшего источника смут, не трогая своих обычных доходов и не облагая свой народ ни одним су новых налогов.

Добавьте к стольким приготовлениям для осуществления этого предприятия то же рвение и благоразумие, с какими оно было задумано как со стороны его министра, так и с его стороны. Наконец, во главе

военных экспедиций — такой предводитель, как он сам, тогда как у его противника не было уже полководца, который мог бы ему противостоять, и вы можете судить, что у него было все, что может предвещать счастливый исход, чтобы преуспеть. Не постигая его намерений, Европа, внимательно наблюдавшая за его огромными приготовлениями, с некоторым страхом ожидала их результата. Малейший повод привел бы к началу этого великого переворота; война, которая должна была быть последней, подготавливала бессмертный мир, когда событие, роковая тайна которого должна была навести на Европу еще больший ужас, уничтожило последнюю надежду на мир. Удар кинжала²², оборвавший жизнь этого доброго короля, вновь погрузил Европу в вечные войны, и теперь у нее уже не может быть надежды на то, что они когда-нибудь прекратятся. Как бы там ни было, — вот средства, которые Генрих IV сосредоточил, чтобы осуществить то установление, которое аббат де Сен-Пьер тщетно желал создать при помощи одной лишь книги.

Пусть же не говорят, что если его система не была принята, то потому, что она не была хороша; пусть говорят, напротив, что она была слишком хороша, чтобы быть принятой. Ибо порок и злоупотребления, из которых извлекает выгоду множество людей, распространяются сами собой; но то, что полезно для всего общества, почти никогда не осуществляется иначе, как силой, ибо частные интересы почти всегда этому противятся. Без сомнения, вечный мир в настоящее время — это проект совершенно бессмысленный; но пусть нам отдадут Генриха IV или Сюлли, — и вечный мир окажется разумным проектом. Или лучше давайте, отдав дань восхищения столь прекрасному плану, утешимся тем, что никогда не увидим его осуществленным: ибо это может быть совершено лишь при помощи средств, насильственных и опасных для человечества.

Никому не приходилось видеть, чтобы союзные лиги образовывались иначе, как при помощи переворотов, и, основываясь на этом, кто из нас решится сказать, следует ли желать или страшиться создания такой европейской лиги? Она, быть может, сразу принесла бы зла больше, чем удалось бы предупредить с ее помощью на века вперед.

*Перевод с французского
И.И. Кравченко*

²² В 1610 г. фанатик католик Равельяк убил Генриха IV, готовившегося к войне против Испании и австрийских Габсбургов.

Иеремия БЕНТАМ

ПЛАН ВСЕОБЩЕГО И ВЕЧНОГО МИРА

1786—1789

Цель данного очерка — предложить всем живущим план всеобщего и вечного мира. Охватить влиянием своих идей весь земной шар — вот к чему стремится автор; орудие его осуществления, причем единственное, к которому он прибегает, — пресса, а все человечество — поприще для его замысла.

Даже счастливейшие и премудрейшие из людей страдают от войны, более того, даже самые скудные разумением достаточно мудры, чтобы единодушно усмотреть в этом главную причину своих страданий.

В основе нашего плана — два принципиально важных предложения: 1) сокращение и сохранение на определенном уровне вооруженных сил тех стран, которые входят в Европейское сообщество; 2) предоставление независимости всем странам, находящимся в подчиненном положении по отношению к той или иной державе¹. Каждое из этих предложений имеет свои особые преимущества, но ни одно из них, как станет ясно, во всей полноте не отвечает поставленной цели без другого.

Что касается пользы такого всеобщего и прочного мира — при условии что предлагаемый план осуществим и, вероятно, будет принят, — то здесь может быть лишь одно мнение. Возражение, причем единственное, — его кажущаяся неосуществимость: он, мол не просто безнадежен, но безнадежен настолько, что любое связанное с ним предложение достойно того, чтобы именоваться призрачным и смехотворным. Я постараюсь устранить это возражение в первую очередь, ибо упразднение такого предрассудка понадобится для того, чтобы наш план захотели выслушать.

¹ До меня в этом направлении работали два самобытных автора: декан Теркер и д-р Андерсон. Первый стремился к тому, чтобы убедить мир в бесполезности войны, но прежде всего той, которая бушевала, когда он писал; цель второго заключалась в том, чтобы показать бесполезность владения колониями.

Да и что лучше всего может подготовить умы к восприятию этого предложения, как не оно само?

Пусть нам не говорят, что наша эпоха не доросла до него. Чем дальше ей до зрелости, тем скорее нам надо делать все возможное, чтобы она стала зрелой. Предложение такого рода относится к разряду тех вещей, которые никогда не бывают слишком ранними или слишком поздними.

Кто из носящих имя христианина откажет в помощи, проистекающей из его молитв? Чья кафедра не пожелает помочь мне своим красноречием? Католики и протестанты, англиканская церковь и диссентеры, — все, наверное, сойдутся, по крайней мере, в этом. Я призываю всех их помочь мне и поддержать меня.

Страницы, которые следуют ниже, посвящены идее благополучия всех цивилизованных государств, но главным образом — Великобритании и Франции.

Цель такова: убедить в актуальности трех основных положений — простоте правления, экономном расходовании национальных средств и мире.

По зрелом размышлении я убедился в истинности следующих положений:

I. Иметь какие бы то ни было колонии — не в интересах Великобритании.

II. Иметь какой-либо договор об оборонительном или наступательном союзе с какой бы то ни было державой — не в интересах Великобритании.

III. Иметь договор с какой бы то ни было державой с целью получения каких бы то ни было преимуществ в торговле, достигаемых путем ущемления интересов любой другой страны, — не в интересах Великобритании.

IV. Поддерживать любые морские силы помимо тех, которые необходимы для защиты своей торговли от пиратов, — не в интересах Великобритании.

V. Поддерживать всяческие уставы любой степени давности, направленные на увеличение или поддержание своих морских сил, такие, например, как Закон о навигации, поощрения, связанные с гренландской торговлей, и прочие виды торговли, воспринимаемые как стимул в развитии морского дела, — не в интересах Великобритании.

VI, VII, VIII, IX и X предложения имеют силу и для Франции.

Что касается Великобритании, то названные предложения я основываю на двух весьма простых соображениях:

1. В любой стране увеличение ее богатства за определенный период времени необходимым образом ограничивается тем количеством капитала, которым она располагает.

2. У Великобритании, вместе с Ирландией или без нее, равно как без всякой другой колонии, нет никакого разумного основания опасаться посягновения со стороны любого государства на земле.

Возвращаясь к Франции, я заменяю последнее из двух только что упомянутых предложений следующим:

3. В настоящее время Франция, стоя особняком, не должна страшиться никакой другой страны, кроме Великобритании; если же она будет держаться подальше от своих заморских колоний, то ей не надо бояться и Великобритании.

XI. Если Великобритания и Франция достигнут полного согласия между собою, основные трудности в принятии плана всеобщего и долговременного примирения для всей Европы будут устранены.

XII. Для поддержания такого примирения могут быть заключены всеобщие и вечные договоры, ограничивающие число необходимых войск.

XIII. Поддержанию такого примирения в немалой степени может содействовать создание Единого суда для разрешения разногласий между странами, хотя такой суд не следует наделять полномочиями, предполагающими принуждение.

XIV. В Англии пора положить конец завесе секретности в делах министерства иностранных дел, поскольку таковая совершенно бесполезна и противна интересам свободы и мира.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ I. Иметь какие бы то ни было заморские колонии — не в интересах Великобритании.

Истинность этого предложения станет очевидной, если мы, во-первых, уясним, что наличие далеких колоний увеличивает вероятность возникновения войны:

1) увеличением числа спорных вопросов, которые могут возникнуть;

2) той неясностью в праве на владение, которая естественным образом возникает в случае возникновения новых поселений или открытий;

3) той особой неясностью в доводах, которая обусловлена отдаленностью колоний;

4) тем фактом, что людей меньше заботят войны, если они будут где-то далеко, а не рядом с домом.

Во-вторых, колонии редко представляют собой источник дохода для метрополии, если вообще являются таковым.

Прибыльная промышленность имеет пять отраслей: 1) производство новых материалов, включая сельское хозяйство, горное дело и рыболовство; 2) мануфактуры; 3) внутренняя торговля; 4) внешняя торговля и 5) морская торговля. Поскольку объем прибыльной промышленности, которая может осуществляться в стране, ограничен количеством капитала, которым она располагает, ясно, что никакую часть этого количества нельзя просто вложить в любую из упомянутых отраслей, не изъяв из всех остальных или не удержав ее от вложения во все остальные. Поэтому нельзя поощрить какую-либо одну отрасль, не лишив соразмерного поощрения все прочие. Если правительство склоняет человека к тому, чтобы тот начал или продолжал использовать свой капитал в какой-либо из этих отраслей, оно тем самым заставляет его изымать этот капитал из всех прочих отраслей или не вкладывать его в них. Для народа ни одна из названных пяти отраслей не является настолько выгодной по сравнению со всеми остальными, чтобы силой закона давать ей преимущество. Но если бы таковая и нашлась, то, несомненно, это было бы мелиорация и возделывание земли, и тогда всякое надуманное поощрение любой другой из соперничающих друг с другом отраслей ущемляло бы интересы сельского хозяйства ровно настолько, насколько большим оказывалось бы это поощрение. Всякое поощрение любой из тех отраслей мануфактуры, которые производят предметы, ныне продающиеся колониям, лишает поддержки сельское хозяйство соразмерно величине этого поощрения.

Если возникает необходимость доказать, что существование колоний выгодно для метрополии, и определить размер этой выгоды, то способ такой оценки оказывается весьма занятным. Производится подсчет того, что они экспортируют, причем сюда входит почти вся их продукция. Принято считать, что все это ваше, пока вы владеете колониями, и что именно это вы и теряете, утрачивая их. Но что из всего этого действительно достается вам? Ни гроша. Если они и дают вам свое, то неужели даром? Отнюдь: они, как всякий другой партнер, заставляют вас платить. Сколько? Да ровно столько, сколько вы заплатили бы им, принадлежи они себе или кому-нибудь другому.

Помимо непризнанных есть несколько признанных доводов в пользу существования колоний, и среди последних бесспорно первенствует идея торговой выгоды. Если бы ваши колонии подчинялись не вам, они не торговали бы с вами, не покупали бы ваших товаров и не позволяли бы вам покупать товары у них; по меньшей мере, вы бы не были уверены в том, что, принадлежи они другому, они не вели бы себя именно так, ибо, как вы знаете, колониям, которые принадлежат другим странам, не позволено торговать с вами. Откажитесь от своих колоний и вы откажетесь от

того объема вашей торговли, которая ведется именно с ними. Но нет, ни от чего такого мы не отказываемся — мы вообще не отказываемся ни от чего. Торговлю с колониями, даже в большей степени, чем с чем-либо другим, нельзя вести без капитала и потому ровно столько вашего капитала, сколько вы вкладываете в торговлю с колониями, не используется более нигде и, следовательно, ровно столько же или удерживается от вложения в другие виды торговли, или изымается из них.

А теперь представим, что какая-то отрасль торговли или мануфактуры пришла в упадок или вообще исчезла: станет ли это постоянно ощущаемой потерей для страны? Ни в коей мере. Нам известно самое худшее, что сулит любая такая потеря: капитал, который использовался бы в этой отрасли, будет использоваться в сельском хозяйстве. На худой конец потеря колоний — если предположить, что за этим последует прекращение колониальной торговли, — обернется соразмерным приобретением для сельского хозяйства.

Если поразмыслить о благе правления, то можно отыскать и другие доводы против заморских владений. Беды, творящиеся где-то вдалеке, не слишком впечатляют тех, кто может с ними покончить. Одно убийство, совершенное в Лондоне, потрясает сильнее тысячи убийств и прочих зверств, совершенных в Ост-Индии. Случай с Гастингсом — и лишь потому, что он был рядом, — пробудил сострадание у всех, кто в подробностях узнал о зверствах, совершавшихся им с тупым равнодушием.

Претерпевшие обиду не могут в один миг сообщить об этом тому, кто властен облегчить ее. Довод, который в древних писаниях царь вынужден признать как причину своего вмешательства во имя утешения — единственная подлинная причина, изначально и породившая это вмешательство; этот довод предстает как одна из немногих истин, ухитрившихся пробиться сквозь густое облако лжи и нелепости, которые в них содержатся. «Узнайте, что хотят эти люди, — говорит владыка служителям закона, — дабы они более не докучали мне своим шумом». Следовательно, довод, невольно признаваемый властителем, в котором обычно усматривают источник справедливости, — это довод, который в Евангелии приписывается несправедливому судье*.

Таким образом, то, что мы предлагаем ниже, — это окончательные меры, которые надо предпринять:

1. Отказ от всех колоний.
2. Отказ от поисков новых колоний.

Далее следует краткий перечень причин, по которым следует отказаться от всех колоний.

* См.: Лк. 18: 1–5.

1. Интересы метрополии.

1. Избежание расходов на создание ведомств, гражданских и военных.

2. Избежание опасностей войны, которая возможна: а) когда возникнет необходимость заставить колонии подчиниться; б) по причине зависти, вызванной той силой, которую они внушают.

3. Избежание расходов на их защиту в случае войны по другим причинам.

4. Упразднение ситуаций, вызывающих коррупцию, которая становится возможной в результате попечительства: а) над гражданскими ведомствами колония; б) над вооруженными силами, используемыми для их защиты.

5. Упрощение всей структуры правления и тем самым создание ситуации, когда компетентное ведение дел становится более доступным а) членам администрации; б) народу.²

² *Причины, по которым следует отказаться от Гибралтара:*

1. Расходы на содержание военного ведомства, т. е. фортификационных сооружений, гарнизонов, артиллерии, рекрутской службы и поставки провианта.

2. Коррупция, возникающая в результате попечительства.

3. Избежание опасности быть втянутым в войну с Испанией, для которой владение этим местом — непрестанный соблазн.

4. Цена, которую можно было бы получить от Испании в случае продажи Гибралтара.

5. Избежание возможных расходов на его защиту и обеспечение провиантом в случае войны.

6. Владение им бесполезно. Польза обычно усматривается только в связи с торговлей в области Средиземноморья. Однако: 1) мы могли бы вести ее также хорошо и без Гибралтара. 2) Если бы этого не получилось, мы не ощутили бы никакой потери; капитал, вложенный в эту торговлю, в такой же мере заявил бы о себе в любой другой. 3) Даже если предположить, что этот вид торговли — самый выгодный в сравнении со всеми остальными, утраченное нами с потерей Гибралтара всего лишь равнялось бы разнице между долей, полученной в этой торговле, и долей, полученной в другой торговле, самой выгодной после этой. Ибо: 4) мы могли бы по-прежнему торговать так, как шведы, датчане, голландцы и т.д., и как мы сами это делали до того, как приобрели Гибралтар.

Причины, по которым следует отказаться от Ост-Индии:

1. Избежание опасности войны.

2. Упразднение ситуаций, приводящих к коррупции в результате попечительства над гражданскими и военными ведомствами.

3. Упрощение правления.

4. Избавление от процедур, отнимающих время у парламента и рождающих подозрение в несправедливости.

5. Избежание порчи нравов туземного населения, которое не будет видеть примеров преуспевающей алчности.

Разум нации разрушается ложными понятиями, которые сохраняются для того, чтобы не дать ей открыть глаза и не заявить, что от колоний надо освободиться.

В то же время для метрополии плохое правление проистекает из смешения интересов, нечетко выраженных взглядов и траты времени, обусловленной тем бременем, которое налагают на нее колонии.

II. Интересы колоний.

Уменьшение возможности плохого правления, проистекающего из: 1) столкновения интересов; 2) неведения.

Действительные интересы той или иной колонии приносятся в жертву воображаемым интересам метрополии. Если вы хотите заполучить или сохранить какую-нибудь колонию, это приведет лишь к одному — плохому правлению для нее. Управляйте ею как должно — и вам от этого не будет никакой пользы. Управляйте ею так, как это делали бы сами ее обитатели, — и вам придется выбрать тех людей для управления ею, которых они бы сами избрали. Вы не должны жертвовать ни единым ее интересом в угоду вашему — вам надо тратить на эти интересы ровно столько времени и внимания, сколько потратили бы они сами; одним словом, вам придется осуществлять те самые меры — и никакие другие, — к которым прибегли бы и они сами. Но разве это будет правление? И если да, то вам-то что с того?

В конце концов, по причине вашей удаленности от колонии вы не сможете править ими так, как они сами бы делали это³.

Меры, которые надо осуществить, приблизительно таковы:

1. Не сохранять никакой военной силы в любой из колоний.
2. Не пускать в обращение никаких денег для поддержания любого гражданского ведомства в любой колонии.
3. Назначать на должности в колониях до тех пор, пока они это позволяют; отказываться от назначения, как только они начинают его оспаривать.
4. Давать общие наставления губернаторам одобрять любые законы, которые им представляют.
5. Не давать денег на сооружение военных укреплений.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ II. Иметь какой-либо договор об оборонительном или наступательном союзе с какой бы то ни было державой — не в интересах Великобритании.

³ Все вещи заботят нас соразмерно их значимости в наших глазах и по мере того, как они попадают в поле нашего внимания и наблюдения. Министр, который не убил бы ни одного человека своими собственными руками, не противится смерти тысяч людей, если их где-то далеко убивают другие.

Довод: уменьшение опасности войны, которую они могут вызвать.

Если говорить более конкретно, то Великобритания не должна гарантировать конституции других стран.

Довод: уменьшение опасности войны, которую может вызвать ненависть к столь деспотическому мероприятию.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ III. Иметь договор с какой бы то ни было державой с целью получения каких бы то ни было преимуществ в торговле, достигаемых путем ущемления интересов любой другой страны, — не в интересах Великобритании.

Тот факт, что торговля любой страны ограничена количеством наличного капитала, настолько ясен и бесспорно истинен, что притягивает на место среди самоочевидных положений. Однако нельзя ожидать, что самоочевидное будет с легкостью принято и что оно будет принято вообще, если вытекающие из него следствия сталкиваются с распространенными страстями и укоренившимися предрассудками.

Нации состоят из индивидов. Национальная торговля ограничена теми же причинами, которые ограничивают торговлю индивида. Любой торговец, когда весь его капитал вложен в его торговлю, а кредит, который он может получить под этот капитал, позволяет ему продолжать свое дело, не может иметь больше ничего. Будучи верным по отношению к каждому отдельному торговцу, это столь же верно и по отношению ко всей их совокупности, сведенной воедино.

Во многих книгах напрямую признается положение, согласно которому объем торговли, которую может вести страна, ограничен, причем ограничен количеством ее капитала. Никто этого не оспаривает, но почти все, тут или там, продолжают руководствоваться прямо противоположным: они полагают, что объем торговли вообще безграничен.

Глупо покупать промышленные товары, куда умнее приобретать сырье. Почему? Потому что себе самому или — что еще лучше — иностранцам вы продаете его обработанным, а прибыль от этой обработки, ясное дело, ваша. Забывают одно: для того чтобы продолжать свое дело, промышленнику нужен капитал, а если какое-то его количество он использует на обработку, то, стало быть, ровно столько же он не может использовать никак иначе.

Отсюда — совершенная бесполезность и даже вред от всяких законов и каких бы то ни было общественных мероприятий правительства, ибо мнимое оживление торговли — все эти поощрительные меры, все соглашения о запрещении импорта и обязательства оказывать предпочтение своим товарам перед иностранными — не что иное, как попытка

временно облегчить временный недуг. Однако из двух упомянутых мер — запреты и поощрения, штрафные санкции и компенсации — вторая, вне всякого сравнения, самая вредная. Запреты просто бесполезны, за исключением тех случаев, когда они новы и заставляют людей с большими потерями бросать начатое дело. Поощрения расточительны и гнетущи: они отнимают деньги от одного человека, чтобы другой, получив их, смог продолжать торговлю, которая, если бы она не была убыточной, вообще не требовала бы денег.

Но что в таком случае представляют собой все способы промышленного производства? Разве один из них не может быть выгоднее другого? Конечно, может. Но если мы говорим о предпочтительном, то на самом ли деле он оказывается более выгодным, чем другой? Именно на этот вопрос — и только на него — и надо ответить, причем как раз его-то никто никогда и не ставил.

Если бы им когда-либо задались и ответили на него, причем ответили со всей ясностью, ответ все равно нельзя было бы положить в основу какого-либо постоянного плана действий. Почему? Да потому, что как только станет ясно, что одна отрасль доходнее другой, она сразу перестанет быть таковой. Люди потекут в нее из всех остальных, и старое равновесие скоро восстановится. У ваших торговцев есть монополия по отношению к иностранным? Пусть так, но у них нет никакой монополии по отношению друг к другу. Но разве в любом случае люди не могут оставить менее продуктивную отрасль, в которую уже вложены их капиталы, и вложить их в более продуктивную? Да, но существуют как новички, так и люди бывалые, и первая забота новичка, располагающего капиталом для использования в какой-нибудь отрасли промышленности, — найти самую прибыльную.

Могут возразить, сказав, что именно промышленность создает спрос на сельскохозяйственную продукцию, и, следовательно, увеличить ее объем можно только путем увеличения количества промышленных изделий. На самом деле это не так. Я принимаю посылку, но не согласен со следствием. Увеличение количества промышленных изделий действительно способствует увеличению спроса на продукцию сельского хозяйства. Верно и то, что увеличение числа промышленных изделий не является необходимым для того, чтобы этот спрос усиливался. Фермеры могут прожить и без лент, кисей и тонкого батиста, тогда как изготовители всего названного не проживут без продуктов сельского хозяйства; необходимое для существования никогда не утратит своей ценности. Те, кто его производит, сами создают рынок для своей продукции. Возможно ли,

чтобы пищевые продукты слишком подешевели? Существует ли такая опасность? Допустим (вопреки явной нелепости такого предположения), что в силу их преизбытка, а также нехватки промышленников, способных их потреблять, они постепенно становятся слишком дешевыми. Что из этого следует? Удешевление приведет к тому, что люди с большей легкостью и охотой начнут вступать в брак, в результате чего возрастет численность населения страны, и народившиеся дети, потребляя продукты и набираясь сил, умерят такое ужасное зло, как преизбыток пищи.

Пищевые продукты, продукция сельского хозяйства постоянно и необходимым образом воспроизводят рынок для себя. Чем больше человек производит съестных припасов, превышающих норму его собственного потребления, тем больше ему приходится давать их другим, побуждая их, в свою очередь, снабжать его всем тем (кроме пищевых продуктов), что он пожелает иметь. Одним словом, чем больше он вынужден экономить, тем больше ему приходится давать промышленникам, которые, забирая его продукцию и оплачивая ее продукцией своего труда, создают условия, необходимые для производства плодов сельского хозяйства.

Поэтому ситуация, при которой сельского хозяйства окажется слишком много, просто невозможна. Невозможно, чтобы, пока есть неовозделанная земля или же такая, которую можно было бы обрабатывать лучше, общество претерпевало ущерб от того, что капитал, удерживаясь или изымаясь из какой-либо отрасли промышленности, используется в сельском хозяйстве. Поэтому невозможно, чтобы угасание какой бы то ни было отрасли торговли грозило каким-либо ущербом обществу, за исключением временного бедствия, которое претерпевают тогда, когда эта отрасль внезапно приходит в упадок.

Ниже мы предлагаем меры, уместность которых вытекает из уже упомянутых принципов:

1. Не заключать никаких договоров, предполагающих предпочтительное отношение к каким-либо видом торговли.

2. Не вступать ни в какие войны ради достижения таких договоров.

3. Не создавать никаких союзов ради их осуществления.

4. Не оказывать никаких поощрений какой-либо отрасли торговли путем:

а) запрета на существование конкурирующих промышленных предприятий;

б) налогообложения этих предприятий;

в) различных поощрений того вида торговли, который считается предпочтительным⁴.

5. Не вступать ни в какие договоры, предполагающие предпочтительное отношение к тому или иному виду торговли.

Они бесполезны, так как ничего не добавляют к объему богатства и только оказывают влияние на характер его перемещения.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ IV. Поддерживать любые морские силы помимо тех, которые необходимы для защиты своей торговли от пиратов, — не в интересах Великобритании.

В этом нет необходимости, за исключением случаев защиты колоний или в случае войны, предпринятой для обеспечения торговли или создания торговых союзов.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ V. Поддерживать всяческие уставы любой степени давности, направленные на увеличение или поддержание своих морских сил, такие, например, как Закон о навигации, поощрения, связанные с гренландской торговлей, и прочие виды торговли, воспринимаемые как стимул в развитии морского дела, — не в интересах Великобритании.

Это предложение с необходимостью вытекает из предыдущего.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ VI, VII, VIII, IX и X. Предложения, сходные с предыдущими, равным образом истинны и по отношению к Франции.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ XI. Если Великобритания и Франция достигнут полного согласия между собою, основные трудности в принятии плана всеобщего и долговременного примирения для всей Европы будут устранены.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ XII. Для поддержания такого примирения могут быть заключены всеобщие и вечные договоры, ограничивающие число необходимых войск⁵.

Если бы речь шла о простом отношении какой-то одной страны к другой, тогда, быть может, проблема не представлялась бы такой трудной.

⁴ Всякие поощрения каких-либо конкретных отраслей торговли являются не столько благом, сколько вредом.

⁵ *Прецеденты:* 1) Соглашение о разоружении между Францией и Британией 1788 г. представляет собой прецедент такого мероприятия или само условие. 2) Закон о вооруженном нейтралитете является прецедентом того, каким образом надо проводить это мероприятие, и может служить опровержением мысли о том, что всеобщее соглашение между странами невозможно. 3) Договор, запрещающий укрепление Дюнкерка.

Беда, однако, в том, что почти везде эти отношения оказываются сложными. Поднимая вопрос о войсках, Франция говорит Англии: «Да, я охотно заключила бы с тобой договор о разоружении, если бы речь шла только о тебе, но мне необходимо иметь войска для защиты от австрийцев». Австрия могла бы пойти на соглашение с Францией, но ведь ей необходимо защищаться от Пруссии, России и Порты. И на то же самое могла бы сослаться Пруссия по отношению к России.

Однако что касается морских сил, то, если речь идет только о Европе, затруднение, вероятно, не было бы весьма значительным. Если представить, что Франция, Испания и Голландия вместе образуют противовес силам Британии, то, учитывая недостатки, которые сопутствуют соглашению между тремя отдельными странами, не говоря уже о том, сколь медленно и при какой степени гласности осуществляются соответствующие процедуры по голландской конституции, Англия, наверное, могла бы позволить всем троим располагать объединенными силами, составляющими половину или больше от ее собственных сил.

Соглашение такого рода не было бы постыдным. Оно, наверное, было бы таковым, если бы договор затрагивал лишь одну сторону. Если же дело касается обеих сторон, то обоюдность упраздняет возможность резких выпадов. По договору, положившему конец первой Пунической войне, число кораблей, которыми могли располагать карфагеняне, было ограничено. Разве такое условие не было унижительным? Могло быть, но, если бы оно и было таковым, причина заключалась бы в том, что римляне, со своей стороны, не взяли на себя никаких обязательств. Если по условиям договора вся безопасность обеспечивается только одной стороне, из чего такой договор проистекает? Только из одного: из признанного превосходства какой-то одной стороны, которая таким образом обретает полную безопасность; такое условие могло бы быть правом, которое победитель диктует побежденной стороне, — правом сильнейшего. Только победитель мог бы диктовать его и только побежденный — принимать.

Напротив, любая страна, первой предложившая другой стране сократить и зафиксировать численность своих вооруженных сил, покрыла бы себя неуязвимой славой. Риска бы не было никакого, выигрыш — явный. Он заключался бы в том, что такая страна засвидетельствовала бы свою собственную несомненную устремленность к миру, а также выявилось бы нежелание другой страны, если бы та такое предложение не приняла.

В таком деле необходима предельная честность. Страну, к которой обращаются с подобным предложением, надо призвать к тому,

чтобы она рассмотрела ситуацию и выяснила, сколько оборонительных войск она считает необходимым оставить и какие дальнейшие уступки сочтет оправданными.

Такое предложение надо сделать в условиях максимальной гласности: оно должно быть обращением от народа к народу. Это не только вызовет доверие у той страны, к которой обращаются, но и сделает невозможным ее правительству отвергнуть его или отсрочить путем каких-либо уловок и отговорок. Оно заставит зазвучать сердечные струны этого народа, выявит их устремления и возвестит их всему миру.

Однако у того дела, которое направлено на благо человечества, есть еще одна возможность. Если Британия не откликнется на такое предложение, если она окажется неготовой к нему, пусть Франция без каких-либо предварительных условий предоставит своим колониям независимость и распустит свой морской флот. Даже при таком решении выгода будет огромной, опасности же никакой. Я уже показал, что колонии — это источник расходов, а не доходов, бремя на плечах народа, а не облегчение для него. По-видимому, это так даже в том случае, если итоговые расходы не превышают колониальных и представляют собой только те, которые до сих пор относились на их счет. Но ведь на самом деле все расходы по содержанию морского флота тоже идут на этот счет и ни на какой другой. Разве он предназначен для чего-то другого? И разве он может иметь какое-либо иное предназначение? Никакого. Распрощайтесь с колониями, и тогда от любого корабля будет лишь одна польза: собрать их несколько, чтобы в Средиземноморье можно было сдерживать пиратов.

Если начнется война, то где на сегодняшний день (1789 г.) Англия совершит свое первое и единственное нападение на Францию? В колониях. На что она будет рассчитывать в случае успеха? Только на одно: отнять у Франции ее колонии. Но если бы эти колонии — эти яблоки раздора — больше ей не принадлежали, что бы тогда делала Англия? Что бы она замыслила?

Оставалась бы территория Франции; но с какой целью Британия напала бы на нее? Конечно, не для того, чтобы навсегда ее завоевать, — наш век таким безумием не страдает. Дерзну заявить, не усматривая в этом никакого необычайного комплимента, что сам парламент не пожелает этого. Он не пожелает этого даже в том случае, если дело завершится без усилий с нашей стороны и без какого-либо сопротивления со стороны противника. Не пожелает даже тогда, когда сама Франция начнет этого домогаться. Никакой парламент не заплатит и

пенса за такую затею, а если заплатит, то продержится от силы месяц. Нет такого короля, который скрепил бы этот замысел своим именем. Он наверняка и так же заслуженно лишится престола, как это произошло с Яковом II. Сказать, что будешь королем Франции, все равно что заявить о своем желании стать самодержцем Англии.

Итак, о завоевании не станет мечтать никто. Но есть ли у вторжения какая-либо иная цель? Ограбить и разрушить страну? Это совершенно отвратительно, причем не только духу народа, но и духу времени. Единственным побуждением может быть лишь злоба — жадность же никогда на это не подвигнет, ибо задолго до того, как армия доберется до какого-либо места, все, пригодное для грабежа, уже будет унесено. Все, что можно унести, сами хозяева унесут гораздо раньше любой армии мародеров. Никакой поход с целью грабежа никогда не окупится⁶.

Таково полнейшее безрассудство, безумие войны: при любых условиях она принесет только вред, особенно между странами, находящимися в таком положении, в каком находятся Франция и Англия. Даже если бы выбор событий был совершенно в вашей власти, вы не могли бы получить от них пользу. В случае неудачи вас ждет посрамление и гибель, в случае успеха, даже если ваши желания сбудутся сполна, вам станет только хуже. Ваше положение резко ухудшится, даже если бы вам ничего не пришлось платить, ибо любая колония, которую вы сами основали, не говоря уже о завоевании, которое вы осуществили, не покроют расходов на них.

Самые большие приобретения, которые только можно представить, не стали бы желанными, даже если бы их можно было достичь наверняка и без малейших затрат. На войне в равной мере можно за-получить и утратить, приобрести и потерять: мы не можем посягать на первое и защищаться от второго без явных и огромных расходов.

Поразмыслите как следует над следующим явным противоречием: любая торговля прибыльна по своей сути, причем даже для тех, для кого

⁶ Это напоминает об «успехах» войны 1756–1763 гг. Борьба между рассудком и человечностью привела к поистине смешным действиям. Пред-рассудок предписывал напасть на врага на его собственной территории; че-ловечность запрещала причинять ему какой-либо вред. Эти походы не толь-ко ничего не дали, но даже вред, нанесенный стране, в которую вторглись, почти не был равен расходам, потраченным на это вторжение. Когда японец вспарывает себе живот, он делает это в уверенности, что его враг последует его примеру. Однако в данном случае англичанин вспорол себе живот, кото-рый француз мог поцарапать. Почему совершилась эта нелепость? Потому, что мы были на войне, а когда страны воюют, что-то надо совершать или, по меньшей мере, должна возникнуть видимость этого, и ничего другого. Фран-ция уже была лишена всех своих заморских колоний.

она такова в наименьшей степени. Любая война по сути своей разорительна, и тем не менее правительство прилагает немалые усилия для того, чтобы накопить побольше поводов для войны и помешать торговле.

Спросите англичанина, в чем, на его взгляд, заключается главное препятствие в установлении прочного и надежного мира, и он тут же скажет: «Притязания, — а может, добавит: — вероломство Франции». Хотелось бы мне, чтобы основной помехой в принятии плана, преследующего эту цель, были устремления и настроение Франции. Если бы дело было только в этом, принятие не заставило бы себя долго ждать!

Из всего этого фантастического замысла самым нереальным, конечно же, кажется предоставление независимости колониям. Что скажет англичанин, увидев, как два весьма уважаемых французских министра⁷, возглавляющие свои министерства, в один голос говорят о том, что такое событие неизбежно и, мало того, скоро сбудется, причем один из них, не колеблясь, заявляет, что оно к тому же весьма желательно?

Если бы это произошло, все вернулось бы к той ситуации, которая существовала до открытия Америки. Тогда Европа не имела никаких колоний, не располагала никакими отдаленными гарнизонами, никакими постоянными армиями. Войны же, если и случались, то возникали только в результате феодальной разобщенности, религиозной неприязни, страсти к завоеваниям и неясности в династических вопросах. Из этих четырех причин первая, к счастью, исчезла повсюду, вторая и третья — почти повсюду, по крайней мере во Франции и Англии а последняя, если еще и не утасла, то довольно легко может разделить судьбу трех первых.

Когда речь заходит о нравственном состоянии нации, то здесь нравственные чувства людей до сих пор так далеки от совершенства, что в иерархии предпочтений справедливость еще не возвысилась над силой. Однако в каком-то смысле этот предрассудок случайным образом скорее благоприятствует данному предложению, чем мешает ему. Истина и цель этого исследования повелевают мне сказать моим соотечественникам, что именно для них настало время начать исправляться, что именно они — великие грешники. Однако, руководствуясь теми же соображениями, я вынужден сказать им и о том, что они — самые сильные среди народов: даже если справедливость не на вашей стороне, сила — на вашей, и именно ваша сила — основная причина вашей несправедливости. Если бы мерой нравственной оценки стало совершенство, такие установки были бы далеки от популярности, осмотрительность заставляла бы молчать о них и умерять как можно сильнее.

⁷ Тюрго и Вержен.

Тех, кому они казались истинными, это привело бы к смирению, а тех, кому они казались ложными, — к негодованию. Однако, как я уже отметил, в этих вопросах люди еще не научились настраивать свои чувства в унисон с голосом нравственности. Они больше гордятся, когда их считают сильными, чем возмущаются, когда их называют несправедливыми, или скажем иначе: обвинение в несправедливости больше льстит им, а не вызывает какие-либо иные чувства, когда дело доходит до рассмотрения ее причины. Я знаю это по своему собственному опыту, но если я, призванный к делу справедливости и будучи открытым и доселе единственным ее поборником в своей стране, ценю справедливость меньше, чем она того заслуживает, то что же мне ожидать от обычного поведения людей?

ПРЕДЛОЖЕНИЕ XIII. Поддержанию такого примирения в небольшой степени может содействовать создание Единого суда для разрешения единогласий между странами, хотя такой суд не следует надевать никакими полномочиями, предполагающими принуждение.

Кто-то заметил, что никакая страна не должна уступать другой стране и крупницы того, что для нее кажется справедливым. Это должно быть очевидным в глазах той страны, которая должна вынести решение, — и очевидным в глазах страны, которую призывают уступить. К чему это ведет? К тому, что никакая страна не должна уступать ничего из того, что считает своим правом, — никакая страна не должна идти ни на какие уступки. Каждый раз, когда возникает какое-либо разногласие между представителями двух стран, результатом должна быть война.

И хотя никакого единого суда не существует, кое-что в его пользу, пожалуй, можно сказать, ибо уступка известной несправедливости влечет за собой новую несправедливость.

Создайте этот суд, и разногласие во мнениях больше не будет причиной войны. Справедливое или нет, решение судей сохранит репутацию и честь той стороны, которая затеяла спор.

Можно ли просто отмахнуться от этого решения, назвав его фантастическим, если оказывается, что:

1. Оно отвечает устремлениям заинтересованных сторон.
2. Стороны уже осознают этот интерес.
3. Ситуация, в которой они в результате этого окажутся, не является новой и вообще никакой другой, кроме той изначальной ситуации, из которой они вышли.

Уже были осуществлены трудные и сложные соглашения; можно, например, упомянуть:

- 1) о вооруженном нейтралитете;
- 2) об американской конфедерации;
- 3) о германском рейхстаге;
- 4) о швейцарском союзе.

Почему бы наподобие Германского рейхстага и Швейцарского союза не существовать Европейскому сообществу? У первых нет никаких притязаний. Пусть так, но разве это уже не стало верным и по отношению к последнему?

Но как в таком случае добиться поддержки народа и обойти характерные для него предрассудки?

Основная цель нашего плана — сократить, причем сократить довольно существенно, бремя народного участия в этом деле. Объем сокращений для каждой страны можно определить в договоре, и перед его подписанием можно даже для каждой страны подготовить соответствующие законы и представить их друг другу: они вступят в силу, как только договор будет утвержден в каждом государстве.

Благодаря этому основная масса народа — та его часть, которая наиболее увлекаема предрассудками, — узнает об этом мероприятии только тогда, когда почувствует облегчение, которое оно ему принесет. Она увидит, что оно предполагает их выгоду, и только ее.

Согласованность в действиях всех морских держав, за исключением Англии, достигнутая ранее, выявила два момента: разумность самого предприятия и слабость Франции в сравнении с Англией. Это было мероприятие, затеянное не ради каких-то притязаний, а во имя справедливости — закон, принятый ради соблюдения равенства и на благо слабого. Благодаря ему не было достигнуто ничего нечестного, да этого и не пытались сделать. Франция восприняла его с удовлетворением. Почему? Потому что она была слабее Британии. У нее не могло быть никакого иного побуждения; ни при каких других условиях она не получила бы от него выгоды. Британию же он привел в раздражение. Почему? В силу противоположной причины — у нее не могло и быть иной.

О мои соотечественники, снимите с ваших глаз пелену предрассудков, очистите сердца от черных пятен чрезмерной подозрительности, ложных амбиций, своекорыстия и высокомерия! Наверное, это больно, но ведь и награда будет поистине славной. Трудность велика, но ведь и почет будет соразмерен ей.

Но если и после этого возникнут войны? Пусть так, но промежуточный выигрыш все равно будет немалым.

Несмотря на то что в возникновении военных настроений несправедливые притязания, вне всякого сомнения, играют очень большую роль,

надо признать, что и подозрительность, пусть искренняя и честная, тоже не на последнем месте. Вульгарный предрассудок, питаемый страстью, считает сердце вместилищем всех нравственных недугов, на которые он сетует. Однако чаще главным вместилищем оказывается голова: гораздо чаще люди сбиваются с правильного пути не по причине эгоизма и недоброжелательности, а в силу неведения и слабости. В этом наше счастье, потому что сила полученных сведений и разума над заблуждением и неведением гораздо мощнее и гораздо надежнее, чем сила увещаний и всяческой риторики над эгоизмом и недоброжелательностью.

Только потому, что мы не знаем, сколь вескими и справедливыми доводами располагают другие страны, сколь обоснованно они указывают на то, что положение дел действительно складывается так, а не иначе — и к тому же довольно часто мы сами отступаем от норм справедливости, — мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся, как некую неоспоримую истину мысль о том, что несправедливость каким-то образом свойственна самой природе других людей.

Наверное, недоверие, являющееся одной из особенностей английской нации, явилось причиной этой подозрительности. Страх перед тем, что другие страны могут обмануть, — мысль, что чужие головы смекалестее, хотя в то же время чужие сердца не такие честные, как наши, — все это всегда было одной из основных наших слабостей. Быть может, это недоверие как-то связано с *mauvaise honte**, которая, как подмечают, обычно проявляется в нашем поведении и которая приводит к тому, что любое публичное выступление и появление на публике становится для нас куда более грозным испытанием, чем для других людей.

Быть может, это недоверие отчасти объясняется тем, что в сравнении с другими народами мы меньше появляемся в обществе и не так сильно привыкли к смешанным компаниям.

Однако особую роль недоверия, о котором идет речь, — боязни быть обманутым иностранными державами — отчасти и, быть может, в основном, надо объяснять другой причиной: подозрительностью и нелестным мнением о наших министрах и общественных деятелях. Мы относимся к ним с подозрением, видя в них тех, кто начальствует над нами и сражается с нами в вечной борьбе за власть; мы не доверяем им, потому что они — одни из нас и, как говорится, слеплены из того же теста.

Подозрительность — порок умов ограниченных, доверие же — добродетель умов широких. Для того чтобы убедиться, что доверие между странами не есть нечто противоестественное, когда у них есть

* *Mauvaise honte* — ложный стыд (франц.).

достойные министры, достаточно почитать отчет о переговорах между Де Витом и Темплом, представленный Юмом. Я говорю — Юмом, ибо, как для проведения таких переговоров, выдержанных в таком духе, нужны были люди наподобие Де Вита и Темпла, нужен был и историк, подобный Юму, чтобы воздать им должное. Ибо историки расхожего толка знают только один способ писать эту часть истории: они отыскивают самые подлые и низкие побуждения, которыми можно объяснить поведение людей в рассматриваемой нами ситуации, а затем, не чинясь и без каких-либо доказательств, объясняют ее именно этими побуждениями.

Темпл и Де Вит, доверие которых друг к другу было весьма поучительным и заслуженным, итак, Темпл и Де Вит были двумя самыми мудрыми, равно как самыми почитаемыми людьми в Европе. Однако время, породившее такую добродетель, было временем так называемого папистского заговора, а также множества прочих гнусностей, о которых сегодня нельзя думать без содрогания. С той поры у мира было целое столетие, чтобы совершенствовать себя в опыте, размышлении, добродетели. Во всех прочих сферах улучшение огромно и несомненно. Самонадеянны ли мы, предполагая, что Франция и Англия могли бы родить, пусть не Темпла и Де Вита — столь запредельная добродетель, какой обладали они, теперь не понадобится, — но людей, которые, живя в более счастливые времена, могли бы совершить такой же труд, обладая при этом меньшими достоинствами?

Такой конгресс или парламент можно было бы создать, если бы каждая держава послала двух депутатов на место встречи, причем один из них был бы главным, а второй замещал бы его в случае необходимости.

Все действия, предпринимаемые таким конгрессом или парламентом, должны быть гласными.

Его полномочия будут заключаться:

- 1) в сообщении своего мнения;
- 2) в создании такой ситуации, когда это мнение непрестанно распространяется во владениях каждого государства.

Обычно прибегают к манифестам. Манифест обращен или к подданным того государства, которое вызывает недовольство, или к противоположной стороне, или к тем и другим. Это призыв, к ним обращенный, и он настоятельно просит их высказать свое мнение. Разница лишь в том, что в этом случае не приводится никаких доказательств и ни о каком мнении не сообщается регулярно.

Достаточно вспомнить Швецию, чтобы показать, какое влияние договоры, государственные постановления могут оказывать на

подданных различных стран и насколько средство, о котором идет речь, можно считать необоснованным, а предложение по его использованию и доверию к нему — фантастическим предложением.

Когда король Швеции начал войну с Россией, его подданные, по меньшей мере, значительная их часть, расценила ее как наступательную и, следовательно, противоречащую конституции, которую он утвердил при содействии различных сословий. В результате немалая часть армии или подала в отставку, или отказалась выполнять приказ, и тогда король был вынужден отступить от русской границы и созвать риксдаг.

Это было при той форме правления, относительно которой обычно, хотя и неверно, считалось, что она может перерасти из ограниченной монархии или, скорее, аристократии в монархию деспотическую. Не существовало никакого постановления, принятого каким-либо признанным и уважаемым судом и направленного на то, чтобы определять общественное мнение и руководить им. Единственным документом, с помощью которого можно было что-то решить, являлся вражеский манифест, написанный такими словами, которые в подобных ситуациях диктует негодование, и потому не содержавший и намека на примирение, — документом, который и не притязал на то, чтобы находиться в обращении и хождению которого — тут мы можем быть вполне уверены — правительство мешало как только могло;

3) в наложении санкций на непокорное государство — спустя некоторое время.

Наверное, не было бы никакого вреда в том, чтобы в качестве последнего средства несколькими государствами был сформирован определенный контингент для проведения в жизнь постановлений суда. Однако, по всей вероятности, необходимость в использовании такого средства отпадет навсегда, как только мы прибегнем к средству куда более простому и менее обременительному, а именно включим в документ, создавший такой суд, параграф, гарантирующий свободу печати в каждом государстве, причем такую свободу, при которой парламент любого из них мог бы беспрепятственно размещать на ее страницах свои постановления и вообще любые документы, которые он сочтет достойными того, чтобы своей подписью обеспечить им самое широкое и беспрепятственное хождение.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ XIV. В Англии пора положить конец завесе секретности в делах Министерства иностранных дел, поскольку таковая совершенно бесполезна и столь же противна интересам свободы и мира.

Я не возьму на себя труд обсуждать существование того правила, которое налагает завесу тайны на переговоры кабинета с иностранными державами. Я просто поговорю о его целесообразности.

Когда в палате лордов Стромонт⁸ спросил министра иностранных дел о секретных соглашениях, тот отказался отвечать. Я его не виню. Существующие правила — и, по-видимому, в этом нет разногласий — запрещают давать ответ. Они налагают широкую завесу тайны на переговоры кабинета с иностранными державами. Я не осуждаю человека за изъясн в законах. Сами законы — вот что я осуждаю как противное духу конституции и несовместимое со справедливым правлением.

Сразу начну решительным образом и с максимальным размахом. Я утверждаю два положения:

1. Любые переговоры, осуществляемые в этой стране кабинетом, на любом этапе их проведения не должны утаиваться от самой широкой общественности, не говоря уже о парламенте, особенно после проведенного им расследования⁹.

2. Как бы ни обстояли дела с предварительными переговорами, такую таинственность никогда не следует сохранять по отношению к уже заключенным договорам.

В обоих случаях для такой страны, как наша, такая секретность насколько вредна, настолько и излишня.

Она вредна. Вы не можете контролировать те мероприятия, о которых ничего не знаете. Вы не можете остановить те мероприятия, которые осуществляются без вашего ведома, какими бы губительными они для вас ни были и как бы вы их ни осуждали, если бы знали их. В результате переговоров, которые ведутся с иностранными державами в мирное время, обычно заключаются договоры о наступательных или оборонительных союзах или же коммерческие соглашения. Однако та или иная случайность может привести к тому, что все обернется войной.

Вряд ли можно оспаривать тот факт, что в новых торговых договорах как таковых нет никакой причины для секретности, однако такие переговоры, как и все прочие, в конце концов, могут вести к войне, а все, связанное с войной, может потребовать тайны.

Однако правила, позволяющие тому или иному министру ввергать страну в войну против ее воли, особенно вредны и не соответствуют конституции.

Признано, что министры не могут утверждать налоги без согласия народа. Признано и то, что они неправомочны содержать войска против его воли, но втянуть его в войну без его ведома они могут.

⁸ 22 мая 1789 г.

⁹ Противоположная сторона должна, по меньшей мере, привести пример, когда отсутствие секретности может нанести конкретный ущерб.

Парламент может отказаться вести войну после того, как она началась. Он также может сместить и наказать министра, втянувшего страну в эту войну.

Жалкие средства. Даже все вместе они равным счетом ничего не стоят. Остановить зло и наказать зачинщиков — жалкое утешение в сравнении с тем вредом, которое несет война, и пустая затея в сравнении с возможностью ее предотвращения. Наступательная война — дело выбора, оборонительная — необходимость. Отказ продолжать войну — самое опасное средство, если его вообще можно назвать таковым. Неужели не надо укреплять двери, когда враг уже подошел к ним?

Перед нападением возможность начала войны зависит от агрессора, но как только она началась, потерпевшая сторона обретает голос. Она не согласна с любым планом ее окончания. Что делать? Без сопротивления сдаться на милость врага, справедливо разъярившегося? Такое решение или продолжение войны — единственный выбор, которым мы теперь располагаем. При каких обстоятельствах такое средство может послужить нам? В случае успеха? Тогда оно ни к чему. В случае неудачи? Тогда о нем никто и не вспомнит.

Наказание зачинщиков войны, каким бы оно ни было, вызовет удовлетворение только у личных врагов этих министров и ничего не даст народу. Это ясно. Но ближе к цели и не менее истинно и то, что в подобном случае страх наказания несколько их не остановит: за ними — парламентское большинство, иначе бы они не были министрами. Вряд ли стоит надеяться на то, что большинство от них отвернется, однако между таким вариантом и наказанием — большая разница. Во время Американской войны от лорда Норта отвернулись, но наказан он не был. Он честно заблуждался, его заблуждение не несло на себе отпечатка той деятельности, которая характеризуется как *mala fide**, и было поддержано частным большинством парламента. И таковой может оказаться любая другая неразумная и несправедливая война. Наш век не любит наказаний. Если взятки, притеснение, казнокрадство, двуличность, предательство, любое преступление, которое могут совершить государственные деятели, погрешающие против совести, не вызывает желания наказать их, как можно рассчитывать на наказание в том случае, когда вред может так же легко совершиться без каких-либо причин для наказания? Человечество еще не достигло этой ступени в развитии цивилизации. Чужие народы еще не рассматриваются как способные чувствовать несправедливость. Мы проявляем меньше сочувствия по отношению к гражданам других цивилизо-

* *Mala fide* — недобросовестная (лат.).

ванных стран, чем к собственным неграм. Есть примеры, когда министров наказывают за установления мира¹⁰, но нет ни одного, когда с них хоть как-то спросили бы за втягивание народа в войну, и даже если бы когда-нибудь кого-то за это и наказали, его наказали бы не за вред, нанесенный другой стране, а только за вред, нанесенный его собственной, — то есть не за несправедливость, а только за неосторожность.

Никогда не утверждалось, что вы должны обращать какое-то внимание на иноземные народы, никогда не утверждалось, что вы должны колебаться в том, что может дать вам преимущество в ваших отношениях с ними. Как можно наказывать какого-нибудь министра за войну, пусть даже самую неудачную, если она была вызвана каким-нибудь из этих способов? «Я делал ради вас все, что в моих силах, — скажет он. — Чем хуже становилось им, тем больше ответственности я возлагал на себя и, следовательно, тем больше рвения я выказывал, стараясь ради вас. Да, дело обернулось не очень хорошо, но разве старание и неудача — преступление?»

Несправедливая война, развязанная нашими министрами, началась бы только ради достижения какого-то преимущества, которое если бы и не обернулось несправедливостью по отношению к чужому народу, то для нас составляло бы интерес. Когда несправедливость и опасность возмездия никем не принимается в расчет, министр всегда может заявить: «Я преследовал *ваши* интересы». Несведущая и не склонная к размышлениям часть народа, то есть основная ее часть, начнет вторить ему, говоря: «Да, вы стояли на страже наших интересов». Глас народа на эту тему можно услышать только в газетах, но газеты в данном случае говорят одинаково: «Именно мы всегда правы и иначе не может быть. Рядом с нами другие страны не имеют никаких прав. Если мы правы согласно нормам взаимоотношений между людьми, значит, мы поступаем справедливо, если же нет, значит, мы правы согласно законам патриотизма, который является более почтенной добродетелью, чем справедливость».

¹⁰ В какой-то мере здесь можно упомянуть о судьбе последнего министерства королевы Анны, которое, вероятно, заслужило ее особыми обстоятельствами в своем поведении (см. отчет Секретного комитета палате общин в 1715 г.). Большим преступлением графа Буте стало заключение им мира. Граф Шелбурн вынужден был подать в отставку по той же причине. Большим преступлением сэра Уолпола стало сохранение им мира. Народ устал от мира. Уолпола упрекали в том, что он тратит полмиллиона в год на секретное ведомство. Его заблуждение «исправили», война началась, и за один год на нее было затрачено в четыре раза больше, чем он расходовал за десять предыдущих лет.

Несправедливость, притеснение, обман, ложь — любое действие было бы преступлением, любая привычка — пороком, если бы они заявили о себе в погоне за личной выгодой, но когда все это проявляется в борьбе за национальные интересы, все возносится до уровня добродетелей. Любой человек, когда-либо читавший какую-нибудь английскую газету или слышавший о том, что она пишет, скажет, что именно такой смысл они постоянно вкладывают в свои сообщения. Это единственная тема, где нет никаких разногласий. Как бы они ни нападали друг на друга во всем остальном, здесь они всегда единодушны и пишут в изумительном согласии между собой. Таковы их взгляды, а за фактами дело не стоит — их просто подгоняют. Кто постесняется прибегнуть к искажению, если оно — добродетель?

Несмотря на то что мнение газет далеко не целиком отражает мнение народа, наставление, которое они дают по этим вопросам, оказывается единственным, которое народ воспринимает. Если наш народ склонен к тому, чтобы заблуждаться в этих вопросах, причем самым худшим образом, опасность парламентского наказания за такое должностное преступление даже незаинтересованному и холодному наблюдателю будет казаться равной нулю. Какой же тогда она предстанет в глазах самих министров, склонных переоценивать свои действия и к тому же подгоняемых работой? Нет, слова, которые по такому случаю скажет министр, будут все те же: «Во-первых, то, что я делаю, правильно, а во-вторых, даже если это не так, мне нечего бояться».

Поэтому при нынешней системе секретности у министров полно соблазна для нарушения должностной дисциплины и в то же время нет никакого контроля, который удерживал бы их от этого. Что они могут совершить? То, в сравнении с чем все прочее — мелкие грешки. Пусть какой-нибудь министр потратит тридцать или сорок тысяч фунтов на своих ставленников. Пусть он растратит несколько сотен тысяч на себя. Что это по сравнению с пятьюдесятью или сотней миллионов, в которые обходится обычная война? Сделайте вывод. Мы имеем дело с министерством, которое по значимости не уступает всем прочим и в котором необходимо ввести самый строгий контроль. В то же время в силу норм секретности, характерных для всякого министерства, это министерство — единственное, в котором нет никакого контроля вообще. Мне думается, вывод очевиден. Завеса тайны, окутывающая работу министерства иностранных дел, крайне пагубна и чревата таким ущербом, который превосходит всякий другой, могущий возникнуть в результате почти полного отсутствия всякой секретности.

Есть еще некое смутное мнение, которое подспудно может представить этот аргумент с другой стороны. Речь идет о том положении, в котором находится британская нация. По всей вероятности, можно считать, что как война, так и мир в немалой степени зависят от ее собственного решения. В самом худшем случае мир всегда можно получить путем какой-нибудь несущественной жертвы. Я признаю силу этого довода, и единственное, что утверждаю, так это то, что он, как говорится, работает на меня. Почему? Он строится на двух посылах: несравнимой силе нашей страны и бесполезности колоний. Однако и то и другое говорит в мою пользу. Ее сила избавляет ее от неожиданной опасности, а также от необходимости прибегать к этой силе, чтобы защитить себя. Бесполезность обладания внешними колониями *a fortiori* * доказывает никчемность вступления в войну ради их защиты. Если их нельзя сохранять без войны, тем более они не стоят того, чтобы отстаивать их ценой войны. Бесполезность наличия секретного кабинета доказывается этой краткой дилеммой. Для наступательных мероприятий секретность в работе кабинета никогда не станет необходимой для такой страны, как наша, а для обороны она никогда не будет необходимой для любой страны.

Я убежден, что вообще нет такого государства, в котором какие-либо неудобства, могущие возникнуть из открытости в работе этого министерства, не покрывались бы во много раз возможными выгодами, будь это государство большим или маленьким, сильным или слабым, и независимо от того, какова его форма правления: чистая или смешанная, единая или конфедеративная, построенная по принципу монархии, аристократии или демократии. Во всех этих случаях уже приведенные замечания, по видимому, достаточны для того, чтобы подтвердить наш вывод.

Что же касается такой страны, как Британия, то здесь нерушимость гласности и бесполезность всякой секретности во всех делах такого рода определяется особыми причинами. Будучи сильнее каких-либо двух других стран и уж гораздо сильнее какой-либо одной, она в своем превосходстве избавлена от необходимости добиваться своего с учетом какого-то фактора неожиданности. Тайна и неожиданность — орудия мошенничества и страха, несправедливых притязаний, сопряженных со слабостью. Ее беспримерный натиск избавляет ее от первого, а ее интересы — если только ее слугами действительно будут управлять ее очевидные интересы — не позволят проявиться и второму.

Если воспринимать интересы первого слуги государства как отличные от интересов нации и противоположные им, тогда в некоторых случаях

* *A fortiori* — тем более, с тем большим основанием (*лат.*).

секретность, конечно же, играет на руку замыслам венценосных воров и грабителей. Если бы Фридрих Великий не прибегнул к мерам предосторожности, свойственным вору, вполне вероятно, что он не преуспел бы в том предприятии, которое представляло собой кражу Силезии у ее законного властителя. Не обладая преимуществами такого свойства, банда, состоявшая из троих, быть может, и не поняла бы, как легко закрепить за собой то, что она украла у Польши. Я не стану обсуждать вопрос о том, есть ли, с этой точки зрения, причины, по которым королю Великобритании выгодно превратиться в разбойника с большой дороги, но я не отступлюсь от той мысли, что содействовать ему в этом — всегда не в интересах нации. Когда те венценосные грешники поступали на службу Мамоне, они не служили ему даром: добыча целиком шла к ним. Если бы мы (я говорю как один из народа) помогали нашему королю грабить Францию, добыча досталась бы ему. Он приобрел бы новые земли, и вся ценность такого мероприятия заключается только в том, что, окажись эта добыча в руках какого-нибудь британского грабителя, она может достаться кому-нибудь еще. Наша же привилегия целиком сводится к уплате за коня и пистолеты. Добыча будет потрачена на то, чтобы развращать наших доверенных слуг, и это все, что мы получим в результате такого предприятия.

В завоеваниях, совершенных новозеландцами, есть какой-то смысл: побежденные жарят, победители жиреют. Был он и в завоеваниях изысканных народов древности — греков и римлян. Земли, движимое имущество, население — все становилось их достоянием. В набегах, совершенных Францией во времена Эдуардов и Генрихов, тоже была разумная цель: брали пленных, и страна отдавала последнее, чтобы заплатить за них выкуп. Выкуп за одного единственного пленника, герцога Орлеанского, превысил треть национального дохода Англии.

Еще есть какой-то смысл и в завоеваниях, совершенных каким-нибудь современным деспотом, орудующим на континенте: к старым владениям присоединяются новые, благо они оказываются сопредельными, население пополняет его войска в той мере, в какой ему это кажется необходимым, а их имущество пополняет его казну ровно настолько, насколько он решит у них отнять.

Что касается завоеваний, которые совершила бы Британия, то они противоречили бы здравому смыслу, не говоря уже о таком понятии, как справедливость. За исключением особых обстоятельств, это просто неловкое подражание жалким оригиналам. Только явная слепота и глупость могут заставить нас себе в убыток подражать Александру и Цезарю, новозеландцам, Екатерине и Фридриху.

Одно дело, если бы только король имел отношение к новым местам, но можно сказать, что часть народа получает преимущество в их заполнении. Дорогая лотерея! Билеты стоят пятьдесят или сто миллионов, а цена выигрыша десять или двадцать тысяч в год на протяжении многих лет. И это в том случае, если план осуществится. А если нет?

Я не говорю, что в грабеже нет дележа: главарь банды просто не может все положить в свой карман. Я только утверждаю, что грабить оптом не так выгодно, как в розницу. Если вся банда вместе очищает карманы чужеземцев до какого-то предела, то вожаки в гораздо большей степени опустошают карманы самих грабителей. Сумел ли я убедить моих соотечественников в том, что не в их интересах быть ворами?

«Но вы ошибаетесь, — воскликнет кто-нибудь. — Теперь мы воюем не ради каких-то завоеваний, а ради торговли». Еще глупее. Такая сделка оказывается хуже предыдущей. Да завоюйте вы весь мир — и ваша торговля не возрастет и на полпенса: наоборот, вы только уменьшите ее. Много вы завоюете или мало, вам все равно придется платить за это налоги, но ровно столько, сколько вы заплатите в виде налогов, вы не сможете прибавить к вашему капиталу, занятому в торговле. Даже если бы вы вели торговлю с двумя мирами, вы торговали бы с ними только в размере вашего капитала да еще кредита, полученного на поддержание вашей торговли. Это верно как по отношению к одному торговцу, так и по отношению ко всем. Попробуйте отыскать ошибку в этом кратком аргументе, если вам это удастся. Если за приобретение нового права на торговлю вы ничего не потратили, вы все равно не станете богаче даже на полпенса, но если вы платите за него войной или приготовлениями к ней, вы обеднеете ровно настолько, сколько за все это заплатите.

Вместе с правом на самоуправление добрый английский народ завоевал себе и удивительное право на торговлю. Революция должна была дать ему не только безопасность и власть, но и безмерное и неожиданное богатство. Но текут годы и, к его бесконечному удивлению, продвижение к богатству не ускоряется. Недостает еще одной счастливой детали, о которой он никогда не думал: вот если бы в тот день, когда он сбросил кандалы, какой-нибудь добрый гений сунул в карман каждому по несколько тысяч фунтов! Ничто не мешает мне полететь на Луну. И все-таки мне до нее не добраться. Почему? Да потому, что у меня нет крыльев. Капитал для торговли, как крылья для полета.

Войну ради торговли можно вести двумя способами: или заставляя независимые страны давать вам возможность торговать с ними, либо завоевывая их или какую-то их часть, чтобы тем самым заставить

их торговать с вами. Первая затея кажется более легкой, а ее осуществление — более утонченным. Вторая в большей степени отвечает старому доброму способу, когда король одновременно делает свое дело и дело нации. Он завоевывает новые земли, а народу остается только одно — присоединиться к нему, будучи уверенным, что все это делается для того, чтобы его торговля расширилась. Новые земли, он, добрый человек, захватывает только по необходимости, а также для того, чтобы народ не нищенствовал; по его собственному мнению, он заботится о нем не больше, чем новопоставленный епископ о митре или новый спикер о своем председательском кресле. Для расширения торговли одинаково годятся оба плана ведения войны, но в обоих случаях вы получаете одно — удовольствие повоевать.

В последней войне Франция отвоевала у Англии законное право вести торговлю с определенной частью Америки. Что получили французы? Остров Тобаго, банкротство и революцию ценой в пятьдесят миллионов. Министры, которым для того чтобы объяснить причины банкротства, приходится что-то говорить о войне, называют ее народной. Король ничего от этого не получил — стало быть, получил народ. И что же он получил? Прекрасную возможность торговать — был бы только капитал, чтобы вести торговлю. Но если для нее открылся такой простор, почему же она не расширяется? Именно над решением этого вопроса и бьются торговцы и промышленники. Добрый гений, где-то столь желанный, еще более нужен Франции, поскольку помимо прочих дел ей прежде всего надо вернуть пятьдесят миллионов, потраченные на боеприпасы.

Что касается короля Франции, то, заполучив Тобаго, он, вероятно, приобрел две или три тысячи фунтов дохода. Он получил именно столько, и это все, что получили все мы за растраченные пятьдесят миллионов. Что ж, давайте продолжим начатое, сделаем решительный шаг и без объявления войны захватим все их корабли, да и кто знает, чего бы мы там не захватили. С такими преимуществами, которые мы сейчас над ними имеем, наш успех по сравнению с тем, который их так радует, все равно показался бы нам скромным, даже если бы мы превзошли его в целых пять раз. За каждые пятьдесят миллионов, выброшенных таким образом, наш король получит пусть не две или три тысячи фунтов, а, скажем, десять, пятнадцать или двадцать. Будет огромная слава, и по такому случаю в газетах появятся превосходные сообщения, а на день рождения будут произнесены благодарственные речи и воспеты оды, однако что касается экономики,

то здесь я, скорее, отдал бы королю новые земли на ту же сумму у себя дома, если такой ценой его министры продали бы нам мир.

Вывод заключается в том, что, если у нас нет оснований бояться какой-либо другой страны или стран, если мы ничего не хотим от них; все, что мы им скажем или услышим от них, может быть таким же доступным общественности, как содержание любого закона. Что же в таком случае представляет собой та таинственность, которой окутаны действия нашего кабинета? Просто личину, под которой скрываются порок и безрассудство, возможность избавить себя от тягостного труда раздумий, оправдание всех своих безумных и просто глупых выходов, невидимых и неподконтрольных, а также возможность играть судьбами своих ближних за границей, подвергая риску наши жизни и судьбы.

В чем же тогда заключается истинная польза и действительность секретности? В том, что преимущества занимаемого места могут давать пищу для мелкого тщеславия, что люди этого круга могут как бы ориентировать газету на себя, что в условиях монополии невежество и неспособность могут облечься в тогу мудрости, что человек, не умеющий писать и говорить то, что годится для газеты, может, вскинув голову, сказать: «Я не читаю газет», уподобившись родителю, который говорит: «Я не забиваю голову мыслями о школьных учителях»; что какой-нибудь министр, застрахованный от тщательной проверки в своей области, может получить прекрасную возможность при случае назначить на те или иные посты не специалистов, а подобоострастных ничтожеств. Все будет сделано для того, чтобы появился министр, за которого будут писать статьи другие люди, а его обязанность во время выступлений будет сводиться к молчанию.

Обо всем этом надо сказать открыто. Если по отношению к народу секретность бесполезна и губительна, то для его слуг она совсем не такова. Она приводит к возникновению *взяточничества* — того приработка, который будет оценен соразмерно незначительности их характеров и узости взглядов. Она позволяет им преисполниться мыслями о собственной значимости и учит этих слуг народа смотреть свысока на своих хозяев.

Но если бы все написанное обязательно становилось известным, если бы оно публиковалось, кто имел бы с вами дело за границей? Те же самые люди, с которыми вы имеете дело сейчас. Переговоры — из боязни возможных искажений — в большей степени, чем теперь, приобретут, вероятно, письменную форму. Но чему это повредит? Король и его министры избавятся от обилия как истинных, так и ложных отчетов о сплетнях, царящих при каждом дворе, или поручат сплетни и настоящее дело разным людям. Предположим, что

ваши главные слуги не так близко знакомы с любовницами и шутами королей и их министров — разве это имеет какое-либо значение для вас как народа, у которого нет интриг, требующих осуществления, нет мелочных затей, к которым надо стремиться?

Наполнять множество страниц тенями, которые выдуманы для того, чтобы одержать над ними победу, — дело бесконечное, и я готов оставить его любому, кто за это возьмется. Я бросаю вызов представителям партийных интересов и призываю тех, кто бескорыстно любит свою страну и человечество, призываю обсудить этот вопрос, тщательно пересмотреть анналы истории и привлечь свое воображение, чтобы отыскать случаи, действительные или возможные, которые показывали бы, что отсутствие секретности в делах такого рода сопровождается каким-нибудь серьезным ущербом.

Что касается конституции, то вопрос о секретности в работе кабинета никогда не исследовался в контексте ее принципов и, следовательно, никогда не решался. Старые добрые правила эпохи правления Тюдоров и Стюартов в данном случае считались бесспорными. Внешняя политика — дело государства. Во время правления Елизаветы и Иакова ничто не выяснялось, все было тайной; всякое дело такого рода представляло собой государственный вопрос. В других вопросах завеса тайны падала, но в этих между министрами и народом царило молчаливое взаимопонимание.

До сих пор война была национальной страстью; мир всегда приходил слишком рано, война — слишком поздно. Связать руки министрам и заставить их постоянно отчитываться значит лишить их бесчисленных возможностей использовать те счастливые преимущества, которые ведут к войне; равным образом это ограничило бы тягу народа к своему любимому развлечению. За прошедшие сто лет министры — и тут им надо отдать должное — в основном были более нерешительными, чем их народ; немало труда стоило не удерживать их от объявления войны, а втянуть в нее. Уолпол и Ньюкасл были в нее втянуты.

Нет никакого сомнения: если мы на самом деле за войну, если мы любим ее ради нее самой, то тогда лучше всего оставить все как есть, но если мы считаем, что мир лучше войны, тогда так же несомненно, что закон о секретности никогда не может быть упразднен слишком быстро.

Путаница в мыслях столь велика, власть воображения столь неодолима, а сила предрассудков столь могущественна, что я поистине не считаю это убеждение каким-то необычным делом. Многие достойные господа вполне уверены в том, что если война успешна,

она ведет к изобилию и процветанию. Точно так же они могли бы считать, что потеря ноги — причина быстрого передвижения.

Пусть так, возражают они, но если не прямо, то хотя бы косвенно война ведет к изобилию. Успех в войне способствует нашему процветанию, нашему величию. Отсюда — почтение, которое оказывают нам иностранные державы, отсюда и наша безопасность. А кто не знает, как она необходима для процветания?

Увы, в этом отношении война так же не способствует процветанию, как и во всяком другом. При современном способе ведения войны — том способе, отойти от которого не может никто, — безопасность соразмерна процветанию. Поэтому насколько война своими прямыми последствиями не благоприятствует процветанию, настолько же она не содействует и безопасности.

Что касается «почтения», то это слово я заменил бы на другое; почтение — это смесь страха и уважения, но для того чтобы тебя уважали, нужна не сила, а справедливость. Чувство, действительно связанное с идеей безопасности, — страх. Следовательно, в простом английском под почтением понимают страх. Однако в таких случаях, каков наш, страх в гораздо большей степени вредит безопасности, чем способствует ей. Вы нагнетаете страх до тех пор, пока они не решат, что вместе они сильнее вас, и тогда они перестанут вас бояться. Все они ненавидят вас, и, вместе или порознь, они действительно нанесут вам столько вреда, сколько смогут. Вы же со своей стороны не остаетесь в долгу. Осознавая или не осознавая свои собственные недобрые намерения, вы подозреваете, что их замыслы еще хуже. Со своей стороны они так же думают о ваших намерениях. Простые меры самозащиты естественным образом воспринимаются как агрессивные замыслы. Одни и те же причины приводят к одним и тем же следствиям с обеих сторон; каждая спешит начать первой, боясь, что ее опередят. Если в такой ситуации найдется какой-нибудь министр или человек, просто носящий это звание, но грезящий о войне, кремень даст искру и пламя вспыхнет.

В школе самый сильный мальчик, наверное, больше других чувствует себя в безопасности. Другие — двое или больше — не всегда готовы объединиться против него. Однако если такое имеет силу в английской школе, это вовсе не значит, что так же все будет обстоит и в масштабе всей Европы.

Могут возразить: если ваши соседи действительно вас боятся, вы можете использовать их страх по-другому; во всех спорах исход дела будете решать вы. Самые сомнительные вопросы они, конечно же, решат в вашу пользу. Ловите момент, и иногда вы сможете решать в свою

пользу те вопросы, которые не вызывают никаких сомнений. На самом деле перед нами всего лишь старый набор заблуждений, изложенных еще туманнее и только потому кажущихся чем-то новым. Дело в том — и мы это уже показали, — что нет страны, у которой были бы какие-то вопросы, решение которых нанесло бы ущерб какой-то другой стране. Столкновение интересов различных стран нигде не приобретает форму настоящего конфликта, и если где-то они как будто противоречат друг другу, то это противоречие всего лишь соразмерно непониманию их подлинной природы. Что может вызвать споры? Что бы вы хотели получить от других стран, если бы выбор был за вами? Преимущества в торговле, как оказалось, ровным счетом ничего не стоят, а приобретение далеких заморских территорий стоят и того меньше. Если об этом речь не идет, то есть ли вообще что-нибудь, что можно было бы добывать такими средствами?

«Изобилие» — вот слово, которое я упомянул первым, но не на нем надо останавливаться в первую очередь. Несовместимость войны и изобилия — слишком явная; слово «изобилие» говорит о чем-то слишком простом, понятном и определенном. Блеск, величие, слава — вот слова, которые лучше подходят к данной ситуации. Сначала докажите, что война способствует блеску и величию, и тогда вы сможете убедить себя в том, что она содействует и изобилию, ибо, когда вы думаете о блеске, вы думаете об изобилии. Но блеска, величия, славы — всех этих превосходных вещей можно достичь с помощью какого-нибудь бесполезного события, невыгодного и изнурительного расширения владений, которое достигается в ущерб изобилию; став на этот путь, вы можете убедить себя в том, что для того чтобы человек бежал быстрее, ему надо отрезать ногу. Вполне понятно, что с култей он будет прыгать быстрее, чем ходил бы тот, кто лежит в постели с переломанными ногами, и, рассуждая таким образом, вы докажете, что после расходов на войну Британия оказалась в лучшем положении по сравнению с тем, в каком бы она оказалась, если бы войны вообще не было, так как Францию или какую-нибудь другую страну война ввергла в еще худшее положение.

Итак, что касается пользы, которую можно извлечь в форме завоевания или торговли из приобретенного изобилия или почтения, то здесь надо сказать, что мы не получим никакого преимущества, если будем облекать наши переговоры совершенно ненужной и вредной таинственностью и секретностью, которая к тому же не согласуется с нашей конституцией.

*Перевод с английского
А.П. Шурбелева*

Иммануил КАНТ
К ВЕЧНОМУ МИРУ

1795

К кому обращена эта увиденная мной сатирическая надпись на вывеске одного голландского трактирщика рядом с изображенным на вывеске кладбищем? Ко всем ли людям или только к главам государств, которые никогда не могут пресытиться войной, или, быть может, только к философам, которым снится этот сладкий сон? Вопрос остается открытым. И все же автор настоящего сочинения оговаривает для себя следующее: политик-практик в споре с политиком-теоретиком должен поступать достаточно последовательно и не усматривать опасности для государства в мнениях теоретика, высказанных им публично и без задней мысли; ведь отношения между ними таковы, что практик с гордым самодовольством, свысока смотрит на теоретика, как на школьного мудреца, пустые идеи которого совершенно не опасны для государства, исходящего из принципов, основанных на опыте; государственный муж, умудренный опытом, может несколько не опасаться за исход игры, как бы удачны ни были ходы его партнера. Автор хочет надеяться, что эта оговорка в достаточной мере оградит его от любого злонамеренного истолкования данного сочинения.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ,
КОТОРЫЙ СОДЕРЖИТ ПРЕЛИМИНАРНЫЕ СТАТЬИ ДОГОВОРА
О ВЕЧНОМ МИРЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

1. Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны.

Ибо иначе это было бы только перемирие, временное прекращение военных действий, а не *мир*, который означает окончание всякой вражды и присоединять к которому прилагательное «*вечный*» есть

уже подозрительный плеоназм. Мирный договор уничтожает все имеющиеся причины будущей войны, даже те, которые, быть может, в данный момент не известны самим договаривающимся сторонам и которые впоследствии могут быть хитро и изворотливо выисканы в архивных документах. Если называть вещи своими именами, то сохранение на будущее старых претензий, о которых в данный момент ни одна из сторон не упоминает, так как обе слишком обессилены, чтобы продолжать войну, хотя и исполнены преступного намерения использовать для этой цели первый удобный случай, есть иезуитская казуистика, недостойная правителя, так же как и готовность к обоснованию подобных действий недостойна его министра.

Разумеется, тем, кто в соответствии с просвещенными понятиями государственной мудрости видит истинное достоинство государства в постоянном увеличении любыми средствами его могущества, наше мнение покажется ученическим и педантичным.

2. Ни одно самостоятельное государство (большое или малое, это безразлично) ни по наследству, ни в результате обмена, купли или дарения не должно быть приобретено другим государством.

Дело в том, что государство (в отличие, скажем, от земли, на которой оно находится) не представляет собой имущества. Государство — это общество людей, повелевать и распоряжаться которыми не может никто, кроме его самого. Поэтому всякая попытка привить его, имеющее подобно стволу собственные корни, как ветвь, к другому государству означала бы уничтожение первого как моральной личности и превращение моральной личности в вещь и противоречила бы идее первоначального договора, без которой нельзя мыслить никакое право на управление народом*. Общеизвестно, какую опасность создает в наше время для Европы (другие части света никогда не знали ничего подобного) способ приобретения, состоящий в том, что даже государства могут вступать в брак; на это смотрят либо как на новый ловкий способ без затраты сил благодаря родственным союзам увеличить свое могущество, либо как на средство расширить свои владения. Сюда же следует отнести и передачу одним государством своих войск другому в качестве наемников, используемых против необщего их врага; в этом

* Наследственная монархия не есть государство, которое может быть наследуемо другим государством; лишь право управлять государством может перейти по наследству к другому физическому лицу. Государство приобретает себе правителя, а не этот последний (в качестве владеющего другой страной) приобретает себе данное государство.

случае подданные употребляются и потребляются как вещи, которыми можно распоряжаться по своему произволу.

3. Постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть.

Ибо, будучи постоянно готовы к войне, они непрестанно угрожают ею другим государствам. Они побуждают их к стремлению превзойти друг друга в количестве вооруженных сил, что не знает никакого предела, и поскольку связанные с миром расходы становятся в конце концов обременительнее короткой войны, то сами постоянные армии становятся причиной военного нападения с целью избавиться от этого бремени. К тому же нанимать людей, для того чтобы они убивали или были убиты, означает пользоваться ими как простыми машинами или орудиями в руках другого (государства), а это несовместимо с правами человека, присущими каждому из нас. Совершенно иное дело — добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне. Накопление богатств могло бы привести к тем же результатам, а именно: другие государства, увидев в том военную угрозу, будут вынуждены к упреждающему нападению (так как из трех сил: *вооруженной силы, силы союзов и силы денег* — последняя могла быть наиболее надежным орудием войны, если бы не было так трудно определить ее размеры).

4. Государственные долги не должны использоваться для целей внешней политики.

Поиски средств внутри страны или вне ее не внушают подозрений, если это делается для экономических нужд страны (улучшения дорог, устройства новых населенных пунктов, создания запасов на случай неурожайных лет и т. д.). Но кредитная система как орудие борьбы держав между собою, при которой долги могут непомерно увеличиваться, оставаясь в то же время гарантированными (поскольку кредиторы не предъявляют свои требования одновременно), — остроумное изобретение одного торгового народа в этом столетии — являет собой опасную денежную силу, а именно фонд для ведения войны. Превосходя фонды всех других государств, вместе взятых, этот фонд может быть истощен лишь прекращением поступления налогов (что, однако, можно надолго отсрочить оживлением оборота, воздействуя на промышленность и ремесло). Эта легкость ведения войны, соединенная со склонностью к ней власть имущих, кажется врожденной человеческому роду и представляет собой большое препятствие на пути к вечному миру. Прелиминарный договор тем более должен включать в себя устранение этого препятствия,

иначе неизбежное в конце концов государственное банкротство нанесло бы неоправданный ущерб другим государствам. Следовательно, другие государства имеют право объединяться против такого государства и его притязаний.

5. *Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства.*

Ибо что может дать ему право на это? Быть может, дурной пример, который одно государство показывает подданным другого государства? Напротив, этот пример только служит предостережением, как образец того, какие беды навлек на себя народ своим беззаконием. Да и вообще дурной пример, который одно свободное лицо дает другому, еще не может считаться нанесением ущерба последнему. Сюда, правда, нельзя отнести тот случай, когда государство вследствие внутренних неурядиц распалось на две части, каждая из которых представляет собой отдельное государство, претендующее на самостоятельность. Если одному из них будет оказана помощь посторонним государством, то это нельзя рассматривать как вмешательство в политическое устройство другого (ибо в противном случае возникла бы анархия). Но до тех пор пока этот внутренний спор не решен, вмешательство посторонних держав означает нарушение прав независимого народа, борющегося лишь со своей внутренней болезнью. Такое вмешательство, следовательно, является дурным примером для других и угрожает автономии всех государств.

6. *Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем, в мирное время, как, например, засылка тайных убийц, отравителей, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т.д.*

Это бесчестные приемы борьбы. Ведь и во время войны должно оставаться хоть какое-нибудь доверие к образу мыслей врага, потому что иначе нельзя было бы заключить никакого мира и враждебные действия превратились бы в истребительную войну. Война есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии (где не существует никакой судебной инстанции, приговор которой имел бы силу закона) утвердить свои права силой. Ни одна из сторон не может быть объявлена неправой, так как это предполагает уже судебное решение, и лишь исход войны (подобно тому как это имеет место в так называемом суде Божьем) решает, на чьей стороне право. Карательная война между государствами

немыслима (поскольку между ними нет отношения начальника к подчиненному). Отсюда следует, что истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Итак, подобная война, а также использование средств, которые открывают пути к ней, должны быть, безусловно, воспрещены. А то, что названные средства неизбежно приводят к ней, явствует из того, что эти гнусные дьявольские приемы, войдя в употребление, недолго удерживаются в пределах войны, как, например, шпионаж, когда одни пользуются бесчестностью других, которую сразу невозможно искоренить, но переходят и в мирное состояние, совершенно уничтожая тем самым его назначение...

.....

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ, СОДЕРЖАЩИЙ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние; последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза. Следовательно, состояние мира должно быть *установлено*. Ведь прекращение военных действий не есть еще гарантия от них, и если соседи не дают таковой друг другу (что может произойти лишь в правовом состоянии), то тот из них, кто приглашал к этому другого, может обойтись с этим последним как с врагом*.

ПЕРВАЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ

Гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским.

* Обычно враждебные действия допускаются лишь по отношению к тому, кто уже делом покусился на мое право, и это, конечно, верно, если и тот и другой находятся в гражданско-правовом состоянии. Ведь тем самым, что один вступил в это состояние, он уже дает другому требуемую гарантию (при посредстве высшей инстанции, имеющей власть над обоими). Человек же (или народ) в естественном состоянии лишает меня этой гарантии и, живя рядом со мной, нарушает мое право уже самым этим состоянием, если не делом, то беззаконностью своего состояния. Этой беззаконностью он постоянно угрожает мне, и я могу принудить его или вступить вместе со мной

Устройство, основанное, во-первых, на принципах *свободы* членов общества (как людей), во-вторых, на основоположениях *зависимости* всех (как подданных) от единого общего законодательства и, в-третьих, на законе *равенства* всех (как граждан государства), есть устройство *республиканское*... — единственное, проистекающее из идеи первоначального договора, на которой должно быть основано всякое правовое законодательство народа. Это устройство, следовательно, есть само по себе именно то, которое первоначально лежит в основе всех видов гражданской конституции. Однако возникает вопрос: является ли оно единственным, которое может привести к вечному миру?

Помимо своего безупречного происхождения из чистого источника правовых понятий, республиканское устройство открывает желанную перспективу вечного мира, основа которого состоит в следующем. Если (это не может быть иначе при подобном устройстве) для решения вопроса: быть войне или нет? — требуется согласие граждан, то вполне естественно, что они хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру. Ведь все тяготы войны им придется взять на себя: самим сражаться, оплачивать военные расходы из своих средств, в поте лица восстанавливать опустошения, причиненные войной, и в довершение всех бед навлечь на себя еще одну, отравляющую и самый мир, — ни когда (вследствие всегда возможных новых войн) не исчезающее бремя долгов. Напротив, при устройстве, в котором подданный не есть гражданин (следовательно, не при республиканском), этот вопрос вызывает наименьшие сомнения. Ведь верховный глава здесь не член государства,

в общественно-законное состояние, или же избавить меня от своего соседства. Вот, следовательно, постулат, лежащий в основе всех следующих статей: все люди, которые имеют возможность взаимно влиять друг на друга, должны принадлежать к какому-либо гражданскому устройству.

Правовое устройство лиц, причастных к нему, таково:

1) устройство людей в составе народа по *государственно-гражданскому праву*;

2) устройство государств в их отношении друг к другу по *международному праву*;

3) устройство по *всемирно-гражданскому праву*, поскольку люди и государства, находясь между собой во внешних взаимовлияющих отношениях, должны быть рассматриваемы как граждане общечеловеческого государства. Это подразделение не произвольно, напротив, оно необходимо с точки зрения идеи вечного мира. Ведь если бы хоть один из них, физически воздействуя на другого, все же находился бы в естественном состоянии, то с этим было бы связано состояние войны, освобождение от которого и является целью в данном случае.

а собственник его; война не лишит его пиров, охоты, увеселительных замков, придворных празднеств и т. п., и он может, следовательно, решиться на нее как на увеселительную прогулку по самым незначительным причинам, равнодушно предоставив всегда готовому к этому дипломатическому корпусу подыскать, приличия ради, какое-нибудь оправдание.

Чтобы республиканское устройство не путать (как это обыкновенно делают) с демократическим, нужно отметить следующее. Формы государства могут быть разделены или по различию лиц, обладающих верховной государственной властью, или по способу управления народом его верховного главы, кем бы этот последний ни был. Первая форма называется собственно формой господства, и возможны лишь три вида ее, а именно: суверенитетом обладает или одно лицо, или несколько лиц, связанных друг с другом, или же все, вместе составляющие гражданское общество (*автократия, аристократия, демократия*; власть монарха, дворянства, народа). Вторая форма есть форма правления и касается того способа, каким государство распоряжается полнотой своей власти; этот способ основан на конституции (на акте общей воли, благодаря которому масса становится народом), и в этом отношении форма управления может быть или *республиканской*, или *деспотической*. *Республиканизм* есть государственный принцип отделения исполнительной власти (правительства) от законодательной; *деспотизм* — принцип самовластного исполнения государством законов, данных им же самим; тем самым публичная воля выступает в качестве частной воли правителя. Из трех форм государства *демократия* в собственном смысле слова неизбежно есть *деспотизм*, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают по поводу одного и, во всяком случае, против одного (который, таким образом, не согласен); следовательно, все, которые не являются всеми, а это представляет собой противоречие всеобщей воли с самой собой и со свободой.

Любая *непредставительная форма* правления есть, по сути дела, *псевдоформа*, потому что в одном лице не может выступать законодатель и исполнитель собственной воли (как не может общее большой посылки силлогизма быть в то же время частным в меньшей посылке). И хотя два других государственных устройства всегда недостаточны, поскольку допускают подобный способ правления, тем не менее при них возможен способ правления, сообразный с *духом* представительной

системы, как об этом, по крайней мере, заявил Фридрих II: он всего лишь верховный слуга государства*. Демократия делает это невозможным, так как все хотят быть господином. Поэтому можно сказать: чем меньше персонал государственной власти (число властителей), но чем более представительный характер она носит, тем скорее осуществляет государственное устройство возможность республиканизма и оно смеет надеяться путем постепенных реформ в конце концов подняться до такого состояния. По этой причине аристократии труднее, чем монархии, а демократии совершенно невозможно (кроме как путем насильственной революции) достичь единственно совершенного правового устройства. Гораздо важнее для народа способ правления, чем форма государства (хотя в последней много значит большее или меньшее соответствие указанной цели). Но первому, если он соответствует понятию права, принадлежит представительная система, при которой только и возможен республиканский способ правления, а без которой (при любом устройстве) он становится деспотическим и насильственным. Ни одна из древних так называемых республик не знала этой системы, в результате чего они должны были попросту вырождаться в деспотизм, при котором верховная власть одного представляется наиболее терпимой.

ВТОРАЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ

Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств.

Народы в качестве государств можно рассматривать как отдельных людей, которые в своем естественном состоянии (т. е. вне зависимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга и каждый из них в целях своей личной безопасности может и должен требовать от другого совместного вступления в устройство, подобное гражданскому, где каждому может быть обеспечено его право. Это был бы *союз народов*, который, однако, не должен

* Часто приписывают высокие эпитеты, которые порой даются властителю (Божий помазанник, исполнитель божественной воли на Земле, наместник Бога), как грубую, опьяняющую лесть, но, мне кажется, неосновательно. Не делая монарха высокомерным, они должны внушать его душе смирение, если только хватает у него ума (что предполагается) и он понимает, что на него возложена миссия, слишком великая для человека, а именно управлять *правом людей*, и ему постоянно следует опасаться чем-либо задеть эту зеницу Господа.

быть государством народов. Последнее означало бы противоречие, ибо всякое государство содержит в себе отношение *высшего* (законодателя) к *низшему* (повинующемуся, т. е. народу). Многие народы в государстве (так как здесь мы рассматриваем право *народов* по отношению друг к другу, поскольку они образуют отдельные государства и не должны быть слиты в одно государство) образовали бы только один народ, что противоречит предпосылке.

Уже из того, что мы с глубоким презрением смотрим на приверженность дикарей к их не основанной на законе свободе, когда они предпочитают вести бесконечные распри, а не подчиниться законному, ими же самими организованному принуждению, тем самым предпочитая безрассудную свободу свободе разумной, и считаем это грубостью, невежеством и скотским унижением человечества, следовало бы заключить, что культурные народы (каждый сам по себе объединенный в государство) поспешат как можно скорее выйти из столь порочного состояния. Но вместо этого каждое государство видит свой суверенитет (суверенность народа — нелепое выражение) именно в том, чтобы не быть подчиненным никакому внешнему законному принуждению, а слава верховного главы государства состоит в том, что в его распоряжении находятся тысячи людей, которыми он, не подвергаясь лично никакой опасности, может жертвовать* для дела, которое их совершенно не касается. И отличие европейских дикарей от американских состоит главным образом в том, что, в то время как многие племена последних целиком были съедены их врагами, первые умеют лучше использовать своих побежденных, чем просто съедать их, и предпочитают увеличивать ими число своих подданных и тем самым количество орудий для войны в еще более широких размерах.

Удивительно, что при всей порочности человеческой природы, которая неприкрыто проявляется в свободных отношениях государств (в то время как в гражданско-законном состоянии она маскируется под давлением правительства), слово *«право»* все же не изгнано еще полностью из военной политики как педантичное и что ни одно государство еще не решилось предложить это публично. На *Гуго Гроция*, *Пуфендорфа*, *Ваттеля*¹ и многих других все еще простодушно ссылаются для *оправдания*

* Вот как ответил один болгарский князь греческому императору, простодушно предложившему решить возникшую распрю поединком: «Кузнец, у которого есть клещи, не станет вытаскивать руками из углей раскаленное железо».

¹ *Гуго Гроций* (1583–1645) — голландский правовед; *Самуэль Пуфендорф* (1632–1694) — немецкий правовед; *Эме Ваттель* (1714–1767) — швейцарский юрист.

военного нападения, хотя созданный ими философский и дипломатический кодекс не имеет, да и не может иметь, ни малейшей *законной* силы (так как государства как таковые не находятся под общественным внешним принуждением), и не было еще случая, чтобы аргументы, снабженные свидетельствами столь важных мужей, побудили какое-либо государство отказаться от своих намерений. Почитание, которое (на словах, по крайней мере) проявляет каждое государство к понятию права, доказывает, что в человеке имеются еще значительные, хотя временами и дремлющие, моральные задатки того, чтобы совладать со временем со злым принципом в себе (отрицать который он не может) и чтобы ждать того же от других. Ведь иначе государства, намеревающиеся воевать друг с другом, никогда не произносили бы слова «право» или произносили только для того, чтобы осмеять его, как это сделал один галльский князь, определивший его так: «Право есть преимущество, которым природа наделила сильного над слабым для того, чтобы слабый ему повиновался».

Способ, каким государства добиваются своих прав, не является судебным процессом, а лишь войной, которой, как и счастливым исходом ее — победой, не решается вопрос о праве, и *мирный договор* кладет конец данной войне, но не военному состоянию (когда всегда можно найти предлог к новой войне; это состояние нельзя просто объявить несправедливым, так как в нем каждый является судьей в своем собственном деле). При этом требование «выйти из этого состояния» не имеет по международному праву для государств того значения, какое оно имеет для людей в свободном от закона состоянии по естественному праву (так как они, как государства, располагают уже внутренним правовым устройством и не позволят, чтобы другие государства по своим правовым понятиям могли принудить их принять более развитое законное устройство). Но разум с высоты морально законодательной власти, безусловно, осуждает войну как правовую процедуру и, напротив, вменяет в непосредственный долг мирное состояние, которое, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой. Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать *мирным союзом* и который отличался бы от *мирного договора* тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — *всем* войнам и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение *свободы* каждого государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться (подобно людям в естественном состоянии) публичным законам и их принуждению. Можно

показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи *федерации*, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру. Если бы какому-нибудь могучему и просвещенному народу выпало счастье образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то она явилась бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы обеспечить таким образом сообразно идее международного права свою свободу, и путем многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза.

Когда народ говорит: «Между нами не должно быть войны, так как мы хотим образовать государство, т. е. поставить над собой высшую законодательную, правительственную и судебную власть, которая мирным путем улаживала бы споры между нами», то это вполне понятно. Но когда это государство говорит: «Между мной и другими государствами не должно быть войны, хотя я и не признаю никакой высшей законодательной власти, которая обеспечивала бы мне мои права, а я ей — ее права», то совершенно непонятно, на чем же я хочу тогда основать уверенность в своем праве, если не на суррогате гражданского общественного союза, а именно на свободном федерализме, который разум должен необходимо связать с понятием международного права, если вообще это последнее имеет какой-либо смысл.

Строго говоря, понятие международного права как права на войну нельзя мыслить (ибо это должно быть правом не по общезначимым внешним законам, ограничивающим волю каждого, а по односторонним максимам каждого решать вопрос о праве силой), если только не понимать под ним следующее: вполне справедливо, что настроенные таким образом люди истребляют друг друга и, следовательно, находят вечный мир в обширной могиле, скрывающей все ужасы насилия вместе с их виновниками. В соответствии с разумом в отношениях государств между собою не может существовать никакого другого пути выйти из незаконного состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (беззаконной) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (безусловно, постоянно расширяющееся) *государство народов*, которое в конце концов охватило бы все народы Земли. Но, исходя из своего понимания международного права, они решительно не хотят этого, отвергая тем самым *in hypothesis*² то, что верно *in thesi*³. Поэтому не позитивная

² Как допущение (*лат.*).

³ Как положение (*лат.*).

идея мировой республики, а (чтобы не все было потеряно) лишь негативный суррогат союза, устранившего войны, постоянного и непрерывно расширяющегося, может сдерживать поток антиправовых враждебных намерений, сохраняя, однако, постоянную опасность их проявления (*Furor impius intus — fremit horridus ore cruento. Virgil*⁴)*.

ТРЕТЬЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ

Всемирно-гражданское право должно быть ограничено условиями всеобщего радушия.

Как и в предыдущих статьях, здесь речь идет не о филантропии, а о *праве*, и *радушие* означает право каждого чужака на то, чтобы тот, в чью землю он прибыл, не обращался бы с ним как с врагом. Он может изгнать его, если это не сопряжено с гибелью пришельца, но, пока последний мирно живет там, он не должен обходиться с ним враждебно. Это еще не право быть гостем, на что может претендовать каждый (для такой цели необходим особый благотворительный договор, который делал бы его на определенное время членом дома), но лишь *право посещения*, принадлежащее всем людям в силу права общего владения земной поверхностью, на которой люди не могут рассеяться до бесконечности и поэтому должны терпеть соседство других; изначально же никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте Земли. Моря и пустыни, необитаемые части этой поверхности, разъединяют людей. Од-

⁴ Безбожная ярость, [на грозном сидя оружии] внутри, [охвачена сотней медных сзади узлов], заскрежест, страшная, пастью кровавой (*Вергилий. Энеида*. Пер. В. Брюсова. М.; Л., 1933. С. 58).

* Было бы уместно, если бы для народа по окончании войны после торжественного празднества был назначен день покаяния, чтобы от имени государства взывать к небу о прощении того великого прегрешения, в котором все еще повинно человечество, не желающее соединить все народы в какое-нибудь законное устройство, а, гордое своей независимостью, предпочитающее использовать варварские средства войны (чем, однако, не достигается то, чего добиваются, а именно права каждого государства). Торжественные празднества во время войны по случаю одержанной победы, гимны, воспеваемые (подобно израильтянским) *богу воинств*, находятся в не менее сильном противоречии с моральной идеей отца всех людей, так как кроме равнодушия к достаточно печальному способу, каким народы добиваются своих прав, они выражают радость по поводу истребления большого количества людей или разрушения их счастья.

нако с помощью *корабля* или *верблюда* они имеют возможность приблизиться друг к другу через эти никому не принадлежащие области и использовать для возможного общения то право на земную поверхность, которое принадлежит всему человечеству. Следовательно, естественному праву противоречит негостеприимство жителей морских берегов (например, берберов), которые грабят суда в ближайших морях и обращают в рабство моряков, потерпевших крушение у их берегов, или жителей пустынь (арабских бедуинов), которые рассматривают приближение путников к кочевым племенам как право на их ограбление. Но это право на радушие, т. е. право пришельца, не распространяется дальше возможности завязать сношения с коренными жителями. Таким образом отдаленные части света могут войти друг с другом в мирные сношения, которые впоследствии могут превратиться в публично-узаконенные и таким путем все более и более приближать род человеческий к всемирно-гражданскому устройству.

Если сравнить с этим *враждебное* поведение цивилизованных, преимущественно торговых, государств нашей части света, то несправедливость, проявляемая ими при *посещении* чужих стран и народов (что и для них равносильно *завоеванию*), окажется чудовищной. Когда открывали Америку, негритянские страны, острова пряностей, мыс Кап и т. д., то эти страны рассматривались как никому не принадлежащие: местные жители не ставились ни во что. В Ост-Индию (Индустан) европейцы под предлогом исключительно торговых целей ввели войска, и вслед за тем начались угнетение туземцев, подстрекательство различных государств к широко распространявшимся войнам, голод, мятежи, вероломство — словом, весь длинный ряд бедствий, тяготеющих над родом человеческим.

Поэтому Китай... и Япония, столкнувшись с подобными гостями, поступили мудро, позволив им лишь доступ в некоторые порты, а не во внутренние районы страны, и то Япония разрешила это только одному из европейских народов — голландцам, но и их, словно пленных, лишали всякой возможности общения с местными жителями. Худшее во всем этом (или, с точки зрения морального судьи, лучшее) заключается в том, что это насилие не принесло европейцам никакой выгоды, что все эти торговые компании находятся на краю гибели, что острова сахарного тростника — это средоточие самого жестокого и изощренного рабства — не приносят никакого действительного дохода. Единственная цель, которой косвенно служат эти острова, едва ли заслуживает одобрения: они служат для вербовки матросов военных флотов и тем самым для

ведения войн в Европе. Все это проделывают державы, которые так высоко ставят дело благочестия и которые, дыша несправедливостью как воздухом, желают считаться избранными.

Более или менее тесное общение между народами Земли развилось всюду настолько, что нарушение права в *одном* месте чувствуется во всех других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, но необходимое дополнение неписаного кодекса как государственного, так и международного права к публичному праву человека вообще и, таким образом, к вечному миру. И только при этом условии можно льстить себя надеждой, что мы постепенно приближаемся к нему.

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРВОЕ О ГАРАНТИИ ВЕЧНОГО МИРА

Не кто иной, как великая художница *природа*, дает нам это *поручительство* (гарантию), обнаруживая очевидную целесообразность в механическом процессе и осуществляя согласие людей с помощью разногласия даже против их воли. Действуя как принуждающая причина, законы которой нам неизвестны, она называется *судьбой*, а с учетом целесообразности мировых событий выступая как глубоко скрытая мудрость высшей причины, направленной на объективную конечную цель человеческого рода и предопределяющей ее достижение, она называется *провидением*... Чтобы составить себе понятие о возможности провидения по аналогии с мастерством человека, мы, собственно говоря, не можем и не должны ни *познавать* мастерство природы, ни строить по этому поводу *умозаключений*, а лишь *примысливать* его (как в любом отношении формы вещей к их целям). Представить себе согласие провидения с целью (моральной), которую нам непосредственно предписывает разум, — это идея в *теоретическом* отношении, правда, чрезмерная, но в практическом отношении (например, в рассмотрении связанного с долгом понятия о *вечном мире* и использования для этого механизма природы) она соответствует догмату и по своей реальности вполне обоснована. Слово *природа*, если, как здесь, речь идет только о теории (не о религии), более соответствует пределам человеческого разума (который, рассматривая отношение действий к их причинам, должен держаться в границах возможного опыта) и более скромно, нежели выражение «познаваемое нами провидение», дерзким образом придающее икардовские крылья, чтобы приблизиться к тайне его непостижимых устремлений.

Прежде чем мы точнее определим рассматриваемую нами гарантию, необходимо исследовать состояние, установленное природой для лиц, действующих на ее великой арене, которое в конце концов с необходимостью обеспечивает мир, и лишь затем мы рассмотрим способ, каким природа дает эту гарантию.

Предварительное установление природы состоит в следующем:

1) она позаботилась о том, чтобы люди имели возможность жить во всех местах Земли; 2) посредством войны она рассеяла людей повсюду, даже в самые непригодные для хозяйства края, чтобы заселить их; 3) войной же она принудила людей вступать в более или менее законные отношения. Достойно удивления уже то обстоятельство, что в холодных пустынях у Ледовитого океана все же растет мох, выкапываемый из-под снега оленем, который сам, в свою очередь, служит пищей или упряжным животным остякам или самоёдам; или то, что в солончаковых пустынях водится верблюд, который как бы создан для передвижения по ним, чтобы и они не остались неиспользованными. Еще более ясно обнаружится цель природы, если принять во внимание, что у берегов Ледовитого океана кроме пушных зверей водятся также тюлени, моржи и киты, мясо которых прибрежные жители употребляют в пищу, а жиром пользуются для отопления. Но более всего предусмотрительность природы возбуждает удивление тем, что она доставляет в эти лишенные растительности страны плавающий лес (причем даже неизвестно, откуда он), без которого прибрежные жители не могли бы изготовлять ни судов, ни оружия, ни жилищ. В этих местах люди так заняты войной со зверями, что между собой они должны жить в мире. Но они были *загнаны* сюда, вероятно, не чем иным, как войной. Из всех животных, которых человек во время заселения Земли научился приручать и делать домашними, *лошадь* в его руках была первым *орудием войны*; слон же относится к более позднему времени, именно ко времени расцвета уже возникших государств. Искусство выращивать известные сорта трав, называемых злаками, первоначальные свойства которых нам теперь не известны, равно как и разведение и облагораживание плодов пересадкой и прививкой (в Европе, может быть, только двух видов — яблони и груши), могло возникнуть уже в состоянии государственности, где обеспечена частная земельная собственность. Люди, жившие до тех пор в беззаконной свободе, перешли от *охотничьего*, рыболовного и пастушеского быта к *земледельческому*; тогда были открыты *соль и железо* — быть может, первые всюду находившие спрос предметы торговых отношений между различными народами; благодаря этому возникли сначала *мирные отношения* между ними и таким образом

установились связи, согласие и мирные отношения между отдаленными друг от друга народами.

Позабывшись о том, чтобы люди *могли* жить на Земле повсюду, природа одновременно деспотически пожелала, чтобы они должны были повсюду жить, даже вопреки их намерениям, причем это долженствование не связано с понятием о долге, который обязывал бы к этому посредством морального закона, наоборот, для достижения этой цели выбрана была война. Мы видим народы, единство языка которых указывает на единство происхождения. Таковы *самоеды* у Ледовитого океана и удаленный от них на двести миль и похожий по языку народ в Алтайских горах, а между ними вклинился другой, а именно монгольский народ кочевников и воинов, оттеснив одну часть их племени в самые непригодные для хозяйства места, где они не поселились бы по собственной воле*. Точно так же *финны* в самой северной части Европы (именуемые *лопарями*) были отделены от венгров, удаленных от них на столь же значительное расстояние, но родственных с ними по языку, вторгнувшимися между ними готскими и сарматскими народами. И что, кроме войны, которой природа пользуется как средством для повсеместного заселения Земли, могло загнать *эскимосов* (может быть, бродячее древнеевропейское племя, которое совершенно отличается от всех американских племен) на север, а пешересев — на юг Америки до Огненной Земли? Для самой же войны не нужно особых побудительных оснований: она привита, по-видимому, человеческой природе и считается даже чем-то благородным, к чему человека побуждает честолюбие, а не корысть. Это ведет к тому, что *воинская доблесть* непосредственно оценивается чрезвычайно высоко (у американских дикарей, равно как у европейских во времена рыцарства) не только *во время войны* (что справедливо), но так же как *причина* войны, и часто война начиналась только для того, чтобы высказать эту доблесть. Следовательно, войне самой по себе приписываются внутренние *достоинства*,

* Встает вопрос: если природа пожелала, чтобы чти полярные берега не оставались безлюдными, то что станет с их обитателями, когда не будет более (как можно ожидать) плавучего леса? Ведь весьма вероятно, что с успехами культуры обитатели умеренного пояса Земли будут лучше пользоваться лесом, который растет на берегах их рек. Они не будут допускать, чтобы он падал в реки и таким путем уплывал в море. Я отвечаю: обитатели Оби, Енисея, Лены и т. д. будут доставлять им этот лес посредством торговли и выменивать на него продукты животного царства, которыми так богато море у полярных берегов, если только она (природа) заставит сначала эти племена жить в мире.

так что даже сами философы восхваляют войну, облагораживающую, по их мнению, человечество, забыв известное изречение грека: «Война дурна тем, что более создает злых людей, чем уничтожает их». Вот и все о том, что делает природа для *своей собственной цели* по отношению к человеческому роду как классу животных.

Теперь встает вопрос, касающийся сущности вечного мира как цели: что делает природа для достижения цели, которую человеку вменяет в долг его собственный разум, и тем самым для содействия его *моральной цели*; как она гарантирует то, что человек благодаря ее принуждению, хотя и не во вред своей свободе, сделал бы то, к чему его обязывают законы свободы, но чего, однако, он не делает (во всех трех аспектах публичного права: *государственного, международного и всемирно-гражданского*)? Когда я говорю о природе: она хочет, чтобы произошло то или другое, то это не значит, что она возлагает на нас долг делать что-либо (так как это может сделать только свободный от принуждения практический разум), но делает это сама, хотим мы этого или нет (*fata volentem ducunt, nolentem trahunt*⁵).

1. Если даже внутренние раздоры не принудят народ подчиниться публичным законам, то война извне все же сделает это, потому что согласно вышеупомянутому установлению природы каждый народ находит в соседстве с собою теснящий его другой народ, против которого он вынужден внутренне организовать в *государство*, чтобы как держава быть способным к отпору. *Республиканское* устройство есть единственное, вполне соответствующее праву людей, но установить, а тем более сохранить подобное устройство до такой степени трудно, что, по мнению многих, оно должно было бы быть *государством ангелов*, так как люди со своими эгоистическими склонностями не способны к столь возвышенному по форме устройству. Но здесь общей, основанной на разуме воле, почитаемой, но на практике бессильной, природа оказывает поддержку с помощью как раз тех же эгоистических склонностей, так что лишь от хорошей организации государства (а это, во всяком случае, под силу человеку) зависит так направить силы этих склонностей, чтобы каждая из них или сдерживала разрушительное действие другой, или уничтожала его. С точки зрения разума результат получается такой же, как если бы этих склонностей не было совсем и тем самым человек принуждался бы

⁵ Судьба согласного с ней ведет, а противящегося тащит (*лат.*). Изречение принадлежит римскому философу Сенеке (*Epistolae moral. Lib. XVIII, ep. 4*).

быть если не морально хорошим человеком, то все же хорошим гражданином. Проблема создания государства разрешима, как бы странно это ни звучало, даже для народа дьяволов (если только они обладают рассудком). Она сводится к следующему: «Так расположить некоторое количество разумных существ, которые в своей совокупности для поддержания жизни нуждаются в общих законах, но каждое из которых втайне склонно уклоняться от них; так организовать их устройство, чтобы, несмотря на противоположность их личных побуждений, последние настолько парализовали друг друга, что в публичном поведении людей результат был бы примерно таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений». Такая проблема должна быть *разрешимой*. Ведь дело идет не о моральном улучшении людей, а только о механизме природы, о котором, согласно задаче, требуется узнать, как можно было бы воспользоваться им применительно к людям, чтобы так направить в народе столкновение немирных побуждений, что они сами заставят друг друга подчиниться принудительным законам и таким образом необходимо осуществляют состояние мира, в котором законы имеют силу. На примерах действительно существующих, но еще очень несовершенно организованных государств можно видеть, как во внешнем поведении они уже приближаются к тому, что предписывается идеей права, хотя, конечно, причина этому не глубина моральности (как и не от моральности следует ожидать хорошего государственного устройства, но, скорее, наоборот, от последнего — хорошего морального воспитания народа). Из этого следует, что разум при помощи эгоистических склонностей, которые естественным образом даже внешне противодействуют друг другу, может воспользоваться механизмом природы как средством для того, чтобы осуществить свою собственную цель — предписание права — и этим способствовать внешнему и внутреннему миру и охранять его, поскольку это зависит от самого государства. Итак, можно сказать: природа неодолимо хочет, чтобы право получило в конце концов верховную власть. То, что здесь не сделано, совершится в конце концов само собою, хотя и с большими трудностями. «Если согнуть тростник слишком сильно, он ломается; кто слишком много хочет, тот ничего не хочет!» (Боутервек)⁶.

2. Идея международного права предполагает раздельное существование многих соседних государств, независимых друг от друга. Несмотря на то что такое состояние само по себе уже есть состояние войны (если федеративное объединение государств не предотвращает

⁶ Боутервек Фридрих (1766–1828) — немецкий философ.

возникновения военных действий), все же оно, согласно разуму, лучше, чем слияние государств в единую державу, превосходящую другие и переходящую во всеобщую монархию, так как с увеличением сферы правления законы все более и более теряют свою силу и бездушный деспотизм, искоренив зачатки добра, в конце концов превращается в анархию. Между тем каждое государство (или его верховный глава) желает добиться для себя длительного мирного состояния, чтобы подчинить себе по возможности весь мир. Но природа стремится к друтому. Двумя средствами пользуется она для того, чтобы удерживать народы от смешения и разъединять их различием *языков и религий**. Это различие хотя и влечет за собою склонность к взаимной ненависти и повод к войне, однако с ростом культуры и при постепенном приближении людей к большому согласию в принципах ведет к взаимопониманию и миру, который осуществляется и обеспечивается не ослаблением всех сил, как это имеет место при деспотизме (на кладбище свободы), но их равновесием, их активнейшим соревнованием.

3. Так же как природа, с одной стороны, мудро разделяет народы, которые воля каждого государства на основе самого международного права охотно подчинила бы своей власти хитростью или силой, так, с другой стороны, она соединяет силой взаимного корыстолюбивого интереса те народы, которых понятие права всемирного гражданства не оградило бы от насилия и войны. Дух торговли, который рано или поздно овладевает каждым народом, — вот что не может существовать рядом с войной. Так как из всех сил (средств), подчиненных государственной власти, сила денег является, пожалуй, наиболее надежной, то государства чувствуют себя вынужденными (конечно, не по моральным побуждениям) содействовать благородному миру и повсюду, где угрожала вспыхнуть война, предотвращать ее своим посредничеством, как будто они находятся с этой целью в постоянном союзе. Ведь большие союзы, заключенные для войны, могут по своей природе очень редко осуществляться и еще реже быть удачными. Таким образом, самым устройством человеческих склонностей

* *Различие религий* — странное выражение! Все равно, что говорить о различных моралях. Могут, конечно, существовать различные виды *верований* в зависимости от исторических средств, употреблявшихся для содействия религии, но эти средства, имея свою собственную историю, относятся не к религии, а к области учености; точно так же могут существовать различные *священные книги* (Зендавеста, Веды, Коран и т. д.), но только одна религия, обязательная для всех людей и во все времена. Следовательно, эти средства могут быть только орудием религии, тем, что случайно и может быть различным в зависимости от времени и места.

природа гарантирует вечный мир, конечно, с достоверностью, которая недостаточна, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но которая, однако, практически достижима и обязывает нас добиваться этой (не столь уж призрачной) цели.

ДОПОЛНЕНИЕ ВТОРОЕ ТАЙНАЯ СТАТЬЯ ДОГОВОРА О ВЕЧНОМ МИРЕ

Если рассматривать соглашение в рамках публичного права объективно, т. е. с точки зрения содержания, то тайная статья к нему является противоречием, но, оцениваемая субъективно с учетом особенностей лица, его формирующего, она может заключать тайну в том смысле, что признание авторства будет сомнительным для собственного достоинства.

Единственная статья подобного рода гласит: *максимы философов об условиях возможности всеобщего мира должны быть учтены государствами, вооружившимися для войны.*

По-видимому, представляется унижительным для законодательного авторитета государства, которому естественно надлежит приписывать величайшую мудрость, искать у *подданных* (философов) поучения о принципах своих отношений с другими странами, и все же так поступать весьма разумно. Государство, следовательно, будет негласно (делая из этого тайну) *привлекать* философов; это значит, что им разрешено будет свободно и публично *высказываться* о всеобщих максимах ведения войны и укрепления мира (последнее они уж сами сделают, лишь бы им не мешали); согласие держав по этому пункту не требуется закреплять особым межгосударственным договором, ибо оно содержится в обязанностях, налагаемых всеобщим (морально законодательствующим) разумом. Это не означает, что государство должно предпочесть принципы философа решениям юриста (представителя государственной власти), а только то, что первого следует *выслушать*. Юрист, избравший символом права *весы*, а символом справедливости — *меч*, пользуется обыкновенно мечом не только для того, чтобы оградить весы от посторонних влияний, но и для того, чтобы положить его на чашу, если она не захочет опуститься (*vae victis!*⁷). К тому же юрист, если он в то же время (и в моральном отношении) не философ, подвергается величай-

⁷ Горе побежденным! (лат.)

шему искушению, поскольку его обязанность состоит лишь в том, чтобы применять существующие законы, а не исследовать, нуждаются ли они сами в улучшении. Низшее на самом деле положение своего факультета он считает высшим, потому что последний стоит рядом с властью (то же самое относится и к двум другим факультетам). Философский факультет в сравнении с этой объединенной силой стоит на очень низкой ступени⁸. Говорят, например, о философии, что она *служанка* богословия (то же повторяют и о двух других факультетах). Но из этого еще не ясно, «идет ли она с факелом впереди своей милостивой госпожи или несет ее шлейф».

Нельзя ожидать, чтобы короли философствовали или философы стали королями. Да этого не следует и желать, так как обладание властью неизбежно искажает свободное суждение разума. Но короли или самодержавные (самоуправляющиеся по законам равенства) народы не должны допустить, чтобы исчез или умолк класс философов, а дать им возможность выступать публично. Это необходимо и тем и другим для внесения ясности в их деятельность. И поскольку класс этот по своей природе не способен создавать сборища и клубы, нет оснований упрекать его в *пропаганде*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

О РАЗНОГЛАСИЯХ МЕЖДУ МОРАЛЬЮ И ПОЛИТИКОЙ В ОТНОШЕНИИ ВЕЧНОГО МИРА

Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как совокупность безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы *должны* вести себя; нелепо утверждать, что это *невозможно*, после того как признан авторитет этого понятия. Ведь в таком случае понятие долга само собой исчезнет из морали (*ultra posse nemo obligatur*⁹); не может быть, следовательно, спора между политикой как практическим учением о праве и моралью как теоретическим

⁸ Во времена Канта сохранялась средневековая иерархия «факультетов» (т. е. областей знания). Высшими факультетами считались богословский, юридический, медицинский, низшим — философский.

⁹ Никто не обязан делать что-либо сверх возможного (*лат.*).

учением о нем (тем самым никакого спора практики с теорией), разве только если понимать под моралью общее *учение о благоразумии*, т.е. теорию максим, позволяющую выбрать наиболее подходящие средства для личных, рассчитанных на выгоду целей, что равносильно отрицанию морали вообще.

Политики говорят: *«будьте хитроумны, как змеи...»*, мораль прибавляет (как ограничивающее условие): *«...и чисты, как голуби»*. Если то и другое не может совместиться в одной заповеди, то действительно существует спор между политикой и моралью, но если они во что бы то ни стало должны быть соединены, то понятие о противоположности абсурдно и вопрос о том, как уладить этот спор, не будет представлять собой проблемы. Хотя положение *«честность — лучшая политика»* содержит в себе идею, которой практика, к сожалению, очень часто противоречит, однако точно так же теоретическое положение *«честность лучше всякой политики»*, будучи бесконечно выше всяких возражений, есть даже неперемненное условие последней. Бог — хранитель морали не уступает Юпитеру (Богу — хранителю силы); последний находится еще во власти судьбы, т.е. разум недостаточно просвещен для того, чтобы осмыслить предопределяющие причины, позволяющие в соответствии с законами природы достоверно предсказывать счастливый или дурной результат поведения людей (хотя и дает надежду на то, что этот результат будет соответствовать желанию). Но разум указывает нам, что следует делать, чтобы остаться на стезе долга (по правилам мудрости); для этого, а тем самым и для конечной цели он светит нам повсюду достаточно ярко.

Однако практик (для которого мораль всего лишь теория) основывает свое безотрадное отрицание нашей доброй надежды (даже признавая, что это *должно быть и возможно*) собственно на том, что он, исходя из человеческой природы, берется предвидеть, будто человек никогда не захочет осуществления цели, приводящей к вечному миру. Конечно, для этой цели недостаточно желания *всех отдельных* людей жить в законном устройстве по принципам свободы (*расчлененное единство воли всех*). Но необходимо, чтобы все вместе захотели такого состояния (*коллективное единство объединенной воли*). Такое разрешение трудной проблемы необходимо еще и для того, чтобы возникло гражданское общество как целое. Следовательно, при разнообразии всех частных устремлений — ни одно из которых не в состоянии добиться этого — необходимо еще и объединяющее их основание для выявления общей воли. При осуществлении этой идеи (на практике) нельзя рассчитывать на

иное начало правового состояния, кроме *принуждения*; именно на нем основывается затем публичное право. Это, конечно, уже заранее предполагает большие отклонения в действительном опыте от первоначальной идеи (теории); во всяком случае, нельзя рассчитывать на моральные принципы законодателя, т. е. полагаться на то, что он после происшедшего объединения дикой массы в народ предоставит ему теперь возможность осуществить правовое устройство посредством своей общей воли.

Это означает следующее: тот, в чьих руках власть, не позволит, чтобы народ предписывал ему законы. Государство, имеющее возможность не подчиняться никаким внешним законам, не будет ставить в зависимость от суда других государств тот способ, каким оно отстаивает по отношению к ним свои права. И даже целая часть света, если она чувствует свое превосходство над другой, ничем ей, впрочем, не мешающей, не замедлит ограбить или даже поработить последнюю для усиления своего могущества. Таким образом, все варианты теории права государственного, международного и всемирного гражданства расплываются в бессодержательные, невыполнимые идеалы; напротив, только практика, основанная на эмпирических принципах человеческой природы, которая не считает слишком унижительным извлекать пользу для своих максим из того, что происходит на свете, могла бы найти прочную основу для здания государственной мудрости.

Конечно, если нет свободы и основанного на ней морального закона и все, что происходит или может происходить, есть исключительно механизм природы, то политика (как искусство управления людьми) воплощает в себе всю практическую мудрость, а понятие права есть пустая мысль. Но если допустить, что это понятие безусловно необходимо соединить с политикой и возвысить его до ограничительного условия последней, то следует признать их совместимость. Я могу представить себе, конечно, *морального политика*, т. е. такого, который устанавливает принципы государственной мудрости, совмещающиеся с моралью, но не *политического моралиста*, который выковывает мораль, устремленную к выгоде государственного деятеля.

Моральный политик будет исходить из следующего принципа: если в государственном устройстве или отношениях между государствами обнаружены какие-либо недостатки, предотвратить которые было невозможно, то необходимо — и это долг прежде всего глав государств — как можно скорее их устранить и привести дела в соответствие с естественным правом как идеей разума, являющейся образцом, сколько бы жертв эгоизму это ни стоило. До того как появится возможность

заменить лучшим устройством узы государственного и всемирно-гражданского объединения, было бы нелепым и противоречащим государственной мудрости, сопряженной с моралью, требовать решительного и немедленного устранения этих недостатков. Но можно, по крайней мере, потребовать от власти имущего, чтобы он понял необходимость изменений такого рода и постоянно стремился приблизиться к цели (к лучшему по своим правовым законам устройству). Государство может управляться *республикански*, даже если оно обладает по действующей конституции деспотической *верховой* властью, пока народ постепенно не окажется способным воспринимать чистую идею авторитета закона (как если бы закон обладал физической властью) и тем самым созреет для выработки собственного законодательства (которое изначально основано на праве). А если бурей революции, вызванной дурным устройством, неправомерно было создано более законосообразное, то тогда ни в коем случае не дозволено пытаться вернуть народ к старому порядку, хотя каждый, кто использовал насилие и коварство, по праву мог быть наказан как бунтовщик. Что касается внешних сношений, то от государства нельзя требовать, чтобы оно отказалось от своего деспотического устройства (которое, однако, могущественнее внешних врагов) до тех пор, пока ему грозит опасность быть немедленно поглощенным другими государствами; при таком положении дел все добрые помыслы следует отложить до лучших времен*.

Вполне возможно, что деспотически поступающие моралисты (совершающие ошибки на практике) грешат против государственной мудрости (своими преждевременно осуществленными или провозглашенными мерами), однако опыт постепенно выравнивает эти противоречивые погрешности. Зато морализирующие политики, приукрашивая противоправные государственные принципы, делают невозможным их улучшение и увековечивают правонарушение под пред-

* Таковы разрешающие законы разума — не трогать запятнанное несправедливостью состояние публичного права, пока все не созреет само собой до полного переворота или же с помощью мирных средств не будет достигнуто приближение к зрелости, потому что любое *правовое*, даже в малой степени правомерное устройство лучше, чем никакое (анархия), что может возникнуть в результате *преждевременной* реформы. Государственная мудрость, следовательно, обязана при существующем положении дел проводить реформы, соответствующие идеалу публичного права; революции же, которые возникают естественно, призваны самой природой не для того, чтобы приукрасить еще большее угнетение, а чтобы путем коренной реформы установить единственно прочное, основанное на принципах свободы законное устройство.

логом того, что человеческая природа не способна к добру в соответствии с идеей, предписанной разумом.

Если им удастся приобрести влияние на политику, то вместо политической практики, чем похваляются эти государственные мудрецы, они занимаются практическим *политиканством*, раболепствуя перед господствующей властью (дабы не упустить своей личной выгоды) и предавая тем самым народ (а там, где можно, — и весь мир), словом, ведут себя как заправские юристы (*ремесленники*, а не *законодатели*). Поскольку они не ломают голову над законодательством — это не их дело, — а лишь применяют действующие статьи местного права, то лучшим для них является ныне существующее правовое устройство, но если оно будет изменено свыше, то лучшим станет следующее, где опять-таки все будет исполнено надлежащего механического порядка. Если это изворотливое умение приспособливаться ко всем возможным обстоятельствам внушит им иллюзию, что они в состоянии судить о принципах *государственного устройства* вообще по понятиям права (следовательно, а priori, не эмпирически), если они, кичась тем, что знают *людей* (этого, конечно, можно ожидать, потому что они имеют дело со многими), не зная, однако, человека и того, что из него можно сделать (для этого необходимо рассмотрение с более высокой антропологической точки зрения), и, составив себе такие понятия, захотят подойти к государственному и международному праву, как его предписывает разум, то они могут совершить этот шаг, только проникнувшись духом мелких придирок, следуя своему обычному способу (способу действия механизма согласно деспотически установленным законам принуждения) даже и там, где понятия разума требуют обосновать законосообразное принуждение исключительно принципами свободы, благодаря которым только и возможно устойчивое в правовом отношении государственное устройство. Так называемый практик уверен, что сумеет разрешить задачу эмпирически, исходя из опыта организации наиболее устойчивых, но по большей части противоречащих праву государственных устройств. Максимы, которыми он пользуется для этой цели (хотя и не предаёт их гласности), сводятся приблизительно к следующим софистическим положениям:

1. *Fac et excusa*¹⁰. Не упускать удобного случая для самовластного захвата (права государства либо над своим народом, либо над другим соседним). Гораздо проще и удобнее подыскать оправдание и приукрасить насилие *задним числом* (особенно в первом случае, когда

¹⁰ Действуй, и будешь прощен (*лат.*).

верховная власть внутри государства есть в то же время и законодательная инстанция, которой следует беспрекословно повиноваться), чем размышлять предварительно над убедительными аргументами и затем еще ожидать контраргументов. Сама эта дерзость дает известную видимость внутреннего убеждения и правомерности поступка, а Бог — лучший правозащитник.

2. *Si fecisti, nega*¹¹. Совершив преступление, например доведя свой народ до отчаяния и таким путем до восстания, отрицая свою вину, утверждай, что в этом виновата строптивость подданных, а при захвате соседней страны — природа человека, которая такова, что если не опередишь насилие другого, то можешь быть уверенным, что он опередит и подчинит себе тебя.

3. *Divide et impera*¹². Это значит: если среди твоего народа есть некоторые привилегированные, высокопоставленные люди, которые избрали тебя своим верховным главой (*primus inter pares*¹³), поссорь их между собою и разъедини с народом, заступись затем за народ, соблазняя его большей свободой, и все будет зависеть от твоей неограниченной воли. Что касается других государств, то создание распри между ними — вполне надежное средство под видом помощи слабым подчинить их себе одно за другим.

Конечно, ныне такими политическими максимами никого не обманешь, так как они общеизвестны, но и стыдиться их не приходится, хотя несправедливость явно бросается в глаза. Ведь великие державы никогда не стыдятся простого народа, только друг друга; что касается самого принципа, то скомпрометировать его может не огласка, а только *неудача* (относительно максим между ними царит полное согласие); таким образом, державам выпадает *политический* почет, на который они могут прочно рассчитывать — *увеличение их могущества*, какими бы путями оно ни было достигнуто*.

¹¹ Если и сделал, то отрицай (*лат.*).

¹² Разделяй и властвуй (*лат.*).

¹³ Первый среди равных (*лат.*).

* Поскольку они живут совместно в государстве, то с некоторым основанием можно усомниться в безусловной порочности людей, коренящейся в их натуре, и вместо этого усмотреть причину противозаконных проявлений умонастроения в недостаточно развитой культуре (дикости). Но во внешних сношениях *государств* она бросается в глаза очевидно и неоспоримо. Во внутренних делах любого государства она завуалирована давлением гражданских законов, так как склонности граждан к взаимному насилию противодействует

Все эти уловки аморальной теории дипломатии с целью установления среди людей мирного состояния вместо естественного состояния войны свидетельствуют по крайней мере об одном: люди не могут уйти от понятия права ни в частных своих отношениях, ни в публичных. Публично они не решаются основывать политику исключительно на хитроумных увертках, отказывая тем самым понятию публичного права во всяком повиновении (это особенно заметно в международном праве), наоборот, на слонах ему воздаются подобающие почести, однако на практике придумываются сотни уловок и оговорок, чтобы уклониться от него, приписав изворотливой силе авторитет творца и хранителя любого права. Чтобы покончить с этой софистикой и вынудить у лживых представителей сильных мира сего признание, что они ратуют не за право, а за силу, от которой они перенимают властный тон, как будто они сами должны повелевать, необходимо развенчать призрак, которым они обольщают и себя и других, выявить высший принцип, порождающий идею вечного мира, и показать, что все то зло, которое преграждает путь к нему, происходит оттого, что политический моралист начинает там, где моральный политик справедливо кончает; подчиняя принципы цели (т. е. запрягая лошадей позади повозки), последний делает тщетным свое собственное намерение достичь согласия между политикой и моралью.

Для того чтобы привести практическую философию к единству с собой, необходимо прежде всего решить вопрос: следует ли по велению

более мощная сила, а именно сила правительства, которая тем самым не только придает целому моральную окраску, но, перекрывая путь противозаконным устремлениям, весьма облегчает развитие моральных задатков непосредственного уважения к праву. Каждый уверен относительно себя самого, что он свято хранил бы понятие права и верно следовал бы ему, если бы он мог ждать того же от любого другого; это гарантирует ему отчасти государство, совершая тем самым большой шаг в сторону моральности, который (не будучи еще моральным шагом) превращает понятие о долге в самоцель без мысли о воздании. Каждый держится о себе хорошего мнения, но предполагает дурные помыслы у других: так возникает взаимная оценка; что касается *фактического* положения, все мало на что годятся (можно оставить без объяснения, как такое получается, поскольку нельзя в этом винить природу человека как свободного существа). Но так как уважение к понятию права, от чего человек не может отречься, самым торжественным образом санкционирует теорию, утверждающую возможность соответствовать этому понятию, то каждому ясно, что он, со своей стороны, *должен* вести себя в согласии с ним, а другие — как хотят.

практического разума начинать с его *содержательного* принципа, с цели (как предмета произвольного действия) или же с *формального* (основанного только на свободе во внешнем отношении), т. е. такого, который гласит: поступай так, чтобы максима твоей воли смогла стать принципом всеобщего закона (цель может быть какой угодно).

Без всякого сомнения, последний принцип должен быть исходным. Ведь он как принцип права, безусловно, необходим, в то время как первый принцип имеет принудительную силу только при наличии эмпирических условий, способствующих выполнению намеченной цели, и если бы эта цель (например, вечный мир) была в то же время долгом, то этот долг сам должен был бы выведен из формального принципа максим внешнего поведения. Первый принцип, принцип политического моралиста (проблема права государственного, международного и всемирного гражданства), представляет собой только *техническую задачу*, напротив, второй — как принцип *морального политика*, для которого он является *нравственной задачей*, — отличен от первого как небо от земли по способам осуществления вечного мира, который желателен не только как физическое благо, но и как состояние, вытекающее из признания долга.

Для решения первой проблемы государственной дипломатии требуются обширные познания о природе, чтобы использовать ее механизм для задуманной цели, и все же все они неопределенны в отношении результата, касающегося вечного мира, какую бы из трех сфер публичного права мы ни затрагивали. Следует ли держать народ в повиновении (и одновременно в процветании) строгостью или тщеславными приманками? Предпочесть ли верховную власть одного или нескольких влиятельных лиц? Может быть, служилого дворянства или всего народа? Что касается внутренних дел в течение длительного времени, то вопрос не получит определенного ответа. Каждый способ управления (за исключением только подлинно республиканского, который может существовать лишь в воображении морального политика) имел в истории и свою противоположность. Еще более неопределенным является *международное право*, якобы созданное в соответствии с параграфами министерских проектов, а в действительности представляющее собой слова, не подкрепленные делами; оно покоится на договорах, которые в самом акте их заключения содержат уже тайную возможность их нарушения. Напротив, решение второй проблемы, а именно проблемы *государственной мудрости*, напрашивается само собой; оно ясно всякому, посрамляя все ухищрения и направления прямо к цели; благоразумие при этом напоминает не спе-

шить и не применять насилие, но приближаться к ней непрестанно, используя благоприятные обстоятельства.

Это значит: «Ищите прежде всего царство чистого практического разума, и его справедливость, и ваша цель (благодать вечного мира) приложится сама собой». Ведь мораль сама по себе и, конечно, в применении ее принципов к публичному праву (следовательно, по отношению к политике, познаваемой а priori), имеет ту особенность, что чем менее она делает поведение зависимым от намеченной цели — будь то физическая или нравственная выгода, — тем более она согласуется в целом с последней. Это происходит оттого, что именно данная а priori общая воля (в одном народе или в отношениях различных народов между собою) есть как раз то, что всецело определяет право среди людей. Но это соединение воли всех, если только оно проводится последовательно, может в то же время и по механизму природы быть причиной, порождающей замышленное действие и придающей действенность понятию права. Так, например, принцип моральной политики заключается в том, что народ должен объединиться в государство в соответствии с одними только правовыми понятиями свободы и равенства, и этот принцип основан не на смышленности, а на долге. Пусть политические моралисты, возражая против этого, сколько угодно мудрствуют о естественном механизме, которому подчинена толпа людей, вступающих в общество, и который лишает силы этот принцип и делает невозможной его цель, или же пытаются доказать свое утверждение примерами плохо организованных устройств старого и нового времени (например, демократии без представительной системы). Их не надо слушать прежде всего потому, что их пагубная теория сама содействует злу, которое она предсказывает: согласно этой теории человек оказывается включенным в один класс с остальными живыми существами, которым только не хватает сознания того, что они несвободные существа, чтобы стать в собственных глазах самыми несчастными существами на свете.

Звучащее несколько неправдоподобно, но все же истинное изречение, ставшее поговоркой: «Fiat justitia, pereat mundus»¹⁴, означает по-немецки: «Да воцарится справедливость, даже если при этом погибнут на свете все плуты»; оно представляет собой отважное правовое положение, отвергающее все окольные пути, на которые указывают

¹⁴ Кант дает вольный перевод этой пословицы. Буквально: «Да восторжествует правосудие, хоть ценой всего мира» (лат.) — девиз германского императора Фердинанда I (1503–1564).

коварство и сила. Нельзя только ошибочно толковать его как разрешение пользоваться своим правом с величайшей строгостью (что противоречит этическому долгу). Оно налагает на власть имущих обязанность не устранять и не ущемлять ничьих прав из-за недоброжелательства или сочувствия к другим. Для этого прежде всего необходимо внутреннее устройство государства, опирающееся на чистые принципы права, и, кроме того, объединение государства с соседними или даже с отдаленными государствами (по аналогии со всеобщим государством) для законного решения их споров. Это положение означает только то, что политические максимы должны исходить не из благополучия и счастья каждого государства, ожидаемых от их соблюдения, следовательно, не из цели, которую ставит перед собой каждое из этих государств (не из желания), как высшего (но эмпирического) принципа государственной мудрости, а из чистого понятия правового долга (из долженствования, принцип которого дается а priori чистым разумом), какие бы ни были из этого физические последствия. Мир никоим образом не погибнет от того, что злых людей станет меньше. Моральное зло имеет то неотделимое от своей природы свойство, что по своим собственным намерениям оно самопротиворечиво и саморазрушительно (особенно в отношении других, одинаково мыслящих), и таким образом, хотя и медленно, но уступает место моральному принципу добра.

Следовательно, *объективно* (в теории) не существует спора между политикой и моралью. Напротив, *субъективно* (в эгоистических склонностях людей, которые, однако, поскольку они не основаны на максимах разума, не следует называть практикой) это противоречие остается и может оставаться всегда, потому что оно есть оселок добродетели, истинная сила которого (по принципу *tu ne cede malis, sed contra audentior ito*¹⁵) состоит не столько в твердой решимости противостоять неизбежным при этом несчастьям и жертвам, сколько в том, чтобы смело взглянуть в глаза гораздо более опасному, лживому, предательскому, лукаво мудрствующему злему принципу в нас самих, оправдывающему под предлогом слабостей человеческой природы все преступления, а также в том, чтобы победить его коварство.

¹⁵ Бедам ты не сдавайся, но против шествуй отважно (лат.) (Вергилий. Энеида. VI, 95).

Действительно, политический моралист может сказать, что правитель и народ или отдельные народы не совершают *по отношению друг к другу* несправедливости, если они в борьбе между собою пускают в ход насилие и коварство, хотя, конечно, вообще, они совершают несправедливость в том отношении, что отказывают во всяком уважении понятию права, которое одно только могло бы навечно установить мир. Так как каждый из них нарушает свой долг по отношению к другому, который, в свою очередь, выступает против него с точно такими же противными праву побуждениями, то обе стороны получают *по заслугам*, если они истребляют друг друга, сохраняя себя при этом достаточно, чтобы вплоть до самого отдаленного будущего продолжать подобное занятие, которое служит потомству предостерегающим уроком. Провидение в ходе вещей получает оправдание, так как моральный принцип в людях никогда не угасает, разум же, прагматически способный к выполнению правовых идей по этому принципу, непрестанно растет в силу постоянного прогресса культуры, вместе с которой растет и вина за правонарушения. Никакая теодицея не оправдывает, по-видимому, сотворенный мир, то обстоятельство, что на Земле существует такая порода испорченных существ (если считать, что людские дела никогда не будут идти лучше, да это и невозможно осуществить). Но такая степень оценки слишком высока, чтобы мы могли теоретически приписать наши понятия (о мудрости) высшей, непостижимой для нас силе. Мы неизбежно придем к таким повергающим в отчаяние выводам, если не допустим, что чистые принципы права имеют объективную реальность, т. е. не допустим их выполнимости; сообразно с ними следовало бы поступить народу внутри государства и государствам в отношениях между собою, как бы ни возражала против этого эмпирическая политика. Истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали, и хотя политика сама по себе — трудное искусство, однако соединение ее с моралью вовсе не искусство, так как мораль разрубает узел, который политики не в состоянии распутать до тех пор, пока они спорят друг с другом. Право человека должно считаться священным, каких бы жертв это ни стоило господствующей власти. Здесь нет середины, и нельзя придумывать прагматически обусловленное право (не-что промежуточное между правом и пользой); вся политика обязана преклонить колени перед правом, тогда она может надеяться, что достигнет, хотя и медленно, той ступени, где воссияет надолго.

II

О СОГЛАСИИ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Если я абстрагирую публичное право, как его мыслят правоведы, от любого содержания (различных эмпирически данных отношений людей в государстве или государствах между собой), то мне остается еще *форма гласности*, возможность которой содержится в каждом правовом притязании, потому что без гласности не могла бы существовать никакая справедливость (которая может мыслиться только *публично известной*), а следовательно — и никакое право, которое исходит только из нее.

Каждое правовое притязание должно быть доступно гласности, и эта доступность может дать удобный для употребления, а priori присущий разуму критерий, так как легко определить, действительно ли она имеет место в данном случае, т. е. соединима ли она с принципами того, кто действует, или нет. В последнем случае ложность (противоправность) данного притязания сразу можно установить как бы посредством эксперимента разума.

После подобного абстрагирования от всего эмпирического, содержащегося в понятии государственного и международного права (принуждение необходимо вследствие зла, присущего человеческой природе), можно назвать *трансцендентальной формулой* публичного права следующее положение: «Противоправны все относящиеся к праву других людей действия, максимы которых несовместимы с гласностью».

Этот принцип следует рассматривать не только как *этический* (относящийся к учению о добродетели), но и как *юридический* (касающийся права людей). В самом деле, максима, которую я не могу огласить, не повредив этим в то же время моему собственному намерению, которую необходимо *скрыть*, чтобы она имела успех, и в которой я не могу *публично признаться*, не возбудив этим неизбежно сопротивления всех против моего намерения, — такая максима может сопровождаться необходимым и общим, следовательно, а priori, усматриваемым противодействием всех против меня вследствие несправедливости, которой она угрожает каждому. Этот принцип только негативен, т. е. служит лишь для того, чтобы распознать с его помощью неправомочность по отношению к другим. Подобно аксиоме он недоказуемо достоверен и, кроме того, легко применим, как это можно видеть из следующих примеров публичного права:

1. Что касается *государственного права*, действующего внутри государства, то оно таит в себе вопрос: «Является ли для народа восстание правомерным средством сбросить с себя иго так называемого тирана (*non titulo, sed exercitio talis*¹⁶)?» Ответ на этот вопрос многие считают трудным, но он легко разрешается с помощью трансцендентального принципа гласности. Если права народа попораны, то низложение (тирана) будет правомерным, в этом нет сомнения. Тем не менее со стороны подданных в высшей степени неправомерно именно таким способом добиваться своего права, и они не могут жаловаться на несправедливость, если потерпят поражение в этой борьбе и вследствие этого подвергнутся самым жестким наказаниям.

Здесь многое можно сказать «за» и «против», если решить этот вопрос догматической дедукцией основ права: однако трансцендентальный принцип гласности публичного права не нуждается в многословии. Согласно ему перед заключением гражданского договора народ сам ставит себе вопрос, осмелится ли он публично провозгласить максимум своих намерений в случае восстания. Легко видеть, что если бы при установлении государственного устройства обусловить в известных случаях использование силы против верховного главы, то народ должен был бы претендовать на законную власть над ним. Но тогда тот не был бы верховным главой или, если бы и то другое было условием учреждения государства, последнее стало бы невозможным; между тем оно было целью народа. Неправомерность восстания обнаруживается также благодаря тому, что публичное признание его сделало бы невозможной его собственную цель. По необходимости ее следовало бы скрывать. Но последнее не было бы необходимым для верховного главы государства. Он может открыто объявить, что за каждое восстание будет карать смертью его зачинщиков, как бы они ни были убеждены, что именно он первым преступил основной закон. Ведь если верховный глава сознает, что он обладает *непререкаемой* верховной властью (это должно быть признано в каждом гражданском устройстве, потому что тот, кто не имеет достаточно власти, чтобы защитить каждого из подданных от другого, не имеет также права и повелевать им), то ему нечего опасаться повредить собственной цели обнаружением своей максимы. Аналогичным образом если народу удалось восстание, то верховному главе следует принять положение подданного и не поднимать контрвосстание, но и не бояться, что его привлекут к ответу за его прежнее управление государством.

¹⁶ Если не по титулу, то по поступкам (лат.).

2. Что касается *международного права*, то о нем может идти речь только в том случае, если предположить наличие какого-нибудь правового состояния (т.е. такого внешнего условия, при котором право действительно может стать уделом человека), потому что оно как публичное право уже в своем понятии заключает обнародование общей воли, определяющей каждому свое. Такое *status juridicus* должно проистекать из какого-нибудь договора, которому, однако, не нужно (подобно тому, из которого происходит государство) основываться на принудительных законах, но которое, во всяком случае, может быть договором *постоянно свободной* ассоциации подобно вышеупомянутому договору федерации различных государств. Ибо без определенного *правового состояния*, деятельно связывающего различных (физических или моральных) лиц, в естественном состоянии не может существовать никакого другого права, кроме частного. Здесь также проявляется спор политики с моралью (если рассматривать последнюю как учение о праве), в которой критерий гласности максим точно так же находит свое простое применение, но при условии, если договор связывает государства для того, чтобы поддерживать мир между собою и по отношению к другим государствам, но ни в коем случае, чтобы делать приобретения. При этом возникают следующие антиномии между политикой и моралью и одновременно способы их решения:

а) «Если одно из этих государств обещало что-нибудь другому — будь то оказание помощи, или уступка некоторых земель, или субсидия и т.д., — то возникает вопрос, может ли глава государства в случае, от которого зависит благополучие государства, уклониться от выполнения слова, потребовав, чтобы его как лицо рассматривали двояко: с одной стороны, как *суверена*, поскольку он в своем государстве ни перед кем не несет ответственности, но также и как *высшего государственного чиновника*, который обязан давать отчет государству; отсюда напрашивается вывод, что в качестве второго он свободен от обязательств, принятых в качестве первого». Но если бы государство (или его глава) огласило бы эту свою максиму, то любое другое стало бы его избегать и объединяться с иными, чтобы противостоять его притязаниям. Это доказывает, что при данной условии (гласности) политика при всей своей изворотливости потерпит крах, а ее максима неправомерна.

б) «Если соседняя держава, разросшаяся до чудовищных размеров, вызывает опасения, что она *захочет* подчинить соседей, поскольку она это может сделать, дает ли это право менее сильным для (объединенного) на нее нападения без предшествующего с ее стороны оскорбления?»

Государство, которое *провозгласило* бы подобную максиму, только ускорило наступление неминуемой беды. Ибо могучая держава упредила бы малые, а что касается их союза, то это хрупкая тростинка по сравнению с тем, кто умеет пользоваться принципом *divide et impera*. Данная максима государственной дипломатии, объявленная публично, необходимо препятствует собственной цели и, следовательно, несправедлива.

в) «Если малое государство своим расположением нарушает связь между частями более крупного, необходимую для его сохранения, не вправе ли последнее подчинить себе первое и присоединить его к себе?» Легко увидеть, что крупному государству не следует заранее оглашать подобную максиму, так как малые государства заблаговременно объединятся или другие державы вступят в спор из-за этой добычи. Следовательно, оглашение превращает максиму в недееспособную, а это признак того, что она несправедлива и даже в очень большой степени, ибо незначительность объекта не мешает тому, чтобы совершенная по отношению к нему несправедливость была весьма велика.

3. Что касается *всемирно-гражданского права*, то я обхожу его здесь молчанием, потому что по аналогии с международным правом легко можно показать и оценить относящиеся к нему максимы.

Принцип несовместимости максим международного права с гласностью представляет собой, конечно, яркий пример *несоответствия* политики и морали (как учения о праве). Нужно, однако, выяснить, каковы те условия, при которых ее максимы согласуются с правом народов. Ибо нельзя делать обратный вывод, что максимы, совместимые с гласностью, тем самым справедливы: тому, кто обладает твердой верховной властью, нет нужды скрывать свои максимы. Условием возможности международного права является прежде всего существование *правового состояния*. Ибо без него нет публичного права и все право, которое можно мыслить вне его (в естественном состоянии), есть только частное право. Но выше мы видели, что единственное *правовое* состояние государств, совместимое с их *свободой*, — это федерация, имеющая целью устранение войны. Итак, согласие политики с моралью возможно только в федеративном союзе (который, следовательно, в соответствии с принципами права дан а priori и необходим), и вся дипломатия государств имеет в качестве правовой основы установление такого союза в возможно большем размере. Без этой цели любое мудрствование неразумно и представляет собой замаскированную несправедливость. У подобной лжеполитики есть

своя *казуистика*, не уступающая лучшей иезуитской школе; это *reservatio mentalis*¹⁷: публичные договоры составляют в таких выражениях, которые при случае можно истолковать в свою пользу (например, различие между *status quo de fait* и *de droit*¹⁸); это пробабиллизм: другим ложно приписывают злые намерения или делают правовым основанием для подчинения других мирных государств вероятность их превосходства; это, наконец, *reccatum philosophicum*¹⁹: считают легко извинительной мелочью поглощение *малого* государства, если при этом выигрывает *большое*, что якобы служит всемирному благу.

Двуличность политики по отношению к морали проявляется в том, что она использует в своих целях то одно, то другое ее ответвление. И любовь к человеку, и уважение к *праву* людей есть долг: в первом случае *обусловленный*, во втором — *безусловный*, без оговорок повелевающий долг; и тот, кто решил предаться сладкому чувству благодеяния, должен сперва убедиться, что он его не нарушил. Политика легко согласуется с моралью в первом смысле (как этикой), подчиняя право людей их повелителю, но с моралью во втором значении (как учением о праве), перед которой ей следовало бы преклонить колени, она находит целесообразным не вступать в соглашение, предпочитая оспаривать ее реальность, а долг во всех его видах истолковать только как благое намерение. Такое коварство политики, пугающейся света, легко устранила бы философия, обнародовав ее максимы, если бы политика решилась на то, чтобы обеспечить философу необходимую гласность.

С этой целью я предлагаю другой трансцендентальный и положительный принцип публичного права, формула которого должна быть следующей: «Все максимы, которым необходима гласность (чтобы достичь своей цели), согласуются и с правом, и с политикой».

Ибо если эти максимы могут достичь цели только с помощью гласности, то они должны соответствовать общей цели общества (счастья), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состоянием) — истинная задача политики. Но если эта цель должна быть достигнута *только* благодаря устранению всякого недоверия к политическим максимам, то и они должны быть в согласии с правом общества, так как только так возможно соединение целей всех. Дальнейшее изложение и разъяснение этого принципа я дол-

¹⁷ Мысленная оговорка (лат.).

¹⁸ Фактический и юридический статус-кво (фр.).

¹⁹ Философское прегрешение (лат.).

жен отложить до другого случая, а увидеть то, что он есть трансцендентальная формула, можно, устранив все эмпирические условия (учение о счастье) как содержание закона и направив внимание только на форму всеобщей закономерности.

Если долг, если основанная на нем надежда состоят в том, чтобы реализовать хотя бы в бесконечном приближении состояние публичного права, то *вечный мир*, о котором до сих пор ложно возвещали мирные договоры (закреплявшие всего лишь состояние перемирия), представляет собой не пустую идею, но задачу, решение которой достигается постепенно и (так как время, необходимое для одинаковых успехов, становится все короче) непрерывно приближается к осуществлению.

*Перевод с немецкого
А.В. Гулыги*

Иоганн ФИХТЕ

**К ВЕЧНОМУ МИРУ.
ФИЛОСОФСКИЙ ПРОЕКТ ИММАНУИЛА КАНТА**

1796

Имя великого мыслителя, интерес к политическим событиям наших дней и ближайшего будущего, пристрастность различных оценок этих событий и стремление узнать, как бы их расценил великий человек, и, кто знает, какие еще причины побудили, без сомнения, всех любителей чтения приобрести это сочинение. И если бы теперь мы льстили себя мыслью, будто наша рецензия первая знакомит читателей этого журнала с сочинением Канта, то наша претензия была бы явно запоздалой. Но именно связь этого сочинения со злобой дня, легкость и доступность изложения и непретенциозная форма преподнесения автором своих возвышенных, всеобъемлющих идей могли бы ввести в заблуждение многих, кто, обратив внимание только на это, не увидел бы истинного значения данного труда и счел бы основной его идеей не что иное, как скромное желание, предложение, красивую мечту, которая могла бы доставить несколько приятных мгновений человеческой душе. Однако мы позволим себе обратить внимание читателя на наше противоположное мнение, состоящее в том, что основная идея сочинения нечто более значительное. Из этого сочинения Канта столь же строго, сколь и из других его трудов, можно заключить, что его основная идея заключена в природе разума, что разум просто нуждается в ее реализации и что она относится к числу тех целей природы, которые следует сохранить, но не уничтожить. Я позволю себе также заметить, что это сочинение полностью содержит если не основания, то по крайней мере результаты кантовской философии права и поэтому оно весьма значительно и в научном отношении.

Первый раздел. Вводная часть к вечному миру между государствами. 1) «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении была сохранена скрытая возможность новой войны»; в нем должны быть уничтожены тайные и явные причины будущей войны. Иначе был бы заключен не мирный договор, но перемирие, говорит Кант. Это неотъемлемо от понятия мира. На его основе, как полагает рецензент, договаривающиеся стороны вступают в правовые отношения друг с другом и ведут переговоры не о том, что они до сих пор оспаривали силой, но о всех тех правах, на которые претендует каждый ко времени заключения мирного договора. То, против чего нет категорических возражений (что свело бы на нет мир), признают молчаливо обе стороны.

2) «Ни одно самостоятельное государство (большое или малое, это безразлично) ни путем наследования или обмена, ни в результате купли или дара не должно быть приобретено другим государством», так как это, как и наем войск у того или иного государства, вообще идет вразрез с договорными отношениями между государствами. И что ясно само по себе — это противоречит вечному миру, который является целью договаривающихся сторон, а также было причиной многих войн и будет таковой и впредь.

3) «Постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть», так как они постоянно грозят войной и их создание, увеличение и содержание часто сами по себе оказывались причиной войн.

4) «Государственные долги не должны использоваться во внешне-политической борьбе», такого рода долги, как и постоянные армии, следует запретить, как средство, способствующее возникновению войн, и часто даже как причину неотвратимого финансового краха государства.

5) «Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в вопросы правления и государственного устройства других государств», даже под предлогом какого-либо скандала. Ведь всегда можно найти *scandalum asseptum* (удобный повод), и иностранное вмешательство само является большим скандалом.

6) «Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем, в мирное время, как, например, подсылка убийц, отравителей, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т. д.», так как это делает невозможным мир и приводит к *bellum internecinum* (истребительной войне).

Одновременно обращается внимание и на понятие *lex permissiva* (закон допущений). Это возможно только потому, что закон распро-

страняется не на все случаи, из чего, как полагает рецензент, нетрудно узреть, что нравственный закон, этот категорический императив, не может быть источником естественного права, так как он безусловен и не знает исключений, естественное же право дают только законы, которыми можно пользоваться или не пользоваться. Здесь не место говорить об этом предмете более обстоятельно.

Второй раздел содержит дефинитивные статьи о вечном мире между государствами. Все здесь построено на положениях, которые Кант уже выдвигал, которые вызвали немало толков и предпосылки которых здесь изложены не иначе как намеками: *«Всем людям, которые имеют возможность взаимно влиять друг на друга, следует принадлежать к какому-либо гражданскому устройству»*. «Каждый вправе относиться враждебно к другому, которого он призывает подчиниться этой конституции, если даже тот его до этого не оскорблял». Поскольку мы в своих исследованиях естественного права самостоятельно пришли к изложенным здесь и ниже выводам Канта и изложили свои взгляды публично еще до того, как взяли в руки рецензируемую книгу, то считаем себя вправе добавить несколько слов, чтобы смягчить удивление, вызванное этими положениями Канта.

О правах можно говорить лишь постольку, поскольку люди мыслятся во взаимных отношении друг с другом. Право — ничто вне таких отношениях, которые благодаря механизму человеческого сознания остаются незамеченными. Люди не могут быть изолированы друг от друга, а человек вообще немислим, если нет множества людей, объединенных друг с другом. Как могут существовать рядом свободные существа — вот высший вопрос всякого права. Ответ на него таков: совместное существование людей возможно лишь при условии, если каждый ограничивает свою свободу настолько, чтобы сохранить также свободу других. Действительность этого закона обусловлена общностью свободных существ. Она перестает существовать, как только эта общность оказывается невозможной. Она отпадает для всех тех, кто не может влиться в эту общность, а в эту последнюю не может войти тот, кто не подчиняется этому закону. Такой человек не имеет никаких прав, он бесправен. До тех пор пока люди живут вместе, не воздействуя еще друг на друга посредством взаимного знания, у нас нет оснований утверждать, подчиняются ли они указанному закону по внутреннему побуждению или нет. Поэтому никто не может с достаточным основанием знать, подчиняется ли другой закону внутренне или нет, так как этот другой столь же мало знает о самом себе, подчиняется ли он закону и, следовательно,

обладает ли он правом, или он бесправен. Каждый обязан заявить другому о своем признании законоправия, добиться такого же признания со стороны другого, и поскольку никто не может просто доверять другому, то каждый должен добиться *гарантий* от другого. Это возможно только при объединении людей во всеобщую сущность, в общество, в котором каждый принуждается соблюдать право. Кто этого не воспримет, тот обнаруживает свое неподчинение закону и становится совершенно бесправным.

«Всякое законодательство поэтому заключает в себе (согласно Канту) в отношении к лицам, им охватываемым: 1) *право государственного гражданства людей, объединенных в данный народ* (jus civitatis); 2) *международное право, касающееся отношений государств между собой* (jus gentium); 3) *право всемирного гражданства*, так как люди и государства, поскольку они находятся во внешних, взаимовлияющих отношениях, должны рассматриваться как граждане общечеловеческого государства (jus cosmopoliticum)».

Поэтому, как это может заключить каждый, согласно Канту, не существует никакого естественного права, нет никаких правовых отношений людей, кроме прав, возникающих при подчинении должительным законам и власти. Существование в государстве — единственное естественное состояние человека. Таковы безошибочные выводы, если мы правильно дедуцируем понятие права.

Первая дефинитивная статья: «Гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским». Такое устройство само по себе единственно законное, основанное на гражданском праве, и приводит к вечному миру, требуемому международным правом. При этом не следует думать, что граждане решатся брать на себя все бремя войны с той величайшей легкостью, с какой решает за них монарх, ничего не теряя при этом...

Рецензенту кажется недостаточно определенным, по крайней мере подающим повод для неверных толкований, предлагаемое автором разделение законодательной и исполнительной власти. Рецензент полагает, что законодательная власть, противопоставляемая исполнительной, должна быть освещена более обстоятельно. Если мне дозволено дополнить мнение Канта собственным пояснением, то я нахожу, что высший, основанный на праве закон дан посредством чистого разума: каждый ограничивает свою свободу лишь в той степени, в какой это необходимо для сохранения свободы других. В какой степени каждый должен отступить от своей свободы, то есть от собственности

в самом широком смысле слова, должны решать сами договаривающиеся стороны. Закон всегда формален, он касается лишь того, что каждый *должен* ограничивать свою свободу, но он не *материален* и не устанавливает, в *какой степени* каждый должен ограничивать ее. По этому вопросу люди сами должны найти приемлемое для всех решение. Независимо от этого закон требует, чтобы каждый в этом отношении ясно определился. Высшая формула уголовного законодательства дана также чистым разумом: каждый должен отступить от своего права в такой мере, в какой он требует, чтобы отступился другой. Положительный закон определяет для созданного людьми государства количество людей, объединяемых в государство, районы, которые они заселяют, и виды продовольствия, которые они производят. Каждый может устанавливать для объединенных в государство людей положительный закон, если он располагает указанными данными. Все те, которые желают вступить в гражданство этого государства, обязаны признать закон, и здесь нет нужды для сбора голосов. Каждый должен сказать: я желаю стать гражданином этого государства, и этим решается все. Общество не должно само непосредственно осуществлять право принуждения, так как в таком случае оно стало бы судьей в собственных делах, что недопустимо. Оно должно передавать эти функции или одному человеку, или целому органу, и благодаря этому отделению функций общество становится *народом* (plebs). Этот орган не может иметь никаких иных функций, кроме приведения в исполнение того, что правомерно. Он несет за это ответственность, и общие или частные формы применения правовых установлений можно оставлять в известных случаях в компетенции этого органа. Это неоспоримо. Все лица беспрекословно подчиняются этому органу, и любое сопротивление ему есть мятеж. Только народ может быть судьей в вопросе о том, в какой степени этот орган руководствуется законом: это преимущественное право народа. Но пока этот орган пользуется своей властью, нет народа, но есть лишь совокупность подданных. И ни одно лицо не может, не рискуя стать мятежником, сказать, что народ должен объявить себя народом, также и исполнительная власть не скажет этого никогда. Народ может конституировать только себя, но он не может конституировать себя, если он не существует. Поэтому исполнительной власти должен быть придан дополнительный орган, который не направляет ее, но, как только устанавливает, что свобода и правопорядок находятся под угрозой, призывает к суду народа всегда лишь под своей собственной ответственностью.

Вторая дефинитивная статья: «Международное право должно быть основано на *федерализме* свободных государств». Нет международного права, оправдывающего войну. Право — это мир. Война вообще не является правовым состоянием, и, если бы это состояние было соблюдено, не было бы никакой войны. Мы об этом говорим лишь вскользь, как и Кант. Вряд ли можно найти что-либо более несуразное, чем понятие *право войны*.

Для государств, желающих выйти из противозаконного состояния войны друг с другом, нет иного средства, чем то, которым пользуются отдельные государства, то есть того средства, при помощи которого отдельные государства становятся гражданским государством, а также объединяются в международную систему государств, в рамках которой спорные вопросы решаются при помощи положительных законов. Таково, во всяком случае, решение вопроса на основе чистого разума, и предложенный Кантом союз народов есть то переходное состояние, посредством которого человечество сможет достичь своей великой цели (международного объединения), точно так же как и сами государства возникли на основе оборонительного союза, заключенного между собой отдельными лицами.

Третья дефинитивная статья: «*Право всемирного гражданства* должно быть ограничено условиями всеобщего *радушия*», то есть оно должно быть основано на праве каждого человека найти дружеский, а не враждебный прием при вступлении его на землю любого государства. Для осуществления этого государство, опираясь на принципы государственного права, могло бы действовать вполне правомерно.

Добавление. О гарантии вечного мира. Если мы считаем установленным, что идея вечного мира как задача имманентна чистому разуму, то на основе чего мы может сказать, что она является чем-то большим, чем чистое понятие, и что она может быть реально осуществлена? На основе природы, говорит Кант, на основе связи вещей, установленной механизмом природы. Согласно трем видам правовых отношений, природа должна ставить три цели.

Прежде всего, чтобы по постулату права государственного гражданства побудить индивидов объединиться в государство. Если не внутренние разногласия, то, пожалуй, военная угроза извне принудила бы людей объединить свои силы. Форма этого объединения постепенно все более и более приближается к правовой и законной, так как к этому принуждают тяготеющие над всеми несправедливость и насилие. Так что люди в конце концов для своей же выгоды начинают делать то, что сообразуется с правом.

Далее, хотя по постулату международного права народы разъединены вследствие различия в языке и в религии, что часто порождало войну, но в конце концов в результате возникающего равновесия должен быть установлен постоянный мир. В-третьих, этому способствует торговля, создающая на основе выгоды отдельных сторон надежную базу, которую вряд ли могло создать право всемирного гражданства.

Мы хотели бы для пояснения изложить, как мы понимаем этот вопрос. Всеобщая неуверенность, присущая всякому противоречащему праву строю, так сильно тяготеет над всеми, что невольно думаешь, что люди уже давно для своей же выгоды, являющейся единственным стимулом создания основанного на праве государства, должны были быть заинтересованы создать его. Но этого не произошло. По-видимому, преимущества беспорядка все еще преобладают над преимуществами порядка. Значительная часть людей при всеобщем беспорядке приобретает больше, чем теряет, а у тех, кто только теряет, остается надежда, что он также выиграет. Так обстоит дело. Наши государства еще слишком молоды, чтобы называться таковыми, отношения между различными сословиями и семьями еще недостаточно твердо установлены, и у них остается лишь надежда, ограбив других, обогатиться самим. Блага, созданные в наших государствах, еще не все распределены и использованы, многое еще можно требовать и захватывать, и, наконец, если у себя дома все уже исчерпано, то угнетение других народов и континентов посредством торговли — постоянный и обильный вспомогательный источник. Пока все это остается, несправедливость еще далеко не так тягостна, чтобы мы могли рассчитывать на ее всеобщее устранение. Но как только большинство считает более надежным сохранить то, что у него есть, чем стремиться к сомнительному приобретению того, чем владеют другие, тогда наступает строй, основанный на праве и разуме. В конечном счете к этому должны прийти и наши государства. Постоянные столкновения между сословиями и семьями приведут наконец к равновесию (*Gleichgewicht*) в имуществе, при котором каждый будет чувствовать себя более или менее сносно. Благодаря росту народонаселения и производства продуктов питания богатства государства будут наконец открыты и распределены. Другие народы и континенты благодаря развитию также наконец придут к такому состоянию, что не позволят более, чтобы их обманывали в торговле и уводили в рабство, так что исчезнет последний стимул грабежа и хищничества.

Итак, мы имеем полное основание ожидать, что какой-либо народ осуществит на деле эту теоретически столь легко решаемую проблему единственно правомерного государственного устройства и достигнутым таким образом счастьем побудит другие народы подражать ему. Если подходить с этой точки зрения, то поступательное движение природы к созданию справедливого государственного строя само по себе уже существует. Как только, однако, это будет осуществлено, то во всех государствах, основанных на этих принципах, будут установлены отношения, основанные на международном праве, вечный мир, так как эти государства в войне только потеряют, не приобретая ничего. Напротив, до достижения первой цели нельзя думать о достижении второй, так как государство, которое несправедливо по своему внутреннему устройству, неизбежно стремится к ограблению соседей, чтобы дать некоторый отдых своим обескровленным гражданам и завладеть новыми вспомогательными источниками.

Приложение *о несогласии между моралью и политикой в их отношении к вечному миру*, содержит множество метко сказанных истин. Прислушаться к этим словам должен каждый, душе которого присущи правдивость и прямота.

*Перевод с немецкого
Ц.Г. Арзаканяна*

Иоганн ГЕРДЕР

ПИСЬМА ДЛЯ ПООЩРЕНИЯ ГУМАННОСТИ

1793–1797

Ныне, в дни одной из самых несчастливых войн, когда мир даже на короткое мгновение кажется невозможным, много говорят о планах вечного мира¹. В связи с этим я хочу поведать вам об одной действительной попытке осуществить эту цель словами того, кто сообщил мне об этом.

К ВЕЧНОМУ МИРУ

Опыт ирокезов

Некогда делававары обитали в районе Филадельфии и дальше в сторону моря. Из этих мест они часто совершали нападения на поселки чироков; ночью они незаметно присоединялись к пляшущим и совершали многочисленные убийства. Еще ожесточеннее и продолжительнее были войны делававаров с ирокезами. По утверждению делававаров, они всегда превосходили в силе ирокезов, так что последние наконец поняли, что дальнейшее продолжение войны неизбежно приведет к их полному истреблению.

И тогда ирокезы направили делававарам послов со следующим письмом: «Прискорбно, что племена ведут между собой войну. В конце концов она повлечет за собой гибель всех индейцев. Поэтому мы нашли средство предотвратить это зло. Нужно, чтобы одно племя стало “девой мира”. Это племя мы поместим в середину; другие воинственные племена назовут себя *мужчинами* и поселятся вокруг девы. Никто не должен трогать деву, тем более причинять ей зло, а если кто-нибудь совершит этот проступок, то немедленно все обратятся к нему со словами: “Зачем ты обижаешь женщину”. Все *мужчины* должны будут напасть на того, кто ударил *деву*. Сама дева не имеет права

¹ Имеются в виду Наполеоновские войны.

начинать войну, наоборот, она обязана всячески стремиться к сохранению мира. Если окружающие ее *мужчины* начнут избивать друг друга и война станет ожесточенной, дева должна найти в себе силы обратиться к ним со словами: “Мужчины, что вы делаете? Подумайте о своих женах и детях, они погибли, если вы не остановитесь! Неужели вы хотите истребить друг друга?” И *мужчины* должны прислушаться к голосу девы и повиноваться ей».

Делавары согласились стать девой мира. Ирокезы по этому поводу устроили большое празднество, пригласили на него делаваров и обратились к их представителям с речью, содержащей три пункта: во-первых, они объявили народ делаваров девой мира. «Мы надеваем на вас длинную юбку, до самых ног, и украшаем вас серьгами», — заявили они, дав тем самым понять, что отныне делавары не должны больше иметь дела с оружием. Второй пункт гласил: «Мы вручаем вам сосуд с елеем и целебными средствами. Промойте глаза другим народам, чтобы они видели доброе и не видели злого. Употребите эти средства для того, чтобы вернуть заблудшие народы на путь истины и обратить их сердца к миру». Третий пункт, который призывал делаваров заняться земледелием, был выражен следующим образом: «Мы даем вам заморские колосья и мотыгу в руки». Каждый пункт был подтвержден ожерельем из раковин. Эти ожерелья тщательно хранились, и время от времени индейцы вспоминали их значение.

После этого необычного мирного соглашения ирокезы стали называть делаваров своими *племянниками*, а три делаварских рода называли друг друга *партнерами* по игре. Эти обращения употреблялись, однако, только во время совещаний и в других торжественных случаях. С того времени народ делаваров стал хранителем мира, ему было дано на сохранение великое ожерелье мира, доверена цепь дружбы. Он должен был хранить ее в целости и сохранности. Эта цепь, по представлению индейцев, лежит на их плечах, один конец находится в руках других индейских народов, другой — в руках европейцев².

Такова история ирокезов. Европа знала времена, когда духовенство претендовало на роль девы мира. На нем также были длинные одеяния, а в руках — целебные средства. Духовенство, однако, обвиняют в том, что вместо поддержания мира оно подстрекало к войнам. Во всяком случае его целебные средства не открыли глаза народам, не помогли больным.

² *Laskiels. Missionersgeschichte in Nordamerika. S. 160.*

Должны ли мы вместо него обрядить в женские одежды какой-либо целый народ в центре Европы и возложить на него роль судьи мира? Какой народ?

И как сможет он охранять мир, когда опустошительные войны зачастую ведутся из-за пушнины в Гудзоновом заливе, из-за участков земли в Парагвае, о месторасположении которых сами организаторы войны имеют лишь смутное представление, из-за гаваней в Тихом океане, из-за капризов правителей. Как часто войны начинаются вследствие прихоти монарха или низкой интриги министра! История действительных причин европейских войн начиная с Крестовых походов представляла бы собой нечто гораздо большее, чем «Гудибрас»³ — самое ужасное обличение, написанное когда-либо. В мире, где войны подготавливаются и развязываются в глубине министерских кабинетов, все усилия *девы мира* были бы напрасны.

К сожалению, и у дикарей это средство недолго служило своей цели. Когда вторгались европейцы, по требованию мужчин самой деве мира пришлось принять участие в обороне. Сначала, как выражались индейцы, ей только укоротили юбку, но затем ей пришлось совсем с ней расстаться и взять в руки томагавк. Чужое, непредвиденное насилие разрушило прекрасный мирный проект дикарей, и так будет всегда, пока древо мира не пустит прочные и глубокие корни внутри каждого народа.

Какие только иные средства не применялись людьми, чтобы остановить воинственные народы и преградить им пути! В горах строились стены, пограничные области превращались в пустыни, о которых придумывались устрашающие легенды. В Азии священная *империя* должна была положить конец набегам монголов, *великий лама* должен был выполнять роль девы мира. В Африке обелиски и храмы были местом, где свободно велась торговля, где возникло законодательство хозяйства. В Греции оракулы, амфикионы, паниони, Ахейский союз и т.д. способствовали если не вечному, то, во всяком случае, длительному миру, с каким успехом — показало время. Самое лучшее, если бы народы могли не соприкасаться друг с другом, как это происходит при торговле в Центральной Африке. Одно племя оставляет свои товары и удаляется, другое поступает аналогичным образом, и так совершается обмен. Если бы они увидели друг друга, обман и брань были бы неизбежны. Моя великая дева мира носит

³ «Гудибрас» — сатира на пуритан английского поэта С. Бэтлера (1612–1680).

иное имя. Ее целебные средства действуют не сразу, но зато безошибочно; рассказать о ней разрешите в следующем письме.

Мою великую деву мира зовут *всеобщая справедливость, человечность, деятельный разум*.

Однажды мне довелось прочитать одну глубокомысленную рукопись, в которой принципы, лежащие в основе человеческой истории, были охарактеризованы следующим образом: 1) Люди умирают, чтобы освободить место другим. 2) Так как умирает людей меньше, чем рождается, природа расчищает место насильственными средствами. 3) К этим средствам принадлежат не только чума, неурожай, землетрясения, геологические катастрофы, но также народные революции, опустошения, войны. 4) Подобно тому как один вид животных сокращает численность другого, так и человечество сохраняет себя в определенной пропорции, исключая возможность перенаселения. 5) Следовательно, внутри него действуют как *созидательные*, так и *разрушительные* начала.

Эта ужасная точка зрения, вселяющая в нас страх и трепет перед собственным родом, заставляет приглядываться к каждому и задумываться над тем, плотоядное он или травоядное животное, несет ли он в себе *созидательную* или *разрушительную* силу. Природа не лишила нас средств, позволяющих обезопасить себя от разрушительной части собственного рода, однако эти средства она вложила не в наши руки как оружие, а в наши головы и сердца. *Всеобщий человеческий разум и справедливость* — вот матрона, несущая елей и целебные средства и ветвь с плодами не только как символы, но и как успокоительное средство, которое приведет если не к вечному миру, то во всяком случае к постепенному сокращению войн.

Поскольку мы вступили на путь достопочтенного аббата Сен-Пьера, разрешите мне по его примеру без ложного стыда четко определить обязанности великой девушки мира (*paх sempiterna*). Она должна в соответствии со своим именем и своей природой способствовать *распространению мирных убеждений*.

ПЕРВОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Отвращение к войне

Война, если она не вынужденная самооборона, а бездушное нападение на мирный соседний народ, есть зверское, самое бесчеловечное начинание, которое угрожает истреблением и опустошением

не только народу, подвергнутому нападению, но в равной мере и народу, развязывающему войну. Что может быть отвратительнее для высшего существа, чем зрелище двух армий, уничтожающих друг друга без всякой причины? А спутники войны, еще более ужасные, чем она сама, — болезни, лазареты, голод, чума, грабежи, насилие, опустошение страны, распад семьи, одичание нравов на многие поколения? Все благородные люди обязаны повсеместно распространять это убеждение: отцы и матери должны так поведать детям о том, что они пережили во время войны, чтобы это ужасное слово «война», которое так легко произносится, люди не только возненавидели бы, но не решились бы его выговорить или написать и произносили бы с таким же трепетом, с каким упоминают о безумии, чуме, голоде, землетрясении, оспе.

ВТОРОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Меньшее почтение к военной славе

Все шире и шире надо распространять убеждение в том, что *геройский дух*, проявленный в завоевательных войнах, есть вампир на теле человечества и отнюдь не заслуживает той славы и почтения, которые воздают ему по традиции, идущей от греков, римлян и варваров. Возвышенный герой, сколько бы присутствия духа, способности оценивать и предвидеть события от него ни потребовалось, всегда будет перед битвой и после нее оплакивать дело, которому он служит, и согласится с тем, что отцу народа необходимо обладать благородными дарованиями, непрестанно совершенствовать их, ему нужен характер, который не обязан своими успехами одному дню и не делит их с чистым случаем и слепой удачей. Объединенными усилиями всех обладающих разумом надо развеять ложный ореол, окружающий имена *Мария, Суллы, Атиллы, Чингисхана, Тамерлана*, пока наконец всякий образованный ум не поймет, что песни о них столь же героичны, как и песни про разбойника Липса Туллиана.

ТРЕТЬЕ УБЕЖДЕНИЕ

Отвращение к ложному государственному искусству

Необходимо все решительнее разоблачать *ложное государственное искусство*, которое видит славу правителя и счастье подданных в

расширении границ, захвате чужих провинций, увеличении доходов, в ловких интригах, самодержавном произволе, хитрости и обмане.

Мазарини, Лувуа, Дютерре и им подобные в глазах не только честных, но и более мягкотелых людей должны выглядеть так, как они есть на самом деле, с тем чтобы стало ясно как дважды два четыре, что всякий обман, используемый ложным государственным искусством, есть, по сути дела, самообман. Всеобщий голос протеста одержит победу над *государственными рангами* и их знаками отличия, над навязчивым фиглярством и тщеславием, над впитанными с молоком матери предрассудками. Мне кажется, что в презрении к некоторым из этих вещей люди ушли уже далеко вперед, может быть, даже слишком далеко; дело заключается в том, чтобы все достойное, исходящее от государства, ценить и уважать в той степени, в какой оно способствует воспитанию в человеке человечности.

ЧЕТВЕРТОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Очищенный патриотизм

Патриотизм необходимо все более решительно очищать и облагораживать. Пусть каждый народ поймет, что не в глазах других народов и не в устах потомков, а сам по себе он должен стать великим, прекрасным, благородным, богатым, благоустроенным, деятельным и счастливым и что только тогда всеобщее уважение будет сопутствовать ему как тень. С этим пониманием необходимо соединить чувство отвращения и презрения к тем, кто беспричинно покидает свою страну, кто вмешивается в иностранные дела, участвует в них и бессмысленно подражает им, нанося вред своим делам, своим обязанностям, своему покою и благополучию. Надо высеивать и окружать презрением тех, кто спорит, ссорится, чернит, ненавидит и преследует друг друга из-за событий, происходящих за рубежом, которых они не знают и не понимают, в которых они ничего не могут изменить и которые вообще их совершенно не касаются. Их нужно рассматривать как бандитов и убийц, которые безумными выходками во имя чужого дела нарушают спокойствие своих соотечественников. Пора понять, что стать кем-либо можно лишь на том месте, на котором ты стоишь, на котором ты должен кем-нибудь быть.

ПЯТОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Чувство справедливости к другим народам

Вместе с тем каждому народу должно быть неприятно, когда бранят и обижают другой народ; у народов постепенно должно пробудиться чувство солидарности, для этого каждый должен поставить себя на место другого. Тогда всеобщую ненависть будет вызывать наглый узурпатор чужих прав, покушающийся на чужое благосостояние, дерзкий обидчик, попирающий чужие обычаи и нравы, хвастливый авантюрист, ради своей выгоды навязывающий народам то, что им нежелательно. Любая попытка под каким бы то ни было предлогом нарушить границы, обратить соседа в рабство, навязать ему своих богов и лишить его национальных святынь — религии, искусства, привычного образа жизни — встретит врага в каждом народе, который посмотрит на себя и промолвит: «А что, если бы это случилось со мной?» С ростом подобного чувства незаметно возникает *союз всех просвещенных народов*, направленный против любой агрессивной державы. Скорее приходится рассчитывать на этот мирный союз, чем на предложенное Сен-Пьером формальное соглашение кабинетов и дворов. От них не дождешься первых шагов, но и они в конце концов вынуждены будут вопреки сознанию и воле подчиниться голосу народов.

ШЕСТОЕ УБЕЖДЕНИЕ

О торговых притязаниях

Чувство человечности громко выражает возмущение по поводу наглых притязаний в торговле, когда угнетенные народы приносятся в жертву ради барышей. Торговля, даже если она совершается в силу самых благородных мотивов, должна не разделять, а объединять людей; уже в детском возрасте надо понять ее пусть не самое благородное, но все же несомненное общественное и личное значение. Для этого существуют моря, дуют ветры, стремятся потоки. Если один народ вознамерился закрыть море для другого народа, запретить ему пользоваться силой ветра, это должно вызвать всеобщее возмущение народов, все более осознающих значение международных связей, противостоящих порабощению свободных стихий, про-

тивостоящих похитителю высшего блага, противостоящих наглому захватчику сокровищ и богатств природы. Ради его престижа, ради его алчности добровольно не прольется ни одна капля крови, как только всеобщим достоянием станет следующая правильная мысль, высказанная одним замечательным человеком, о том, что *«интересы торгующих держав отнюдь не сталкиваются и что от взаимного всеобщего благосостояния и сохранения непрерывного мира эти державы могут получить величайшую выгоду»**.

СЕДЬМОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Деятельность

Наконец, *колос*, врученный *индейской деве мира*, — мощное оружие против меча. Чем больше будут люди пожинать плоды полезной деятельности и проникаться сознанием того, что боевой секирой нельзя ничего создать, но многое можно разрушить; чем скорее станут жалкими и смешными позорные предрассудки о божественном призвании рожденной для войны касты, в которой якобы течет геройская кровь Каина, Немврода и Ога, царя Васанского, тем большим уважением и будет пользоваться венок из колосьев, яблоневая и пальмовая ветви по сравнению с печальным лавром, «который растет подле мрачного кипариса и вместе с крапивой и терниями вызывает лишь раны и язвы...»

Постепенное распространение этих принципов — вот елей и целебное средство разума той великой богини мира, к речам которой

* *Пинто* о торговом соперничестве. Перевод сборника «Собрание статей, относящихся главным образом к важным проблемам государственной науки». Лигниц, 1776. Автор упомянутого сочинения приводит следующее место из Бюффона: «Эпохе голода и обезлюдения, когда человек утрачивает приобретенное по наследству, варварским столетиям, когда все гибнет, всегда предшествуют войны. Человек, который только в массе может добиться чего-либо, который силен только объединением и связями с себе подобными, который может быть счастлив только благодаря миру, вдруг впадает в неистовство, вооружается себе на горе и сражается себе на погибель. Возбужденный ненасытной алчностью, ослепленный неутомимым тщеславием, заглушая в себе человеческие чувства, направляет он свои силы против самого себя; уничтожая других, он подготавливает собственную гибель. Когда кровопролитие и туман славы развеян, перед его печальными глазами встанет опустошенная земля; он видит, что искусство погибло, народы ослаблены, его собственное счастье и подлинное могущество уничтожены».

в конце концов прислушивается каждый. Незаметно действует ее целебное средство, мягко стекает елей, тихо переходит она от народа к народу, повторяя слова индейцев: «Брат, внук, отец, я несу тебе знак дружбы и целебное средство. Я промою тебе глаза, чтобы они зорко смотрели, я очищу тебе уши, чтобы они хорошо слышали, я хочу, чтобы моя речь была тебе приятна, ведь я пришла недаром, я принесла слово мира».

И каждый, к кому она обратится, ответит ей: «Сестра, добро пожаловать. Я очищу твои ноги от колючек, которые пристали к тебе в пути, я помогу тебе отдохнуть и набраться сил. Кровавую секиру и копье мы зароем в землю и вырастим на этом месте деревья высотой до самого неба. До тех пор пока солнце и месяц восходят и заходят и светят нам, до тех пор пока звезды сияют на небе и воды текут на земле, будет длиться наша дружба»*.

И если, как я почти уверен, формально вечный мир будет заключен лишь в день Страшного суда, тем не менее ни один принцип, ни одна капля елея, подготовлявшие его даже в самые отдаленные времена, не пропадут даром.

*Перевод с немецкого
А.В. Гулыги*

* Все это подлинные выражения американских индейцев при заключении мира и посвящении девы мира.

Иозеф ГЁРРЕС

ВСЕОБЩИЙ МИР — ИДЕАЛ

1798

Нежной покамест листвою зеленеет младенческий возраст,
Юную надо щадить. Пока жизнерадостно к небу
Веточки тянет она и, свободная, в воздух стремится,
Листьев касаться серпом не следует острым ...

Вергилий. Георгики. 2, 362–365

НАЦИИ ФРАНКОВ — НЕМЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНЕЦ

Когда в ребяческую пору мира неиспорченный естественный человек с благодарностью приносил своему племенному богу первые произведения свои, божество несомненно с удовольствием взирало на простодушного жертвователя — простоватость его вызывала улыбку, а вид созданного радовал.

О могущественная нация! Я и сам в положении тех бесхитростных детей природы; нет у меня иного дара для тебя, кроме своего первенца. Образ и подобие отца, он разделяет его ненависть к тирании и угнетению, но разделяет и пылкую любовь к свободе и дух республиканства. К твоим стопам приношу свой дар, возлагая его на алтарь отечества. Да будет дар приятен; да услышишь в лепете его чувства, одушевляющие отца; да убедит он тебя, если только нужны еще свидетельства того, что чистое республиканство процветает и на немецкой почве!.. Тогда не расскажешь в том, что произвел его на свет в муках.

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде чем приступить к изложению того, что надлежит мне поведать здесь, несколько слов об истории создания этих страниц. Фундамент целого был заложен уже два года тому назад — тогда, когда армия Журдана¹ стояла во Франконии: все казавшееся тогда смелым стало обыденностью вследствие бурного развития событий. Статью должен был напечатать один журнал. Однако поскольку все журналы по левую сторону Рейна закрылись, то статью пришлось отложить и забыть о ней на целый год. Заключение перемирия побудило меня вновь приняться за статью. Она была полностью переработана и должна была выйти в свет отдельным изданием при заключении окончательного мира, но так сильно было могущество аристократии, так бдительно контролировала она все типографии, что по эту сторону Рейна я во всей стране не сумел найти ни издателя, ни печатника. Цизренанская федерация² еще не начала тогда своих операций, и на свободу печати был наложен известный запрет. Итак, чтобы не видеть свои идеи навек утерянными, мне не оставалось ничего, кроме как переслать Директории рукопись своего труда. Так я и поступил 17 мессидора года V, сопроводив рукопись письмом-обращением, и 14 фрюктидора получил ответ, который и прилагаю — не из любви к славе, что чуждо моей натуре, но для истории...³

Шло время. Федерация восстановила свободу печати, и я решил отдать все целое в печать; однако занятый делами именно этого сообщества, я вынужден был оставить неразработанным многое из того, что охотно развил бы. Будучи совершенно отрезан от научной литературы Германии по ту сторону Рейна и от литературы Франции, я не знал ничего из того, что имело бы отношение к моему предмету, за исключением работ, которые цитируются в самом тексте. В отношении религиозных материй я почти во всем следовал великолепному первооткрывателю наукоучения⁴, в отношении же политических дел заметно отошел от него; причины последнего — перед глазами каждого, кто пожелает их изучить. Если по случайности я схожусь в чем-то с кем-либо из тех, кто трудится на одной ниве со мною, с тем большей

¹ Журдан — генерал наполеоновской армии.

² Союз городов на левобережье Рейна. Был провозглашен в сентябре 1797 года.

³ Ответ был благожелательным.

⁴ Имеется в виду И. Фихте.

уверенностью читатель может полагаться на правильность полученного нами результата. Ведь было бы странно, если бы разные люди, никогда не слыхавшие друг о друге и рассматривающие предмет всякий раз под разным углом зрения, одинаково заблуждались, если только они не допустили ошибку сознательно. Если же я в чем-то ошибаюсь, то всякий, кто переубедит меня, может рассчитывать на мою благодарность. О внешней стороне я позаботился, ибо раз и навсегда решил не отпускать от себя чад своих в обличье санкюлотов.

Писано в месяце фример года VI⁵

ВВЕДЕНИЕ

«Установлены ли до сих пор с какой-либо точностью границы прав, будь то права различных обществ, будь то права, какими эти общества пользуются в отношении своих членов во времена беспорядков, разделяющих общество, будь то, наконец, права индивидов, добровольных союзов, когда таковые складываются вольно и изначально либо же по необходимости распадаются?»⁶

...Когда космологу необходимо в виде целостного синтеза определить законы и отношения между частями мироздания и между частями и целым, он исходит из первозданного состояния хаоса и, основываясь лишь на эмпирическом понятии материи, являет посредством целого ряда логически связанных умозаключений всю последовательность результатов, которые вытекают из такой предпосылки, и все многообразие комбинаций, которое выступает как ее следствие. Самые запутанные явления он возводит к наипростейшим причинам, физические законы объясняет законами космоса. Он разворачивает картину революций, вызываемых самым незначительным изменением таких законов во взаимосвязанных с ними сторонах, исследует причины, которые ускоряют, задерживают, а то и уничтожают процесс поступательной организации бесформенного правешества, следуют за всеми плетениями природы, начиная с первой нити, соединяющей эту сеть с чувственным миром, и кончая самыми сложными

⁵ Т.е. в ноябре — декабре 1747 года.

⁶ *Кондорсе*. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

лами; короче говоря, он превращает относительную бесплановость — самую большую, какая только может быть, — в планомерность, по возможности абсолютную.

Так поступает и космополитик: в пространстве он возносится на такую высоту, где в поле его зрения оказывается все человечество, во времени он переносится в такой период, где не существуют или распались все общественные союзы и род человеческий прозябает в состоянии анархии, а затем он берет за основу сложносоставное понятие человека как животного-духовного существа со всеми присущими ему силами и страстями и смотрит, как в этом состоянии всякий индивид, становясь первейшей целью, обретает полную самостоятельность, когда все физические и моральные законы притяжения и отталкивания свободно проявляются, а хаос длится всего лишь мгновение, по прошествии которого начинается вновь упорядочиваться неоформленная материя.

Гуманность и физическая потребность еще раньше препятствовали рассеиванию всей массы; эгоизм и направляемая им телесная сила и раньше содействовали распаду целого; теперь же на глазах космополитика отдельные индивиды как бы в процессе химического взаимодействия кристаллизуются в форме семей (аналогично явлениям космоса). Если при этом элементы народов гетерогенны, т. е. если между элементами существуют различия рас, то вследствие медленного и постоянного действия одних и тех же тяготений гомогенные элементы будут постепенно присоединяться друг к другу, пока не заполнят известное пространство со случайными конфигурацией и границами (пространство, которое своими местными условиями в свою очередь может воздействовать на специфические отличительные черты народа).

Так наблюдателю уже в грубом очерке бросается в глаза великая закономерность. У его ног гигантская карта, разделенная на четыре больших поля, занятая таким же числом человеческих рас, которые в точках соприкосновения переходят друг в друга посредством неприметных нюансов.

Мерные, неударжимые волны пластического влечения постепенно складывают в каждом из полей названные элементы, образуя племенные стволы; переплетаясь и ветвясь, эти человеческие племена покрывают все материки нашей планеты, сообразуясь с горными хребтами, у подножия и на вершине которых живут люди.

Если при этом материя распределена неравномерно и, следовательно, сила притяжения, ставшая теперь космической, в одном месте действует сильнее, чем в другом, то людские племена, в свою

очередь, будут тяготеть к нескольким средоточиям — так возникают государства, из которых одни с течением времени сольются с другими, а некоторые сохраняют самостоятельность.

Так космополитик, исходя из своих наблюдений, показывает, как могучая пластическая сила складывает в четыре упорядоченных объема со специфическими различиями между ними всю бесформенную материю, как противодействующая пластической силе реакция заставляет каждое из этих тел распасться на множество различных механических частей, которые в свою очередь вновь и вновь разделяются, пока наконец все деление не дойдет до последнего атома — отдельного индивида. Обязанность космополитика состоит в том, чтобы на основании фундаментальных законов этой монады вывести ее сложные соединения, однократные и многократные, установить отношение государств к индивидам, государствам и расам, отношение различных рас между собой и такой способ организации, при котором все эти отношения наиболее полезны для целого и для всех его частей. Космополитик обязан обозначить путь природы, путь, каким природа, проводя человечество через школу несчастий, ведет его к цели; он обязан указать средства, к каким должны прибегать расы, народы и отдельные лица для того, чтобы ускорить, насколько это в их силах, медленный ход природы, средства, сообразные гению каждого из этих многообразных единств; так, космополитик, передавая выведенные им формулы в руки практика, своими усилиями приблизит к нам — после множества флуктуаций, ферментаций, переворотов — тот счастливый момент, когда силы влечений, перестав быть всепроникающими, станут действовать лишь на плоскости и, подчиненные силам движения, утратят свое господство, — тогда человечество, освободившись от ярма страстей, либо совсем не будет нуждаться в каком бы то ни было укладе, либо будет обладать укладом наилучшим из возможных; в полнейшем обладании всеми своими до конца развитыми силами и унаследованными правами человечество исполнит тогда высокую цель природы и превратит нашу планету в самое совершенное небесное тело.

Однако если в наше время астрономия едва отваживается выйти за пределы Солнечной системы — ведь лишь недавно Гершель позволил нам предположить, как организована наша система Млечного Пути, поручившись за существование неограниченного множества иных Млечных Путей за пределами нашего, — коль скоро в физике и химии блуждает еще немало элементарных веществ, понятие которых несводимо к первоначальному понятию материи, коль скоро,

говору я, в такую эпоху неразумно ждать, чтобы кто-либо удовлетворил требованиям, предъявляемым к космологу, то в наши дни не может быть и речи о том, чтобы кто-либо исполнил все обязанности космополитика. Ибо воистину век, когда человечество словно просыпается от тяжелого сна, впервые может ощутить свою личность и живо требует возвращения ему прав, хитростью похищенных у него, пока оно предавалось дремоте, когда деспотизм, собрав все силы, стремится отвести грозящую ему катастрофу, а отношения между народами лишь складываются, отношения же между расами вообще еще не сложились, — воистину такой век — не время холодной, бесстрастной рефлексии. Слишком сильно бродит вещество, запас наблюдений еще слишком незначителен, а сделанные наблюдения слишком ограничены во времени и пространстве; наконец, и множество воздействующих, модифицирующих причин открывает слишком большой простор для случая, чтобы можно было надеяться на то, что из спутанного противоборства сил и страстей удастся вывести общезначимые принципы, а действительно найденным приписать не просто обычную для предсказаний погоды вероятность.

Пока же мы вправе требовать от философски мыслящего политика лишь одно — чтобы он, идя снизу, излагая свои исследования в форме афоризмов, начал с народов, принадлежащих основной расе, которая единственно может притязать на культуру, чтобы он указал органон, в согласии с которым они могли бы все более уточнять свои формы, сообразуясь с уже названной конечной целью природы, чтобы он следил за всеми их коллизиями и учился извлекать выгоду из всех их конъюнктур. Лишь затем он сможет обсуждать законы, по которым отдельным государствам надлежит соединиться в одно большое государство целой расы. Как только достигнутый прогресс человечества будет столь велик, что человечество вдохнет в эти образования жизнь и долговечность, шаг к установлению прочных отношений между целыми государствами рас, к довершению всей космополитической системы не будет связан с какими-либо дальнейшими затруднениями.

Нашему поколению было предназначено видеть, как после тысячелетий ужаса и людских бедствий внезапно явилась могучая нация: она вырвала из рук узурпатора права человека, которые за столь долгий срок покрылись ржавчиной так, что уж почти не были различимы: в изначальном блеске, во всей идеальности она явила эти права изумленной Европе. Могучее, словно молния, сияние осветило все уголки, перепугав деспотов, которые, моргая, робко глядели на эти

потоки ворвавшегося света, — лишь во мраке жилось им хорошо. Они задрожали при том слабом волнообразном движении, какое свет, вещество, все живящее, расширяющее и самое инертное тело, произвел в их народах, и они решили, собрав воедино все свои силы, иссушить источник столь губительной для них стихии.

А тогда почти все цари и короли этой расы устремили свои взоры на юное государство. Мощный толчок изменил на мгновение его внешнюю форму, но, распрямившись, словно пружина, оно отбросило далеко от границ новой республики полчища деспотической своры. Словно оглушенные громом, замерли они на время — со всеми симптомами бессильной ярости жестоко обманутого высокомерия, — сначала храбрились, а потом присмирели, и вот один за другим они молят о мире противника, столь презиравшегося ими прежде.

Когда совершаются такие события, космополитику можно по праву поручить хотя бы отчасти исполнить свое призвание; он должен указать такой способ установить предстоящий всеобщий мир, который наиболее соответствовал бы цели природы. Он должен представить такой идеал, который ни в чем не отступал бы от требований природы и интересов человечества, такой прообраз, который в соответствии с самой строгой теорией определял бы права и отношения участвующих сторон; правда, этот прообраз он должен будет передавать затем политику-практику, а тот, зная положение, силы и связи каждой из устанавливающих мир сторон, сможет судить о том, насколько при реализации идеала теория может отступать от своих строгих требований — ведь чрезмерной жестокостью она способна разрушить сама себя. Ибо, к несчастью, вот удел всякой науки, переживающей пору своего детства, — ее теоретическая часть разделена с практической глубокой пропастью.

Без наглого высокомерия (я отнюдь не думаю, что я и есть тот самый смертный, который должен был явиться на свет, чтобы показать каждой нации, в чем состоит ее жизненный интерес при наступлении всеобщего мира), но и без ложно понятой скромности (она заставила бы меня отклонить призыв быть полезным человечеству, какой я ощущаю в глубине души) я убежден, что долг каждого гражданина мира состоит в том, чтобы всеми своими познаниями сути происходящего (сколь бы незначительны они ни были) поддерживать правительство, стремящееся к просвещению; это вдвойне долг гражданина, когда в согласии с обстоятельствами времени и места он с известной вероятностью может глядеть на себя как на неотъемлемую часть государства, которому принесет пользу своими познания-

ми. Именно поэтому я и осмеливаюсь предложить на рассмотрение правительства франков следующие замечания.

Однако для начала некоторые пролегомены.

Согласно первой аксиоме механики, тело при перемене своего положения в пространстве не сможет достичь состояния покоя, если оно не находилось в движении; так и нации не смогут договариваться о мире, если они не находились какое-то время в состоянии войны. Итак, при философском рассмотрении этих двух понятий сначала необходимо приступить к последнему.

Война — это прекращение существовавших между находящимися в распри нациями политических отношений и наступление отношений военных.

Политическими отношениями я называю взаимосвязи нескольких государств как самостоятельных, упорядоченных единств, общая цель которых состоит в сохранении собственной личности и личности всех сосуществующих их частей; отношениями военными, или физическими, — отношения тех же государств как искусно организованных материальных тел, которые утверждают изнутри свое существование как таковое, могут противостоять любому нападению извне, а в случае необходимости могут нападать и сами.

Если помимо названного формального отношения существуют еще и иные, то касающееся всего целого прекращение политических отношений следует называть всеобщей войной.

Если же целостность отношений не просто прерывается, но прерывается навсегда, причем с намерением никогда впредь не допускать их возобновления, возникает война на уничтожение; такую войну проповедовали Барер и Фитцвильям; ее вели в большинстве своих походов римляне.

Наконец, война на уничтожение переходит в людоедскую войну — это высшая ступень человеческой злобы, или ослепления, когда победитель не довольствуется разрушением единства побежденного государства, но всем единствам внутри этого государства в лице индивидов, составляющих его целокупность, готовит могилу, а тем самым полностью разрушает моральную личность государства, физическую же концентрирует внутри своей личности.

Распря — это возбужденное состояние страстей спорящих индивидов, в особенном; война же — это возбужденное состояние страстей рассорившихся наций, в общем; и как таковая война — это психологическая болезнь нации: незадолго до примирения в этой болез-

ни наступает кризис, который и допускает затем наступление бесстрастного, здорового состояния мира.

В природе не бывает скачков — вот самая тривиальная из всех истин; положительные величины переходят в математике в свою противоположность через 0. Так и здесь. Заменяя состояние общей войны состоянием общего мира, нации прерывают единственное, какое существовало между ними, отношение войны, т. е. они заключают перемирие и становятся геометрическими телами (эти тела занимают пространство, но не заполняют его). Во время перемирия оборванные нити одна за другой постепенно связываются, и так восстанавливается нарушенное состояние здоровья.

Поэтому мир — это, вообще говоря, возобновление прерванных с началом болезни политических отношений и одновременно полное прекращение отношений военных.

Мир становится общим миром, если прекращены все мыслимые отношения борющихся сторон, и они должны определяться теперь заново.

По окончании же кризиса войны на уничтожение и каннибальской войны, когда один объект отношений будет пожран, сами субъекты отношений прекратят свое существование, а потому наступит лишь субъективный покой, пресыщение, но не мир.

Цель любого мира — счастье народов; первое, что здесь необходимо для достижения цели, — это долговечность. Мир, который может сохранить свою значимость на все времена как по форме, так и по содержанию; мир, который гарантирует народам благополучие на все неограниченное время их существования, — только такой мир может по праву претендовать на название мира; любой иной, как всякий мир в прошлом, который уже при своем рождении нес в себе зародыш гниения, — это уродливое порождение, нечто среднее между войною и миром, более тяжкое для людей бремя, нежели сама война.

Итак, вечный мир — мир, каким рисовали его Сен-Пьер и Руссо и какой защищал от мелочных нападков Кант, — вот идеал, к которому непрестанно должно стремиться человечество: ведь в достижении его заключено абсолютное счастье человечества, подобно тому как война на уничтожение есть прообраз войны, от которого человечество должно все больше и больше удаляться, ибо полная или даже частичная реализация такого прообраза повлечет за собой неисчислимые бедствия для него.

Дабы послушествовать громогласному зову природы, наш долг обсудить условия, разбор которых должен предшествовать любому

настоящему заключению мира, — те условия, которые только и могут придать общезначимость, всеобщность миру. Когда в дни наших отцов мир заключали прихвостни и наложницы королей, гений человечества проливал слезы, ясно видя, что факел убийств не погашен, но лишь припрятан, дабы, насытившись горючим веществом, учинить еще больше опустошений в руках неистовых фурий; ныне гений человечества возрадуется, ибо дело мира передано наконец в распоряжение здравого рассудка людей и впереди, при вступлении в новое столетие, можно видеть перед собой долговечный, прочный покой. Попытаемся же соответствовать человеколюбивым замыслам гения.

*Non, si male nunc, et olim sic erit.*⁷

ВСЕОБЩИЙ МИР — ИДЕАЛ

«Установив истинные принципы политического права, пытаясь основать на них государство, оставалось бы лишь укрепить его со стороны внешних отношений, — включая сюда права наций, торговли, права войны и завоеваний, гражданское право, союзы, переговоры»⁸.

Во чреве матери вещество будущего человека складывается по законам стихий, и существование человека начинается, как только берет начало действие такого слагания. Человек проходит через все ступени, связывающие царство стихийных сил с царством органики: становясь растением, некоторое время растет и живет как растение, пробегает затем все звенья, соединяющие растительный и животный мир, становится сначала зоофитом, потом насекомым, и белая холодная кровь жука сочится в его артериях, он очищается, проходя все потенции животности, и наконец, как самая сложная формула из всех существующих под солнцем, компендиум всех природных сил и задатков, вступает в наш внешний мир. Он окружен себе подобными, и существование в изоляции очень скоро становится для него невыносимым — он примыкает к себе подобным и тем самым связывает свое существование с той нитью, какой следовали мы во введении.

Государства, как мы видели, складываются точно так же: из первичных хаотических отложений постепенно формируются племена

⁷ «Пусть плохо сейчас — не всегда так будет» (лат.) Гораций. Оды. II. 10. 17.

⁸ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 256).

на, организованные подобно растениям, затем они становятся всепожирающими животными, пока наконец не достигают в позднем своем возрасте наивысшей гуманности, отвечающей их предназначению. И государства, словно индивиды, существуют во времени и пространстве, они непроницаемы для механического воздействия, они размножаются как гермафродиты и путем внутреннего зачатия, они состоят из части чувственной и части духовной, обладают восприимчивостью и спонтанностью (благодаря первой подчинены законам природы, благодаря второй — только своим собственным), у каждого из них своя физиономия, отличающая его от других, свой темперамент, государство переживает юношеский возраст, затем становится юношей, зрелым мужем, стариком и наконец умирает (если только смена его форм и смерть синонимы).

Коль скоро государства существуют как феномены чувственного мира, должна существовать естественная история государства, система, делящая их на классы и порядки, с указанием отличительных признаков и всеобщих законов каждой ступени. Такая система должна последовательно подводить под эти законы все когда-либо существовавшие и ныне существующие роды и виды таких природных существ.

Физике предшествует описание природы: ведь сначала нужно знать элементы, прежде чем рассматривать их взаимоотношения; так и здесь: прежде чем рассматривать отношения между государствами, надо сначала дать классификацию и характеристику государств.

Первое, что бросается в глаза в любом государстве, — это соединение материи и формы. Материя государства — это сумма всех соединенных в нем индивидов, взятая как нечто коллективное. Два государства различаются материально множеством таких индивидов, их характером; характер определяется климатом, темпераментом, различием рас, из него складывается национальный характер. Однако классификация по таким физическим отличительным признакам дает политическую физиологию, а не типологию и не имеет существенного влияния на наш предмет, тем самым она лежит в стороне от нашего пути. Итак, нам следует рассмотреть лишь отличительные признаки формы.

Форма вообще — это способ соединения нескольких частей в единство для достижения определенной цели. Поэтому форма государства — это соединение всех частичных личностей в одну общую универсальную личность, а цель соединения — всеобщее благосостояние. Чтобы быть законным, такой способ соединения должен определяться общественным договором.

Такой договор должен, во-первых, учитывать то, что универсальная самостоятельность государства — это лишь моральное единство, которое как таковое не находит места в ряду явлений, а поскольку оно все же должно действовать в этом ряду, то необходимо, чтобы оно было укоренено в какой-либо физической личности — такая личность благодаря взаимосвязи внутреннего и внешнего чувства сможет привести волю в действие.

Подобное укоренение производится либо непосредственно, либо опосредованно. Опосредованно — когда высшей самостоятельностью наделяют некое трансцендентное существо: оно либо делает людей своим орудием по наитию свыше и таким способом производит действия в природе, либо все направляет к цели, вмешиваясь в ход событий благодаря собственному всемогуществу. Непосредственно — когда подобную привилегию предоставляют какой-либо имманентной личности, которая в количественном отношении есть либо одно лицо, либо много лиц, либо все лица в государстве.

В первом случае возникает монархия — вся национальная личность концентрируется в одном человеке.

Во втором случае возникает полиархия в широком смысле слова: много людей, как бы они ни назывались — суфеты, архонты, эфоры, патриции, нобили, пэры, — разделяют между собою высшую власть. Такая форма распадается на подотделы; она становится иерархией, если это люди духовного звания; аристократией, если это дворяне; эмпорократией, если купцы; наконец, племократией, если они солдаты. Каждый подотдел в свою очередь разветвляется; так, власти получают свои места либо посредством выборов, либо по праву наследования, по случаю (жребию), по возрасту.

Наконец, в третьем случае возникает голархия⁹ — вся нация становится источником и одновременно держателем своей самостоятельности, ее воля обладает своим органом в ней же самой и не нуждается в искусных механизмах, которые приводили бы ее в действие.

Во-вторых, принимается во внимание качество универсальной личности. В одном случае ее представляют цельной, в другом — делят на универсальную спонтанность и универсальную причинность, т. е. на законодательную и исполнительную власть. А тогда совокупная воля либо, согласно категории реальности, сводит обе власти в одну точку, либо, согласно категории отрицания, разводит их в бесконечную удаленность

⁹ От греч. *holos* — целый.

друг от друга, либо удаляющие и сближающие силы ограничивают друг друга так, что обе они, согласно категории ограничения, оказываются на некоем среднем, умеренном удалении друг от друга.

Так же как в геометрии имеется абсолютная точка, в государстве есть отдельный индивид; если в геометрии имеется бесконечное пространство, то в государстве — совокупность всех граждан.

Тогда, во-первых, получаем объединение законодательной и исполнительной власти в одном лице — деспотию.

Во-вторых, если обе функции разведены как можно дальше, т.е. распределены среди всей массы граждан, — это демократия. Право называть такую форму правления демократией следует почерпнуть в том обстоятельстве, что для теории совершенно безразлично, наделю ли я одну половину из общего числа n господствующих индивидов исполнительной, а другую — законодательной властью или же разделю общую сумму власти на n и каждому из наделенных властью индивидов передам n -ную часть всей совокупности высшей власти, но при условии, что ни в том, ни в другом случае ни один индивид не может предпринять что-либо сам, без содействия всех остальных. Ибо то, что препятствует объединению всех для достижения общественно-вредной цели — подняться над законами и воспользоваться переданной им властью для удовлетворения своих страстей, — это в обоих случаях не физическое (следовательно, непроницаемое), а лишь моральное препятствие. Иначе говоря, и в первом, и во втором случае только от воли наделенных властью индивидов зависит, не договорятся ли они о том, чтобы в соответствии со своим общим интересом подчинить общественное благо своему личному благу, устранив все препятствия к тому. Это операция, которая и в первом, и во втором случае не требует затрат физической силы. Вероятность такого соглашения убывает лишь с возрастанием числа наделенных властью лиц, и если необходимость гарантировать недопущение подобных соглашений служит основанием для разделения государственной власти на две ветви, то эта цель достигается тем полнее, т.е., говоря иначе, разделение функций тем больше, чем больше число наделенных властью индивидов, — в том ли виде, когда при разделении власти больше половины всех граждан государства получают законодательную или исполнительную власть (и, таким образом, некоторые пользуются одновременно как той, так и другой властью), или в том виде, когда, как в совершенной гомархии, каждый получает часть законодательной и исполнительной власти одновременно. Форма

правления, когда удаление обеих ветвей друг от друга достигает максимума, будет демократией*.

Наконец, в-третьих, законодательная и исполнительная власть даны не целиком в целом, а раздельно в своих частях — это полиархия в более узком смысле. Разделение в соответствии с вышеизложенным производится двояко — либо путем расширения деспотии: государственная власть механически разделяется между меньшинством представителей — это деспотическая полиархия; либо путем сужения демократии: высшая власть разделяется химически; группа или какое-либо меньшинство получает исполнительную власть, целое или большинство — власть законодательную и либо принимает на себя исполнительные функции (такова полиархически-демократическая форма), либо же передает их своим представителям (такова

* Отсюда следует, что демократия по своей сути отнюдь не деспотизм, как утверждают некоторые мыслители Нового времени (и среди них Кант). Ибо будь это так, то в конечном счете и Лига наций, предлагаемая как средство для достижения вечного мира, свелась бы лишь к организации деспотии народов: ведь в такой Лиге, как и при народовластии, все отдают приказы, все их исполняют, все слушаются. Кроме того, будь это так, любой строй, каков бы он ни был, основывался бы на деспотизме, т. е. был бы незаконным: ведь тогда, когда утверждается форма правления, выбор представителей и членов магистрата является функцией исполнительной власти, поскольку именно она занимается частными предметами, поскольку же выбирает весь народ, то в этот момент, согласно названному выше представлению, демократия составляет деспотию. Нет, на деле демократия относится к деспотии, как самодержавие к сверхприродной теократии. Быть может, демократическая форма правления легче других переходит в анархию, более других подвержена внутренним бурям, предоставляет свободный простор духу партийности, вообще не подходит для ныне здравствующего поколения людей, не подходила ни для одного из ушедших и не будет подходить еще для многих последующих поколений. Если все это так, то отвечает за это несовершенство не форма, а материя, к которой должна быть приспособлена форма. Когда моральный дух не будет скапливаться лишь в отдельных местах, когда просвещение не будет уделом лишь немногих, как сегодня, демократическая форма правления наверняка вновь вступит в свои права и вытеснит систему представительства — в наше время абсолютно неизбежное зло. Эта форма уже и теперь, после изобретения книгопечатания, сопряжена со значительно меньшими трудностями, нежели в ревности, — теперь ведь не нужны даже и народные собрания и очень много доброго можно произвести при самых малых затратах и усилий. Бессмертный автор «Общественного договора» говорит так: «Если бы существовал народ, состоящий из Богов, он управлялся бы демократически. Столь совершенное правление не годится для людей» (*Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. С. 201*). Народу божеств (не богов), если бы такой мог существовать, лучше всего жить бы в анархии; для совершенно же развитых людей только демократия сможет претендовать на предпочтение.

полиархически-представительная форма); обе вместе они составляют полиархически-республиканскую форму правления*.

При комбинировании двух названных родов формы прежде всего видно, что монархия по своему существу не терпит ни полиархии в узком смысле, ни демократии. Ибо принцип разделения, господствующий в двух последних, доводит число властвующих индивидов по меньшей мере до двух, а тогда форма правления перестает быть чистой монархией. Поэтому чистая монархия — это всегда деспотия. Полиархия в более широком смысле не терпит ни деспотии, потому что в одном случае как принцип выступает множественность, в другом — единичность, ни демократии, потому что здесь в качестве такого принципа выступает всеобщность; итак, остается лишь полиархия с ее подотделами.

Наконец, голархия не согласуется ни с деспотией, ни с полиархией в узком смысле, потому что если все приказывают и все исполняют приказания, то не существует такой части, которая исполняла бы

* Замечательный аналог такой классификации форм — Линнеева система пола. Здесь форма — соединение оплодотворяющих органов, цель которого — размножение. Сначала рассматривают соединение по качеству: тогда оно распадается на мужской и женский органы, которые либо соединяются в индивиде, т. е. цветке, — таковы двуполые, полигамные растения — это ботаническая деспотия (классы с I по XXI), либо по возможности разделены: мужские органы — на одном растении, женские — на другом (дизэция) — это ботаническая демократия (классы XXII), либо, наконец, удалены на некое умеренное, среднее расстояние друг от друга, так что мужские и женские органы хотя и не встречаются на одном цветке, но и не растут на разных растениях, т. е. оба пола представлены одним растением (монэция), — это ботаническая полиархия (класс XXI). Теперь, чтобы получить классы таких рядов, рассматривают единства по их количеству — тогда единства присущи либо абсолютной единости, одному индивиду, — это первый класс, первый порядок, либо многим индивидам — это классы с I, второй порядок, по класс XIII и с класса XIII по XXIV, либо всем индивидам — это класс XIII, последний порядок. Наконец, получают подотделы, рассматривая каждую из функций по трем категориям количества: например, мужской индивид, женский индивид — класс I, порядок I, *monandira monogynia*, мужской индивид, множество женских индивидов, одна тычинка, несколько пестиков, класс I, II, III и т. д., *monandira di-, tri-, tetragynia* и т. д., — мужской индивид, все женские индивиды, одна тычинка, столько пестиков, сколько их есть в природе, *monandira polygynia*. И точно так же все мужские индивиды, все женские — *gylandira polygynia* и т. д. Наконец, в-третьих, криптогамия, когда нет зримых форм, — это класс XXIV, ботаническая анархия. Итак, Тунберг оказал дурную услугу ботанике, распределив последние четыре класса между двадцатью предыдущими, и, как я полагаю, стоило бы строго реформировать ботанику согласно этому или подобному принципу, чтобы увидеть, нельзя ли таким путем достигнуть естественного порядка, — вот с давних пор благое пожелание всех ботаников.

либо ту, либо другую функцию отдельно или вместе. В итоге же перед нами следующие формы правления: а) монархически-деспотическая; б) олиархически-деспотическая; в) полиархически-республиканская; г) голархически-демократическая.

В этих четырех рубриках с их подотделами и бесчисленными оттенками, когда одна форма правления переплетается с другой, могут занять положенное им место все государства, какие когда-либо существовали, начиная с основанного в долинах Сингара и кончая самым последним государством, какое будет существовать во время всеобщей гибели всего сущего.

Если обозначить государство плоскостью, образуемой кривой линией, оба фокуса которой будут знаменовать законодательную и исполнительную власть, то окружность будет соответствовать монархически-деспотической форме правления. Луч исходит из фокусного центра и возвращается в него же, эксцентричность, т. е. удаление законодательной и исполнительной власти, = 0; деспот занимает место в центре тяжести фигуры, которая с минимальным внешним объемом сочетает максимальную внутреннюю площадь, т. е. силу, направляя ее куда только ему будет угодно. Кроме общепринятого иероглифического обозначения «деспотия» ей соответствует и алгебраическая формула: $y^2 = ax - x^2$.

Полиархически-республиканскую форму правления представляет эллипс. Эксцентричность здесь более или менее значительна в зависимости от того, насколько эта форма правления переходит в демократию: луч исходит из одной фокусной точки и переходит в другую; законодательная и исполнительная власть уравнивают друг друга и определяют равновесие всей фигуры, если они сообразованы с содержанием и отстоянием друг от друга. Эту форму правления выражает форма: $y^2 = bx - bx^2 : a$.

Полиархически-деспотической форме правления соответствует гипербола; эксцентричность выражена негативно; государство, как и сама фигура, разорвано надвое — часть господствующая, часть рабствующая; луч, исходящий из одного фокусного центра, возвращается назад так, словно он исходил из другого; эту формулу правления выражает формула: $y^2 = bx + bx^2 : a$.

Эмблемой голархически-демократической формы правления служит парабола, фокусные центры которой бесконечно удалены друг от друга; лучи, исходящие из каждого центра, параллельны друг другу и оси; эту форму правления выражает наипростейшая формула: $y^2 = bx$; ее название — «парабола» — означает равенство.

Наконец, теократии отвечает наиболее трансцендентная из всех трансцендентных кривых, анархии же — прямая линия. Здесь нет центров, части рядоположны и безотносительны, они не меняют направления и не замыкают пространства, т. е. не образуют государства.

Установив такой порядок, мы вновь можем обратиться к нашей непосредственной цели — выработке общезначимой схемы мирного договора.

Из данного во Введении определения универсального мира следует, что условия, при которых возможно заключение соответствующего мирного договора, сводятся к точному определению всех отношений, которые существуют между нормальным государством (так я называю государство, которое заключает мир в качестве победителя) — одним индивидом или коалицией нескольких самостоятельных индивидов — и государством регулятивным или государствами регулятивными (побежденными, с которыми заключают мир), причем и эти отношения следует рассматривать с двух точек зрения. Далее, чтобы заключенный мир мог быть долговечным, нужно найти верную взаимную гарантию того, что получившие определение отношения не смогут быть изменены или упразднены без согласия обеих сторон. Займемся вначале установлением отношений.

Отношения вещей — это их ситуации; для таковых определяются или к таковым приспособляются уже существующие законы. Если лишить сущность всех ее свойств, то одновременно пресекутся и все ее внутренние и внешние отношения (перед нами голая сущность, изолированная от мира, лишенная какой-либо связи с ним). Итак, лишь свойства или, лучше сказать, их объединение в целесобразное единство, т. е. их форма, — вот что обеспечивает возможность отношений. Существует столько способов для вступления вещей в отношения между собой, сколько мыслимо форм, по которым свойства вещей могут связываться в единство.

То, что верно для простой сущности, будет верно и для соединения многих сущностей в одну целую форму. Поэтому и отношения наций столь многосторонни, сколь многообразны принципы, по которым их свойства могут сочетаться в единстве формы. Свойства государства — это свойства отдельных личностей, его индивидов, цель соединения которых может быть политическая, религиозная, меркантильная и какая угодно иная; форм же, по которым эти личности могут объединяться для своих разнообразных целей, как мы только что изложили, четыре; таким образом, по правилам сочетаний ситуаций,

в которых могут оказаться между собою эти четыре формы, всего 12. Для примера:

1. Форма нормального государства — демократическая, форма регулятивного государства — тоже демократическая.

2. Форма НГ — полиархически-республиканская; форма РГ — тоже полиархически-республиканская.

3. Форма НГ — полиархически-республиканская; форма РГ — деспотическая.

4. Форма НГ — деспотическая; форма РГ — тоже и т.д. до полного исчерпания всех 12 ситуаций. Из приведенных выше четырех видов связи лишь первый делает возможным — при достижении большинством людей совершенной культуры — полную реализацию вечного мира; трудностей второго вида связи больше, и все же они в целом не слишком значительны, особенно если форма правления — полиархически-демократическая. Наконец, четвертый вид связи по своей природе склонен к названному выше идеалу ужаса — к войне на уничтожение; чтобы по возможности предотвратить таковую, можно вводить так называемую систему равновесия, однако и эта система — поскольку отталкивающие силы не могут ограничивать друг друга — только тогда представляет какой-либо покой всему телу (пусть даже искусственным путем), когда, как в третьем случае, благодаря мощному республиканскому государству сюда привходит достаточная сила притяжения. Оставим в стороне иные ситуации, обсуждение которых здесь неуместно, и займемся последней, потому что это и есть наш случай.

Когда говорят: у НГ — полиархически-республиканская, у РГ — деспотическая форма правления и война возникла из-за вмешательства последнего во внутренние дела первого, теперь же необходимо прекратить эту войну, то тем самым предполагают, что подвергшаяся нападению сторона формально откажется от своего права (возникшего вместе с фактом нападения) в свою очередь вмешиваться во внутренние дела совершившего нападение государства — вмешиваться с целью обезопасить себя от подобных нападений в будущем и вместе с тем свести ситуацию к первой или второй из названных выше комбинаций.

Я не хочу подвергать сейчас строгому исследованию, в какой мере НГ, закономерно организованное внутренне, может отказываться от права вмешиваться во внутренние дела соседних, противозаконно организованных РГ. Ведь целью такого вмешательства были бы прежде всего самосохранение и безопасность — безопасность от подобных

разнузданных соседей, которые не могли бы уже подвергать опасности его права и привилегии. Однако именно эта цель и не была бы достигнута, стоило только объявить во всеуслышание, что государство не сложит оружия до тех пор, пока все РГ не переменят деспотическую форму правления: ведь в отчаянном положении, в каком оказался бы деспотизм, он был бы в состоянии собрать еще находящиеся в его распоряжении гигантские силы, для того чтобы предотвратить грозящую ему катастрофу, а кроме этого народы почувствовали бы себя оскорбленными в своей гордыне, ибо каждый народ считает себя достаточно сильным для того, чтобы придать себе законную форму без вмешательства какой-либо иной державы. Если бы основатель перуанского государства возвестил всем соседним племенам: «Варвары! Я пришел, чтобы склонить вашу выю под ярмо закона, вы не должны грабить и убивать, вы не должны заниматься людоедством, вы должны возделывать свое поле; пусть Солнце будет вашим богом, мне, моим преемникам, детям моих преемников вы должны беспрекословно повиноваться», то, слыша такие речи, все племена, ревниво охраняющие свою жестокую независимость, объединились бы, напали бы на него и раздавили бы цветущее государство в самом его зародыше. Вместо этого основатель нового государства довольствовался тем, что возделывал свою территорию, предоставив преемникам присоединять к государству дикие орды — присоединять уговорами, силой оружия и при всяком удобном случае, когда они могли почувствовать недостатки своего изолированного существования; при этом он пребывал в безопасности. Такой политики, приспособляющейся к обстоятельствам, придется придерживаться и Франции, и она придерживалась ее в течение всей этой войны — и в отношениях с Голландией, с Цизальпинской республикой¹⁰, и тогда, когда Венеция необдуманно оправдывала совершенный в результате предательства государственный переворот, который могла поддерживать, лишь коварно убивая и топя людей в море; той же политики надо будет придерживаться и в дальнейшем, если Англия, выйдя из коалиции, окажется в одиночестве, предоставленная самой себе. Тогда обязанность Франции будет состоять в том, чтобы поддержать изнутри и извне нацию в ее борьбе за законное устройство государства, а не просто стоять сложа руки и наблюдать, если только соглашениями с другими державами она не возьмет на себя торжественное обещание подобным образом бездействовать.

¹⁰ Область вокруг Милана в 1797 г. была превращена Наполеоном в Цизальпинскую республику.

Учитывая все сказанное, задачу нашу можно сформулировать следующим образом: в таком-то государстве поначалу существовала деспотическая форма правления; вследствие насильственного переворота эта форма изменилась и стала полиархически-республиканской. Это изменение послужило причиной того, что все внешние отношения с коалицией деспотических государств были прерваны. Нападения коалиции были отражены, и подвергшееся нападению государство само достигло положения НГ, совершившие же нападение заняли уровень РГ, и из них некоторые под влиянием НГ также изменили деспотическую форму правления на полиархически-республиканскую; теперь же НГ должно установить новые отношения: а) между собой и деспотическими РГ, б) между собой и республиканскими РГ, в) между республиканскими и деспотическими РГ, — которые могли рассчитывать на предельную долговечность, причем в условиях, когда само государство отказалось от права вмешиваться во внутренние дела сохраняющих деспотическую форму правления РГ.

Отношения которые сохраняются и после решения этой проблемы и от определения которых не может отказываться НГ, не превращая в химеру сам длительный мир, — это, во-первых, отношения, зависящие от различия устанавливающих отношения сторон:

1. Отношения НГ как единства к РГ как единствам и этих РГ между собою с рассмотрением гомогенных среди них как одной стороны.

2. Отношения граждан НГ к индивидам РГ и подданных РГ между собою.

3. Отношения индивидов НГ к РГ как единствам и, наоборот, отношения РГ к гражданам НГ; точно так же: отношения граждан республиканских РГ к деспотическим РГ и наоборот.

4. Отношения НГ как единства к индивидам РГ и наоборот.

Во-вторых, отношения по качеству: а) те, что наступают вместе с войной и прекращаются вместе с заключением мира, — это негативные отношения, которые подразделяются на следующие: 1) военные, или физические, отношения ведущих войну сторон; 2) федеративные отношения РГ как составных частей коалиции, нарушившей неотъемлемые права подвергшегося нападению НГ; б) те, что наступают во время мира и исчезают вместе со всеобщей войной*, — это позитивные

* Прекращение следует понимать лишь относительно: нет такого отношения, которое совершенно прерывалось бы во время войны, и для человека было бы несчастьем, если бы абсолютное прекращение было возможно, однако отношения «почти» прерываются, и такое «почти» приходится приравнивать к целому.

отношения, которые включают в себя следующие отношения: 1) геометрические; 2) политические; 3) религиозные; 4) меркантильные; 5) интеллектуальные, или духовные.

Разберем все по порядку, начнем с отношений негативных.

Военными мы называли такие отношения, в каких оказываются между собою наделенные физическими силами духовно-материальные единства вследствие проявления этих сил для защиты своих мнимых или реальных прав. Единство — это прежде всего национальное единство, и тут сразу же ясно, что коль скоро это отношение относится к числу негативных, а акт подписания мира есть граница войны, т.е. всех враждебных действий, то при заключении мира остается лишь одно — от перерыва в военных действиях, о чем договаривались, заключая перемирие, перейти к полному их прекращению. Большого ничего здесь сделать нельзя, если только НГ не будет вмешиваться во внутренние дела РГ, желая, например, установить численность их войск в мирное время. Полное прекращение любых военных отношений выражается следующей формулой:

1-я окончательная статья договора. Между НГ и всеми РГ должны царить мир, дружба, взаимопонимание.

Поскольку между индивидами ведущих войну государств не может существовать никаких иных военных отношений, кроме того, что их силы входят составной частью в силу государства, приведенную в действие, то с подавлением этой силы окажутся подавленными и все отдельные; тем самым первое условие содержит в себе определение военных отношений между индивидами НГ и РГ.

У государства только тогда возникают отношения с индивидами, когда эти последние должны признать его законы; государство получает права на орудия защиты другого государства только тогда, когда они захвачены им. Поэтому у солдата армии НГ, если он свободен, нет никаких отношений к солдату армии РГ; если же он захвачен в плен, то с этого момента такие отношения наступают, и они суть отношения зависимости от законной воли государства, взявшего его в плен. И наоборот: факт пленения не дает взявшему в плен государству вечных прав на личность пленного как собственности; права государства остаются в силе лишь до тех пор, пока государство поручает солдату наносить ущерб другому государству, и прекращаются вместе с войной, т. е. в момент вступления в силу мирного договора, — здесь конец зависимости пленного от взявшего его в плен НГ или РГ. Это и составляет содержание *2-й окончательной статьи*. Все заключающие мир государства отпускают на свободу захваченных ими военнопленных.

Эти две статьи вполне удовлетворяют требованиям нашей проблемы, что касается военных отношений — это не требует доказательства, и мы переходим к федеративным отношениям.

Несколько государств объединилось, чтобы вести военные действия против государства, не разделявшего их взглядов; если победа осталась за последним, а совершившие нападение государства намерены завязать с ним мирные отношения, то первым условием примирения будет следующее: они должны распустить свой военный союз, чтобы превосходством своих объединенных сил не вызвать в НГ опасения за свою безопасность в будущем. В деспотических РГ их же вступившие в союз деспоты имеют право и разорвать такие отношения; в республиканских же государствах сама нация, изгнав деспотов, обретает самостоятельность, а вместе с тем приобретает такое же право. Однако расторжение союза, чтобы соответствовать искомой цели, должно сопровождаться заверением в том, что прекративший существование союз не возобновится спустя долгое или короткое время. Это ведь означало бы, что игра начнется заново. Что касается республиканских РГ, то гарантия невозобновления заключается отчасти в их форме правления, отчасти в других предупредительных мероприятиях, с которыми мы встретимся впоследствии; что же касается деспотических государств, то гарантии следует искать в торжественном обещании, залогом которого служат всеобщие гарантии мира. Из всего изложенного вытекает *3-я окончательная статья*. РГ прерывают любые федеративные отношения между собою; деспотические РГ одновременно с тем дают обещание никогда не вступать в Лигу, которая могла бы представлять опасность для внутреннего положения НГ или республиканских РГ.

Это условие вновь содержит в себе все индивидуальные отношения подчиненных частей большой федерации; что же касается отношения этих составных частей к другим входящим в нее государствам, то возможно лишь одно-единственное отношение такого рода — отношение военной федерации, наступающее тогда, когда, к примеру, богатое, но не слишком боеспособное РГ нанимает солдат более бедного РГ, с тем чтобы таким путем каждое из них могло использовать все свои ресурсы ради общей цели. Такое отношение естественным образом должно быть прервано с окончанием войны, потому что если им пренебречь, то может получиться так, что оставшееся последним РГ выступит во главе всех сил коалиции, которую уже считали разгромленной. Отсюда следует *4-я окончательная статья*. Каждое заключающее мир РГ требует возвращения своих войск, находящихся на службе другого РГ.

Этими четырьмя условиями исчерпываются негативные отношения. Поэтому перейду без задержки к более важным позитивным условиям. Каждое государство существует в каком-то пространстве — это не точка, не линия, а трехмерное пространство на внешней стороне нашей Земли, — однако обычно его рассматривают как плоскость с известными границами, и вот эти границы во время войны могут претерпевать изменения, могут как расширяться, так и сужаться. Если у победившего НГ есть такие территории, которые оно по каким-либо причинам не может удерживать, несмотря на свое превосходство, то при заключении мира, условия которого оно диктует, оно будет настаивать на том, чтобы враги вернули ему все завоеванные ими территории, восстановив тем самым *status ante bellum*¹¹. И оно, будучи свободным государством, должно непременно настаивать на этом, потому что (если только цели самосохранения не требуют прямо противоположного, когда естественно жертвовать частью ради спасения целого) категорически не дозволяется возвращать в состояние былой противозаконности такую часть самого себя, которая уже возвысилась до внутренней законосообразности. По этой же причине и на тех же основаниях государство потребует, чтобы все завоевания деспотических РГ в республиканских государствах были возвращены этим последним, причем разумная политика требует поступать точно так же и в отношении тех деспотических государств, которые удалось оторвать от коалиции и втянуть в круг своих интересов без изменения формы их правления (такова, например, Испания). НГ же и республиканским РГ будет предоставлено право договариваться о территориальных уступках или обменах — здесь речь идет не о замене свободы рабством, а о замене известной свободы иным, несколько модифицированным состоянием свободы, что может иметь место, если этого требуют высшие интересы двух государств; было бы, однако, весьма неблагородно, если бы победившее НГ пыталось извлечь корысть из подобного обмена с республиканским РГ. Итак, мы получаем 5-ю *окончательную статью*. Деспотические РГ возвращают НГ и его союзникам все завоеванные территории и приобретения; НГ и республиканские РГ будут со своей стороны регулировать взаимные возвраты согласно строжайшим законам естественной справедливости.

Геометрические отношения государства к индивидам другого государства возникают тогда, когда подданные ведущей войну державы обладают недвижимым имуществом на территории враждующих государств, на

¹¹ Довоенное состояние (*лат.*).

такое имущество во время войны налагается арест. Однако арест не должен длиться дольше, нежели сама война, и соглашение об этом содержит *6-я окончательная статья*. Каждое заключающее мир государство снимает арест с находящегося на его территории недвижимого имущества подданных другого государства.

Если наша задача состоит в том, чтобы восстановить политические отношения между несколькими державами, находящимися в состоянии войны, то нам предстоит найти законы, которым должны будут подчиниться как эти нации, так и индивиды в тех различных ситуациях, в которых они могут оказаться, — должны будут подчиниться, если только желают достичь своей цели — восстановления прерванного покоя и благополучия. Займемся вначале определением таких законов в отношениях между НГ и республиканскими РГ, с одной стороны, и деспотическими РГ — с другой.

В самое последнее время был выдвинут следующий тезис: при нынешнем положении вещей нации относятся друг к другу как индивиды в естественном состоянии, или, как иногда говорят, в состоянии анархии. Однако я утверждаю: либо отношения наций как таковых = 0, либо же они законосообразны. Давайте для начала предположим: такие-то нации обладают полиархически-республиканской или демократической формой правления. Если республиканство в одном и демократизм в другом случае означают уважение к самостоятельности любого единства, существующего в государстве, то, чтобы не изменить своей же собственной природе, государство не может не испытывать уважения к самостоятельности любого другого государства; итак, обе формы правления предрасполагают нации, в которых они коренятся, к тому, чтобы они вступали в законные отношения между собою. И подобно тому как пребывающие в естественном состоянии люди выходят из него в тот самый момент, когда выражают общую волю («Образуем государство!»), так и государства, принимая одну из названных сейчас форм правления, тем самым оставляют естественное состояние и достигают чего-то среднего между общественным и диким состоянием — достигают некоей фиксированной точки вроде той, какой является перемирие между войной и миром; они живут, еще не ведая закона, но уже не хотят жить беззаконно и потому поступают так, как если бы у них были законы.

Если каким-то нациям навязана монархическая или полиархически-деспотическая форма правления, то, принимая таковую, всякий индивид отказывается от самостоятельности — на все время, пока не будет в состоянии потребовать ее назад, и вся нация концентрируется

в том или ином деспоте. Итак, если между грудой автоматов как единством и другой такой же грудой не может существовать отношений по форме, то и здесь отношения наций исчезают, превращаясь в отношения одного деспота к другому. Если же в одной нации республиканская форма правления, в другой — деспотическая, то тут нам приходится положить отношения между самостоятельным единством и механическим агрегатом, и при этом так, чтобы последний не зависел от первого, — нет ни малейшего сомнения, что здесь немыслимы никакие иные отношения, кроме чисто материальных.

Отсюда прежде всего следует, что нация франков, как и вообще все республиканские РГ, не может находиться в каких-либо политических отношениях с деспотически управляемыми нациями РГ; все отношения сведены до отношений к деспотам РГ и, наоборот, до отношений деспотов к свободным нациям*.

Отношение свободной нации к чужому деспоту напоминает отношение расцветающих городов к рыцарям-грабителям, характерное для Средних веков. Как средневековые города имели право принуждать этих разбойников подчиниться вместе с ними одним и тем же законам, как граждан государства, не причинять им беспокойства, подобно не ведающим узды людям, в естественном состоянии и не препятствовать их процветанию, так и нация франков тоже имеет право в целях собственной безопасности принуждать деспотов РГ подчинить свою волю воле нации, а волю нации — общепринятым законам и ввести во всех деспотических РГ свободную форму правления. Но поскольку современное состояние политического просвещения в Европе принудило эту нацию отказаться от такого права, то эта сторона первого отношения заботит нас лишь постольку, поскольку она уполномочивает ее требовать за такое отречение от своих прав любых жертв со стороны деспотов, которых она терпит, — ради защиты их самостоятельности от нападений, которым они с тех пор будут непрестанно подвергаться.

И подобно средневековым городам, нация франков может заключать договоры с теми РГ, с которыми ее связывают более близкие интересы, отчасти для ослабления асоциальной партии, отчасти же для того,

* Поэтому если исполнительная Директория уже довольно давно прекратила всякие отношения со шведским деспотом, то заверять шведскую нацию в том, что та может полагаться на ее дружеские чувства к ней, — это все равно что заверять в своей политической дружбе кучу чурбанов, потому что в политическом отношении и шведская, и любая иная деспотическая нация все равно что куча чурбанов.

чтобы воспользоваться их животной силой на благо своей нации и всего остального человечества. Однако такие договоры гарантированы лишь односторонне — они соблюдаются, пока другая сторона получает от них определенную выгоду.

Что же касается обратного отношения — деспотов РГ к нации НГ и республиканским РГ, то оно предопределено уже их признанием внутреннего положения свободных государств; поскольку в мирном договоре, с предложением которого выступают деспоты, должны быть определены все отношения, а следовательно, и это, то в заявлении по такому поводу, кажется, действительно нет необходимости (так будто бы заметил Бонапарт), однако в полном проекте договора такое отношение не может не найти отражения.

Первые шесть статей договора относятся равно к деспотическим и республиканским РГ; сейчас же речь идет лишь о первых из них, так что теперь нам следует раздельно устанавливать условия для первых и для вторых. Отсюда следует *7-я окончательная статья* — для деспотических РГ. Все властители деспотических РГ признают форму правления НГ всех республиканских РГ; те из них, кто видит в том свой интерес, заключат со свободными государствами пакты о взаимопомощи и ненападении.

Отношение гражданина какого-либо государства (независимо от того, находится ли он в его границах или за его пределами) к властителям чужого государства — это, во-первых, отношение независимого индивида к такому же независимому или независимым индивидам, пребывающим в естественном состоянии, а во-вторых, отношение зависящего от высшей воли гражданина государства к тем же самым независимым существам, живущим по собственным законам.

Вследствие первого два таких индивида, сталкиваясь, подчинены лишь нравственному закону: каждый может требовать от другого, чтобы тот не рассматривал его как средство, не унижал его человеческое достоинство, не попирает его исконные права.

Поэтому уже естественное право, определяя то отношение, о каком говорим мы сейчас, не допускает варварских притязаний государства на личность или собственность чужого индивида (*droit d'aubaine* — право на имущество потерпевших крушение кораблей; налог на иудеев); в то же время естественное право запрещает чужеземцу любое нарушение исконных прав государства, где он пребывает, запрещает ему вступать в сговоры, заговоры, направленные против государства, и, следовательно, в обоих случаях позволяет прибегать к репрессиям и вре-

менно объявлять нарушителей лишенными человеческого достоинства. Поэтому чужеземец живет в пределах государства, но не в нем; он не вмешивается в то, что составляет внутреннюю форму государства, не несет бремени гражданских обязанностей, но поэтому же не может претендовать и на привилегии граждан этого государства.

Что же касается второго, то член общества, который лишь переменил внешние пространственные отношения к нему, но не прервал прочих взаимосвязей с ним, а потому разделяет права и обязанности граждан этого государства, оказывается здесь в отношениях с таким существом, которое не признает внешних гражданских (космополитических) законов, не намерено исполнять высшие общественные обязанности и даже располагает обещанием НГ, что его не станут принуждать к этому. Тут сразу же становится ясно, что и первый член общества нисколько не обязан ставить себя с этим асоциальным узурпатором в положение иное, нежели естественного человека (коль скоро он уже исполнил свои обязанности в отношении общества тем, что живет в нем), а потому коль скоро в естественном состоянии ни одно моральное существо не вправе ущемлять его долга, то и он, даже проживая в границах чужого государства, не должен встречать препятствий в осуществлении своих общественных обязанностей и прав.

Таково непосредственное требование нравственного закона; но поскольку наши деспоты думают, что и все это тоже могут подчинять своей деспотической власти, то мирный договор обязан превратить должностное в желание, а залогом желания должна стать принудительная гарантия; тогда мы получаем 8-ю *окончательную статью* — для деспотических РГ. Каждое заключающее мир государство обещает не ущемлять исконных прав временно находящихся в его границах индивидов до тех пор, пока эти последние не ущемляют прав государства, и ни в малейшей степени не препятствовать им в осуществлении их гражданских прав и обязанностей.

Если же, наконец, сталкиваются индивиды двух или нескольких независимых государств, то все они подчинены нравственному закону как пребывающие в естественном состоянии лица; этот закон одинаково связывает их. Однако как гражданин каждый будет повиноваться лишь законам своего государства, будет исполнять лишь свои обязанности, определять свое поведение той нормой, какую предписывает ему государство. Итак, такие законы обязывают людей лишь односторонне, и теперь встает вопрос: которому же из двух законодательств (вполне возможно, противоречащих друг другу в своих требованиях) должны подчиняться обе

стороны в случае возникновения конфликта? Или ни одному из них, а некоему третьему законодательству, которое предстоит еще выработать?

Если бы все существующие государства слились в одно единое всеобъемлющее государство и форма его была, например, деспотической, то в нем всякий индивид утрачивал бы свою личность, не переставая существовать, и те столкновения, в каких могли бы оказываться его члены, разрешались бы согласно принципам деспота или согласно законам республики и всеобщей воле, будь форма республиканской. Но поскольку уже значительное различие рас (которое, впрочем, стирается по мере роста культуры), даже если отвлечься от всего остального, не допускает подобного единообразия законов, или максим, то и в теории, и на практике нам не остается ничего иного, как вернуться к ныне существующим обособленным системам.

Представим себе, что все эти системы стали республиканскими, но даже и тогда, согласно только что сказанному, в каждом государстве будет царить свой закон — законодательство, отвечающее потребности и воле его обитателей, и ни одно такое законодательство не может претендовать в случае конфликта между гражданами-чужестранцами на предпочтение. Ведь нравственный закон категорически воспрещает одному государству силой навязывать свое законодательство другому (как поступали римляне). Итак, нет никакого иного выхода, и все индивиды, будучи гражданами мира, должны подчиниться общепринятым законам, должны выработать кодекс народов и придать ему общезначимость с санкции всеобщей воли.

Если во всех этих государствах существует незаконная деспотическая форма правления, то разрешающие конфликт законы определяются согласно принципам деспота — в зависимости от того, как они согласятся, либо от того деспота, подданным которого является нарушитель, либо от того, который распоряжается пострадавшим лицом, если речь идет о нарушениях; о регулировании подобных отношений всеобщей волей нельзя думать до тех пор, пока эта всеобщая воля заперта в чулане государя.

Если же, наконец, как в нашем случае, некоторые нации располагают республиканской, другие же — деспотической формой правления и конфликты должны регулироваться договором о возмещении ущерба, вступающим в действие при нарушении исконных прав первого вторым, то тут, поскольку для кодекса народов здесь можно ждать санкции лишь с одной стороны, нет иного средства, кроме как заявить о праве пострадавшего в свою очередь ущемить законное право нарушителя и, следо-

вательно, обязать подданных деспотических государств подчиняться в конфликтных ситуациях законам республиканских государств. Эта мера оправдана еще и тем, что, во-первых, республиканское законодательство основывается на священных правах человечества и льнет к гению времени, тогда как деспотическое европейское законодательство было наскоро составлено чужаком с полным пренебрежением к правам людей тысячу лет назад, а кроме того, оно зависит от капризов любого деспота; во-вторых, ни один подданный РГ не может жаловаться на насилие, коль скоро и те законы, с которыми он смирился, были навязаны ему без всякого согласия с его стороны, так что при выборе между двумя законодательствами, каждое из которых ему равным образом навязывают, он, без сомнения, предпочтет лучшее; и наконец, недостойно республиканца в конфликтных ситуациях с существами низшего порядка руководствоваться установлениями их правителей, тогда как привыкшему к принуждению рабу отнюдь не покажется странным то, что он вынужден повиноваться гетерономному закону. Отсюда следует *9-я окончательная статья* — для деспотических РГ. Если граждане НГ или республиканских РГ вступают в требующий вмешательства закона конфликт с подданными деспотических РГ или, наоборот, последние вступают в конфликт с первыми, причем как в пределах, так и за пределами отечества, то в каждом случае обе стороны должны быть судимы по законам более свободного государства, и так до тех пор, пока в результате общего согласия не будет принят кодекс народов.

Перейдем теперь к отношениям НГ к республиканским РГ и к определению зависящих от этого связей РГ с деспотическими государствами.

История человечества — это картина ситуаций, в которых оказывался и в которых не мог не оказаться человек, чтобы стать тем, чем он должен быть, — эта история ограничена двумя основными ситуациями, из них должна исходить и к ним должна возвращаться история, как и все родственные ей исследования.

Первая ситуация — это так называемое естественное состояние или, лучше сказать состояние варварства, начальная точка восхождения: человечество в своей колыбели способно успешно бороться со змеями, по своему внутреннему достоинству человек уже и в те времена — существо высшее, дающее себе закон, но по внешнему поведению он все еще свирепый зверь, его чувственность груба и неформленна, она капризно правит поработленным разумом, нравственный закон никем не соблюдается и остается без внимания, животные

силы при всей своей неупорядоченности предаются разрушительной игре. Вторая же ситуация — это состояние наивысшей культуры, последняя ступенька лестницы, человеческое достоинство во всем его величии, нравственный закон восседает на троне, чувственности со всеми ее притязаниями указано свое место, она всесторонне развита, но подчинена неограниченной власти рассудка, животные силы в своем конфликте никому не причиняют ущерба, царство духа гармонически сливается с царством материи.

Между этими двумя пограничными областями располагаются все наши общественные союзы; в зависимости от того, что преобладает в них — колорит животности или духовности, — они ближе к первой или ко второй. Но если нет иного пути от презренного состояния к вершинам гуманности, кроме пути человеческих объединений на разных ступенях восхождения, и если стремление к достижению вершины — безусловный долг всякого разумного существа, то даже и в состоянии дикости безусловный долг человека — сменить это состояние на общественное вообще.

В состоянии чистого варварства, которое, впрочем, в таком отвлеченном виде не существует, человека можно рассматривать как грубую бесформенную материю, — в идеале варвар поступает как зверь, ибо совсем не признает нравственный закон и лишь инстинкт служит нормой его поведения, поэтому он не может требовать, чтобы ему подобные или культурные люди обращались с ним иначе, чем со зверем. Правда, и в этом состоянии он от рождения остается самостоятельным существом, исконные его права по-прежнему укоренены в нем, и утрачивает он лишь право заявлять о них как о предпосылке иного человека в отношении к нему, ибо со своей стороны постоянно предрасположен к тому, чтобы мешать пользоваться этими правами другим (если бы он и захотел, то не смог бы устранить такую свою предрасположенность из-за преобладания чувственности и отсутствия культуры). С каждым шагом, приближающим его к культурному состоянию, он все более настаивает на том, чтобы его ценили, чтобы с ним обращались как с духовным существом. И наконец, когда он достигает прообраза высшей культуры, то совершенно недопустимо, чтобы когда-либо, в каком-либо случае, какое-либо существо, пусть даже существо божественное, ущемляло его человеческое достоинство.

В тот самый момент, когда известное число уже не варваров, но развитых — благодаря счастливой случайности, под кротким небом, вследствие благоприятных задатков и т. д. — индивидов приходит к ре-

шению создать государство, в это самое мгновение из всего того духовного, что стало их уделом, складывается моральное единство, всеобщий ум. И теперь совокупная воля их ставит перед этим умом такую задачу — отыскать пути к тому, чтобы, невзирая на все сопротивление себялюбивой животности, несмотря на вольнолюбие каждого отдельного индивида, обеспечить в целом (средствами искусства) взаимное осуществление исконных прав всех, прерванное в только что оставленном состоянии варварства. Правда, предрасположенность к нарушению этих исконных прав после такого волеизъявления по большей части остается и на будущее, — остается, потому что запас благоприобретенной гуманности все еще слишком незначителен, универсальный пластический ум видит в кругу своей деятельности массу грубой материи, материи животной, материи людей, лишь слегка затронутых культурой, и у этого ума есть право — право присвоения, говоря словами одного из самых пронизательных наших философов*; ум пользуется этим правом, он

* Этот философ (речь идет о Фихте. — *Ред.*) — автор работы «К исправлению суждений публики о французской революции» (см.: *Fichte J. G. Beiträge zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die Französische Revolution. Leipzig, 1957. S. 99*). Замечу следующее: когда я говорю, что грубый варвар — это животное, некая вещь, на которую распространяется право присвоения, то я ни на мгновение не забываю о том, что следует дальше: его нельзя рассматривать как вещь, которая так навсегда и останется вещью, но с ним надо обращаться как с индивидом, который находится в непрестанном поступательном движении к обретению личности, и право присвоения сохраняет значимость лишь при условии, что применение права способствует продвижению его вперед, в чем и состоит ведь долг человека; если же присвоение замедляет или делает невозможным такое продвижение, то право присвоения утрачивает свою силу. Буйно помешанный — это свирепый зверь, и общество вправе рассматривать его как такового, но с одной оговоркой — общество должно помнить, что он может претендовать на такое обращение, которое сделает для него возможным вновь принять человеческий облик. Общество не вправе убивать, не вправе ссылать его в пустыню, однако вправе посадить его на цепь во время буйного припадка или предоставить его попечению врача. И точно так же если нелюдимый житель Новой Голландии (Австралии. — *Ред.*) или грабитель-готтентот угоняет стада культурного колониста, сжигает его урожай, нападает на людей и убивает их поодиночке, то и тогда недопустимо, чтобы оскорбленный в своих правах поселенец начал войну на уничтожение зверских преступников, чтобы он открывал охоту на них, убивая их, словно диких кабанов, опустошающих его поля; однако он имеет право укрощать дикарей, превращать их из животных диких сначала в домашних и затем постепенно в людей. У него есть право — если только он по справедливости владеет своей собственностью — собирать этих дикарей в стада, коль скоро они сами не предпочитают удалиться прочь, или присоединить к своему дому, приспособлять к ним законы, возвращать и наказывать беглецов. Так следует поступать с теми людьми, которые в детстве потерялись в лесу, одичали, а затем случайно вновь оказались в человеческом обществе.

слагает вокруг себя эту материю, формирует ее согласно своим целям, заключает ее в определенные контуры, и, как только формосложение завершено, сформированное государство благодаря затраченным им усилиям обретает права собственности на своих подданных. Ибо, как и всякое индивидуальное духовное существо, дух государства тоже имеет право исключительного обладания той материей, которая носит на себе следы приложения его сил. И следовательно, подданный государства, организованный на правовой основе, нарушил бы исконные права этого государства, если бы без согласия последнего вышел из такого союза; он, насколько это зависит от него, разрушил бы его сложившуюся форму и ущемил бы его в правах собственности. Правомочность государства скреплять целью части целого проявляется лишь постольку, поскольку в данный момент культура подлежащих формосложению индивидов значительна; ведь в таком случае затрата усилий пропорционально меньше. Сила исчезает без остатка, когда индивиды бесконечно приближаются к максимуму культуры, потому что тогда затрата сил для утверждения такой формы, которая обеспечивает осуществление прав каждого, меньше любой данной величины; ведь при такой степени культуры никому не придет в голову ущемлять права другого, так что не имеет места и формосложение, обеспечивающее такие права. Точно так же, как и в этом случае, права собственности не имеют силы (независимо от степени культуры) тогда, когда сам универсальный ум вследствие принуждения или вмешательства какой-либо иной противоправной причины принимает неправовую форму (цель которой тогда иная, даже противоположная цели способствовать росту культуры наделяемых формой индивидов) или такую, что в руках облеченных высшей властью лиц она с легкостью получает подобную, расходящуюся с целью тенденцию. Однако в обоих случаях в момент подобных злоупотреблений вступает в силу право воздаяния со стороны подданных в отношении властей, что поставлены этими формами, а через посредство их — и в отношении самого составляющего форму государства; власти нарушают исконные права подданных, пользуются ими как средством для достижения целей, чуждых их подданным, последние в свою очередь могут нарушить исконное право властей, если те не проводят необходимых реформ, подданные могут заявить о прекращении действия прав властей по отношению к их личности и об изъятии своем из пределов их юрисдикции.

Подобному тому как, согласно изложенному, государство, организовавшееся на правовой основе, в момент своего формирования обретает право присвоения, а затем — внутреннее право собствен-

ности на своих индивидов, оно равным образом обретает и внешнее право присвоения, распространяющееся на окружающих его варваров, а после включения тех в свой состав — столь же обоснованное право собственности на них, что и на своих исконных граждан. Нет нужды ждать, пока права государства будут нарушены*; уже сам принцип, какому следуют варвары, избирая мерой своих поступков выгоду, а своей целью — удовлетворение животных похотей, есть нарушение. Однако чем культурнее чужестранцы, тем слабее такие правомочия, которые совершенно прекращаются в отношении чисто духовных существ, или идеальных людей. Точно так же присвоение еще совершенно лишенных культуры кочевников будет неправомочным притязанием, если государство организовано не на правовой основе; если государство силой вынудило их признать свою незаконную форму, то его право собственности, как право сильного, недействительно перед судом морали. Обратимся к взаимоотношениям самих государств.

История и повседневный опыт учат нас, что властители всех государств, какие существовали до сих пор, относятся друг к другу и к своим подданным как самые настоящие варвары. Идею права народов они переделали в право деспотов (и должны были так поступить, действуя последовательно), и даже в таком извращенном виде они почитали это право лишь постольку, поскольку оно давало им в руки (за счет несчастных архивов) какие-то оправдания, прикрывающие их взаимные непрестанные драки. В идее права народов были, правда, ощутимы слабые признаки зарождающейся культуры, но вот уж долгие столетия властители остаются на достигнутой когда-то ступени культуры. Проект Питта уморить Францию голодом, раздел Польши и многие другие события последнего десятилетия очень хорошо показывают, сколь велик культурный прогресс, достигнутый в наши дни деспотами. Коль скоро дух гуманности столь слабо тлел, а местами

* Обычно враждебные действия допускаются лишь по отношению к тому, кто уже делом *покусился* на право другого, и это, конечно, верно, если и тот и другой находятся в *гражданско-правовом* состоянии. Ведь если один вступил в то состояние, он уже дает другому требуемую гарантию (при посредстве высшей инстанции, имеющей власть над обоими). Человек же (или народ) в естественном состоянии лишает меня этой гарантии и, живя рядом со мной, нарушает мое право уже самим этим состоянием, если не делом (*facto*), то беззаконностью своего состояния (*statu iniusto*). Этой беззаконностью он постоянно угрожает мне, и я могу принудить его или вступить вместе со мной в общественно-законное состояние, или же избавить меня от своего соседства.

и совершенно угасал, мысль об общественном объединении в больших масштабах казалась фантастической и практически неосуществимой в реальном мире, но, наконец, французская революция, создавшая так много чудес, сделала возможным реализацию и этой идеи. Благодаря законосообразным, не столь подверженным злоупотреблению формам, какие этот переворот даровал нации франков, а впоследствии и некоторым другим народам, благодаря многим великим идеям, которые до того пребывали лишь в головах немногих людей, а теперь стали всеобщим достоянием, благодаря впечатляющему блеску подвигов, совершенных государством-победителем в войнах, причиной которых послужила французская революция, у всех народов, получивших свободу и восприимчивых к этим идеям, сложилась та благоприятная предрасположенность, наличие которой мы и раньше считали необходимым, говоря о том, что индивиды обязаны услышать голос долга и выйти из варварского состояния.

Долг Франции воспользоваться этой предрасположенностью, чтобы осуществить идею, которой не знала древность, развитие которой из всех столетий суждено увидеть лишь XIX веку и карикатурным воплощением которой служит уклад Германской империи, — идею великой республики народов. В торжественном обращении Франция призвет вступить с нею в общественный союз все государства, обязанные ей своей свободой, не исключая и Северной Америки; для этой цели будут назначены представители, которые изложат на всеобщем съезде народов исконные права каждого государства; будет провозглашена конституция народов, в основу которой будет положена одна из четырех форм правления, названных выше, для того чтобы определить законы разрешения конфликтов государства с чужими для него индивидами и выработать кодекс на случай столкновения индивидов с различным гражданством (такой кодекс мы признали необходимым выше). Общая воля всех народов будет находится в руках правительства, которое лишь в единственном случае (он будет указан ниже) сможет вмешиваться во внутренние дела государств, и впредь остающихся самостоятельными как таковые; во всем остальном юрисдикция этого правительства будет распространяться лишь на внешние сношения государств; господствующее поныне право сильного будет упразднено в подчиненных этому правительству народах; вместо этого правительство силою законов введет вечный божий мир, тем самым обещая человечеству златые дни. Так и эта слава суждена тебе, о великая нация! Как некогда Спарта освободила от деспотов Грецию, так ты освободишь от них Европу; среди хаоса

народов-варваров ты учредишь невиданный храм свободы — возведенное из обломков деспотизма колоссальное здание, пред которым с благоговением остановится и самый тупой, самый бесчувственный раб. Малодушные, вы, что глумитесь над Францией! Придите тогда и изумитесь: объединение наций единой всеобщей волей — то, чего в течение тысячелетий домогались ваши деспоты на погибель человечеству, — этого достигает ныне государство уговорами, распространяя благодать по всей Земле.

Поскольку в этом вопросе Франция едва ли согласится воспользоваться правами принуждения по отношению к республиканским РГ, то в мирном договоре речь пойдет о нем лишь гипотетически, и тогда мы получаем следующую, 7-ю окончательную статью — для республиканских РГ. После заключения мирного договора НГ и республиканские РГ придут к соглашению относительно формирования Конгресса наций для создания всеобщей Республики народов.

Если это требование будет выполнено и государство народов будет образовано на правовой основе, то оно, как в прежние времена всякое организованное на законной основе государство в отношении индивида-варвара, будет обладать правом присвоения в отношении государств, продолжающих жить в условиях варварства. Однако поскольку эти народы в силу своей санкционированной их укладом внутренней порчи еще не приспособлены к общественной жизни и вследствие малого накопления своей внутренней формы будут только угрожать союзу постоянными потрясениями, если просто принять их в его состав, то универсальное государство (тем более что НГ обещало не вмешиваться в их внутренние дела) удовлетворится тем, что будет ждать, не изменят ли они форму правления изнутри. А пока пусть ломают себе шеи — они ведь и не желают лучшего для себя жребия.

Согласно нашим посылкам, каждый член противоправно организованного или управляемого государства вправе разорвать свой договор с ним и отделиться от него.

Если в таком государстве чувство противозаконности его возрастет настолько, что большинство потребует своих прав и отречется от него, то тогда складывается голос общественного мнения: мы не хотим больше этого уклада, давайте выберем другой! Такое настроившееся на перемены большинство либо собственными средствами и насильственными методами вынуждает меньшинство (ведь может быть и так, что меньшинство, несмотря на свою малочисленность, тем не менее сильнее) примкнуть к нему, и тогда происходит революция, либо

же оно не позволяет вести такую борьбу граждан против граждан, даже будучи уверенным в благоприятном для своей стороны исходе ее, а довольствуется тем, что выбирает третейским судьей между собою и менее культурной противной стороной соседнее государство. Тогда изменой человечеству было бы отказываться от посредничества; в обоих случаях безусловный долг государства — сделать все возможное для того, чтобы вывести соседа из состояния пагубы, в каком содержат его опекуны. С помощью государства народов большинство сейчас же должно встать на законное основание, а тогда с меньшинством, которое своим сопротивлением большинству вернуло себя в естественное состояние, следует обращаться как с естественным человеком, присоединив его по праву присвоения к новому государству, которое, в свою очередь, составит неотъемлемую часть всего большого здания — государства народов. Поскольку остальным деспотам может прийти на ум воспрепятствовать такому присвоению, необходимо воспользоваться их нынешним бессилием и посредством мирного договора обеспечить безопасность НГ перед их возможными возражениями, и это составит содержание *10-й окончательной статьи — для деспотических РГ*. Если общественное мнение какого-либо деспотического государства заявит о своем желании изменить форму правления (либо путем насильственного переворота, либо путем обращения за помощью к будущей Республике народов), то правители РГ обещают не вмешиваться, начиная с этого момента, во внутренние дела такого государства и предоставляют государству народов установить законосообразные отношения с нововозникшей нацией.

Если представить себе, что какое-либо РГ освобождает себя собственными силами, то в приведенной формуле заключено обещание деспота или деспотов этого государства никакими средствами, начиная с момента отказа большинства от сложившихся отношений, не восстанавливать эти отношения, а перейти на положение зависимо-го от закона гражданина государства.

Из всего вышеизложенного следует, наконец, и то, что Республика народов, завершив свое формосложение, приобретает права собственности на приобщенные к ее форме другие государства — права большие или меньшие в зависимости от того, насколько менее или соответственно более значительной была в момент ее формосложения их внешняя культура, и на срок, пока форма этих государств по своему воплощению в чувственном мире отклоняется от общей цели. Итак, если государство выходит из сообщества государств, чтобы существовать само по

себе или, более того, чтобы примкнуть к деспотам, то его с полным правом можно будет силой принудить вернуться в союз государств, причем на весь срок, пока все остальные государства не достигнут максимума культуры, когда и вообще станут не нужны никакие социальные объединения.

Выход государств можно объяснить двумя причинами — либо это каприз народа-ренегата, либо внутренняя смена форм лишь повод для установления деспотии или даже анархии. В первом случае правительство государства народов попытается сначала вернуть отколовшееся государство мирными средствами, а если они не дадут результата, с полным правом может применять насилие. Во втором случае правительство устранил сам повод — оно вынудит узурпатора или узурпаторов вновь склониться перед волей народа, из-под которой они вырвались силой, внезапно (потому что немисливо, чтобы нация, пользующаяся преимуществами правового республиканского строя, добровольно смирилась с незаконной или потворствующей незаконию деспотической властью), а в случае анархии упразднит причину ее и восстановит царство законов. И тут деспотам, которые очень любят ловить рыбку в мутной водице, тоже может прийти на ум препятствовать Республике народов воспользоваться этим ее суверенным правом. Следующая статья предупреждает подобные притязания. *11-я статья* — для деспотических РГ. Если некоторые нации впоследствии будут в состоянии законности сосуществовать с НГ и одна или несколько таких наций откажутся от этого состояния в пользу внутреннего или внешнего беззакония, то остальные члены союза народов вправе силой принудить такое государство или такие государства вернуться к послушанию закона, прибегая ко всем дозволенным им союзом народов средствам, причем деспотические РГ не вправе возражать против этого.

Как бы неприятно ни звучали для деспотов и их приспешников все эти условия, особенно десятое, они непосредственно вытекают из наших принципов, и НГ — абсолютный победитель (я предполагаю, что оно победит) — вынуждено будет категорически настаивать на их исполнении, чтобы предотвратить в будущем сцены, подобные тем, какие происходили в Польше, и отнять у политической гидры всякую надежду, будто интригами она сможет добиться того, чего не сумела добиться силой; благодаря этому покой Европы будет обеспечен на долгое время. Гений эпохи позволяет ожидать целый ряд революций, которые быстро последуют одна за другой. И если отношения республиканских государств с новорожденными нациями не будут определены

заранее, то следствием такого упущения явится прискорбная цепь непрекращающихся войн, которые закончатся абсолютным ослаблением власти деспотов и их прихвостней; стоит вместо этого заранее огорчить такой момент, с которым новым нациям останется лишь согласиться, чтобы навеки обезопасить себя от всякого насилия. Теперь у нас на очереди религиозные отношения. Перейдем к ним.

Подобно тому как благополучие отдельного индивида, пока он существует в чувственном мире, составляет цель любого политического объединения людей в государство, то благополучие души, оставляющей чувственный мир, — главная цель религиозного объединения индивидов в Церкви. Для нее верноподданный — не человек, послушный ей ради обеспечения своих исконных прав, но дух, который верует, дабы обрести блаженство; свой разум он обязан отдать в плен догматов, он обязан побороть, как орудие дьявола, свою чувственность («плоть», говоря более новым языком, или «зверя» в себе, говоря языком старинным); однако как бы дух ни старался, если не почиет на нем благодать свыше, он никак не сможет одолеть беса, обороняющего свою собственность. Ему в наследство дана греховность от природы; в Церкви же и через посредство Церкви он должен совлечь с себя грех. До вступления в общность Церкви все люди в религиозном естественном состоянии — исчадия ада, слуги Сатаны, и их ждет единственный удел — проклятие. Ужас перед таким будущим вынуждает людей заключать союз с Церковью, они порывают со своим прежним господином, и крещение утверждает заключенный союз; люди переходят в общественное состояние, вступают в Царствие Божие. Теперь они на время ограждены от пасти лукавого, однако все равно не перестают быть достойными своего прежнего повелителя, его влияние на них, несмотря ни на что, по-прежнему продолжается; если не вступится Церковь, он вырвет их прямо из стада; Церковь же берет на себя обязанность сделать неразличимой печать адову — первородный грех, чтобы человек стал достойным гражданином неба. Святость — вот идеал Церкви; если всех своих членов она превратит в святых, цель ее будет достигнута, наступит состояние высшей религиозной культуры, и общность распадется за ненадобностью.

Итак, Церковь — это полный аналог государства; в ней есть высшая законодательная власть (номотесия), и эта власть, устанавливая так называемую литургию, предписывает своим подчиненным: вы должны веровать вот в это, а не в то, поступать вот так, а не иначе, если только хотите обрести царство небесное. Символические книги — это запись обязанностей, какие Церковь возлагает на верующих. Соборания

декреталий и канонов содержат в себе кодекс законов Церкви. По той же аналогии с государством высшая власть в Церкви либо принадлежит одному лицу, либо же распределяется между многими или всеми. Она присуща Церкви в целом или же распадается на законодательную и исполнительную власть. Поскольку же подданные Церкви — это души, просвещаемые свыше (а души можно принуждать лишь силой моральной, а не физической), и поскольку ни один человек не может принуждать другого морально, постольку и зримая Церковь на Земле не может пользоваться исполнительной властью — ей приходится передавать такую власть высшим существам, поэтому любой правовой уклад Церкви должен быть трансцендентным по той же самой причине, по какой чистый уклад государства никогда не бывает трансцендентным. Директория Церкви — Троица, ее администрация — бесы, ангелы и святые, верховный суд — Ад, преддверие ада — Тома, чистилище — Бастилия; в Раю Церковь распределяет доходные должности и из верных слуг божества образует придворный штат и его министров.

Итак, если Церковь осмеливается передать исполнительную власть в руки одного или многих людей, то она поступает деспотично; ее притязания — неуместны, форма — недействительна. Поэтому построенный на этом католицизм незаконен и лишен оправдания. Папа, словно монарх мировой империи, стоит во всеоружии своей непогрешимости во главе колоссального государства, провинциями которого управляют проконсулы и черное дворянство согласно принципам феодализма; во всех городах расположены его гарнизоны, которые огнем и мечом глушат малейшие проявления духа исследования, — все они еще теснее наемных чиновников государства привязаны к его интересам обетом безбрачия. Как только проглянет где-нибудь здравый человеческий рассудок, ярко вспыхивают костры; глупость и суеверие — столпы общества. Горе тому, кто осмелится потрясти их! Сила папы, по собственному выражению одного из этих деспотов, так относится к политической власти, как Солнце к Луне, следовательно, если взять отношение силы света, то как 300 000 : 1. Лишь изредка его магнаты (то же самое в малых масштабах, что он — в больших) собираются вместе, чтобы — если уж он начинает заирать слишком большую власть — своей непогрешимостью перечеркнуть непогрешимость его; однако, подкупленные Святым Духом, они вскоре начинают представлять смехотворное зрелище английского парламента. Держатель мандата неба, папа даже спустя тысячелетия после смерти своего подданного способен воздействовать на него и даровать ему бесконечное блаженство или самые ужасные муки; он и небесными

телами играл бы, как играет частями света, если бы природа не разделила их неизмеримыми пространствами, — даже и его всемогущество не в состоянии преодолеть их... Вот последствия комбинации, которая, к несчастью, возникла некогда по ходу вещей; и теперь она, словно кошмар, давит на мир; верно определить ее словами св. Киприана, сказанными о Церкви вообще: *est Plebs Sacerdoti adunata*¹².

Кто не уверует, тот не спасется; раскольник и отступник да будут прокляты и отлучены; так говорит Церковь, и, стало быть, у нее есть судебная власть*, однако она может только выносить свои приговоры, но не может настаивать на своем в этом мире — иначе совершит грех против государства. Когда Констанцкий собор предал огню раскольников Гуса и Иеронима Пражского, когда инквизиция поджаривала еретиков на кострах и когда как собор, так и инквизиция веровали, что все это «благоухание, приятное Господу»¹³, они совершали преступление, состоящее в оскорблении человечества; человечество вопиет при виде кроважанных палачей.

Поэтому государство и Церковь, взятые как понятия в чистом виде, не имеют никаких отношений между собою; сфера государства — конечное, сфера Церкви — вечное; государство, согласно закону тяготения, привязано к земле, а Церковь пронизывает все девять небес. Связь между ними возникает лишь тогда, когда они злоупотребляют своей властью, непозволительно расширяют область своих судебных прав; когда же они возвращаются в свои естественные границы, связь прерывается. Сферы действия той и другой власти соприкасаются благодаря широкому переходу: ведь властители — это люди, и они могут взаимно осложнять жизнь друг другу, делать вообще невозможным пользование правами и обязанностями. Так, Церковь сталкивается с государством, нанося ему ущерб, когда устанавливает законы, противоречащие цели государства. В этом отношении, согласно естественному праву, Церковь обязана подчиниться вето государства; распоряжения Церкви, прежде чем они вступают в действие, должны получить санкцию (*placetum regium*) государства, а государство может пересмотреть и прежние распоряжения Церкви, отменив те из них, которые не согласуются с его принципами. Далее, Церковь переходит свои границы, когда привлека-

¹² Народ, подчиненный священнослужителю (*лат.*).

* Церковные суды Божьи были некогда такими судилищами в Германии, где церковь по преимуществу пользовалась этим своим суверенным правом; но теперь эти судилища свелись к исповедальням.

¹³ См.: Лев. 1:9; Быт. 8:21.

ет своих членов к уголовной ответственности, когда в своих священных храмах предоставляет убежище преступникам, которых государство преследует, объявляя их вне закона, когда принимает на службу в качестве низших властей своей иерархической системы солдат — все равно, для того ли, чтобы воевать с неверными, или для того, чтобы истреблять еретиков и распространять веру. Наконец, когда претендует на владение недвижимым имуществом в государстве. Всякий, кто захватывает сырую материю, дабы, придав ей форму, тем самым обратить ее в свою собственность, поступает так не как член неземной общности или от ее имени, но как человек в силу его исконных прав. Однако если он становится гражданином, то вместе со всеми своими приобретениями становится собственностью государства и Церкви отдает только свою душу, чтобы та обрела блаженство. Если же Церковь возжелала большего, то требования государства сохраняют свое значение и спустя тысячелетия; государство вступает в права своей собственности и только должно рассчитаться с теми, кто, полагаясь на Церковные права, потратил свои силы на нечто материальное; эта тема касается лишь внутренних отношений государства с Церковью и потому не может сейчас обсуждаться.

Государство нарушает права Церкви, когда вмешивается в ее внутреннюю организацию, насколько эта последняя может существовать рядом с государством, когда незаконным путем сковывает ее законодательную власть, когда насильственными средствами наносит ущерб ее существованию и т.д.

Чтобы после всех этих посылок вернуться к определению внешних отношений НГ к Церквам чужих РГ, что единственно и входит в круг нашего рассуждения, то поскольку в мирном договоре должна быть проведена демаркационная линия лишь между НГ и чуждыми ему в государственном отношении Церквами, ясно, во-первых, что у НГ вообще нет отношений с Церквами деспотических и республиканских РГ, как у политического общества первых нет отношений с религиозными общинами во-вторых, и наоборот, если только вторые не сдвигают межевых камней первых. Сдвиги же, если они имеют место, могут происходить двояким образом — во-первых, вследствие противоправных решений всего универсального Церковного государства, а таковые государство может отменить, как только сочтет их не соответствующими своим собственным форме и цели, и, во-вторых, путем неправомерного вмешательства со стороны той чуждой в государственном отношении провинции универсального Церковного государства, которая осуществляет законодательную власть над частью граждан государства. Государство не только вправе

отвергать нападки второго порядка на свои суверенные права, но даже не обязано признавать гетерономию такого рода. Если государство и Церковь состоят из тех же самых субъектов, то первое может позаботиться о том, чтобы вторая шла в ногу с просвещением. Но этого никогда не будет в том случае, если один и тот же человек принадлежит свободному государству как гражданин земли и деспотическому государству как гражданин неба, ибо повелители деспотического государства в своей слепой вере полагают, что должны противостоять потоку порчи, и, даже видя, что усилия их бесплодны, все же по меньшей мере отстают от своего века и в конце концов подают повод к конфликтам между государством и Церковью. Чтобы предотвратить это, государство имеет право (тем более что пользование этим правом отнюдь не ущемляет прав Церкви, а лишь меняет границы ее департаментов) потребовать от властителей чуждых в государственном отношении Церквей, чтобы те отказались от законодательной и судебной власти над частью его граждан. Последнее вкупе со сказанным выше дает *12-ю окончательную статью — для деспотических РГ*. Папа от имени Церкви признает за НГ и республиканскими РГ право вето в отношении всех законов, как уже изданных, так и издаваемых в будущем, если таковые противоречат частным или общим целям таких государств, последние же, в свою очередь, изъявляют свою готовность не пользоваться как правом вето, так и своей властью вообще в ущерб обоснованным Церковным привилегиям. Духовные владыки Церквей всех РГ отказываются от своих судебных прав и сопряженных с ними прав и владений над подданными НГ и республиканских РГ, включая те государства, которые были присоединены ими во время войны. В свою очередь о подобном же отказе в отношении деспотических РГ заявляет Церковь НГ и республиканских РГ. *8-я окончательная статья — для республиканских РГ*. Духовные власти каждой заключающей мирный договор стороны или светские власти от их имени заявляют о своем совместном отказе от Церковных прав на граждан другого государства.

Для государств, для покоя их земель не менее, нежели геометрическая их сомкнутость, важна религиозная их целостность, способствующая беспрепятственному поступательному движению просвещения; таковая ставится в связь с первой благодаря приведенным двум статьям. Итак, такая договоренность никак не может рассматриваться как несущественная.

Что же касается, далее, религиозных отношений между индивидами государства и Церковью, географически и по существу чуждой государству, то легко видеть, что ответ может быть лишь отрица-

тельным. Ни одна Церковь не должна притязать на то, чтобы препятствовать чужому ей человеку исполнять обязанности, возложенные на него его Церковью, если только эти обязанности не противоречат нравственности и общей цели. Но если такие притязания тем не менее высказываются, то государство, к которому принадлежит ущемленный в своих правах индивид, обязано поставить Церковь на место. Итак, определение такого отношения лишь в той мере относится к содержанию мирного договора, в какой он обязан пресекать самую возможность подобного злоупотребления. И только чужой религиозный ловец душ, равно как и тайный политический агент, — лойолаист и лоялист¹⁴, — не может рассчитывать на веротерпимость. Ведь агент ставит себя в центр целой системы приверженцев, которыми пользуется или может пользоваться как орудиями, для того чтобы коварно нападать на общество, и, следовательно, общество может поступать с ним так, как того заслуживает его ремесло, всеми насильственными средствами, какие только есть в его распоряжении, препятствуя исполнению его проектов. Если же он действует в открытую, то Церковь, конечно, оказывается по отношению к нему в положении вынужденной обороны, но все же он — противник в открытом поле, и с ним можно бороться лишь тем оружием, к какому прибегает он в своих нападениях, — либо доводами, либо физическим воздействием, в зависимости от того, чем он пользуется или делает вид, что пользуется.

С такими оговорками мы получаем *13-ю окончательную статью* — для *деспотических РГ*, *9-ю* — для *республиканских РГ*. Все светские и духовные власти каждого заключающего мирный договор государства обещают не препятствовать гражданам других государств в отправлении ими религиозных обязанностей, если такие обязанности не находятся в противоречии с нравственным законом или целями государства, и обещают не препятствовать деятельности их в своем кругу, если они ищут себе приверженцев мирными средствами гласности.

Поскольку всякая Церковь пользуется судебными правами над своими членами, то при конфликте между гражданами двух разных Церквей встает вопрос, которому из двух законодательств должны подчиниться конфликтующие стороны. Однако такой вопрос не решается судом государства — оно в противном случае вмешается в дела, какие правомочны решать только Церкви; только они могут определить свои взаимоотношения. Так что пусть наши богословы занимаются этим сколько им угодно, а мы не будем касаться их тонких паучьих сетей.

¹⁴ Т.е. иезуит и монархист.

И поскольку, наконец, зерна будущего религиозного государства народов (в котором царила бы лишь «религия человека», как назвал ее Руссо, а законодательствовал бы один лишь разум) и во Франции, и во всех республиканских РГ еще чрезвычайно малы, притом что политическое просвещение движется вперед быстрыми шагами, религиозное, напротив, еле тянется вперед, и в соответствии со всем этим народы, постепенно прирастающие к Республике народов, без труда войдут и в тот религиозный союз, как только пробьет его час, то было бы излишне и бесполезно давать определения будущим религиозным отношениям НГ к Церквам деспотических РГ, как и к самим РГ. Поэтому без дальнейших предисловий перейдем прямо к торговым отношениям.

Торговля вообще, торговля в теории, есть определение отношения собственности (товара, будь то произведения промышленности или искусства), находящейся в распоряжении одного индивида, к собственности другого. Если это определение связывается со взаимным изменением отношений собственности товара к владельцу, возникает торговля на практике. Торговля бывает меновой, когда оба члена отношения — товары; денежной (не торговлей золотом, которая становится меновой, если государство объявляет золото и серебро товаром), когда у этих членов нет никакой внутренней ценности или же она непропорционально мала (относительно непосредственных потребностей человека), условная же стоимость весьма высока; торговлей в более узком смысле, когда один член — товар, а второй — именно воображаемый суррогат товара; наконец, торговлей людьми, если членом выступает подданный торгующей или любой иной нации любого цвета кожи. Отношения между товаром и товаром, деньгами и деньгами или товаром и деньгами, т. е. цены, — это законы или, лучше сказать, принципы торговли, которые меняются в зависимости от времени и места и зависят от отношения массы денег к массе товаров, от большего или меньшего количества того и другого. Определенное число индивидов, признающих одни и те же принципы, законы, составляет торговую нацию; ввиду незначительного объема, в каком царит тот или иной принцип, торговая нация всегда заключает в себе лишь относительно меньшее или большее число субъектов и занимает большую или меньшую территорию — в зависимости от того, сколько рек, морей, проливов и шоссейных трактов облегчают взаимные торговые сношения. Поэтому и не бывает больших торговых наций, одна и та же политическая нация распадается на весьма значительное множество мелких торговых государств, из которых

всякое признает свои законы и никем не принуждаемо подчиняться высшему законодательству (отчасти исключая денежную торговлю).

Итак, первое торговое отношение, с каким мы встречаемся, — это отношение между государствами в собственном смысле слова, когда одно из них берет на себя смелость расширять торговлю приписанных ему торговых наций за счет всеобщей свободы торговли (которая, как исконное право человека, никогда не должна нарушаться) чужих государств и пользуется вооруженной силой, чтобы утверждать свое превосходство на морях. Такие притязания неправомерны, они противоречат праву народов. Поскольку же они не раз приводили к тому, что Европу заливали потоки крови, то предотвращение подобных бесчинств не будет чем-то малозначительным; об этом позаботится *14-я окончательная статья — для деспотических РГ*. Политические правители деспотических РГ обещают ничем не ограничивать (если только не по общему соглашению) всеобщую торговлю НГ и всех республиканских РГ и не нападать на их флаги. Полное равенство должно господствовать на морях.

И соответствующая *10-я окончательная статья — для республиканских РГ*. Свобода, равенство, братство всех торговых наций будущей Республики народов!

Если нам надо придать свободную, правовую меркантильную форму известному множеству индивидов, это должно произойти следующим образом. Во-первых, согласно принципу свободы: каждый индивид обладает правом устанавливать торговые принципы теоретически, отношения же товара к его владельцам — лишь будучи одним из последних или же будучи поверен на то владельцем товара. Во-вторых, согласно принципу равенства: никто не должен навязывать торгующему такой принцип, которым не может воспользоваться этот торгующий. Наконец, по принципу зависимости: каждый гражданин подчиняется общей воле. Первое положение запрещает любые торговые гильдии и цехи — они исключают остальную часть нации как «непосвященных». Второе запрещает все монополии, которые насильственно возлагают на каждого гражданина бремя законов, но не дают ему возможность воспользоваться тем же преимуществом, если бы ему пришла в голову мысль торговать тем же товаром. Третье наделяет нацию законодательной властью. Этой властью нация пользуется либо в массе, так что благодаря взаимной конкуренции, погашающей приступы алчности, рыночная цена определяется как норма взаимного обмена на такой-то момент времени, либо же нация передает власть одному или нескольким лицам,

обыкновенно властям политического государства как своим представителям, а те определяют тогда максимальную цену¹⁵.

Единственная функция исполнительной власти — это торговля на практике. Отсюда прежде всего явствует, что поскольку для такой торговли необходимо минимум два торгующих лица и все в целом не может торговать ни само с собою, ни со своей частью, если желает остаться всем, а, сверх того, торгующая нация лишь редко располагает собственностью именно как единство (вроде того, как некоторые африканские племена владеют рощами каучука), то демократическая форма в собственном смысле слова вообще не может иметь место во внутренней торговле, во внешней же — лишь в немногочисленных случаях и при низком уровне развития культуры. Далее: деспотическая форма (когда один человек ведет торговлю всей нации как высший законодатель и исполнитель, а все остальные устранены) хотя и может иметь здесь место, но едва ли когда-либо имела место в полном объеме. Итак, в обычной жизни найдут применение, пожалуй, лишь полиархически-деспотическая форма (тогда законодательная и исполнительная власть находятся в руках компании, получившей привилегию) и полиархически-демократическая (тогда законодательная власть принадлежит всем, кто только может торговать, исполнительная же — только тем, кто действительно торгует) со всеми переходными ступенями между ними.

Далее, если несколько торговых наций объединяются в большое торговое государство, то по уже указанной выше причине это может происходить лишь двояким образом: а) несколько полиархически-деспотических или демократических торговых государств объединяются в согласии с первой формой; б) несколько полиархически-

¹⁵ В такой передаче безусловно есть своя хорошая сторона, особенно когда речь идет о товарах первой жизненной необходимости, потому что благодаря этому нажива остается в законных пределах; однако можно видеть, что такой формой легко злоупотреблять, как это было во времена Робеспьера. Ограничения на ввоз товаров снизили товарную массу; в то же время денежная масса колоссально возросла вследствие непрестанной эмиссии ассигнаций; принцип применяли, нимало не считаясь с этим, так что он действовал насильственно и губительно. Поэтому если для предотвращения злоупотреблений не желают вводить форменную конституцию на манер политической, чтобы создать своего рода равновесие между различными представителями торговой воли, — ее введение и поддержание было бы связано со многими трудностями и затратами и все равно не принесло бы пользы, — то следует сохранить без перемен прежнее народовластие, а тогда государство пусть ограничится лишь полицейским надзором над прибылью и ажио (дисконтом).

деспотических или демократических государств объединяются в согласии со второй формой.

В первом случае правители торгового государства, все или некоторые из них, объединенные в политическое государство, непременно поглотили бы всех самостоятельных торговцев, возобладали бы их воля, все сокровища мира стали бы стекаться в их храм Маммона, весь промысел сосредоточивался бы в их руках; вся эта нация стала бы гильдией, остальные люди сделались бы чернью, которой пришлось бы терпеть измывательства денежной аристократии; утонченнейшая роскошь тиранов по контрасту с самой тупой расслабленностью рабов, небывалое падение нравов, смерть духа гуманности — вот ужасные последствия системы, которую намеревался провести в жизнь надменный Питт, так что гений человечества, будь у него выбор только между этой системой и универсальной монархией, или иерархией, и не знал бы, что из них предпочесть.

Во втором же случае нации, или их торговые власти, или те и другие вместе, согласно принципу свободы, должны, во-первых, признать за собой право ничем не ограниченной торговли; во-вторых, согласно принципу равенства, никто не обязан подчиняться монополии другого, зато и те и другие, согласно принципу зависимости, обязаны подчиниться известным принципам, однако принципам общепринятым.

Республиканское НГ отнюдь не чувствует в себе призвания входить в деспотические отношения со своими соседями или тем более вводить таковые между различными торговыми государствами, которые входят в его состав. Для того чтобы существовала торговля, неизбежно должны иметь место отношения*, не остается ничего иного, как и в этом случае навязать торговым нациям побежденных РГ, принявшим уже раньше законодательство НГ, второй способ организации. Тогда множество политически родственных торговых наций составят поначалу республикански-меркантильное государство народов, которое распространится затем на соседние, политически чуждые ему торговые государства — они тем не менее смогут внутри себя сохранять деспотическую форму, — и наконец образует универсальную торговую республику. Следующая статья закладывает первый камень в основание этого союза.

* Однако эти отношения при нынешнем положении дел ограничатся отношениями индивидов, поскольку, как мы только что видели, торговые государства как таковые обычно не располагают собственностью, а потому не могут завязывать торговых связей как индивиды между собой или с индивидами; такие связи нуждаются еще в дальнейшем определении.

15-я окончательная глава — для деспотических НГ. НГ и республиканские НГ от имени своих торговых государств разрешают подданным деспотических РГ неограниченную свободную торговлю со всеми торговыми государствами их отечества и их колониями; в свою очередь деспотические РГ разрешают гражданам НГ и республиканских РГ вести такую же торговлю с их подданными. Ни одна из заключающих мирный договор сторон не обязана признавать монополию другой стороны.

Соответствующий элемент федерации для республиканских РГ содержит предназначенная для них 10-я статья. В соответствии с этими условиями Англия откажется от своих навигационных актов в отношении свободных государств. Огромная жертва! Потому что из всех причин именно эта мера наиболее способствовала тому, что торговля Англии достигла столь блистательных высот; однако Англия повинна пойти на этот шаг ради возмещения многообразных бедствий, причиненных ею человечеству. Слова «наибольшее — наименьшее благоприятствование» исчезнут из языка торговли; Португалия не будет открыта для торговых спекуляций одной лишь Англии; Испания сделает доступными свои колонии, прежде ревностно оберегаемые, для предпринимательства и конкуренции европейских республик; Голландия наладит торговые отношения с Молуккскими островами; наступит конец дерзости британского Нептуна, и, таким образом, благодаря этим двум статьям одновременно с мирным договором будем заключен торговый трактат, самый простой и самый лучший из возможных трактатов. В прошлом подписание такого трактата обычно переносили на более поздний срок, после заключения мирного договора, чтобы выиграть время и поразмыслить, как с наибольшей выгодой для себя перехитрить другую сторону двусмысленными статьями и все преимущества трактата обратить на пользу своего кармана, однако такие эгоистические приемы недостойны республиканского правительства.

Сколь же долго еще ожидать применения в торговле либеральных принципов, общепринятых теперь в политике! Правительство, которое как таковое не обладает непосредственной юрисдикцией над приписанными к нему торговыми нациями, запрещает этим нациям вывоз известных промышленных изделий (речь идет об излишках) или, что еще хуже, предписывает торговым нациям чужого политического государства не ввозить такие-то произведения, причем под ничтожным предлогом оживления собственной, отечественной индустрии. При этом не думают о том, что такой шаг замыкает индустрию в тесном кругу ее страны, потому что в ответ каждая чужестранная нация запрещает ввоз этого же или иного

товара. Правда, в том случае, о котором идет у нас речь, наибольшие преимущества останутся на стороне республиканских государств, поскольку перед ними открыты все деспотические РГ, тогда как последним доступны лишь Франция, Голландия, Италия с их колониями. Однако потери побудят и эти страны установить между собою те же отношения всеобщей меркантильной свободы, равенства, учредив тем самым большое купеческое государство народов — предтечу великого политического государства, причем дела торговли конечно же пойдут лучше, чем тогда, когда господствовали жалкие, малодушные, меркантильные принципы, все соразмеряющие только с самим собой.

Дерзостное включение в торговое отношение в качестве одного из его членов самостоятельного существа — все равно, белого или черного, — с давних пор оказывало исключительно губительное воздействие на дух гуманности, так что нация франков приобрела бы огромные заслуги перед человечеством, если бы воспользовалась нынешним стечением обстоятельств, чтобы освободить человечество от такого бича, если уж государства не проявили достаточного морального чувства, чтобы согласиться с этим добровольно. А потому вполне отвечало бы духу чистейшего космополитизма, — которым любая настоящая нация должна дорожить как национальной добродетелью, — если бы в договор были внесены следующие дополнительные условия:

Власти всех РГ обещают впредь не делать предметом позорной для человечества торговли ни своих подданных, ни подданных иных государств, в том числе и неевропейских.

Правда, это условие — не заповедь долга, но лишь добродетельное действие, и что касается его, то я ожидаю, что власти Франции обладают достаточным чувством для того, чтобы можно было надеяться, что они не пренебрегут таким действием, тем более что Англия в своих мирных предложениях предусматривала установление определенной системы для колоний. Друг человечества выразит при этом сожаление по поводу того, что ландграфство Гессенское, с давних пор лавка белой работорговли, обрело мир, не выполнив названного выше условия¹⁶.

Интеллектуальными я называю связи двух наций как общностей рациональных существ, упорядоченных согласно известному принципу и стремящихся к истине и просвещению. Такой принцип бывает республиканским, если, во-первых, каждый член общности пользуется свободой отыскания истины на своих путях и сообщения ее другим так, чтобы

¹⁶ В 1793 г. ландграф Гессен-Кассельский предоставил Англии 8 тысяч солдат, получив за это 225 тысяч крон.

никакая высшая власть не контролировала бы его и не навязывала бы ему своих убеждений, не считаясь с его собственными, и, во-вторых, если каждый член общества в качестве высшей инстанции признает законы рассудка и природы. Принцип этот бывает деспотическим, если особая ученая каста в государстве обладает всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти и ставит себя над той высшей инстанцией. Так это было, так это до сих пор остается почти у всех древних и новых наций Востока: в конторах египетских жрецов, индийских браминов, китайских мандаринов только и сохранялась сама доподлинная истина. Следы этого остались и у нас — это критические трибуналы Англии, книжная инквизиция Австрии, деспотизм попов, противодействующих просвещению во всех странах, доносы обскурантов и иезуитов, российские книжные аутодафе; если же не брать во внимание это, то нации Европы довольно близки к первой форме.

Но и здесь можно создать республиканское государство народов, литературное государство, возникновению которого могла бы воспрепятствовать разве что мрачная политика гражданских и религиозных властей, страшящихся света; поэтому возникновение подобного препятствия необходимо предотвратить уже при заключении всеобщего мира. Следующая статья призвана устранить его. *16-я окончательная статья — для деспотических РГ*, *11-я статья — для республиканских РГ*. Стороны, ведущие переговоры, дают обязательства не затруднять литературную деятельность в их странах, тем более не пресекать ее, обеспечивая свободный ток просвещения из страны в страну.

Из рассуждения об отношении индивидов в качестве более конкретного определения предыдущего следует *17-я окончательная статья — для деспотических РГ*, *12-я статья — для республиканских РГ*. Каждый индивид как НГ, так и республиканских РГ может путем гласности распространять в деспотических РГ просвещение, насколько сочтет нужным, оставаясь притом в границах морали и не идя тайными тропами. Тем же правом в свою очередь пользуются подданные деспотических РГ в свободных государствах; итак, каждое государство разрешает гражданам другого — литераторам — самую неограниченную свободу печати на своей территории.

Все это, конечно, прозвучит ужасным диссонансом в ушах ночных птиц, которым очень хотелось бы укутать весь мир «одеялом любви», чтобы затем всюду надувать человечество под этим покровом; однако теоретик идет своей дорогой, не слушая жужжания насекомых, — он выводит из своих принципов то, что из них следует. Тот же, кто реализует

принципы, конечно, должен знать, в какой мере те силы способны придавать вес своим возражениям, и в соответствии со своим знанием он обязан поступать осторожно, пока они не отжили свой век однодневок.

Итак, определение всех мыслимых отношений, в какие могут вступать между собою государства, на этом закончено, и теперь нам необходимо соответствовать второму требованию нашей задачи, а именно отыскать гарантию всему тому, что здесь определено. Без этого все наши усилия были бы безрезультатны. Перейдем к этому без промедления.

Уже с первого взгляда видно, что здесь необходимы четыре вида гарантий. Во-первых, гарантии для НГ со стороны республиканских РГ; во-вторых, гарантии со стороны НГ для республиканских РГ; в-третьих, гарантии для деспотических РГ со стороны НГ; наконец, гарантии для НГ со стороны деспотических РГ.

Первые два вида гарантий следует отыскивать, с одной стороны, во внутренней форме государств, дающих взаимные гарантии, и, с другой стороны, в Республике народов, какая была признана выше. Ведь поскольку неморальные поступки (в данном случае нарушение обещания) редко остаются без дурных последствий, а последние, как правило, ложатся тяжелым бременем на нации и почти не затрагивают деспотов, то народ, у которого не связаны руки, в своих же собственных интересах не станет совершать подобных поступков, тем более что сотни побуждений к таковым (среди которых на первом месте стоят жажда завоеваний и придворные интриги) отпадают — речь ведь не идет о разнужданных государях. Итак, форма правления, при которой общественное мнение обладает решающим голосом, как то имеет место в чисто республиканских государствах, постепенно упразднит в обществе, где оно укоренено, даже самую предрасположенность к войне, причем тем скорее, чем форма правления чище. Что же касается второго фундамента гарантии, т. е. универсального правительства, то таковое ведь и вводится для того, чтобы определять внешние отношения сопричисленных к нему государств, устранять военные столкновения между ними, связать их узами законов и тем самым воспрепятствовать повторению сцен, которые даже и в самый прекрасный период греческой свободы увлажняли кровью почву этой страны. Если свободное государство считает, что другое государство обманывает его, пусть оно изложит свою жалобу перед верховным трибуналом и выслушает справедливый приговор. Правда, пока благодаря своему внушительному перевесу в силе будет господствовать Франция; однако и это зло скоропреходяще, а умеренность правителей этого государства, равно как и благодарные чувства,

какие испытывают нации к своим освободителям, приведут к тому, что им все же легче будет переносить такое господство, нежели анархию правителей прежних времен. А с ростом культуры, когда многие народы присоединятся к союзу, это зло исчезнет без остатка. Поэтому гарантии первого и второго вида даны уже вместе с точным исполнением условий договора для республиканских РГ и не нуждаются в особой статье. Только третий и четвертый виды ждут пока нашего определения.

Животно-духовные существа двояким образом обеспечивают выполнение своих взаимных обещаний: во-первых, морально — тем, что обе стороны добровольно покоряются высшему законодательству практического разума, и, во-вторых, физически, силой. Первое может быть приемлемо для обеих сторон, однако второе никогда не бывает взаимным. Ибо как только обе стороны признали авторитет нравственного закона, они одинаково связаны перед его судом — это взаимное обеспечение. Но если залогом служит сила, то это происходит трояким образом. Либо государство, дабы обеспечить себе исполнение обещания другого государства, предоставляет силу в распоряжение третьего, но тогда нужны гарантии против этого третьего, чтобы оно не злоупотребило поверенными ему насильственными средствами и не стало угнетать оба первых государства. Либо же государства делят между собой силу в равных долях, но тогда одна сила уравнивает другую и гарантией выступает лишь добрая воля. Либо, наконец, вся сила — у одного, тогда гарантия односторонняя: более слабое государство отдано на произвол более сильному. Государи в своих взаимоотношениях признают лишь последнее; зато им и воздается по заслугам, и республиканские нации обращаются с ними так, как сами они ценят друг друга, между тем как республиканские нации, признавая для себе подобных лишь моральные гарантии, уподобляются чисто духовным существам. Но, конечно, пройдет еще значительное время, пока Франция и республиканские НГ не достигнут, хотя бы в главном, идеала нации, которая точнейшим образом следовала бы законам нравственности в отношениях со своими соседями и никогда не впадала бы в грехи национального, отклоняясь от этих законов; однако расчет вероятности показывает, что число случаев, когда такие государства могут творить грех, несравненно меньше, чем у деспотических государств. Поэтому задача наша формулируется так: если существо, почти совсем духовное по своим принципам, определило известные отношения с существом почти животным, судя по его поступкам, то какая гарантия может быть положена в основу договоренности между ними? Тут возможны два случая: либо гарантия односторонняя и первое из существ отказывается от своих прин-

ципов и принимает манеру поведения второго, либо она всесторонняя и второе заменяет свою манеру поведения принципами первого. Однако последнего нельзя ожидать от множества людей, следующих своим капризам и мнящих, будто их воля способна своротить с места сам мир; остается первый случай, а тогда возникает вопрос: на какую чашу весов положить избыток силы — на чашу весов республиканских или деспотических государств? Даже при самом беглом обдумывании смысла этой задачи никто не промедлит с ответом и всякий присудит избыток сил первым государствам. Ведь грубая животная мощь вторых дает перевес их рычагу, и в происходящей сейчас войне только энтузиазм другой стороны был в состоянии удерживать равновесие, однако пружина энтузиазма быстро ослабеваает, на смену ей приходят кроткие ощущения мира, которые не способны выдерживать борьбу с разрушительными силами войны в течение долгого времени.

Итак, свободные государства уполномочиваются множить свою силу всеми доступными для них средствами, дабы противостоять любому нападению и карать любое нарушение принятых условий. Если же эти государства благодаря военному счастью стали победителями НГ, то они и способны исполнить то, что хотят, а потому три вопроса, которые следует задавать себе перед совершением любого действия (смею ли я? могу ли я? полезно ли это мне?), получили удовлетворительный ответ, и теперь должно воспоследовать само действие. Это действие состоит в нашем случае в том, чтобы, во-первых, насколько позволяют обстоятельства времени и места, обратить в республики как можно большее число деспотических РГ; во-вторых же, в том, чтобы заключить все республиканские государства в границы, указанные им самой природой.

Что касается первого, то все это должно быть передано политикупрактику, который знает, как далеко можно заходить, чтобы впоследствии не пришлось возвращаться назад; теория не должна заниматься такими предметами. Если Бонапарт доносит священное пламя свободы до самых границ той страны, где некогда полыхало оно ярче всего, теория рукоплещет ему, но не говорит: не успокаивайся до тех пор, пока не водрузишь трехцветное знамя на стенах Вены и Рима. Однако второе — в ее компетенции; тут теория говорит: правило мудрости, какое нельзя нарушать без ощутимых последствий для себя, состоит в том, чтобы для каждого государства найти предначертанные природой границы и последовать им. Наш Лихтенберг утверждает: все в природе стремится стать шаром; это правило верно и для государств, которые не успокоятся прежде, чем станут круглыми, как головки электрических приборов, и будут под-

ставлять алчности наименьшую поверхность. Хотя важность этого правила границы, в частности относительно границы по Рейну, достаточно пространно изложена в конкурсных работах, посвященных этому предмету, мне будет позволено прибавить к сказанному в них следующие идеи.

В пору детства человечества та его часть, которая прежде других обрела законосообразную организацию, а именно земледельцы, видя постоянный ущерб, какой наносили их имуществу беспрепятственные набеги соседей — охотников и пастухов, поняли, что необходимо окружить свою собственность стеною, которая будет хранить ее и в отсутствие хозяев; тогда и окружили ее забором. Если же грубые сыны природы продолжали совершать свои набеги, ломая все заслоны, бессиленные пред все сокрушающим на своем пути эгоизмом дикаря, и более культивированная нация вынуждена была селиться на каком-нибудь острове или в какой-нибудь неприступной долине, то, быть может, рано или поздно открывали всеобщую охоту на этих разбойников, которая кончалась тем, что всех их изгоняли и полностью очищали от них местность; теперь победитель мог пользоваться своей собственностью и наслаждаться покоем в своих естественных границах.

Самой природе было угодно сделать четыре различные человеческие расы столь независимыми друг от друга, насколько это вообще возможно, поэтому природа отделила белую расу от желтой колоссальными пустынями, степями и горами в Индии, от черной — в Африке; впрочем, в одном месте эта граница была достаточно узкой, чтобы допустить сюда население из Азии, с другой же стороны эта граница в течение тысячелетий служила преградой для алчности и властолюбия — самых могучих побудительных сил человечества. Природа разделила свои миры колоссальными пустотами, однако она не изолировала друг от друга расы, природа желала лишь предотвратить нечистоту, приступы взаимной ненависти, но препятствовать установлению космополитической связи между ними — этого природа не желала; все устроения природы были скорее нацелены на то, чтобы наилучшим образом подготовить такое единство. Пороку кажется, что люди способствовали достижению такой цели, однако и это отвечало планам природы, потому что без таких усилий они не стали бы знакомы друг другу.

Поэтому когда государство замыкается в своих границах или расширяет их, все это соответствует ходу человечества и целям природы. Коль скоро нации Европы пожелают в будущем вступить во всеобщий законный союз, отгородившись естественными границами от набегов азиатских орд, кто сочтет за грех этой части света, если

Европа продвинет свои границы в Азию настолько, чтобы они казались надежными для отражения любых набегов?

Естественные границы бывают сухопутными и водными. Сухопутные — это горы и пустыни, водные — моря и реки. Первые сами себя охраняют отчасти потому, что лежат как естественные преграды на пути врага, отчасти потому, что вольнолюбивы их обитатели (населяющие горы и пустыни народы редко становились рабами, даже в своей вере); вторые способствуют торговле и благодаря ей процветанию государства, однако они ослабляют мужественный дух и нравственность их обитателей, а потому нуждаются в искусственных укреплениях, в которых жители гор не испытывают подобной же нужды.

Будь у культурной Европы естественные границы, она могла бы бесстрашно смотреть в глаза амфибии глубокого варварства и слабой культуры; теперь же, лежа у своей плоской границы, та грозит похоронить в своей пасти все цивилизованное человечество.

Уже пространно исчисляли все преимущества — в народонаселении, торговле, промышленности, — какие приобретет Франция, если ее граница пройдет по Рейну; но об одном преимуществе, кажется, забыли совсем, между тем как оно окажет самое большое влияние на внутреннее благополучие республики. А именно: в предыдущее десятилетие в Германии, как известно, совершилась революция, благодаря которой теоретические заслуги Германии перед культурой человечества почти столь же велики, как и практические заслуги Франции, — я имею в виду реформу философии, произведенную нашим бессмертным Кантом. Основательная, неприступная для нападков система морали, новая форма, приданная почти всей области науки, неведомый прежде дух систематики, твердо фиксирующий свой предмет и охватывающий наши знания во всем их объеме, — вот благодетельные последствия этой великой перемены; в не меньшей степени она начала оказывать самое важное и самое несомненное свое влияние и на теорию воспитания, где уже и прежде достижения Германии были значительнее по сравнению с любой другой страной. После восьмилетней агонии, по окончании периода анархии, возымевшей самые неблагоприятные последствия для морали и культуры ее жителей, Франция более чем когда-либо должна чувствовать потребность в основанном на твердых принципах методе воспитания и в правильной, прочной морали. Все это и предлагают ей рейнские земли. Правда, Франция и без всякого контакта с этими землями рано или поздно достигнет той же цели, однако раньше и глубже это совершится посредством ее амальгамации названной важной частью Германии: тут есть немало мужей — а впоследствии к ним присоединятся и многие другие, ведомые свободомыслием, —

таких мужей, которые, будучи хорошо знакомы с теперешним состоянием нашего знания, послужат органом взаимообщения двух наций; тогда обе они, разделенные глубокой пропастью (немецкий язык), смогут сообщить друг другу итоги своего просвещения. Тогда французский флогистон, скрепленный немецким кислородом, образует философский камень, какого еще не видало человечество, — подобно камню мудрости, он навеки продлит существование нации, которая будет обладать им.

Вот мои идеи относительно того, «полезно ли это мне»; как показали некоторые из авторов конкурсных сочинений, сюда прибавляется еще и следующее: упущение повлечет тяжкие для меня последствия, а потому не ведаю, по какой причине мне не совершать такое действие. Итак, Рейн должен стать берегом республики. Это дает *18-ю окончательную статью* — для деспотических РГ. НГ и республиканские РГ полномочны перед лицом деспотических РГ заявить во всем объеме о великом физическом законе естественных границ. Согласно этому закону, Рейн представляет собой стену, разделяющую Германию и Францию, Альпы представляют собою стену между Францией и Италией, Пиренеи — между Францией и Испанией. Вследствие этого Савойя, Ницца, Бельгия, Цизренания, Джерси и Гернси передаются НГ.

13-я окончательная статья — для республиканских РГ. Все заключающие мирный договор свободные государства принимают на себя клятвенное обязательство пунктуально исполнять взаимные договоренности. Право сильного в отношениях между ними должно быть упразднено; правительство Республики народов будет судом, рассматривающим их взаимные жалобы. Тем самым предпринятое нами исследование закончено; в виде 18 статей для деспотических и 13 статей для республиканских РГ мы изложили идеал мира, который, как мы предполагаем, просуществует вплоть до предстоящей всеобщей реформы всех европейских государств.

В соответствии с этими условиями Австрия увидит, что ее высокомерные проекты раздела государств рассыпаются в прах, слова «территориальная целостность» получают в словаре имперского языка ограничительную помету. Россия отменит смехотворные указы, изданные ею в самом начале войны с французами, и, наконец, Питт, глубоко потрясенный, поймет, что, несмотря на фразы, какими он открыл дебаты об объявлении войны, — «Если такая война завершится в пользу Франции, то она будет для англичан гибельной, и никакой иной. Потому что пока Англия не будет истреблена до последнего человека, пока она не переменит весь свой характер, пока она не расстанется со своей честью, Франции не восторжествовать в этой войне», — несмотря на эти фразы, говорю я, несмотря на

этот надменный язык, он должен склонить свою выю перед вольной нацией, которая покажет ему, насколько сильнее коварства мужество.

Теперь важно, чтобы у французского правительства создалось ясное представление о его внутренних и внешних отношениях с соседями. Необходимо, чтобы рассудок подсказал ему, до какой степени отрицательные стороны твердого следования строгим требованиям теории могут перевесить возможные в этом случае преимущества, тогда как проявленная вовремя гибкость, быть может, удвоит эти преимущества; правительство может поразмыслить над тем, что не только последующее поколение, но уже и ныне живущее ужасно страдает от войны, что оно дичает, а потому вправе претендовать на внимание к себе. Франция сама лучше всех будет знать, сколько статей из приведенных выше сможет и пожелает реализовать. Так, она могла бы принести в жертву высшим интересам человечества, какие имеет оно в Италии, земли, завоеванные ею по левую сторону Рейна, — однако и в этом случае от нее не укрылись бы как все те неудобства, какие повлечет за собой такой шаг для Франции, так и несчастье обитателей этих местностей, а также и их права на благодарность нации за все понесенные ими жертвы. Дело Франции решать, даровать ли этим землям политическую независимость, как того желала большая часть населения, создать ли на их основе отдельную независимую республику; она могла бы включить эти земли даже в состав Батавской республики; все это ничуть не нарушает теории. Последняя удовлетворена, если правомерность и полезность ее приговоров доказаны. Теория говорит холодно и твердо: «Вот цель, вот путь, на каком вы непременно ее обретете. Если вам недостает доброй воли, если у вас нет достаточных сил, если вы думаете, что знаете более удобные тропы, — хорошо! выбирайте их, я не навязываю вам свои». С этими словами путеводительница наша исчезает, и потому мы завершаем все словами превосходного философа франков, Кондорсе, со слов которого и начали:

«И этот момент наступит, когда Солнце будет освещать на земле лишь людей свободных и не признающих иного наставника, помимо собственного разума, когда не будет больше ни тиранов, ни рабов, ни священников, ни их глупых или лицемерных орудий, — кроме как в истории и на театре, где ими займутся лишь для того, чтобы оплакивать их жертвы, оглуленных ими людей, чтобы ужасным зрелищем их бесчинств поддерживать в себе благополезную бдительность, чтобы распознавать и подавлять весом разума первые зародыши суеверия и тирании, если таковые когда-либо осмелятся вновь заявить о себе».

*Перевод с немецкого
А.В. Михайлова*

Фридрих ГЕНЦ

О ВЕЧНОМ МИРЕ

1800

Немецкий писатель, с большой проницательностью разработавший недавно основные положения права и ясно их изложивший*, завершает свою работу следующими словами:

В естественном состоянии народы, как и отдельные люди, живут в состоянии войны. Подобно тому как отдельные люди должны посредством создания гражданского общества перейти в состояние мира, и народы должны перейти в это состояние посредством создания союза, чтобы мир на Земле был не только временным, но и постоянным, вечным не только на словах, но и в действительности. Тот, кто сочтет возможным улыбнуться, полагая, что это не более чем прекрасноречивое мечтательство, пусть вообще больше не говорит о праве и долге. Ибо хотя так называемый вечный мир между народами, быть может, действительно никогда заключен не будет, так как он является идеалом разума, к которому можно лишь постепенно приближаться, но достигнуть который из-за множества препятствий, возникающих из определенных эмпирических условий состояния человечества и народов, нельзя, тем не менее требование разума всегда сохраняет свою вечную значимость. Войны не должно быть, так как в войне святое правое становится достоянием случайности и произвола. Философа, пытающегося найти условия вечного мира, не следует высмеивать как мечтателя, если не стремиться к тому, чтобы высмеять как химеры идеи права и долга, одновременно одним ударом уничтожив человеческое достоинство. Что же касается столь часто прославляемых преимуществ войны, то я отнюдь не уверен, не превышает ли их ущерб, который наносит война».

* *Krug W. T. Aphorismen zur Philosophie des Rechts. Leipzig, 1800.*

Вечный мир или, вернее, международное правовое устройство государства, которое обычно считают фундаментом вечного мира, — отнюдь не греза, порожденная склонным к фантазиям и мечтаньям воображением, а серьезная, глубокая, величайшая идея, определенная задача, более того, требование разума, необходимый результат прогрессирующего развития наших понятий о праве, порядке и нравственности в грандиозной целостности объединенного человечества. Подобно тому как совершенное право в отношениях между индивидами вообще немыслимо, пока они не войдут в основанное на законах общество и не станут искать полной гарантии взаимных притязаний и взаимных ограничений этих притязаний в высшей законной власти, не может иметь место также совершенное правовое сообщество независимых государств, пока их правовые отношения не будут определяться общезначимым законодательством, их споры не будут разрешаться в соответствии с этим законодательством высшим судебным органом и решения этого судебного органа не будут обеспечиваться и осуществляться высшей исполнительной властью. Без этого отношения между государствами являются *с точки зрения международного права анархией*. Договоры, посредством которых государства время от времени пытаются уничтожить эту анархию в том или ином отдельном пункте или во всем их отношении друг к другу, никак нельзя считать достаточным эквивалентом полностью определенного общественного устройства. Подобные договоры способны удовлетворить лишь сиюминутную потребность, но никогда не распространяются на отдаленную конъюнктуру будущего, на скрытые в глубинах этого будущего конфликты; даже если бы они были способны на это, они не отвечали бы важнейшим требованиям — требованиям истинной гарантии предоставляемых ими прав; такие договоры связывают лишь до тех пор, пока односторонняя воля тех, кто их заключил, признает их связывающую силу, — там, где они должны быть наиболее действенными, они наиболее бессильны. Все наше нынешнее международное право не что иное, как бессвязный ряд таких непрочных договоров, фрагмент введения к подлинному международному праву. Решение каждого критического вопроса приходится искать в сфере, не имеющей ничего общего с правовой. Ничто не может быть более чуждо правовому спору, чем сила оружия; и все-таки сила оружия выносит единственное и окончательное решение по каждому процессу в сфере международного права. Правда, как только разуму предоставляется возможность поднять свой голос, он восстает против подобного противного разуму устройства. Из глубины этого неразрешимого смятения, этой всегда оплакиваемой и все-таки всегда возобновляемой и

всегда неизбежной борьбы, он повелительно возвещает: *Войны быть не должно!* Среди оснований, на которые он опирается в своем достойном всяческого уважения высказывании, высшим является — причем более глубоким, чем все то, что предписывает любовь к человеку и нежные чувства, государственная мудрость, забота о сохранении культуры общества и удовлетворенность ее спокойным развитием, более глубоким, чем стремление к порядку, прочности и длительной гармонии в великом всемирном государстве, — высшим из всего этого является требование: «Войны не должно быть, так как в войне *святое право* становится достоянием *случайности и произвола*».

Следовательно, идея такого состояния, в котором правовые споры решались бы только с помощью правовых средств, в котором война была бы навек изгнана из общества, не заслуживает насмешки в качестве *прекраснодушной мечты*. Даже если бы можно было неопровержимо доказать, что упомянутое состояние недостижимо, причем не только в данный момент, но и в будущем, и тогда долгом, причем долгом мудрейших и лучших представителей человеческого рода, по-прежнему оставалась бы необходимость время от времени серьезно заниматься анализом условий, при которых это *высшее политическое благо в мире* могло бы быть реализовано. В нравственном миропорядке могут существовать такие цели, для достижения которых нет соответствующих средств в царстве действительности: между требованиями разума и силами ограниченных натур может разверзаться непреодолимая пропасть. Но изучать этот диссонанс, даже если все предрекает его неразрешимость, не отказываться от великой мысли, хотя надежда превратить ее в реальность в более счастливом будущем нас и не окрыляет, всегда видеть небо над нами, даже если Земля вокруг нас покрыта непроницаемым мраком, — это наше ясное призывание, в этом — наше благороднейшее утешение.

Такое исследование обретает особое достоинство еще и потому, что глубокое понимание причины невозможности установить тот общественный строй, к которому мы стремимся, освобождает нас от опасности потерять веру в другие нравственные идеи, более или менее с ним связанные. Если, с одной стороны, состояние общества, которое должно привести к вечному миру, описывается как высшая санкция права среди людей, если говорят, что оно столь же основано на источнике всех прав и всякого долга — на разуме, как понятие права и долга вообще, и если, с другой стороны, отсутствует всякая, даже отдаленная надежда на реализацию соответствующей этому идеалу действительности, то даже у лучших людей, особенно во времена глубочайшего морального упадка, очень

легко может возникнуть подозрение, что и с принципами права дело повсюду обстоит не лучше, что эти принципы служат лишь почтенным времяпровождением теоретиков и имеют очень мало общего с делами мира. Поэтому отнюдь не бесполезно показывать, как и почему вечный мир должен быть идеалом разума и все-таки никогда не может быть чем-то большим: показывать, что даже это кажущееся противоречие не колеблет нравственного миропорядка, что даже если мудрая государственная политика, пытаясь решить эту великую проблему, приходит в конце концов в отчаяние, средство против этого отчаяния и спасения можно найти во всеохватывающей и целительной силе нравственных законов.

Для того чтобы раз и навсегда воспрепятствовать нациям, занимающим определенную часть земной поверхности, вступать в войну, существуют три различных средства, из которых исходят и необходимо должны исходить все сделанные до сих пор предложения, призванные способствовать установлению вечного мира.

Первое — это абсолютное объединение всех наций в одно государство, в результате чего отпадут все коллизии, возникающие из существования отдельных правительств.

Второе — это абсолютное их обособление, или такой строй государств, при котором интересы одних государств перестают ущемлять права других.

И наконец, *третье* — это организация некоего общественного целого, созданного этими народами, при помощи которого их конфликты должны разрешаться мирным путем и иным способом разрешаться не могут. В дальнейшем мы увидим, что эта организация может быть двух видов. Она состоит либо в добровольном соглашении государств, обязывающем их передавать рассмотрение всех возникающих между ними правовых конфликтов назначенному для этого или назначаемому в каждом отдельном случае третейскому судье и навсегда отказаться от применения насилия; либо эта организация находит свое воплощение в официальном международном правовом устройстве, назначающем высшую судебную инстанцию, которой подчиняются все государства и которая располагает властью, необходимой для приведения в исполнение ее решений.

Оставляя пока в стороне вопрос об осуществимости этого проекта, следует признать, что считать подлинными можно только две разновидности третьего средства, поскольку они, хотя в конечном счете лишь

идеально, все-таки соответствуют поставленной задаче во всем ее объеме и не уничтожают, подобно двум первым, международное право, вместо того чтобы усовершенствовать его. Если все государства окажутся объединены или совершенно изолированы друг от друга, то войны прекратятся, так как в первом случае не будет больше обособления, во втором — общности: однако это означало бы разрубить узел, а не развязать его; поэтому два первых средства уже в этом отношении следует считать *неподлинными*. Тем не менее стоит на мгновение остановиться на них, отчасти чтобы ни один возможный выход из лабиринта не остался неисследованным, отчасти потому, что даже самые нецелесообразные и несостоятельные гипотезы могут иногда дать материал для полезных и даже практических наблюдений.

Идея объединить все народности определенного региона Земли в единое государство уже в давние времена привлекала внимание, а идея *всемирной монархии* возбуждала смелые, честолюбивые умы и не раз приводила в ужас Европу.

Разумеется, здесь не может быть и речи об осуществлении подобной идеи и вряд ли есть необходимость указывать на то, что попытка реализовать ее принесет большее несчастье, чем все войны, которым она должна была положить конец. Рассматриваемый здесь вопрос сводится лишь к выяснению того, способствовало ли бы подобное состояние, в случае его реализации, созданию вечного мира, причем такого, которого мы желаем.

Ясно, что даже если так называемое всемирное государство занимало бы пусть и очень значительную часть Земли, в его отношениях с другими, не входящими в него государствами возникали бы те же трудности, для устранения которых оно создавалось. Поскольку у него есть границы, оно должно вступать в определенные отношения с другими государствами, и пока оно не подчинит себе весь земной шар, не исчезнет возможность войны. Если бы людей разделяли моря, пустыни и горы, вечные льды одной зоны и обжигающие лучи солнца другой, то мирное разделение земного шара в соответствии с исконными границами глубокой древности, которые природа определила между большими массами Земли, пожалуй, создало бы внешние условия для длительного покоя. Но поскольку этот беспокойный род не устрашает, как только пробуждаются его вождения или страсти, ни расстояния, ни препятствия, ни бедствия, ни опасности моря или неизвестных климатических зон, то не подлежит сомнению, что даже если на всем земном шаре будет только два или три всемирных государства, война за верховную власть окажется главной заботой каждого из них.

Чем больше мы удаляемся от этой идеи, чем больше растет число всемирных государств, тем больше мы теряем надежду на возможность достичь вечного мира на этом пути. Уже *Европа* под властью единого правительства — образ, почти недоступный нашему воображению. А ведь Европа составляет только двадцатую часть всей земной поверхности. До сих пор Европа господствовала над каждой точкой земного шара, куда она направляла свои корабли, свое искусство и оружие своей сложившейся культуры. Будет ли это господство вечным? Не появится ли так же, как уже появилась на наших глазах новая Европа в Северной Америке, с течением времени в ходе развития культуры еще ряд грозных соперников? И разве недостаточно десять или двадцать всемирных государств, чтобы увековечить войну на Земле?

Однако если с помощью упрощения политических отношений нельзя достичь или ждать вечного мира для всего человеческого рода, то разве не многого можно было бы уже достигнуть, если вследствие объединения ряда народов значительная часть человечества была бы по крайней мере освобождена от беспрестанного брожения в ее разделенных теперь элементах, Европа была на протяжении всей ее истории постоянной ареной *внутренних* войн; разве не был бы источник этих войн раз и навсегда уничтожен, если бы Европа превратилась в единое государство?

Представим себе, что проблемы, как найти политическую организацию для подобного государственного организма, как подчинить столь различные по языку, культуре, нравам, религии, способностям и характеру нации одному законодательству, одному правительству, решены. Чего бы мы достигли? Управлять с одинаковой силой и справедливостью, с одинаковой мудростью более чем стал миллионами людей невозможно; а между тем в подобном целом недопустима ни одна слабая сторона. Каждое давление сразу же превратилось бы в невыносимую тиранию, каждое необоснованное послабление — в анархию. Между рабством и просвещением не было бы ничего среднего. Пока существовало бы чудовищное всемирное правительство, Европа страдала бы от этого бедствия больше, чем теперь от войн; господствующим, необходимым свойством этого противоестественного устройства стало бы неудержимое стремление к свободе. Из недр этого гигантского организма вскоре повсюду поднялись бы заговоры и мятежи, подавить и покарать которые можно было бы только войной. Если бы война, неся опустошения, задушила в крови сто попыток такого рода, то возникла бы необходимость задушить сто других,

и самые опасные из них в конце концов одержали бы верх. Через пятьдесят лет произошло бы новое разделение, образовалась бы новая федерация народов — независимость государств, с одной стороны, неопределенность их прав, их соперничество, войны — с другой; одним словом, было бы восстановлено теперешнее состояние Европы со всеми его преимуществами и всеми его недостатками.

История самых блестящих всемирных государств, которые когда-либо видел мир, — не более чем длительный, поучительный опыт, свидетельствующий о полной непригодности подобного устройства для покоя и благополучия человеческого рода. Риму понадобилось семь веков, чтобы завоевать существовавшие тогда культурные страны земного шара, и примерно столько же, чтобы вновь утратить власть над ними. Судьба его многочисленных провинций была лишь чередованием бедствий бурного времени и бедствий в состоянии покоя. До тех пор пока еще существовали народы, которые можно было покорить, для Рима не могло быть мира на Земле. А с того момента, когда величественное здание его могущества как будто достигло своего завершения, Рим стал двигаться к своей гибели. На крови и руинах была воздвигнута его власть над миром, в крови и руинах она распалась. В течение двенадцати веков — с момента создания этого колоссального государства до упадка Западной империи — человеческий род едва ли в течение года наслаждался благами мира. И когда, наконец, это огромное государство обрушилось под собственной тяжестью, в обществе вновь воцарился хаос. Прошло более тысячелетия, прежде чем из глубокой пропасти бедствий, сумятицы и анархии, в которые мир оказался ввергнут распадом этого неизмеримого целого, вышла новая государственная система, и ее медленное развитие вновь было отягощено множеством войн, так же как бесчисленное множество войн еще долго будет неизбежно сопровождать ее прочно сохраняющееся несовершенство.

Однако если в идее всеобъединяющего государства мы и не находим подлинной панацеи для длительного мира, эта идея все-таки, несомненно, имеет известную практическую ценность для реально-го, более того, даже для нынешнего, порядка вещей. Она ведет нас к тому неоспоримому выводу, что при меньшем количестве государств войн будет меньше. Если бы Европа могла внезапно распасться на определенное число больших государств, это было бы важным шагом в деле создания системы всеобщего мира.

Еще в середине нашего века почти повсеместно господствовало мнение, что истинное счастье общество может обрести только в малень-

ких государствах. Источник этого странного заблуждения — теперь его можно смело так назвать — коренился в мрачном, безысходном состоянии варварства, которое после гибели Римской империи установилось в самых прекрасных странах мира. Несколько удачно расположенных приморских городов, несколько мелких республик, случайно оказавшихся вследствие благоприятной конъюнктуры изолированными или оторванными от больших государств, были первыми точками Европы, где удалось выйти из состояния варварства и достичь спокойного гражданского состояния, где появилась возможность пользоваться подлинными благами жизни. В то время, когда анархия феодального строя изнутри раскалывала большие государства, а затем вечные войны за господство препятствовали быстрому развитию в обществе умения и мастерства, все, способное возвысить и осчастливить человека, устремлялось в эти маленькие государства. Здесь сосредоточивалась промышленность, богатство, науки, изысканная культура, иногда маленькие государства становились убежищем для многих людей и очень часто также образцом для остального мира. В ганзейских городах Германии, в старых итальянских республиках, в мирных долинах Швейцарии, болотистых местностях Венеции и Голландии жили богатые, счастливые и относительно образованные люди в то время, когда крупные монархии Европы еще оставались ареной действия кулачного права, дикого насилия, тирании власть имущих и всеобщего бедствия.

Однако с той поры, когда опыт лучших дней научил людей, что и в больших государствах может существовать упорядоченное и либеральное правление, могут господствовать мудрые законы, эффективная полиция, тщательно соблюдаться права и точно согласовываться все части целого, направленного на достижение конечной цели гражданского общества; когда промышленность, богатство и образованность распространились хотя и неодинаково, но в значительной степени во всех европейских государствах, когда правители и народы поняли, что не власть и самодержавие, а *труд и взаимное объединение* служат действительным фундаментом подлинного величия нации и подлинного искусства государственного управления, — с той поры максима, что наибольшее благополучие может быть достигнуто лишь в маленьких государствах, полностью утратила свое значение. Даже исходя из нынешнего состояния общества, можно прийти к выводу, что для полного развития человечества необходимы большие государства. С ростом культуры отношения между людьми настолько усложнились и запутались, что упорядочить их и вести к общему благу может только всеобщее законодательство,

охватывающее значительную часть этих отношений. Потребности земледелия, промышленности и торговли повсюду настолько сильно переплетаются всеми своими сторонами, что каждое культивируемое местечко на земном шаре самым настойчивым образом стремится вступить в тесные отношения со всеми соседними местечками. Слишком большое деление, слишком большое увеличение числа государств находится в противоречии с этим естественным и безусловно очень благотворным процессом развития человечества. Чем важнее вопросы законодательства, чем значительнее и многообразнее число правительственных дел, тем необходимее, чтобы в пространном регионе земного шара бесконечное разнообразие частных целей и частной деятельности людей концентрировалось в единой высшей цели, а свободная игра их сил — в единой высшей власти. Если на территории в 10 000 квадратных метров разбросаны десять или пятнадцать городов, процветающих благодаря труду и культуре их жителей, тогда как остальная часть страны изнемогает под бременем бедности и варварства, то пусть эти города, выделившиеся благодаря природным условиям или случайности, наслаждаются своим особым строем и своими особыми муниципальными законами; но как только культура, богатство и образованность распространятся на всю территорию, как только каждый город, каждая деревня и каждая часть страны поднимутся до таких же притязаний на усовершенствование общества и станут основывать на таком же развитии такие же надежды на благосостояние, эти отдельные города должны возвыситься до некоего целого в строгом смысле слова. Стремление создавать большие государства — не только честолюбивое стремление и жажда власти *правителей*; оно — неизбежное следствие, естественная и благотворная тенденция высшей культуры *наций*.

На сохранение мира между нациями эта тенденция влияет только благотворно. Половина всех войн, раздиравших Европу в течение последних 300 лет, была вызвана существованием мелких государств. Бесчисленное количество независимых князей, унаследованное от ленной системы — строя, основанного прежде всего на разделении и именно поэтому на варварстве, — явилось источником множества столкновений и бедствий. С одной стороны, эти князья из-за своей слабости беспрестанно возбуждали жадность к деньгам и землям у более могущественных правителей, строивших планы завоевания и увеличения своих земель, противодействовать которым все остальные могли лишь посредством военных действий; с другой — вследствие все время повторяющихся в их владениях споров о наследовании, бесчисленных притязаний, которые

предъявляли на их земли близкие или дальние родственники, вследствие договоров между семьями и в результате процессов в государственное право была внесена такая путаница и неясность, что едва ли не при каждой смерти приходилось опасаться общего брожения в Европе. Счастье, что в этих мелких государствах еще сохранился принцип престолонаследия; ибо если бы судьбе было угодно, чтобы во всех этих государствах, или хотя бы в большей части из них, утвердились республиканские или полуреспубликанские формы правления, то самая прекрасная часть Европы уже давно вернулась бы к младенческой поре общественного строя, к варварству кочевых народов, а не обрела бы, выйдя из развалин леной системы, свой теперешний упорядоченный образ правления.

Тем, что мы могли стать такими, какими мы теперь являемся, мы обязаны прежде всего тому счастливому обстоятельству, что необозримое множество более или менее независимых государств, созданных в Европе феодальной системой после гибели Римской империи, постепенно терялось в больших массах и растворялось в единстве значительных государственных образований. После того как сложились государства *Франции и Испании, Англии и России*, а также две великие монархии *Германии*, бывшие некогда просто бесформенными агрегатами разорванных, лоскутных, пребывавших в вечной внутренней борьбе суверенных земель, поводы к войне необходимым образом уменьшились; нерушимость жизненного принципа в этих крупных политических телах предоставила свойственную только им гарантию внутренней прочности и внешней безопасности. Под защитой этих крупных государств даже оставшиеся еще мелкие государства достигли большей устойчивости и покоя, и, сколь ни печален результат наших непрерывных конфликтов, несомненно одно: с точки зрения общественных интересов в целом войны пяти или шести больших государств приносят значительно меньшей ущерб, чем принесли бы войны двухсот или трехсот мелких.

В последнее время в Европе возникли два явления, сами по себе отнюдь не желанные или вызывающие похвалу, но тем не менее в значительной степени способствовавшие тому великому принципу объединения, который можно рассматривать как один из естественных законов политической жизни. Одним из них была *система деления*, которая начиная с 1722 г. стала, по-видимому, одной из основных сфер приложения искусства государственного управления в Европе; другим была *Французская революция*. В душах людей, приверженных праву, которых не заставят отказаться от святыни истинных нравственных принципов ни блестяще удавшиеся узурпации, ни иллюзорная

магия, маскирующая часто самое гнусное злоупотребление властью, об этом явлениям уже давно вынесен вечный приговор. При наличии *системы деления международного права* нигде существовать не может, и до тех пор, пока *революция* считается дозволенной, в гражданском обществе вообще не может быть и речи о праве. К тому же оба этих явления, особенно революция, не только ни в коей степени не уничтожили источники войн, даже между народами Европы, но и на долгое время сделали мир невозможным*.

Однако после перечисления всех бесчисленных бед, обрушенных этими явлениями на нынешнее поколение, мы считаем дозволенным упомянуть и об одном случайном преимуществе, которое из этих бед может возникнуть для наших потомков. Это — приближение к согласию, это — зародыш будущего мирного сообщества народов в рамках единой системы, это — благо, которое состоит в том, что государств стало меньше**.

* В конце статьи это будет рассмотрено подробнее.

** В известном месте своей работы, которая на некоторое время как будто привлекла внимание публики, затем была быстро унесена бурным потоком нашего времени, но тем не менее заслуживает того, чтобы еще долго служить руководством для всех мыслящих государственных деятелей, автор говорит о нынешнем политическом состоянии Европы следующее: «Так же, как не дозволено сжигать города, чтобы затем восстанавливать их в соответствии с улучшенной планировкой, никто не имеет права уничтожать старый государственный строй, чтобы заменить его новым. Но если сила, противостоять которой мы не можем, если пожар, потушить который мы не способны, уничтожает наши здания, тогда разумно воспользоваться несчастьем и воздвигнуть эти здания в соответствии с правильным, отвечающим нашим потребностям, планом» (*La Prusse et la neutralité*. P. 147).

В этом смысле, и только в этом смысле, высказано также предыдущее замечание. Гибель государств, уничтоженных системой деления или революцией, была уже сама по себе печальным событием, так как для осуществления этого сила восторжествовала над правом. Кроме того, среди разделенных государств были и такие, которые благодаря своему образцовому устройству могли существовать длительное время, и ряд таких государств, существование которых отнюдь не было безразличным для системы европейской федерации. Однако если из этих руин будет мудро воздвигнуто лучшее здание, свершившееся их уничтожение может быть использовано и направлено на благо целого.

Правда, воздвигнуть этот новый порядок на хорошем и прочном фундаменте — задача нелегкая; а поскольку, по всей вероятности, эта задача будет решена — как это обычно случается с делами людей, — в значительно большей степени слепой силой, чем созидательной мудростью, следует быть готовым к тому, что из нынешнего хаоса возникнет не самая основательная и лучшая система, которую допускают теперешние обстоятельства, а самая слабая и худшая. Если бы все решалось пожеланиями и планами, то полностью продуманные и глубокие планы, разработанные автором приведенной работы,

Такой одинаково важный как для прогресса культуры, так и для сокращения войн результат является, пожалуй, единственным преимуществом, правда, купленным очень дорогой ценой, которое человечество в целом извлекает из ужасных конвульсий последних десяти лет. Сохраняющая и движущая сила, действующая как в природе, так и внутри крупного общественного механизма, заставляет даже нелепости и преступления людей служить достижению великой цели человеческого и гражданского существования, а высшее управление миром в конечном счете использует даже яды, диких зверей, землетрясения, ураганы для увеличения плодородия почвы и благосостояния жителей Земли.

Второе средство сохранить длительный мир между государствами — а именно абсолютное обособление их друг от друга с помощью направленного на это государственного устройства каждого из них, — вероятно, даже не нуждалось бы в более пристальном рассмотрении, если бы недавно известный немецкий философ в своеобразной книге* обстоятельно не рассмотрел и со всей серьезностью не рекомендовал бы это средство.

Основные идеи плана, содержащегося в этой поразительной книге, следующие.

Каждое государство должно полностью прекратить всякие торговые отношения и вообще всякие связи (кроме научных) с другими государствами. Общение его граждан с иностранцами должно быть не только прервано, но стать навсегда невозможным. Для этой цели государству

были бы в целом наиболее целесообразными. Однако невозможность осуществить их становится день ото дня очевиднее. Так как теперь можно считать решенным, что Франция никогда не вернется больше к своим прежним границам, то постоянной целью государственной политики должна служить другая система, — хотя нельзя без содрогания думать о том, что ее реализация связана, быть может, с новыми проявлениями насилия. Полагаю, что существует лишь одно средство, способное при настоящем положении вещей дать Европе успокаивающую надежду на безопасность и мир. Я не хочу, не могу называть его; однако оно столь отчетливо и несомненно проступает в природе политических отношений и политической необходимости, что каждый осведомленный читатель сразу же поймет, что я имею в виду.

* *Fichte J.G. Der geschlossene Handels-Staat. Ein philosophischer Entwurf als Anhang zur Rechtslehre und Probe einer künftig zu liefernden Politik. Tübingen, 1800* (рус. перевод: «Замкнутое торговое государство»... М., 1923). *Прим. пер.*: Правда, автор непосредственно не исходил из идеи вечного мира; однако его философский проект наряду с другими великими целями предусматривает и эту цель, что он отчетливо высказал в ряде мест своей книги; впрочем, оно и так само собой вытекает из его системы в целом.

надлежит сразу же отменить обращение находящихся во владении его граждан денег, которые вследствие их существовавшей до сих пор общезначимости именуются мировыми деньгами, и ввести местные деньги, т.е. такие, которые признаются только в данной стране, и только в ней. Обладая этими местными деньгами, раз и навсегда обособленное от всех остальных государств правительство такого изолированного народа создает новое политико-экономическое государственное устройство; посредством установления строгих, связанных с карательными законами цен на все продукты, посредством пристального контроля над деятельностью фабрикантов, купцов и постоянного сохранения принудительного равновесия между продукцией, производством и продажей правительство обеспечивает каждому жителю страны достаточный доход или, как это именуется в данном плане, помогает ему обрести то, что ему следует. Поскольку эта революция не может быть, пожалуй, совершена сразу, правительству надлежит до ее полного завершения немедленно взять в свои руки всю торговлю с иностранными государствами и наложить запрет на все предназначенные к вывозу товары и на все связанные с ними требованиями граждан. Если окажется, что какой-либо товар еще необходимо ввозить из-за границы, то этим во всяком случае должно заниматься только правительство, и его стремление должно быть направлено на то, чтобы все больше ограничивать такой ввоз. Организованное таким образом разумное государство называется замкнутым торговым государством. Для того чтобы оно раз и навсегда располагало таким количеством средств для удовлетворения своих потребностей, которое оно считает нужным, и могло в будущем тем увереннее жить обособленным от всех остальных государств, оно должно наряду с введением местных денег и новых полицейских законов принять еще одну важную политическую меру: на той стадии, когда эта важная операция достигнет в нем своего завершения, государство должно установить свои *естественные границы**. В том случае, если со-

* Уже этого обстоятельства, которое является не случайной, а, безусловно, важной статьей теории *замкнутого торгового государства*, вероятно, достаточно, чтобы указать, какое место принадлежит этой системе во всякой *политике будущего*. Принцип естественных границ является в международном праве примерно тем, чем в *частном праве равное деление благ* — максимум, изобретенной алчностью и впоследствии торжественно оформленной софистикой различных времен. Насколько несостоятельно и смешно, даже только в *политическом* отношении, это основоположение, которое является плодом, созревшим на почве *системы разделения и революции*, — может быть, оставляя в стороне все правовые идеи, наилучшим образом выражено следующими словами писателя, обладающего глубоким пониманием существа

седние государства не дадут своего согласия добровольно, это достигается войной — последней необходимой войной.

вопроса: «Совершенно непостижимо, как эта так называемая система *естественных границ* могла настолько ослепить в остальном вполне разумных людей. Каждый, кто хоть в какой-то степени откажется от фантома воображения и снизойдет до понимания природы вещей, вскоре поймет, что по существу таких естественных или необходимых границ вообще не существует. Есть, правда, зримые, легко различимые естественные объекты, которые удобно защищать и которые служат границами, но нет таких, которые пресекали бы все связи, препятствовали бы возникновению всех конфликтов, делали бы ненужными все принципы международного права и необходимость руководствоваться ими. Если речь идет о *горных хребтах*, то возникает вопрос, должны ли служить границей то или иное подножие горы, та или иная ее вершина; к тому же при всех обстоятельствах эта линия границы должна стать различной еще посредством других знаков. Даже вершины высочайших Альп, течение рек в том или ином направлении не устраняют эти трудности. Если предполагается, что границей служат *реки*, то вновь возникает вопрос, следует ли считать таковой левый берег, середину реки или ее правый берег. Надлежит также разрешить множество коллизий, связанных с судоходством, рыбной ловлей, плотинами, разливами рек, судопроизводством и т. д., которые не могут быть сведены к естественным объектам. Если же проследовать до истоков рек, то указанная система становится просто смехотворной: там реки делятся на мелкие ручейки, через которые можно просто перешагнуть, и таким образом мы либо ежеминутно оказываемся то в одном, то в другом регионе, либо останавливаемся у подножия гор, преодолеть которые не способны; долина же, по которой течет река, составляет вследствие природы вещей и потребностей живущих там народностей всецело связанное, принадлежащее одному и тому же гражданскому обществу целое. Следовательно, в вопросе о границах в конечном счете всегда необходимо возвращаться к произвольным знакам и к основоположениям международного права, без которых мир на Земле невозможен. С теми, кто полностью примет систему естественных границ, произойдет то, что происходит с детьми, наблюдающими за горизонтом. Переходя от горы к горе, от реки к реке, придется в конце концов потребовать владения всеми странами света, так как только они окружены со всех сторон водой. Но и тогда не были бы устранены притязания на окрестные острова и не устранены споры о морских границах. Желание обязательно иметь естественные границы равносильно желанию вообще не иметь границ. Эта максима внутренне противоречива». Работа, из которой взята данная цитата («Что лучше, война или мир» и т. д.), приписывается господину *фон Галлеру из Берна*, человеку, который приобрел почетную известность в швейцарской революции. Каждому, кто захочет лично ознакомиться с фантастической системой естественных границ, изложенной в только что охарактеризованной нами книге, достаточно прочесть сноску на с. 216. Там ясно говорится, «что *островное государство* не есть, собственно говоря, *независимое целое*, что оно должно упрочиться на континенте и рассматривать острова только как некое добавление, что, следовательно, *Британские острова, например, принадлежат к континентальной Франции*».

Для сохранения мира между народами эта теория, без сомнения, была бы самой дееспособной из всех выдвинутых до сих пор и всех, которые еще будут выдвинуты в будущем. Действительно, если ни у кого не будет ни малейшего основания перейти границу своего государства, если прекратится всякое общение между нациями, если у государства не будет никакой связи, никакого общего интереса, не будет даже общего денежного обращения, то и с войной между ними будет покончено. Вопрос только в том, не слишком ли это дорогая цена даже за вечный мир.

О полной неосуществимости этого смелого проекта, этой системы изоляции вообще говорить не стоит. Даже сам изобретатель данной системы отказался от веры в ее осуществимость, приписывая, правда, вину за это не своим принципам, а инертности и легкомыслию людей. Значительно более серьезным упреком является то, что она не может быть принята разумом и как философская идея.

Высшим условием подлинно человеческой культуры является полная общность между жителями Земли. По мере развития этой общности развиваются и наиболее благородные черты человеческой сущности. Лишь с того момента, когда благодаря судоходству и торговле вступили в связи друг с другом самые отдаленные уголки Земли, человеческий род был навсегда освобожден от опасности вновь впасть во всеобщее варварство. Правда, из этой общности возникли и неисчислимые пороки и неисчислимые страдания. Но ведь чистое продвижение к благу, чистое наслаждение благом не должно быть уделом человечества. Если бы каждое государство оказалось замкнутым, как мыслится в этой мрачной системе, мы не обрели бы ни пути, ни способностей к высшему наслаждению жизнью, ни пути, ни способностей к высшей гуманности. Наши общественные отношения, продукты нашего труда, наше искусство, наша наука, наше физическое и интеллектуальное образование остались бы на стадии вечного младенчества; философ, с гордой неблагодарностью взирающий теперь на общественное устройство, которое не соответствует его идеалам, жил бы в значительно более грубой атмосфере низменных потребностей и непосильного труда и не мог бы улетать в идеальный мир. И если бы теперь при наличии всех сокровищ, которыми мы щедро осыпаны благодаря связям наций друг с другом, между государствами была бы воздвигнута неодолимая стена, мир неизбежно вернулся бы к своей младенческой поре. Исчезло бы подлинное очарование, не было бы более высоких идеалов, чем сохранение в каждый данный момент нашего физического существования, не было бы ни поощрений, ни наград в области промышленности, ни больших предприятий, ни пространных планов, ни надежды на славу,

ни одухотворенного импульса к великим деяниям. Однообразная, утомительная пустота, покой инертности распространился бы на все страны, ужасающая пустыньность царила бы на всех морях, и древний мрак вновь воцарился бы в мире. Уж лучше сразу вернуться, как того требует Руссо, в лоно дикой природы, чем жить под игом гражданского общества без полного возмещения за утрату ничем не ограниченной свободы*.

Нет! Обещать человечеству мир недостаточно, условия этого мира должны быть таковы, чтобы сделать его желанным для человечества. Потребность выйти за пределы узкого круга нашего первичного, ограниченного тесными рамками существования и, путешествуя, проносить наши желания и нашу деятельность по странам и морям земного шара глубоко коренится в нашей душе. Неодолимое влечение друг к другу сближает нации. В его удовлетворении — вся тайна культуры, вся тайна высшего космополитического воспитания; чем многообразнее точки соприкосновения, тем образованнее, тем совершеннее, тем человечнее человек. Каждое истинное благо должно быть предложено нам только на этом пути. Все, что закрывает для нас этот путь, неизбежно остается злом. Мы ненавидим войну, но если она, по несчастью, навсегда связана с великой общностью народов, то нам придется ее терпеть, как терпят тяжелый налог, чтобы наслаждаться бесконечно превышающими это бремя преимуществами гражданского общества. Мы мечтаем о таком состоянии, когда между народами будет царить мир; однако если мир, путь даже вечный мир, может быть достигнут только вечным

* Хотя это, собственно говоря, и не относится к данному рассмотрению, следует все-таки попутно упомянуть, что не только идея *замкнутого государства* насильственно ниспровергает все то, что философы до сих пор говорили об образе мыслей и добродетели гражданина мира, но и средства, предложенные философом-реформатором для ее реализации, не менее резко контрастируют с принципами свободы. С этой стороны данная система — поистине поразительное явление нашего времени. Воображению избалованного деспота не легко представить столь полную, столь урегулированную и столь организованную тиранию, как та, которая здесь проповедуется в рамках разума. Создается впечатление, будто философы составили заговор, согласно которому они беспрерывно бросают нынешнее поколение из одной крайности в другую, словно оно создано лишь для того, чтобы философы изощрялись на нем в остроумии. Заслужило ли оно, чтобы над ним так жестоко издевались, пусть решают сами философы. Однако неиспорченный здравый смысл должен раз и навсегда торжественно высказать свой протест против того, чтобы такие рискованные эксперименты, как замкнутое торговое государство, сколь бы искусно и гениально они ни были придуманы, не предлагались нам в качестве приложения к учению о праве или введения к будущей политике.

разделением наций, то наше решение принято: мы остаемся такими, какие мы есть, и отказываемся от вечного мира.

Третьим средством для установления или подготовки вечного мира мог бы быть *свободный союз* или совершенно определенная и организованная федерация государств. Цель такого объединения должна заключаться в том, чтобы конфликты, которые могут возникнуть между его членами, разрешались мирным, правовым путем и чтобы объединенная мощь союза лишала каждое принятое в этот союз государство возможности добиваться своего права силою оружия. Для реализации этого намерения можно выработать различные формы. Союзные государства могут обладать правом назначать при каждом конфликте одного или нескольких третейских судей, могут установить, что меньшинство членов союза всегда подчиняется большинству, могут, наконец, создать постоянный конгресс, который будет рассматривать все дела членов союза, вести все их процессы, принимать решения и выступать в качестве высшей инстанции по всем вызывающим сомнение правовым пунктам*.

Если бы мнение Руссо действительно соответствовало истине, а именно его мнение, что этот мирный союз потому не может быть осуществлен, что главы государств, которые должны заключить его, никогда не согласятся вступить в организацию, исключаящую для них возмож-

* Таков был знаменитый проект гуманного аббата Сен-Пьера; этой идее, которую он вполне серьезно считал осуществимой и даже полагал, что осуществление ее близко, он посвятил все свои силы и свою жизнь; при этом он восхвалял ее с таким жаром, что часто становился смешон. Работы, в которых он развивал свою идею, успеха не имели; они не могли оказать влияние на широкую публику, так как манера его изложения была предельно суха и неприятна. Популярными они стали лишь в извлечениях, которые *Руссо*, второй преисполненный энтузиазма панегирист вечного мира, составил с большим умением и красноречием. В знаменитой работе Канта, посвященной этой теме, также превалирует принцип мирного федерализма; странно только, что этот философ даже не указал новые черты, которые должны лечь в основу такого федерализма.

Всем известно, что первыми создателями проекта федерации были *Генрих IV* и *Сюлли*; действительно ли они хотели его осуществить и каким образом предполагали это сделать, — об этом можно только строить предположения. Поразительно, однако, что Руссо, который уж конечно не хотел умалить достоинства обоих великих людей, с предельной откровенностью высказывает мнение, будто *Генрих IV* лишь потому выдвинул идею такого союза и всячески поддерживал ее, что сам намеревался стать его главой.

ность «быть несправедливыми по собственному произволу», если бы ответствовали истине его слова, будто «подобному союзу достаточно было бы просуществовать лишь один день, и он никогда не был бы расторгнут», — если все это верно, то мы не должны терять надежду на то, что этот союз рано или поздно будет реализован. В новой истории Европы не раз наступал момент, когда все правители предпочли бы спокойствие длительного мира непредсказуемому успеху войны. Такой момент может еще не раз наступить и наступит; все, что зависит в человеческом обществе от мгновенного решения, возможно, и возможно на практике. Трудность, вернее, полная невозможность такого союза связана отнюдь не с его созданием: она связана с условиями его прочности.

Для того чтобы какое-либо законное соглашение между отдельными лицами или между государствами имело силу, его действительность или прочность должны иметь гарантию, причем гарантию внешнюю. Если ж подобное соглашение зависит только от постоянства воли сторон, то оно построено на песке. Настроения отдельных людей и государств более переменчивы, чем природа, а их моральность — тростник, колеблемый ветром. Всякое правовое объединение необходимо предполагает принуждение, а принуждение предполагает высшую власть. Между тем она полностью отсутствует в каждом проекте союза государств. Во всех проектах такого рода есть, правда, законодательная и судебная власть, но нет исполнительной власти, а следовательно, нет и гарантии. Таково важное обстоятельство, свидетельствующее о полной непригодности этих проектов не только с точки зрения их осуществления, но и — что их особенно дискредитирует — в качестве идеи.

Свободный договор между государствами будет всегда соблюдаться лишь до тех пор, пока ни одно из заключивших этот договор государств не станет обладать одновременно волей и силой, чтобы нарушить его, иными словами, пока мир, являющийся целью договора, не существует без него. Как только отдельное государство или коалиция ряда государств будет заинтересованы в том, чтобы противодействовать общему интересу, и окажутся обладателями достаточной силы для этого, вся система распадется. С этого момента в распоряжении остальных участников союза не окажется никакого иного средства принудить нарушителей подчиниться решению третейских судей, решению большинства или конгресса, кроме войны. Между тем ведь единственной целью большого союза было избежать войны. Другими словами, этот союз может существовать лишь с помощью такого средства, которое не способствует достижению его цели, а уничтожает ее; следовательно, эта идея содержит внутреннее противоречие.

Около ста пятидесяти лет назад во взаимоотношениях европейских государств возникло своего рода несовершенное подражание этой идее, столь чарующей на первый взгляд и столь несостоятельной при ближайшем рассмотрении; это подражание известно под наименованием *политического равновесия*. Опыт показал, что большинство войн возникало в результате чрезмерного превосходства, которого при благоприятных обстоятельствах сумела достичь та или иная держава. Из этого государственные деятели сделали заключение, что нейтрализацией подобного превосходства, а если оно уже возникло, то нейтрализацией его вредных последствий путем создания целесообразных союзов, посредством умелых переговоров, а в случае необходимости и силою оружия можно достичь существенного упрочения спокойствия и безопасности целого. В намерения сторонников этой системы никогда не входило — в чем их часто несправедливо упрекали, — чтобы все государства стали приблизительно равными по своему могуществу; целью их было только по возможности защитить слабые государства от посягательств господствующего государства посредством их объединения с более могущественными. Они хотели организовать естественное федеративное устройство Европы таким образом, чтобы внутри большой политической системы каждое обладающее весом государство находило противовес; хотели сделать войны если не невозможными — что не способно совершить ни одно объединение, ни всеобщее, ни частичное, — то по крайней мере сократить их число, постоянно показывая, что привлекательные стороны войны сочетаются с тяготами; возбуждая страх и интерес, они пытались преодолеть то, что при отсутствии высшей власти не удалось подавить ни праву, ни моральности, — одним словом, достигнуть посредством *сепаратных союзов* того, что по проекту Сен-Пьера должен был дать *всеобщий союз*.

Система политического равновесия не раз, правда, превращалась, служа честолюбию и эгоизму, в орудие разрушения и не раз способствовала возникновению войн, которые она, по убеждению ее адептов, стремилась предотвратить. Тем не менее эта система не заслуживает того презрения, которым ее в последнее время столь щедро обливают невежественные декламаторы. Самые благородные открытия человеческой мудрости и искусства могут в результате злоупотребления превращаться в яд; нет ничего благородного под солнцем, что не послужило бы в том или ином месте поводом к величайшим преступлениям, не стало бы причиной ужаснейших бедствий. В данном случае суждение следует выносить особенно осторожно, поскольку эта система предоставляет нам, по-видимому, един-

ственное гарантированное средство, которое после того, как обнаружилась нереальность всех других планов, еще остается нам при нашей беспомощности. Если правильно понятое политическое равновесие может избавить нас хотя бы от трех или четырех войн в столетие, то уже одно это оправдывает усилия, необходимые для тщательного изучения принципов этой полезной системы.

То, что она в конечном итоге оказалась столь дискредитированной, объясняется — и это следует открыто признать — растущей безнравственностью, все более неприкрытой кощунственностью нашей эпохи. Теория политического равновесия в ее подлинном понимании опирается на идеи умеренности, взаимного ограничения, нетребовательности и твердости; она призывает к господству пребывающих в тиши изысканных талантов над бурной необузданностью, кабинетной мудрости над военной. Эта система не может нравиться в эпоху, когда судьбу мира решает сила, когда удар меча обрекает на провал самые тонкие соображения государственного деятеля, когда слабым уже почти нет спасения, а сильные взяли за правило издеваться над *государственной мудростью*, считая ее чудачеством и пытаясь тем самым воспрепятствовать ей прийти на помощь изгнанной *справедливости*. Однако природа вещей и вечное правило общественного порядка рано или поздно утверждают свое право. Если в конце неожиданного кризиса, ознаменовавшего начало XIX века, вся политическая жизнь нашей части света не окажется сконцентрированной в нескольких всеобъемлющих государствах — событие, которое в своих отдаленных результатах, быть может, и окажет благотворное действие на установление мира, но реализация которого возможна лишь в ходе ряда революций, а одна мысль о них вызывает ужас, — если Европа и впредь останется конгломератом крупных и мелких государств, то система правильно понятого равновесия между этими государствами всегда будет служить путеводной звездой лучшим государственным деятелям.

Политика в узком смысле слова является, собственно говоря, наукой, а ее практическое применение — искусством утверждать и совершенствовать разработанную ею систему. То обстоятельство, что это искусство часто подменяется лживой хитростью, недостойным коварством и подлыми интригами, так же не может быть поставлено в вину политике, как нельзя обвинять религию в пустых ухищрениях погруженной в бесплодные размышления теологии или философию — в плоской софистике педанта-схоластика. Перед истинной политикой должна стоять

великая задача — постоянно направлять и упорядочивать отношения между государствами таким образом, чтобы они по возможности приближались к состоянию законного устройства гражданского общества; она должна устранять поводы к войне, пока еще остается хоть одно средство для мирного урегулирования конфликта; а если война неизбежна, то из самих последствий войны вывести лучший порядок вещей и более гарантированное, насколько это возможно, мирное состояние. Достаточно сформулировать эту задачу, чтобы наметить все требования, которые можно с полным правом предъявить тому, кто будет ею заниматься. Доскональное знание государственного устройства, силы, права и взаимоотношений государств; глубокое изучение человеческих характеров, их скрытых движущих сил; способность быстро и безошибочно распознавать переплетение разных планов и намерений, открытых шагов и тайных махинаций, умение обнаружить ту излучающую истинный свет точку, позволяющую вынести суждение и решение, дар с твердостью и высшим искусством решать самые сложные задачи, когда за единственный ложный шаг подчас приходится расплачиваться гибелью наций, — таковы качества государственного деятеля в высшем смысле этого слова. Тот, кто рассматривает подобное искусство как бесполезную игру, вероятно, никогда не был знаком с его принципами и никогда не понимал, в чем состоит цель этого искусства.

Если бы существовала наука, которая обучала бы средствам установления *вечного* мира, она была бы наивысшей из всех известных человечеству наук. Поскольку же такой науки не существует, следует с уважением относиться к той, которая в своем совершенном выражении закладывает основу *наиболее длительного* мира.

Четвертым и последним путем, к которому приводит нас размышление о возможности постоянного мира, является создание официальной международной организации, в которой законодательная, судебная и исполнительная власть были бы общей волей объединены в каком-либо высшем органе.

Лишь при такой организации возможно решение этой великой задачи. Лишь при такой организации каждое государство вступает в отношение с другим, именно в такое полностью регулируемое отношение, которое в гражданском законодательстве распространяется на всех поданных отдельного государства. Лишь высшая судебная инстанция, выносящая решение по всем процессам в рамках международного права в соответствии с твердо установленными законами и, обладая высшей вла-

стью, приводящая в исполнение свой приговор, наподобие того, как это совершает судья в гражданском обществе, предоставляет всем ту всеохватывающую гарантию, без которой ни одно общество, а следовательно, и ни одно сообщество государств не может подняться до правового существования в полном смысле этого слова.

Эта единственно удовлетворительная организация государств является, к сожалению, химерой и должна остаться таковой. Ибо:

1) для того чтобы реализовать идеал вечного мира, эта организация должна была бы охватить весь земной шар. Полностью разработанная федеративная система, в которую входила бы лишь часть земного шара, еще не служила бы гарантией мира. Естественное состояние в отношениях между народами изменится полностью лишь тогда, когда они смогут объединиться в единое государство, что невозможно;

2) даже для значительного количества народов, особенно больших народов, законченная федеративная система ни при каких условиях создана быть не может. Сообщество мелких государств, связанных взаимными интересами, может, правда, жить и процветать в рамках подобного устройства*. Но для того чтобы распространить федеративную систему на крупные государства, превратить Европу — не в соответствии с нереальным планом Сен-Пьера, а в единственно приемлемом, положенном здесь в основу смысле, — в подлинную федеративную республику, высший сенат этой огромной республики следовало бы наделить такой властью, сравнения с которой не выдерживает власть ни одного отдельного государства, — а это также невозможно;

3) если, наконец, можно было бы представить себе власть настолько могущественную, чтобы она способна была вытеснить своим судебным приговором интересы частного характера в таком огромном государстве, каким явилась бы даже только Европа, то и тогда — причем это замечание относится и к чисто идеальному значению проекта — между народами *еще не было бы вечного мира*. Ибо нельзя предположить, что каждое отдельное государство добровольно подчинится приговору высшей судебной инстанции. Подобно тому как

* Удачными примерами подобной организации служили всегда лишь такие сообщества, где и совокупность объединенных в федерацию государств также составляла по своей величине лишь среднее или маленькое государство. Попытка создать федерацию в больших масштабах была сделана дважды — в *Германии* и *Северной Америке*. Судьба одной такой попытки известна; суждение о второй будет вынесено в будущем. Однако если единство Северо-Американских свободных штатов не сохранится в силу совершенно исключительных обстоятельств, оно вряд ли просуществует даже пятьдесят лет.

внутри государств для осуществления права часто приходится прибегать к насилию, в конфликтах между народами, быть может, еще чаще, чем в частных отношениях, возникала бы необходимость гарантировать осуществление судебного решения путем применения принудительных мер. А принудительные меры по отношению к *государству* есть всегда не что иное, как *война*. Следовательно, и при такой системе война была бы неизбежна.

Таким образом, можно считать полностью доказанным, что не существует плана вечного мира, который даже только по своей идее, оставляя в стороне всю трудность ее реализации, оказался бы действительным. Этот плачевный результат служит, казалось бы, обвинением не только человечеству, но в известной степени даже вышнему управлению миром. Посмотрим, нельзя ли оправдать хоть его.

В природе принцип сохранения тесно связан с принципом разрушения. Каждая новая форма возникает из распада старой, материал для каждой организации — из элементов уничтоженных организаций, жизнь — из смерти. Природа является аренной постоянной борьбы, где одна сила борется с другой, одно влечение — с другим, одно существование — с другим. Весь процесс ее неисчерпаемого развития основан на постоянном разложении.

Там, где организация является в облагороженном виде, где грубый механизм переходит в свободную деятельность, где вместе с более высоким и искусным жизненным принципом открываются первые признаки сознания и воли, там эта борьба принимает характер войны. Животный мир существует и процветает только в войне. Правда, с помощью смерти, которую природа сама постоянно призывает, она позаботилась о том, чтобы каждое поколение спокойно освобождало место другому и Земля не стала бы в течение нескольких веков слишком мала для ее обитателей; однако этот мирный процесс, по-видимому, еще недостаточно соответствует ее плану. Большинство родов животных, безусловно, предназначено жить за счет других родов; они предопределены к войне, созданы для войны, часто явно вооружены для войны поразительным инстинктом или весьма искусным приспособлением. Человеческий род находится в таком же положении: за счет остальных животных он должен обретать средства для самосохранения и господства на Земле. Ему остается только один выбор: либо погибнуть, либо подавить и уничтожить вокруг себя все, что не должно быть необходимо сохранено для других целей.

Это странное хозяйствование природы как будто возвещает на первый взгляд систему противоречий и всеобщий беспорядок. Однако

мы рассматриваем мир со слишком низкой ступени и созерцаем слишком незначительную часть великой цепи существ, чтобы решиться высказать суждение о целом. К тому же «страдание», «смерть» и «уничтожение» — понятия относительные, определяемые лишь своеобразным характером того, как то или иное изменение в природе действует на наше ощущение. Даже для наших близоруких глаз кажущийся беспорядок часто превращается в гармонию и порядок; а если бы мы могли глубже проникнуть в тайны природы и охватить большую ее сферу, то ее таинственная история, которую мы познаем лишь в отдельных фрагментах, открылась бы нам повсюду в своей связи, целесообразности и мудрости. Тогда вечная война в природе предстала бы перед нами лишь как измененная картина ее вечной полноты и вечной деятельности.

Человек в качестве *разумного существа* уже теперь возвысился благодаря самосознанию и свободе над этой кажущейся путаницей в мировом процессе. Для него смерть и уничтожение сами по себе не имеют смысла: сохранение его, так же как сохранение всего, что действительно есть, что существует как *субстанция*, а не только как *случайная форма*, всегда связано с всеобщей сохранностью, а не с гибелью. Его деятельность определяется правилами, которые исходят от него самого; только он подчиняет себе природу своей непреходящей властью; только он преодолевает все инстинкты и с того момента, когда начинает понимать и уважать самого себя, живет в мире с себе подобными. В нем потребности должны подчиняться праву и нравственности. Все то, чего другие создания могут достичь только слепой силой и войной, он обретает посредством общественных связей и закона.

Однако человек никогда не является чисто разумным существом и не станет им, не может им стать в какой-либо момент своего земного бытия. Таинственная цепь беспрестанно связывает его именно с той природой, над которой дух беспрестанно его поднимает. Воинственное влечение, кажущийся враждебным принцип, вызывающий деятельность всех природных существ, живет, действует и дышит также в нем. В животных это — инстинкт, в нем он становится склонностью и страстью. Все его разумное существование и назначение всех поколений — лишь непрерывное стремление подчинить этот принцип идеям порядка и законности, источником и образцом которых должен быть на Земле только человек. Это стремление никогда не может достичь полного успеха. Даже если бы весь человеческий род мог установить для всех своих членов самое совершенное правовое устройство, то враждебная материя,

скрывающаяся в неодолимых чувственных влечениях, ежеминутно нарушала бы порядок и сохраняла бы вечный резкий диссонанс между законом разума, всегда призывающим к миру, и законом необузданной природы, всегда желающей войны.

Более того, даже присущий только человеку способ воздействия на окружающий его мир, даже сама его свобода вносит своеобразные помехи в порядок, к которому призван человек. В этой самой по себе бесконечной и безграничной свободе каждому человеку изначально дано господство над всем чувственным миром в той степени, в которой он может его охватить. До тех пор пока это господство не ограничено законом, каждому человеку, будь их даже много миллионов, принадлежит в полном смысле слова вся Земля со всеми ее плодами и благами. Поэтому-то чисто природное состояние необходимым образом является состоянием войны. Лишь из невозможности удовлетворить эти притязания, лишь из потребности их ограничения возникает *понятие права*, и только на нем основана возможность договора. Поскольку же договоры между отдельными лицами все еще не связывают всех остальных, между тем как право должно быть полностью и навсегда определено среди людей, в конечном счете пришлось, чтобы удовлетворить требования разума, прийти к *всеобщему договору*, к обществу, упорядоченному законом.

Однако для того чтобы это упорядоченное законом общество достигло человеческих целей во всем их объеме и всесторонне изменило состояние природы, оно должно охватить весь человеческий род. Лишь в том случае, если каждый житель Земли вступает со всеми в заключенное правовым образом объединение, ему целиком и полностью обеспечено его право против посягательств другого. Однако и тогда возможность войны в широком смысле слова еще не была бы устранена, так как это предполагает абсолютное единовластие разума и уничтожение в человеке всех не совпадающих с требованиями разума влечений. Но тогда была бы дана по крайней мере внешняя возможность такого состояния, при котором невозможна *правовая война*. Для того, чтобы право обрело среди людей абсолютную и полную гарантию, вся Земля должна быть одним государством. Поэтому-то всеобщее, охватывающее всю Землю *федеративное устройство* было, как мы видели выше, единственным проектом вечного мира, который по крайней мере чисто в идее не содержал очевидного противоречия.

Сделав этот всемирный проект невозможным вследствие границ человеческих сил, природа декларировала, что понятие вечного мира является бессмыслицей. Определив необходимое разделение че-

ловеческого общества, она очертила область права границами, которые, правда, могут быть расширены, но никогда не могут быть устранены. В каждом отдельном государстве все правовые отношения определены законом, но государства не могут создать для себя общего, организованного в строгом соответствии с законами целого. Они живут не в естественном состоянии — обычное, но неверное представление, — а в рамках несовершенного общественного устройства. Их отношения являются отношениями индивидов до создания гражданского общества, при которых могут быть заключены имеющие значимость договоры, но отсутствует связь, охватывающая все правовое существование, все действительные и все возможные договоры, все прошлое, настоящее и будущее. Поэтому государства могут устранить возможность войны только временно, но не окончательно.

С этой точки зрения война, очевидно, может быть названа злом только относительно. По сравнению с большим злом — от него нас избавляет именно несовершенное состояние человеческого общества, из которого возникает война, — она заслуживает наименования блага. Разум, или правовое чувство, в человеке исконно стремится к полной гарантии прав, что может быть достигнуто лишь посредством всеобщего законного объединения всех живущих на Земле людей. Подобное объединение невозможно. Следовательно, для того чтобы правовое устройство стало реальностью, оно должно быть заключено известным количеством людей, которые в качестве народа подчиняются общему закону. Для того чтобы каким-нибудь образом положить конец ужасному, возмущающему разум естественному состоянию, должен быть создан, поскольку достигнуть организации единого государства невозможно, ряд государств. Тогда война устраняется по крайней мере из сферы каждого отдельного государства, и если между отдельными государствами устранить ее на длительное время и невозможно, то это — цена, которую человечество вынуждено платить за счастье жить вообще в условиях законного общественного устройства. Немаловажно и то, что благодаря созданию государств война, к которой в естественном состоянии сводились отношения всех индивидов, изгнана из недр человеческого общества и перемещена на границы, обособляющие друг от друга большие замкнутые правовые области. Войны между государствами следует рассматривать как отводное устройство, концентрирующее в определенных пунктах и как бы отводящее в определенные каналы скопившиеся враждебные наклонности людей, которые, будучи предоставлены самим себе,

опустошили бы все вокруг и воспрепятствовали бы установлению правых союзов даже между отдельными людьми. Война со всеми ее ужасами является гарантией единственного законного устройства, возможного среди людей, и, как бы парадоксально это ни звучало, все-таки очевидной истиной остается, что без войны на Земле не было бы и мира.

Если пойти еще дальше и спросить: *почему же* высшее управление миром обрекло нас на это несовершенное состояние и не противоречит ли оно самому себе, заложив в нас, с одной стороны, священные идеи права и отказав нам — с другой, в единственном соседстве абсолютной реализации этих идей, в способности создать всеобщее общественное устройство для всего человеческого рода, то ответ должен бы быть приблизительно таков.

Верить, что даже в частных отношениях между людьми, определяемых в гражданском обществе с помощью законов, право полностью гарантировано и обеспечено во всем своем объеме, — заблуждение. Гражданское общество всегда является лишь более или менее удавшейся попыткой основать господство права. Даже при самой совершенной форме, которую способна придать ему человеческая мудрость, не исключено наличие несправедливых законов, несправедливых правителей и неправедных судей. По сравнению с абсолютной анархией оно, конечно, неоценимое благо, однако от чистого идеала совершенного правового устройства оно еще очень далеко и навек останется далеким. Более того, принуждение, посредством которого общество в тысяче случаев должно приводить своих членов к покорности и заставлять их повиноваться его решениям, — своего рода постоянная война, направленная против тайного стремления к разнузданной, не связанной законами свободе, всегда проявляющегося в склонностях людей, сколько бы разум ни боролся с этим. Даже в рамках гражданского порядка мир всегда только относителен и никогда не бывает абсолютным.

Таким образом, между истинным характером законных отношений внутри государства и истинным характером незаконных отношений между государствами существует большая аналогия, чем кажется на первый взгляд. Гражданское общество обладает, правда, тем важным и решающим преимуществом, что посредством его формы, по крайней мере, полное бесправие внутри его навсегда предотвращено, преимуществом, на которое сообщество государств претендовать не может. Однако и сообщество государств способно постепенно, хотя с помощью менее удовлетворительных и менее длительно действующих средств, воз-

выситься до высокой степени правопорядка. По сравнению с идеалом оба они несовершенны, однако каждое может достигнуть более полного совершенства на своем собственном пути.

Эта утешительная аналогия, из которой в конечном итоге будет выведено единственно возможное решение проблемы вечного мира, предстает в еще более поразительном свете, если принять во внимание средства, при помощи которых господство права вообще может достигнуть среди людей своей наивысшей силы.

Найдя наиболее целесообразную форму гражданского общества, государственная политика сделала все, на что она способна. Всего остального она должна ждать от прогрессирующего улучшения ее материала, т.е. от нравственного воспитания тех людей, которые управляют, и тех, которыми управляют. Последнее — значительно более важный элемент, причем настолько более важный, что возникает сомнение, не следует ли в конечном счете считать форму государственного устройства, поскольку она в лучшем случае облегчает достижение цели, но никогда не гарантирует его, лишь случайным обстоятельством. Постоянным дополнением к общественному устройству государства служит нравственность его членов. По мере того как эта нравственность возвышается и расширяется, растет также объем и прочность господства права; законы становятся более справедливыми и мудрыми, трибуналы — более добросовестными, правление — более равномерным и мягким, тайная война между государством и гражданами постепенно сменяется гармоничным согласием, послушание вновь переходит в свободу. И наконец, общество превращается из грубо построенного убежища, где просто прятались, чтобы избежать опасности вечной войны, так как бесправие грозило беспомощному получеловеку, в храм права, где вместе с истинным порядком, истинной безопасностью и истинным общим благосостоянием пребывает истинное достоинство человека и истинный мир.

Так же обстоит дело в сфере общественных отношений между нациями. И здесь высокая нравственность является единственным дополнением к несовершенному в силу необходимости устройству. Нравственное облагораживание людей должно, несомненно, вести к облагораживанию правительств, а чем лучше правительства, тем счастливее должно стать большое общество, в котором они, в качестве представителей народов, выступают как составные части и граждане. Когда повсюду на Земле сила страстей склонится перед священным авторитетом нравственных принципов, когда право станет божеством государств,

когда уважение к собственности, нерушимость договоров и строгая добросовестность в выполнении взаимных обязательств станут высшей максимой людей, когда князья, руководствующиеся этой максимой, проникнутые только идеей истинной неизменной пользы и истинных потребностей государств, глухие ко всем соблазнам дурно понятой славы, ложного величия, самопоглощающей жадности, найдут свое счастье в покое и безопасности, когда даже временная жертва не покажется им столь болезненной, как жестокая необходимость искать решения вопроса о сомнительных правах в еще более сомнительном успехе войны, — одним словом, когда в человеческом обществе справедливые и мудрые правители будут господствовать над образованными, невзыскательными и нравственными народами, тогда, но только тогда, число войн уменьшится.

Таким образом, тот же путь, который ведет к совершенствованию связи в гражданском обществе и, следовательно, к миру внутри государств, ведет к миру и в общественных отношениях между нациями. Если во втором случае надлежит преодолеть больше трудностей, чем в первом, то последняя цель — состояние, полностью совпадающее с требованиями разума, — быть может, в обоих случаях одинаково далека. Создать между государствами такие отношения, которые навек устранили бы опасность войны, невозможно; однако добиться посредством форм правления и законов полного успеха в деле воспитания людей в обществе, внушить им стремление к справедливости, нравственности и миру, который без справедливости и нравственности никогда не может быть прочным, — задача не более обнадеживающая. Несовершенство гражданского устройства лишь по степени отличается от несовершенства сообщества народов, но то и другое поддается прогрессивному улучшению; средства для этого заключены в нравственной силе человека. Идеал *вечного мира* совпадает с идеалом *совершенного государства*: их общий фундамент — неограниченное господство права; возвысьте человечество до этого — и все его разумные цели будут достигнуты!

На вопрос: придет ли, наконец, время, когда войны между народами прекратятся? — существует лишь один ответ. Когда право и нравственность будут господствовать внутри каждого государства, тогда и международное право, которое теперь существует лишь в отдельных фрагментах, составит законченное целое. *Вечный мир*, правда, химера, однако он лишь постольку является таковой, поскольку химерой остается совершенное правовое устройство человеческого общества. Мы должны с полной ответственностью, мужеством и не-

утомимым рвением стремиться достигнуть того и другого; однако, пока мы остаемся людьми, то и другое будет для нас недостижимым.

Между тем вечное правило и благотворное условие нашего хрупкого общественного существования состоят в том, что из самого зла, с которым мы боремся, постепенно развивается общее благо; поэтому нам дозволено, пока мы не можем избежать войны, говорить и о ее преимуществах. Проникнутая справедливейшим отвращением, подавленная окружающим страданием, смертью и опустошением, человеколюбивая душа лишь неохотно решается на подобное видение; однако ничто не защищает в такой степени от отчаяния, в которое зрелище созданных нами самими человеческих страданий в конце концов ввергло бы нас, ничто не усиливает в такой степени мужество, если, минув бурное море человеческих бедствий и страстей, мы хотим, наконец, достигнуть гавани, как успокаивающая мысль, что даже самое страшное зло, которое наш род испытал по собственной вине, не оказалось совершенно бесполезным для его воспитания, для приближения к благу.

Война развила и сформировала дух на тысяче путей. С одной стороны, она стала поводом и импульсом для важнейших открытий в науке и искусстве, для расширения, повышения уровня и качества промышленности, для распространения и оживления всех видов человеческой деятельности; с другой — она, вероятно, более тесно и, уж безусловно, более быстро связала различные народы земного шара, чем сближают людей мирные отношения: варварские нации она привела к культуре, а культурные — к подлинному осознанию своих общественных сил и к более полному их использованию. Война заставила правительства направить удвоенные усилия на исследования источников их мощи, и, даже несмотря на то, что достаточно часто приводила к неудачным попыткам, к пагубным ошибкам, она в конце концов все-таки научила правительства понимать, в чем состоит подлинная тайна их силы. Война благотворно действовала и на формирование *характера*. «Боги, — говорили древние мыслители, — все продают смертным за труд и старание». Если бы человеческий род жил в полном и длительном мире, если бы ему не приходилось на каждом шагу преодолевать невероятное сопротивление, то высочайшая степень усовершенствованного общественного существования, к которому мы ведь в конечном счете стремились, была бы значительно менее, чем теперь, делом нашей собственной силы, нашей заслугой. Ряд прекраснейших человеческих качеств — решительность, настойчивость, спокойствие в опасности, стойкость в несчастье, которые имеют огромное значение и для мирной жизни, и даже для индивидуального счастья,

могли обрести свой истинный характер, свое полное развитие лишь в пылу сражения. Даже любовь к родине, эту самую высокую и чистую движущую силу благосостояния общества, питает, углубляет и укрепляет война; вообще лучшее из того, что дает нациям в мирное время самостоятельность и достоинство, они завоевали в войне.

Вопрос заключается не в том, превышает ли ущерб, наносимый войной, связанную с ней *пользу*. Эти расчеты совершенно бесполезны, если разум утверждает, что войны *быть не должно*. Вопрос заключается только в том, может ли при неминуемом несовершенстве нашего состояния идея мудрого управления миром сочетаться с неизбежностью войн; и то, что на этот вопрос следует ответить утвердительно, является немалым утешением для мыслящего и особенно для нравственно настроенного человека.

Нам остается исследовать еще одну проблему: быть может, разрешение ее не будет очень радостным; однако если оно заставит нас понять истины, пусть даже болезненные и гнетущие, оно в целом окажется все-таки благотворным. Нам представляется, что мы приближаемся к завершению самого глубокого и страшного кризиса, который общественное устройство Европы претерпевало многие века. Каков же может быть его результат? Чего мы ждем от будущего? Действительно ли мы приблизились к тому идеалу, который философы нашего времени в большей степени, чем мудрецы самых знаменитых периодов древности, сделали предметом своих размышлений во славу наших успехов в благороднейших устремлениях духа?

И если *вечный мир* находится по ту сторону всякой человеческой премудрости, то можно ли теперь *вообще* питать большую надежду, чем раньше, на *установление мира*?

Если бы мы не хотели выходить за рамки идеала, мы могли бы решить эту проблему просто указанием на принцип прогрессирующего усовершенствования человеческого рода. Но ведь и этот принцип не более чем идеал, которому опыт соответствует отнюдь не в любой период. Для того чтобы сделать предметом достаточно убедительного философствования предстоящий удел нынешнего поколения, нам надлежит бросить взгляд на состояние вещей в настоящем и на историю недавно протекавших лет.

К моменту, когда во Франции разразилась революция, Европа действительно несколько продвинулась к установлению мирного устрой-

ства народов. Наиболее значительным шагом было, без сомнения, открытие подлинной основы политической экономии. Просвещенное, либеральное, благотворное понимание истинных потребностей и истинного интереса наций вытеснило ложную систему, основывавшую величие и благополучие государств на войнах и завоеваниях. Правители постепенно осознали, что подлинный источник их силы, который они искали вдали от своей родины, лежит у их ног, что самая большая выгода, которую может предоставить война, будучи рассмотрена с правильных позиций, никогда не уравнивает неизбежно связанные с ней потери и что самые значительные завоевания должны быть совершены ими внутри своих стран. Одновременно выступила в новом, до сих пор едва ли предполагаемом свете и взаимная связь народов. Стало очевидно, что промышленность, торговля и богатство — собственно говоря, общие блага, что, даже если центр их находится в том или ином государстве, они в большей или меньшей степени способствуют благосостоянию всех, что и самая богатая нация извлекает большую пользу из благосостояния своих соседей и всех остальных наций, чем из их бедности, и что опустошения войны, где бы она непосредственно ни происходила, в своем конечном результате затрагивают все общество в целом. Эти глубокие и страшные истины не могли не оказать влияния на высокую политику; а так как они постепенно были восприняты всеми мыслящими людьми, развиты самыми крупными писателями, одобрены самыми понимающими государственными деятелями и проложили уже себе путь к нескольким тронам, то казалось, что для Европы повсеместно открывается новая эра мудрости, гуманности и мира.

Следует заметить, что нравственное воспитание почти нигде не способствовало успехам рассудка и что массы людей, так же как те, кто господствовал над ними, не становились справедливее по мере того, как они ежедневно преуспевали в просвещении. Ряд политических событий, происходивших начиная с 1770 г., возбуждал даже подозрение, что в этот период более высокой духовной культуры основоположения публичного права стали вызывать большее пренебрежение, чем в мрачные времена грубости и варварства. Тем не менее совершенствование и разработка теории, а также все более широкое распространение среди людей ясного, либерального мышления было крупным, решающим и длительно действующим приобретением; рано или поздно оно должно было оказать свое влияние на практические принципы и характер людей; то, что не способно было непосредственно совершить уважение к нравственности и праву, мог дать людям хотя бы лучше постигнутый ими интерес.

В этом отнюдь не безнадежном положении находилась Европа, когда на нее обрушилась Французская революция. Успехи государственного управления сыграли свою роль и сами ускорили ход событий. Значительная, правда, лучшая и благороднейшая, часть тех, кто подготовил революцию, находила удовлетворение в том, что настал момент, когда желания, планы и мечты гуманных политиков станут действительностью. Преследуя только эту блестящую цель, видя только ее, они неправильно оценивали свои силы, ошиблись в своих средствах и стали на неправильный путь. Они надеялись смелостью и силой в один момент достигнуть того, что природа предназначила человеческому роду обрести лишь шаг за шагом при сохранении вечных условий права и мудрости. Они опережали самих себя, падали из одной бездны в другую; они хотели утвердить в своей стране свободу, достоинство человека, господство закона, построить в ней модель образцового государственного устройства, а вместо этого увидели руины, кощунство и анархию; они полагали, что объединят все народы земного шара в едином космополитическом союзе, а породили самую жестокую мировую войну из всех, когда-либо потрясавших общество и разрывавших общественные связи.

Не находя больше достаточной пищи для своей всепожирающей силы внутри Франции, эта страшная революция распространила свое влияние на все политические отношения Европы. Ее конечный результат выходит далеко за пределы всех человеческих расчетов. Но в настоящий момент ясно одно: она не только далека от того, чтобы способствовать установлению мира на Земле, но, напротив, всеми способами усиливает и умножает материал, *вспомогательные средства* и даже *склонность к войне**.

1. *Материал.* Революция полностью разрушила прежнее политическое устройство Европы и то, что до последнего времени называли рав-

* По мнению некоторых политиков, революция достигла бы своих идеалов, осуществив *республиканский* строй и распространение его по всей Европе; эти политики полагают, что война закончится, если во всех государствах установится республиканский строй. Я поставил перед собой задачу подробно рассмотреть эту идею, которая несколько лет тому назад благодаря авторитету одного влиятельного человека получила большое распространение в Германии и тесно связана с темой данного очерка. Однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что это — напрасный труд. Предоставив своей судьбе заблуждение, которое после всего, чему научили нас разум и опыт, не способно сохранить даже видимость истины, мы уберем себя от повторения множества общих мест.

новесием между народами; поэтому она сделала первостепенной потребностью и самой животрепещущей задачей государственной политики создание новой федеративной системы. Ни один человек, осведомленный о современном состоянии Европы, не может льстить себя надеждой, что эту сложнейшую задачу можно решить мирным путем. Прежние отношения столь насильственно разорваны, фундамент всего общественного здания столь поколеблен, трудности, грозящие при каждом шаге в деле создания нового порядка вещей, столь велики и многообразны, что даже самый искусный политик содрогнется при любой попытке заглянуть в будущее. В подобных обстоятельствах установление мира является проблемой, которая уже не может быть ни охвачена, ни исследована государственной политикой. Только сила решит теперь, что будет представлять собой в будущем международное право европейских государств. Нужно еще много войн, для того чтобы мы могли достигнуть хотя бы такой стадии, на которой станет возможным установление мира на несколько лет. Таково печальное наследие, оставленное XVIII веком нынешнему поколению и, быть может, многим поколениям будущего.

2. *Вспомогательные средства.* Французская революция вновь возвысила военную власть над всеми остальными и привела к такому состоянию, когда судьба наций решается только силою меча. Она создала новую военную систему, придала военным операциям новый характер и более крупный масштаб, связь, распространение и сферу действия, неведомые даже самым кровавым войнам прежних времен. Безгранично расширив арену войны, она, сколь это не кажется противоречивым, в значительной степени облегчила ведение войны, ибо заставила хотя бы одну нацию постигнуть тайну, что войну следует рассматривать не как путь к истощению своих сил, а как средство их умножения; рано или поздно революция принудит и все остальные нации проникнуть в эту тайну или отказаться от независимости и самостоятельности. Одно это обстоятельство позволяет нам предвидеть историю последующих лет.

3. *Склонность.* Потрясения, которые мы пережили, повсюду уменьшили, а подчас и полностью уничтожили уважение к *праву*, этой единственной прочной гарантии мира. Мы настолько привыкли к насилию, свержениям и узурпациям, что они почти не привлекают нашего внимания и еще менее того вызывают отвращение. В публичной сфере стало почти смешным рассчитывать на то, что не может быть достигнуто или защищено превосходством оружия. Необеспеченность

них к столь пагубному малодушию, других — к столь дерзким притязаниям, что почти ничего, кроме силы, не вызывает больше уважения. Это не та настроенность, которая способствует установлению мира между людьми.

Непредвиденные и не поддающиеся расчету обстоятельства могут, правда, оказать противодействие этой враждебной судьбе, предупреждаемой таким мрачным прогнозом. В пылу войны может быстрее, чем мы вправе ожидать, возникнуть новое правовое устройство народов, и мирный порядок вещей, опирающийся на более благородные максимы, может неожиданно озарить человечество радостью. Однако это — блага, даруемые счастьем, которые никто не может гарантировать и на которых никто не может строить свои планы. Что теперь не только мир, но и сама возможность мира очень далеки, что теперь война — боевой клич на Земле, и, если чудодейственнейшие революции не изменят нашу печальную участь, еще долго останется таковым, — эта печальная истина непоколебима. Ее надо постоянно и по весь голос проповедовать высокомерным философам наших дней, чтобы они не предавались с губительной беспечностью сладкой мечте о растущем усовершенствовании человеческого рода. Ее надо постоянно и во весь голос возвещать у дверей государственных политиков, чтобы они знали, сколь трудно их дело, сколь велико стало их предназначение, чтобы они удвоили свою волю, свое мужество и свои силы и наконец нашли путь к благу или по крайней мере положили границы злу.

*Перевод с немецкого
М.И. Левиной*

Карл КРАУЗЕ

НАБРОСОК ПРОЕКТА СОЮЗА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВЫ ВСЕОБЩЕГО МИРА И ПРАВОВОГО СРЕДСТВА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЛЮБЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ВНУТРЕННЮЮ И ВНЕШНЮЮ СВОБОДУ ЕВРОПЫ

1814

Показать, как существующий теперь союз, еще недавно (первого марта 1814 г.) более прочно связавший на двадцать лет на случай военной угрозы главные европейские государства¹, можно сделать устойчивым и действенным также для мирных целей, как посредством этого союза достигнуть более совершенного правового состояния всех государств Европы, — показать это и предложить для *общеевропейского союза государств*, ставшего возможным благодаря этому союзу, справедливое, нерушимое и в подлинном смысле слова свободное устройство на время войны и мира является целью данной работы.

Сделать доступным взору народов и их правителей прообраз права и государства — первоочередной долг в то время, когда в истории возникают поворотные пункты, которые на многие века определяют своеобразие человеческой культуры. Такой поворотный пункт истории наступил в 1813 г. Если проект союза европейских государств будет осуществлен объединившимися против противоправного верховенства Франции государствами, это послужит гарантией правовой свободы Европы и тем самым будущей свободы всех народов земного шара. Тогда система только политического равновесия окажется ненужной, а система деспотической универсальной монархии невозможной.

Из такого союза государств, который столь же соответствует идее правовой организации человечества, как и нынешнему состоянию культуры наиболее развитых народов Европы, из союза, для осуществления которого в настоящее время необходимые силы уже действительно объединены, сам собой возникнет всеобщий мир объединенных народов —

¹ Речь идет о т.н. Священном союзе, заключенном между Австрией, Пруссией и Россией после падения империи Наполеона.

он может быть достигнут только на этом пути, и только таким следует его желать. Связанные союзом государства будут внушать каждому агрессивному государству страх силой своего объединения и уважение своими правовыми принципами; силой права и любви они объединят в своем союзе, основанном на нормах международного права и на стремлении к миру, все большее число народов. Государи России, Австрии, Пруссии, Англии и Швеции, поддержанные их народами, совершили великое деяние; теперь они могут заложить основу еще более великому и славному деянию любви и мира.

Возникновение союза европейских государств можно ожидать от союзных держав с тем большей вероятностью, что этот союз не лишает ни одно государство имеющихся у него прав, не противоречит государственному устройству ни одной страны, предоставляет всем большие преимущества, чем могут дать самые блестящие завоевания, и не требует для своего основания и деятельности никаких жертв от народа.

Для Германии в этом также заключена прекраснейшая надежда! Даже если объединение немецкого народа под властью одного верховного правителя, обладающего суверенной властью, и неосуществимо, то *образованию трех немецких отдельных государств — восточного (под властью австрийского императора), северного (под властью короля Пруссии) и южного (под объединенной властью остальных немецких правителей) — ничто более не препятствует.* Если бы эти три немецких государства объединились в единый свободный союз немецких государств в соответствии с принципами, которые здесь будут выдвинуты для союза европейских государств, а затем примкнули бы к союзу европейских государств, то уже внутреннее единство сил обеспечило бы немецкому народу самостоятельность как некоему целому и вместе с тем своеобразие всех его племен и отдельных государств в делах веры, в жизни и гражданских законах. Уверенность же в том, что наш народ и впредь будет существовать при любых обстоятельствах, основывается на данных прошлого и настоящего. Ибо история свидетельствует о том, что каждый раз, когда какой-либо народ бросал вызов немцам, он в конечном счете становился жертвой мощного, сокрушительного удара; это испытали римляне, это испытали французы.

Политическое спасение немецкого народа благотворно не только для него самого, но и для всей Европы, более того — для всех народов мира; ибо наш народ может гордиться тем, что находится на вершине европейской культуры и сохраняет в наибольшей чистоте и жизненности ее святыни. Какой прекрасный дар принес бы этот народ

провидению за свое спасение, если бы первый союз европейских государств в его немецком понимании был основан и осуществлен объединившимися для блага Европы правителями.

Союз государств — это ряд государств, объединившихся для восстановления права в своих сношениях в качестве высших лиц (целых народов) таким образом, чтобы все объединившиеся с этой целью народы могли, сохраняя свою внутреннюю и внешнюю свободу и в соответствии с законами свободной нравственности и свойственного каждому народу своеобразия, все совершеннее строить свою жизнь. Союз европейских государств объединяет для этой цели вначале несколько народов, а в стадии завершения — все народы Европы. Ему соответствовал бы по своему рангу азиатский, африканский, североамериканский, центральноамериканский (вест-индский) и южноамериканский союз государств, а также тройственный союз всех островов (всей территории между Азией и Америкой). Эти союзы главных частей света, совершенно одинаковым образом объединенные в единое высшее целое, составили бы единый целостный союз земного шара. Для того чтобы он действительно осуществился, для того чтобы постепенно возникали государственные союзы всех частей света, начало этому процессу должна положить Европа, поскольку она превосходит по своей всесторонней культуре все остальные народы, в большей или меньшей степени господствует над ними благодаря своему духовному превосходству, способности духовно направлять действие сил природы и в будущем, быть может, осуществит мудрое управление ими. Если же союз азиатских, африканских, американских государств и, еще более того, всемирное государство всего человечества — только неосуществимая мечта, то европейские государства тем более обязаны заключить между собой союз, чтобы по крайней мере в своих сношениях установить прочное правовое состояние и с полной силой противостоять в этом объединении всем остальным народам мира, любым их противоправным, любым насильственным действиям. Обязательство создать союз европейских государств и возможность его осуществления покоятся не на отношениях к другим внеевропейским народам, не на осуществимости всемирного союза, а на собственном праве самих европейских народов и на достигнутой ими культуре.

Все народы в качестве совершенно равных лиц обладают совершенно равным правом пребывать в самостоятельном государстве с избранной ими самими формой правления; однако это свойственное им устройство не должно противодействовать такому же праву любого другого народа, и природа его должна быть такова, чтобы каждый народ мог

уважать права другого народа. Напротив, устранить любое противоречащее международному праву государственное устройство какого-либо народа в той мере, в какой оно является таковым, — такое право имеют все другие народы; они имеют право наказать преступный народ, нарушивший право других народов, однако наказать его лишь так, как того требует право, но не рассеять или уничтожить его.

Право само по себе совпадает с нравственной свободой (моральностью и добродетелью); поэтому и выработанное в союзе государств международное право должно находиться в гармонии с нравственной свободой. Именно в признании личной свободы и своеобразия каждого народа, именно в следовании принципу, согласно которому и в области права народы должны стремиться к лучшему и быть ведомы к возвышенному посредством нравственной свободы, именно на этом основана глубочайшая внутренняя сила каждого союза государств и гарантия его существования. Применяя принцип, противоречащий праву, последнее французское правительство подготовило собственное падение. Это относится, правда, к другой области и к папской иерархии. Принцип нравственно свободного развития дает право осуществлять разумное воспитание посредством поучения, закона и правомерного принуждения, но не дает права подавлять и применять грубую силу. Поэтому союз государств с презрением отвергает низкие принципы, согласно которым для правительств и суверенных монархов существует *особенная, другая мораль, отличная от морали прочих людей, что в области политики разрешено лгать и обманывать, что право действует в тех пределах, в которых действует власть*. Поэтому чистота и нравственно-прекрасная справедливость союза должны выражаться в принципе публичности, великодушно допускаемой гласности обсуждений при полном исключении всяких хитростей. Союз не признает права на захват или уничтожение народов под предлогом опеки над ними; обладая совершенной властью, он делает право народов все менее зависимым от счастья или несчастья, от численности населения и от любого произвола.

Союз европейских государств должен быть таким же свободным, не затрагивающим суверенность, внешнюю независимость и своеобразие строя каждого отдельного государства, как союз суверенных государей и народов, который заключается только на случай войны или ради свободы торговли. Ибо *союз европейских государств — не что иное, как навечно провозглашенный союз свободных, независимых государств в рамках общего международного права*.

На завершающей стадии свободный союз государств является органическим федеративным государством: в нем для всех государств, гармонично взаимодействующих, подобно тому как взаимодействуют от-

дельные органы в здоровом теле, восстановлено политическое равновесие. Напротив, деспотическое федеративное государство, каким являлось, например, французское, стремится к единству своих частей без их свободы; действующий в суде закон оно заменяет произволом, собственной волей правительства или деспота в могущественном центральном государстве (в наиболее могущественном главном государстве); действие великого принципа самодеятельного, нравственно свободного развития оно насильственно заменяет формальной требуемой в соответствии с установлениями деспота рабской жизнью.

Кант (в работе «К вечному миру») полагал, что не положительная «идея мировой республики, а (чтобы не все было потеряно) лишь негативный суррогат союза, устраняющего войны, постоянно и непрерывно расширяющегося, может сдерживать поток антиправовых враждебных намерений, сохраняя, однако, постоянную опасность их проявлений». Однако целью должен быть не вечный мир, а правовое состояние народов и свободный союз государств, который только и делает такое состояние возможным; благодаря такому союзу сам собой возникнет и длительный мир, подобно тому как земский мир в Германии и Англии сам собой возник из более соответствующего праву государственного устройства этих народов в качестве целых народов, как только это устройство обрело силу. Если истинная свобода существует при истинно правовом состоянии, то наряду с другими благами сам по себе возникнет и мир. Напротив, в несовершенном правовом состоянии всегда будут возникать войны, направленные против неправовых действий, несмотря на то что закон чистого разума, так же как учит Иисус, непременно предписывает для каждого случая: не воздавать злом за зло.

Так же как главной исключительной целью союза государств не может быть совместное устранение нанесенной несправедливости посредством войны или предотвращение этого угрозой войны, не может быть поставлена перед союзом государств и односторонне преследоваться им любая иная односторонняя цель. Следовательно, не может стать такой целью и торговля, ее свобода и организация на основе международного права. Целью союза государств должно быть установление правового состояния объединенных народов в целом, восприятие в духе правового состояния всего человечества, а в него должно войти и все то единичное, что содержится в правовом состоянии народов, следовательно, в качестве частичной цели — и совместные военные действия, если войну нельзя предотвратить, и правовое определение торговли, а также всех сношений в области науки и искусства.

Союз государств охватывает все право, но только право; он не претупает границ права и воздействует на остальные человеческие дела властью и влиянием только посредством права и лишь в той мере, в какой это требуется отношением всех других человеческих дел к праву. И лишь таким образом он достигает гармонического отношения всех остальных человеческих дел к праву и их отношения друг к другу в сущности человеческой жизни. Что касается объема права, то он определяется и признается следующим образом: право является целостностью всех взаимных внешних условий *нравственно прекрасной жизни отдельных людей и всего человечества*. Этим обеспечивается самостоятельная, собственная, а тем самым и всесторонняя гармоническая жизнь как государства, так и религиозного союза (божественного союза, союза глубокого единения с Богом) и всех общественных объединений в области науки и искусства, а также семьи (брака) и дружбы. Тот, кто требует от государства больше чем права, лишает тем самым его и все другие человеческие институты силы и гармонии и вместе с тем требует невозможного.

Поэтому основой союза государств не может служить какое-либо Церковное устройство, какая-либо научная система как таковая, существование какой-либо семьи, какого-либо племени или народа.

Поскольку многие из тех государств, из свободного объединения которых мог бы теперь возникнуть первый союз государств на Земле, действительно находятся в подобной зависимости от Церковных воззрений и учреждений, а также от отдельных семей и родов, то из принципа нравственно прекрасного развития следует, что урегулирование этих внутренних отношений предоставляется свободному решению каждого государства и при его объединении с союзом государств. Пусть в одном государстве господствует католическое, в другом евангелическое христианское религиозное понятие, а в третьем нехристианское; пусть в одном государстве существует монархическое, в другом республиканское или аристократическое, светское или иерархическое устройство: все они тем не менее могут объединиться в первый союз государств, если только эти отношения в той мере, в какой они противоречат сущности союза государств или не могут обрести всеобщее согласие объединенных государств, не переносятся на самый союз, если народы постольку, поскольку они образуют союз государств, полностью остаются в области права. Свободная правовая возможность внутренне усовершенствоваться, всеми силами стремиться к лучшему государственному устройству, к более чистой религии, к более высокой науке и более высокому искусству, несомненно, откроется именно в союзе государств;

благодаря ему — каждому его члену и даже каждому не входящему в союз народу, который пожелает следовать подобному примеру. Показать, как придать союзу государств такой характер, при котором все государства были бы объединены в чисто *правовом смысле*, невзирая на различия религиозных понятий, государственных устройств и всех областей культуры, — задача лишь кажущаяся трудной. Уже в том случае отдельные государства проявят склонность примкнуть к союзу, если со всей решительностью будет установлено, что *каждое государство может в любое время столь же добровольно выйти из союза, сколь добровольно оно вступило в него*. Это позволяет избежать не только преступных манипуляций с так называемыми *вечными* договорами, которые всегда нарушаются, как только для этого предоставляется возможность, но тем самым весь союз в целом и каждое его отдельное государство будут все время соотноситься с тем, что позволяет союзу обрести внутреннюю устойчивость, исходя из глубочайшей сущности самого предмета.

Далее, свободный союз государств соответствует самому понятию и прообразу человечества и отвечает историческим условиям развития человечества на Земле; история человечества свидетельствует о постоянном приближении к этому посредством разумного инстинкта, бессознательно действующего и тогда, когда на поверхности как будто выступает только страсть. Свободный союз государств представляется, далее, единственно правомерным и верным средством, а теперь единственно верной и осуществимой правовой формой для Европы, формой, посредством которой правомерному и необходимому стремлению к политическому равновесию государств может быть дано правильное направление, подлинное соотношение с высшим органическим целым, образованным государствами (т. е. прочная точка опоры — *Nurmochlion*), и единственно возможный способ установить политическое равновесие, в зародыше задуть любую конфедерацию, направленную на порабощение отдельных народов или Европы в целом, и подавить преступное желание каждого потенциального завоевателя ввиду полной невозможности осуществления его планов. *Политическое равновесие* соответствует нравственно свободному развитию человечества и правовому состоянию народов, ибо стремление к нему обосновывает возможность создания союза государств. Напротив, *деспотическое федеративное государство* находится в прямом противоречии с правом, и возвращение к состоянию, соответствующему желанию народов, возможно в этом случае обычно только посредством революции. Из этого следует вечная истина: *полномочие заключать союз с другими государствами носит чисто*

правовой характер, имеет силу во все времена, при любом культурном состоянии человечества и отдельных народов и является, особенно теперь, первоочередной настоятельной правовой потребностью Европы, а опосредствованно и всего человечества. Следовательно, народы, чьи правительства заключают этот союз, создавая правомочное существование союза государств, не нуждаются в разрешении какого-либо одного народа или многих других, так же как не нуждаются и в особом, решительно высказанном признании. Если в свободный союз государств объединятся хотя бы только немецкие государства, Россия, входящие в Австрию государства, Англия и Испания, то нет такой силы в мире, которая могла бы привести к распаду этого союза или вступление которой в союз было бы настоятельно необходимо, чтобы отстоять союз государств при любом нападении извне и сохранить его. Если Франция присоединится к союзу, тем лучше для ее дальнейшего процветания; но несомненно, что только союз государств может служить верным средством против захватнических устремлений Франции, проявляемых ею в течение многих веков. Если в Европе будет создан союз государств, этому примеру последуют образованные народы других частей света, которые начнут создавать подобные союзы, не вступая при этом в столкновение с европейским союзом. Ведь интересы самостоятельных союзов государств различных частей света ведут не к войне, а к мирному сотрудничеству. Тогда высшее развитие союза государств будет ограничено только земным шаром.

Велик будет вклад немецкого народа в это существенное деяние человечества! Германии, очевидно, предназначено служить в процессе развития человечества силовым центром первого союза государств и вообще всей жизни человечества. Германия, а не Франция является с геогностической точки зрения сердцем Европы; немецкий народ — пульсирующая в ней кровь. Книгопечатание, реформация Церкви, чисто научный дух, воспитание по принципу нравственной свободы и самостоятельности, исконное созерцание человечности и всеобщего чисто человеческого союза — все эти блага созданы немецким духом и пустили первые корни на немецкой земле. В душе каждого немца таится надежда на то, что следующий подъем в религии, науке и искусстве будет исходить от его народа, каждый немец должен желать, чтобы в будущем высшее заверение правового состояния народов в союзе европейских государств исходило по своей идее и своему первому обоснованию от немецкого народа.

Благодаря первому союзу европейских государств человечество вступит на более высокую ступень в области права и приступит к более высокому формированию правового состояния человечества, начиная от целых народов вплоть до права каждого отдельного человека. Эта ступень — пятая во всей последовательности ступеней; в своей совокупности они составляют: право индивида, семейное право, племенное право, народное право (в государстве отдельного народа), международное право (право народного союза в союзе государств), международное право народов отдельных частей света, право человечества. Идущий уже на протяжении целого поколения спор о высшем государственном устройстве может в ходе развития человечества перейти в мирное сотрудничество только в союзе государств, который должен быть теперь заключен и явится целью и наградой борьбы.

Союз европейских государств должен опираться на прочный *основной договор*. Главные его пункты таковы:

1) договаривающиеся государства объединяются, чтобы придать в своих отношениях значимость праву народов во всем его объеме;

2) тем самым они прежде всего договариваются о необходимости *санкционировать законодательство, устанавливающее права народов*, организовывать в соответствии с ним свои правовые отношения, с общего согласия постоянно совершенствовать это законодательство, сохранять и защищать его содержание, сложившееся внутри союза, посредством постоянного надзора и осуществления права, посредством совета и правомерной власти, посредством предотвращения любого посягательства на него изнутри или извне. Главные статьи этого *народного закона* следующие:

а) Каждый народ является равноправным лицом в союзе государств и пользуется своим правом и предоставляемой ему союзом защитой независимо от численности населения, от величины и местонахождения его территории. Объединенные государства связаны союзом государств как безусловно и полностью равные, свободные, истинно суверенные государства. В качестве членов союза государств все объединенные государства и их правительства обладают одинаковым рангом; все они обладают равными правами, равны перед законом и перед судом союза. Поэтому уже само устройство союза не может допустить власть монарха и является монархией лишь в той степени, в которой союз управляет сам собой согласно единству и равенству законов.

б) Объединенные государства взаимно гарантируют друг другу равные права на собственную территорию и взаимное право пребывания

на территории другого государства, а также равные права на пользование общими водами, внутренними морями и океанами в тех пределах, в которых действует власть союза.

с) Вступление каждого народа в союз осуществляется добровольно; так же добровольно он может отказаться от пребывания в союзе, однако от него требуется выполнять заключенные между ним и союзом конкретные обязательства. Союз государств не может исключить народ, являющийся его членом, без решения соответствующего союзному договору суда даже в том случае, если данный народ нарушил основной договор союза.

д) Государства, объединенные в союз, могут, правда, предложить другим государствам, которые еще не вступили в союз, объединиться с ними, но только не нарушая свободы, свободной воли и свободного нравственного развития любого народа, не стремясь к опеке в области права над каким-либо народом и не заставляя его силой вступить в союз государств.

е) Объединенные в союз государств народы уважают права всех народов независимо от того, является ли данный народ членом союза.

ф) Объединенные в союз государства полностью и безоговорочно лишаются чрезвычайного права, права на самозащиту, самооборону и на месть при стремлении получить или защитить какое-либо из их прав; они признают безусловно значимым соответствующее структуре союза правовое решение всего союза, принятое на общем судебном собрании народов и распространяющееся на всевозможные тяжбы, и обещают безоговорочно следовать этому решению независимо от того, ведется ли процесс с членом союза или с государством, которое еще не вступило в него. Тем самым между всеми объединенными государствами существует полный и прочный внутренний мир, и ни одно из государств, входящих в союз, не может в качестве отдельного государства вести войну с каким-либо не объединенным с союзом государством. Решение союзного суда не подлежит апелляции; государство, не подчинившееся его решению, исключается из союза и в дальнейшем занимает по отношению к союзу положение внешнего государства.

г) Вместе с тем объединенные государства дают обещание взаимно гарантировать, охранять и защищать все свои права, т. е. права каждого отдельного государства и их общие права, права союза государств, выступать объединенными силами против любой внешней по отношению к союзу власти и ее посягательств: в случае справедливой войны они обязуются заключить и ратифицировать особый дого-

вор об обороне и наступлении, соответствующий положению союза и каждого входящего в него государства и определяемый в каждом данном случае в зависимости от обстоятельств. Только союз в целом облагает правом объявлять войну и заключать мир; он вступает в войну только после открытого объявления войны всем союзом, и только союз в целом заключает мир с находящимися вне его народами и гарантирует соблюдение установленных в мирном договоре условий.

3) Договаривающиеся государства являются *судом народов*, рассматривающим все вопросы, связанные с тяжбами объединенных государств о правах и нарушении прав. Этот суд выносит свободное решение по вышеназванному закону народов на основе открытого правомерного расследования каждого предъявляемого ему дела, а по преступлениям в области международного права — только после формального обвинения, расследования и тщательно взвешенной защиты права. Суд союза является *judicium populi*. Он не может налагать наказания; он только предъявляет государству, стремящемуся к неправовым действиям или совершающему их, требования, которые оно должно выполнять, если хочет остаться членом союза. Как следствие такого требования происходит исключение.

4) Они гарантируют друг другу всей своей объединенной властью совместное приведение в исполнение законов и решений суда народов.

5) Договаривающиеся объединенные государства создают для законодательной деятельности и права в целом постоянный *союзный совет*, в котором проводятся совещания по вопросу о росте организации союза, обсуждения предложений о создании общих благотворительных учреждений на всей территории действия права; в соответствии с этим разрабатываются, доводятся до общего сведения и вводятся новые законы. *Управление* союзом осуществляется только союзным советом. Он состоит из суверенных лиц высшего правительства страны каждого входящего в союз государства, из суверенных правителей, аристократов или президентов республиканских государств, которые либо лично являются на собрания союзного совета, либо передают свои полномочия постоянно присутствующим в союзном совете лицам, отстаивающим их права в союзе. Однако каждое государство может иметь в союзном совете только одного представителя и вообще только один голос. Каждый представитель входящего в союз государства может, как и все остальные, иметь в своем распоряжении лишь установленное число лиц. В качестве членов союза государств все представители объединенных государств имеют равные права без каких-либо преимуществ. Внутри совета союза нет даже

первого среди равных (*primus inter pares*), не говоря уже о протекторе, посреднике, эфоре. Поэтому в совете союза нет президента. Однако в частных отношениях между правительствами объединенных государств может еще существовать иерархия, определенные почести. Объединенным государствам не возбраняется также вступать между собой через своих послов в лубые отношения в качестве отдельных государств.

6) Совет союза торжественно объявляет всем народам, что его высшая цель состоит в установлении совершенного правового состояния всех народов на Земле, которое бы постоянно приближалось к всенародному государству, а тем самым устранились бы войны, совершенствовались все человеческие дела, учреждения и общественные союзы в той степени, *в какой этому может способствовать право*; что поэтому он считает своим долгом выслушивать каждое новое дельное предложение, направленное на улучшение состояния отдельных государств и союза государств, а также на совершенствование науки и искусства, религии и воспитания, проверять эти предложения и осуществлять их, но только в соответствии с правовым законом и нравственно прекрасным развитием человека и человечества; распространять все общепользное во всех объединенных государствах и предложить им ввести эти мероприятия у себя, а затем при всеобщем, свободном согласии включить их в законодательство союза.

7) Общие решения совета союза получают силу закона только при всеобщем согласии (полном единогласии). Если же при совещании по таким вопросам, которые касаются лишь внутренних дел отдельных государств, не будет единогласия, то каждой стороне дозволено следовать своему частному убеждению, поскольку это не наносит ущерба союзу государств. Если же голоса разделятся по вопросам, касающимся всего союза, то тем, кто обладает большинством голосов, надлежит опросить остальных, готовы ли они покориться мнению большинства или предпочитают выйти из союза. Если же и тогда согласие не будет достигнуто, то совет союза должен созвать особое совещание, которое решит, не лучше ли снять этот вопрос с обсуждения, чем допустить, чтобы отдельные члены союза из-за различных убеждений вынуждены были выйти из его состава.

8) Только совет союза избирает в соответствии с законом о согласии всех государств — членов союза необходимый *рабочий персонал* для всех направлений правовой деятельности союза, как для текущих дел законодательства и правосудия по надзору, судопроизводству и исполнению решений суда, так и по особым делам. К ним относятся: назначение предводителей в войнах союза, послов союза в другие государства, созда-

ние специальных комиссий для отдельных расследований дел. Эти выборные лица не входят в совет союза и обладают только такой властью, которой их наделяет совет союза. Поэтому они несут перед ним полную ответственность. Этот рабочий персонал следует рассматривать не как низшее начальство или служащих учреждения, а как делопроизводителей и мандатариев совета союза; они не оказывают прямого влияния на деятельность объединенных государств, такое влияние — прерогатива только совета союза (*в качестве первой и последней инстанции*). Лица этих работающих отделов не являются ни представителями совета союза, ни представителями отдельных входящих в союз государств.

9) Союз государств декларирует всем государствам мира, что он конституировался в качестве правового лица в виде названной выше организации и в качестве таковой полон решимости противодействовать любому посягательству на его независимость, не признавать ни внутренний, ни внешний протекторат, никаких попыток осуществлять над ним верховную власть или подчинять его отношениям, основанным на правовой опеке. Знакомя все народы со своим внутренним устройством, он одновременно заявляет, что готов признать каждый народ земного шара братским народом, равноправным гражданином государства всего человечества независимо от того, находится ли этот народ близко от него или далеко, малый ли он или большой, богатый или бедный, могущественный или слабый, стоит ли он на высокой или низкой ступени культурного развития; что готов уладить или предотвратить посредством мирных переговоров на основе своего обнародованного кодекса по международному праву любое столкновение между ним или одним из государств его союза с народом, еще не вступившим в союз, чтобы между тяжущимися не возникло неправоное состояние, конец которому может положить только насилие или военная удача; что единственное влияние на другие государства, к которому он стремится, сводится к тому, чтобы свободно, разумно знакомить другие народы с полезными для них предложениями*. Далее союз декларирует, что в качестве союза и от имени каждого из входящих в него государств отказывается от всякого захвата земель и людей силой

* Этим можно достигнуть гораздо большего, чем силой. Ибо более культурный народ, относящийся с пониманием к народу менее культурному, выступает в ходе нравственно-прекрасного развития без особых усилий со своей стороны как воспитатель и опекун и может рассчитывать на благодарность, любовь и содействие этого народа. Этому нас учит опыт. Достаточно сравнить последствия жестоких методов насаждения культуры испанцами и голландцами с более человеколюбивыми и разумными действиями англичан в Индии, Австралии и Америке!

военных действий или хитростью и никогда и ни при каких обстоятельствах не признает основой права насилие, а видит эту основу только в разумных, принятых народами по договорам правовых основаниях и готов принять в качестве члена союза любой народ, если он принимает условия основного договора.

10) Договаривающиеся государства приходят к соглашению о месте, где ежегодно в полном составе (in pleno) будет собираться совет союза, и сохраняют за собой право переносить место собрания в зависимости от состояния союза в каждый данный момент. (В нынешних условиях для таких собраний наиболее подходит Берлин в качестве столицы народа, обладающего наибольшей заслугой в деле спасения Европы и находящегося в центре государств, объединения которых теперь следует ждать).

11) Они приходят к соглашению и о языке, на котором совет союза будет вести общие переговоры. (Наиболее подходящим для этого представляется немецкий литературный язык вследствие его исконности, чистоты, определенности, его богатства и распространенности. Латинский и французский языки для этого слишком бедны и слишком малодоступны дальнейшему развитию, чтобы служить этой возвышенной цели.) Каждое государство имеет право и несет обязанность прилагать к своим дипломатическим актам, которые изложены на языке, принятом союзом, их перевод на свой родной язык; основной же договор, закон и всеобщие решения составляются как на общем для союза языке, так и на языке каждого народа, входящего в союз, и каждый из этих текстов в отдельности ратифицируется и подписывается всеми членами совета союза.

В данном очерке автор ставил перед собой задачу лишь сформулировать в основных пунктах идею первого европейского союза государств и показать, как его реализовать в настоящее время. Все сказанное выше взято из работы, над которой автор размышлял с октября прошлого года, где рассматривал этот вопрос в философском и историческом аспекте.

*Перевод с немецкого
М.И. Левиной*

Василий Федорович МАЛИНОВСКИЙ
РАССУЖДЕНИЕ О МИРЕ И ВОЙНЕ

1803

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. ПРИВЫЧКА К ВОЙНЕ И МНЕНИЕ О НЕОБХОДИМОСТИ ОНОЙ

Довольно кратка наша жизнь и исполнена премногих неизбежных зол. Должны ль мы сами оную сокращать и ко многим бедам, неразлучным с нами по человечеству, присовокупить еще войну, которая есть зло самопроизвольное и соединение всех зол в свете. Привычка нас делает ко всему равнодушными. Ослеплены оною, мы не чувствуем всей лютой войны. Если же бы можно было, освободившись от сего ослепления и равнодушия, рассмотреть войну в настоящем виде, мы бы поражены были ужасом и прискорбием о несчастиях, ею причиняемых. Война заключает в себе все бедствия, коим человек по природе может подвергнуться, соединяя всю свирепость зверей с искусством человеческого разума, устремленного на пагубу людей. Она есть адское чудовище, которого следы повсюду означаются кровию, которому везде последует отчаяние, ужас, скорбь, болезни, бедность и смерть. Лишая народы спокойствия, безопасности, благоденствия, она рано или поздно причиняет их совершенное падение. Свидетели тому Египет, знаменитый своею мудростию, Греция — мать наук, Рим — отечество многих великих людей, соперница его — богатая Карфагена, и многия государства и народы, которые истреблены войною.

Время нам оставить сие заблуждение и истребить зло, подкрепляемое наиболее всего невежеством. Европа, ныне достигшая просвещения, человеколюбия, которые дают ей неоспоримые преимущества

перед прочими частями света, должна показать опыт оных чрез восстановление и утверждение общего и неразрывного мира между собою. Войны, которыми она непрестанно разоряется, не соответствуют ни человеколюбию, ни просвещению. Они могли быть извинительны для наших предков, когда они погружены были в варварстве и не знали другой славы, кроме той, чтобы разорять и убивать.

Мы думаем соединить просвещение и тихость наших нравов с варварством войны, сохраняя в оной человеколюбие и умеренность, несвойственные грубым народам, но сие человеколюбие и сия умеренность не более помогают лютостям войны, как и человеколюбие и мягкосердие палача, которые, заставляя его облегчить несколько страдания наказуемых, не препятствуют ему мучить и умерщвлять оных. Стыдно нам обманываться таковыми рассуждениями. Мы должны совсем оставить войну, чтобы показать, что мы действительно не варварские обычаи имеем.

Исключая привычку, мнение о необходимости войны есть причина нашей беспечности о истреблении оной и терпения нашего в рассуждении ее бедствий. Многие люди довольно уверены, что война есть великое зло, но в то же время думают, она необходима. Сие мнение о необходимости, успокаивающее человека во всех его несчастиях, заставляет нас терпеливо сносить и бедствия войны и почитать все старания о истреблении оной тщетными. Сие мнение о необходимости войны делает ее наиболее необходимою. Сохранение общего и неразрывного мира в Европе почитается невозможным, и потому не помышляют об оном. Люди думают, что без войны не могут жить оттого, что войны всегда издавна были; но продолжительность зла не доказывает необходимость оногo...

...Европейцы еще не сделали для истребления войны никакой попытки. Мир, какой они между собою делают толь же часто, как и войну, не достоин сего наименования, он есть токмо отдых от войны и может справедливее назваться перемирием, заключенным без означения срока. Ибо государства и народы между тем не только что политически и тайно воюют между собою, но и явно готовятся и умножают свои силы, чтобы начать войну с большею жестокостию.

Впрочем, когда было помышлять о истреблении войны, недавно еще европейцы ослеплены были до крайности славою завоеваний и не имели понятия о истинном благосостоянии государств. Странное дело! Они старались узнать, как управляется весь мир, не зная, как управляется наша малая планета. Когда варварство и беспоря-

док царствовали еще в Европе, тогда уж были Тихобраг и Коперник. Европейцы считали звезды, составляли созвездия животных и думали, что они мудрые народы. Дух их парил в превыспренняя; чтобы прожить счастливо в своей планете прежде переселения в любимы их звезды, они почитали за необходимо нужное заниматься глубокомысленными рассуждениями о бесполезных метафизических тонкостях.

Праздные толпы монахов, которых благоденствие зависело от невежества народов, питали оное, и большая часть людей воздавали нелепое почтение тем роскошнейшим и богатейшим монахам, которые сделали бога мира богом войны и обратили священный его закон в орудие своих страстей. Жестокое их повеления заставляли почитать войну и разорение народов средствами к спасению.

Вся Европа стонала под игом постыднейшего суеверия; самые государи страдали от него и со всею своею властью не могли пособить сему злу.

Мы теперь только удивляемся или смеемся ослеплению и жестокости своих предков, но кто тогда смел восстать против суеверия? Оно почиталось неразлучно соединенным с истинною верою. Все, которые разнились в мнении о господствующей вере, почитались проклятыми, заблужденными и несчастными, которых убивать вменялось за угождение Богу. Подобно сему теперь война кажется непременно соединенною с благосостоянием народов, каждый соседственный народ почитается естественным врагом другого, и убийством и разорением оного приобретает слава.

Находя себя ныне просвещеннейшими, мы думаем, что не имеем никаких недостатков, и те, кои, будучи слишком велики, не могут избежать нашего примечания, мы называем необходимыми. Так свойственно всем векам ошибаться в своем заблуждении!

Просвещение не осталось без действия в гражданском управлении народов. Но в общем управлении между собою европейцы остались при своем варварстве. Решение споров между народами в нынешние времена подобно решению частных споров в прежние варварские времена, когда законы были недостаточны и частные споры решались мечом и огнем.

Не лучше сего народы, заспорив между собою, причиняют взаимно друг другу всевозможные несчастия до тех пор, покуда и правый, не в состоянии будучи оные сносить, принужден бывает уступить свои права.

Война есть величайший недостаток нашего просвещения, тем более достойный внимания, что более несчастий причиняет, нежели

сколько оных могли причинить домашние и гражданские неурядицы в те варварские времена.

Просвещение должно распространить наши виды и показать нам, что благоденствие каждого государства неразлучно с общим благоденствием Европы. Когда честные люди захотят разделить свои особенные выгоды от пользы общественных, тогда и сами не будут счастливы, и общество, в котором они живут, не будет благоденственно. Покуда европейцы не ограничат общенародным постановлением все частные свои выгоды, они всегда так, как теперь, будут делать себя и других несчастными.

Войны их между собою столь же непозволительны и вредны им всем вообще, как междоусобная вражда баронов в прежние века, которые причиняли самим себе и всему отечеству вред для кратких и ненадежных пользы или для удовлетворения страстей.

Европа довольно уже приготовлена к миру. Закон, нравы, науки и торговля соединяют ее жителей и составляют уже из нее некоторый род особенного общества. Даже и языки, отделяющие один народ от другого, не делают важного препятствия в обхождении ее жителей; оные большею частию сходственны между собою, и некоторые из них могут служить всеобщими для европейцев.

Многие европейцы одного происхождения, и все почти перемешаны. Они бы должны стыдиться почитать друг друга неприятелями. Они все имеют многие добродетели, достойные почтения и подражания. Имя европейца долженствовало бы быть общее всем народам просвещеннейшей в свете страны и почтенно во всех народах прочих частей света.

Можно надеяться, что наступит сие блаженное время, когда Европа подобно одному отечеству всех ее жителей не будет более терзаема войнами. Но для чего мы будем отсрочивать сие блаженство? для чего не остановим мы тотчас бедствия войны? или мы не довольно еще оных испытали? или еще есть люди, которые думают, что война полезна? Рассмотрим их мнения.

II. МНИМЫЕ ПОЛЬЗЫ ВОЙНЫ

Некоторые говорят, что если бы не было войны, то люди столько бы умножились, что бы земля не могла их уместить и содержать. Сие мнение доказывает, что война есть весьма действительное средство предупредить размножение людей, но, впрочем, оно не достойно возражения,

ибо вследствие одного должно бы радоваться всякому бедствию, истребляющему род человеческой. Посему и моровая язва не есть зло, и не токмо не должно стараться о средствах к пресечению одного, но и должно почитать за благополучие распространение оной. По сему мнению, также напрасно в нынешние времена ввели в употребление прививание оспы, ибо оными спасаются многие тысячи людей, которые бы без того могли погибнуть в младенчестве, не имея времени умножить род человеческий. Короче сказать, мы были б слишком снисходительны к нашему потомству, если б не перестали убивать друг друга из опасения, что им не будет места, где жить. Оставим это на их благоразумие, они, конечно, найдут еще довольно места, где жить, и средство содержать себя.

Против общего мира в Европе, может, иначе скажут, что оный будет для нее пагубен в рассуждении других частей света, потому что, привыкнув к миру, она потеряет свою силу и сделается добычею своих соседей. Но с наблюдением мира в Европе не разумеется пренебрежение военного искусства, которое нам всегда доставит преимущество над другими народами...

Итак, вся Европа вообще не имеет никакой пользы в войнах, но составляющие оную разные державы думают находить пользу в оных для того, что ими могут увеличиться и удовлетворить свое честолюбие.

Увеличение государства почитается выгодою войны; но мы видим по опыту, что многие государства, увеличившись войнами, опять оными же упали. Посему и не должны ль прочие, старающиеся по примеру их увеличиться, ожидать себе подобной участи? Могут ли они думать, что одинаковые причины не будут всегда производить одинаковые действия? Оное увеличение государства чрез войны весьма часто есть первый шаг к его падению.

Сила и могущества государства и твердость одного не зависят ни от пространства его владений, ни от множества людей, которые оно может приобрести войнами. Сие увеличение токмо по-видимому и на короткое время делает государства могущественнее, но в самом деле споспешествует их падению. Они сильны иль слабы по сравнению. Будучи средственны, они бывают сильны в рассуждении средственных или слабых; сделавшись велики, они не сделаются сильнее прежнего, ибо тогда должны сравниться с большими и сильнейшими. Притом они в сем состоянии величества начинают иметь более честолюбия, более неприятелей и более случаев к истощению своей силы. Между тем, как бы оставаясь в природном своем положении и не вступая в сравнение с великими, они могли б беспрестанно получать приращение внутренних сил, которые истощаются

чрез потерю людей, чрез издержки, употребляемые на приобретение завоеваний и на удержание оных.

Сию истину доказывают многие европейские державы, которые из малых сделались велики, потом из великих сделались весьма слабы и возвратились из несвойственного им величества в природное свое состояние, истощенное, однако ж, непомерным напряжением их сил...

Дания владела некогда Швециею. Но сие величество ее кончилось разорением и упадком. Швеция не столь давно была одна из сильнейших держав и некогда была причиною страха для всей Европы; но величество сие, основанное на завоеваниях, оными же и упало. Оно служило к уменьшению ее внутренней силы и могущества. Когда завоевания увеличили сие государство, оно начало мешаться в европейские дела и иметь войны с сильнейшими державами. Покоренные города и провинции, умножив собою число соседей и неприятелей Швеции, не могли подавать помощь, соразмерную умножившимся от того нуждам в людях и деньгах. Напротив того, сие государство без сего увеличения не претерпело бы столько, но беспрестанно приращалось бы в народе и было б сильно само собою. То же можно сказать и об Испании, которая, истощив внутреннюю свою настоящую силу, потеряла, однако ж, приобретенные завоеваниями Нидерланды, Португалию и знатную часть Италии. Приобретения через войны подобны высоким пристройкам, несообразным основанию здания. Они отваливаются сами и подвергают все здание опасности разрушения.

Надежнейшая сила государства есть сила народа, собственно оное составляющего. Народ составляют не токмо единоначалие, но одна окружность земли, одна вера, один язык, одни выгоды, одни иль сходные обычаи и нравы. Привязанность, которую люди, соединенные природными отношениями, имеют между собою предпочтительно перед прочими, составляет узел народов. Завоевания могут присовокупить к государству целый народ или часть оного, тогда будут они соподданные; обращение к вере или случайная оной одинаковость может споспешествовать соединению завоеванных народов, но различие языка, нравов и обычаев будет всегда препятствовать тесному их соединению и оставлять некоторую холодность и неприязнь, умножаемые противоположением выгод или неравенством оных. Склонность к независимости или желание присоединиться к прежней власти навсегда останется и будет иметь со временем свое действие.

В заключение сего надлежит припомнить, что в нынешние времена завоевания трудны и невозможны почти. Если же удастся кому

немногие маловажные приобретения сделать, то оные производят ревность во всех других державах и непрестанные покушения в неприятеле возвратить оные. Часто государства, получив приобретения через одну войну, теряют оные через другую. Часто для соблюдения одной провинции разоряется целое государство.

Впрочем, увеличение хотя бы и не сопряжено было с толь опасными следствиями, однако ж не долженствует быть важным предметом государственного правления; оно не делает народ благоденственнее. Вся польза, какую оно имеет, есть только в удовлетворении честолюбия.

Некоторые народы имеют тщеславие почитать себя первыми в Европе своею силою; сие тщеславие заражает и дворы их, они присваивают себе первенство и поверхность в делах. Таковые дворы наиболее неприятностей должны бывать сносить, ибо, когда гордость бывает с одной стороны, тогда с другой бывает желание унижить.

Таковое тщеславие какого-либо двора бывает иногда не следствие его силы, но следствие свойств государя и тем опаснее, когда преемники его, почитая за долг поддерживать оное и не имея при том тех же свойств, довершают разорение, которому положены бывают начала несоразмерным честолюбием.

Народы превозносятся и веселятся величием и важностию своего государства, но оные сами по себе не приобретают им никакого почтения и притом весьма дорого им стоят. Век Людовика XIV, бесспорно, был славнейший век французского двора, но оный в то же время может назваться железным веком Франции; среди веселия и торжества народ стонал от податей и помирал от голода, будучи сам несчастен, притом еще проклинаем был теми, которых он побеждал. Народы не могут точно знать о преимуществе и влиянии своего двора в европейских делах; оные закрыты политикою. Оттого многие из них думают, что двор их есть первый в Европе. В самом же деле ни один двор в Европе не может почитаться первым, сильнейшие из них шесть или семь имеют свои преимущества и недостатки. Разные случайные обстоятельства дают им иногда поверхность друг над другом, но оная недолго продолжается: война или внутренние замешательства приводят государства в слабость, лишаящую оные прежнего веса в европейских делах; с тем оканчивается поверхность оных дворов, и горе им, ежели они употребляли оную во зло!

Хотя война есть средство для народа узнать силу его двора, но он и тут не знает точно ни о выигрышах, ни о потерях своих, притом счастье войны весьма ненадежно. Часто знаменитейшим победам последуют поражения. Итак, ни слава войны, ни величество двора не составляют

славы и величества народа. Хорошее правление, просвещение и личные свойства народов суть надежнейшие средства к приобретению славы и почтения. Англичане пользуются всеобщим в Европе уважением, сему они должны своим великим людям в добродетелях, благоустройству своего правления и личным своим свойствам. Французы прежде сего умели давать свой тон целой Европе и заставляли ее подражать себе, тому причиною прежние их личные свойства, особливая им свойственная острота разума, обходительность, живость и ловкость.

Народы наиболее всего обязаны бывают своею славою наукам и просвещению. Тщетно они будут превозноситься могуществом и победами своих дворов; оные ненадежны, непродолжительны и могут их сделать только известными, но никогда не сделают их почтенными. Просвещение, добродетели и достоинства, напротив того, удостоверяют истинное почтение каждому народу, сколь бы он малосилен ни был. Становление народов превосходить друг друга силою и могуществом сохраняет между ними ненависть и предубеждение, способствующие к продолжению войны. Становление превосходить друг друга добродетелию и дарованиями споспешествует их истинному благоденствию и славе.

III. ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ НАРОДОВ

Всякий думает, что грех, постыдное, незаконное и жестокое дело есть убить человека. Хотя одно и то же не может быть вместе незаконным и справедливым, однако ж бесчисленные тысячи людей убиваются во время войны без всякой совести. Привычка, невежество и суеверие причиною тому, что народы убивают друг друга с таким же равнодушием, как скотину. Ужасное ослепление века, почитаемого просвещенным, а и того еще более человеколюбивым! Тщетно мы будем превозноситься своим просвещением и человеколюбием, если оные не имеют довольно силы вывести нас из того заблуждения, что различие народов делает различие людей. Сожаление, благодарность, дружба и любовь не ограничиваются в своих действиях к одному или другому народу, но суть всеобщие чувствования одного человека к другому. Они часто превозмогают предубеждение народов и заставляют нас против воли верить, что и неприятели наши — люди. Вид несчастного трогает нас, хотя бы он не был одного народа с нами. Благоденствия заставляют любить человека, какого бы народа он ни был. Сходство нравов утверждает дружбу, несмотря на различие народов. Сильнее еще всех любовь убеждает,

что различие между народами не делает различия между человеками. Она заглушает глас народной ненависти и, истребляя предрассуждения, возвращает человека к природе.

Суеверие, невежество и ненависть преодолевают чувствования человечества одного народа к другому; они заставляют народы, воюющие между собою, не почитать более друг друга людьми.

Суеверие — обыкновенная зараза большей части людей — в каждом народе ослепляет их и заставляет думать, что те, кои с ними разнятся в исповедывании, суть худшие люди. Они забывают, что христианский закон состоит в любви к ближнему и что, если они почитают себя лучшими христианами, то должны быть человеколюбивее и сим преимуществом доказать, что их закон лучше других. Чем более, напротив того, позволяют они себе ненавидеть других, тем более они показывают, что закон их не имеет такого главного достоинства христианского учения, которое заставляет людей любить друг друга.

Невежество потом, которое не меньшею частию людей обладает, производит самые глупые и вредные понятия между народами друг о друге. Оно приписывает им странные и нелепые обычаи и есть источник великого множества предрассуждений, которые сколь ни смешны иногда, однако ж тем не менее производят презрение и другие предрассудки, чувствования и страсти, служащие пищею вражде народов. Чтобы более уважать себя взаимно, народы должны только более знать друг друга.

Ненависть есть всех обильнейший источник предубеждения народов. Она есть следствие войны, которой бедствия, причиненные в разные времена одним народом другому, остаются навсегда в памяти. Сия ненависть питается всегда из роду в род, и младенцы ее со млеком сосут. Она приписывает неприятелям ужасные пороки, каких они не имеют, и не хочет им дать никаких добродетелей, оспаривая даже те, которые им принадлежат предпочтительно пред прочими народами. Сия ненависть никак несправедлива, бедствия войны, может, были взаимны, и при том не сам народ был оным причиною, но правители его, которые уж много раз после того переменялись и которых давно уже сокрыла в себе земля.

Предубеждения народные заражают не токмо простолюдинов, но и тех, кои могут похвалиться пред ними лучшим воспитанием. Таковые должны стыдиться презирать или ненавидеть народы, сие простительно несколько грубым невеждам; но те, кои имеют лучшие понятия о вещах, должны знать, что всякой народ имеет равно пороки и добродетели. Хотя народы имеют отличные свойства, однако ж всякое

свойство имеет свою добрую и худую сторону. Кроме того, свойства, приписываемые какому-либо народу, слишком общи и подвержены по состоянию людей и по другим случайностям многим исключениям и переменам. Между разными народами толь же легко можно сыскать людей, во многом сходных, как и между одинаковым народом различных. Впрочем, сие самое различие свойств между народами, сие разделение недостатков и преимуществ должны соединить людей теснейшими узами, дабы они могли быть полезными через свои взаимные совершенства и помогали друг другу во взаимных недостатках.

Не должно также умолчать об ненависти народной и того, что она неприлична народам благородных чувствований. Она есть сестра зависти и показывает бессилие отмщения или нрав грубый и склонный к злопамятству.

IV. ПОЧТЕНИЕ К ВОЙНЕ, ГЕРОЙСТВО И ВЕЛИКОСТЬ ДУХА

Когда предубеждение народов заставляет их думать, что им убивать друг друга позволительно, война кажется нам менее ужасною потому еще, что оставляет всякому средство защищаться и взаимно убивать. От сего она имеет вид справедливости, к которому, присоединяясь, победы, возбуждающие к себе удивление, и деяния мужества и храбрости и, будучи почтенны, присовокупляют и к войне понятие почтения. Величественный вид армии и флотов пленяет собою и, вселяя доверенность, возбуждает рвение отличиться. Сие самое состояние духа между страхом и надеждою, сколь ни беспокойное, но приятное для человека, показывает ему в войне некоторые прелести. Молодость, веселость, беспечность и награждения, коими наслаждаются обыкновенно военные люди во время войны, делают им оную приятною и заставляют ее любить. Оттого многие состарившиеся уже люди, вспоминая веселые дни, проведенные во время войны, любят и самую войну. Наконец, всеобщее уважение военных добродетелей, славные примеры храбрости и геройства в древние и новейшие времена воспламеняют к войне людей отменных достоинств и великого духа. Они почитают войну непременною путем к славе и думают, что не могут быть велики иначе как через войну, потому что оною прославились великие люди. Итак, надлежит нам рассмотреть, в чем состоит истинная великость и что значили *великие люди войною*.

Всякий народ считает у себя великих людей, но не все они таковы, ибо они могут быть пожалованы великими от стихотворцев или

историков или они казались только велики в сравнении своих земляков или современников. Но были люди, которые почитаются великими от всех народов и всех веков. Число их весьма мало и убавляется или прибавляется со временем, смотря по тому, как люди думают и в чем полагают славу и великость.

...Польза человечества, правосудие, жалость и человеколюбие могут отличить завоевателя от разбойника, но они толь же мало известны одному, как и другому. Если б они имели хотя одну искру оных добродетелей, то они б увидели, что не имеют права разорять людей; жалость и человеколюбие оставили б их, представив им, сколь многих несчастными они делают. Если завоеватели бывают способны к великодушным делам, если они покровительствуют иногда невинность и спасают иному жизнь, можно ли их за то почитать? Могут ли многия великодушные дела наградить тысячи жестоких? Спасая одному жизнь, они погубляют миллионы. Некоторые разбойники также известны многими великодушными делами, они щадят несчастных и награждают иногда добродетель. Часто одинаковый конец имеют они и умирают среди бою, защищая свою жизнь и честь мнимую, иногда же разная кончина их постигает. Разбойник умирает на эшафоте с именем великого злодея, завоеватель умирает природною смертию с именем великого героя.

Любовь славы располагает отменными дарованиями великого человека, он стремится достигнуть оной и избирает тот путь, какой открыт к ней мнением его современников; внимание его обращается к тем людям, которых почитают великими, он хочет с ними сравняться или превзойти их. Юлий Цесарь, почитаемый великим, был завоеватель для того, что римляне, его соотечественники, не имели уже в его времена прежней добродетели своих предков и полагали всю славу свою в войнах. Александр Македонский, который сам был невольник, подражатель Ахиллеса, обратил на себя внимание его. Никогда не тронуло Юлия Цесаря то, что он один был причиною смерти целого миллиона людей; но он плакал некогда как дитя о том, что примерный его герой, будучи еще моложе его, более народов и земель успел завоевать. Из новейших государей мы имеем Людовика XIV, который иными называется великий и который во всю жизнь свою смущал спокойствие Европы и разорил свое отечество для получения славы. Позднейший — Фридерик II, король Прусский, подлинно имел многие свойства и дарования великих людей, но для достижения славы войнами и завоеваниями поступал несправедливо с соседями и разорял их.

Таким образом, мнение людское управляет поступками великих людей. Они делают человека несчастным для того, чтоб заслужить от них похвалу. Слабые смертные всегда были и будут сами причиною своих несчастий! Они продают славу ценою крови.

Великий человек, разумея сие слово как должно, не так, как ласкательство оное употребляет, есть лучший дар небес и красота природы человеческой. Превосходные дарования и отличные свойства делают его способным составить блаженство многих людей; и самые трудности, которые другим кажутся невозможностями, возбуждают наиболее его деятельность, ибо преодоление трудностей соответственно силе и твердости его духа. Но тем опаснее он, когда устремится ко злу. Представим сего Магомета, которого учение содержит чрез толь многие веки в рабстве и суеверии почти всю Азию и знатную часть Африки и даже в Европе царствует. Представим сих великих завоевателей, как Александр, Цесарь. Тамерлан и Чингисхан, которые в свою краткую жизнь причинили более напастей человечеству, нежели зараза, землетрясения, наводнения и все бедствия, какие в разные времена человеческой род претерпевает. Мы должны молить Бога, чтоб избавил нас от сих великих людей, или мы должны истребить ложные понятия о славе; оные побуждают великих людей к вредным делам. Мы должны гнушаться теми, кои велики без пользы, и ужасаться тех, кои велики со вредом...

Одному легкомыслию или невежеству свойственно превозносить все дела, которые имеют в себе нечто удивительное и блестящее. Удивление и блеск исчезают как случайные токмо действия славы. Истинная слава, которая одна долженствует трогать великого человека, есть та, которая признается мудростию и остается навеки.

V. БЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Мы видели, что предубеждение народов и ложные понятия о славе споспешествуют продолжению войны. К сим причинам надлежит еще присопоставить нынешний образ ее произведения. Мы не воюем так, как варвары, и потому думаем, что война и столько зла между нами не причиняет. В прежние времена неприятели или покоряли земли, или разоряли оныя, грабили, убивали жителей и пожигали селения: тогда чувствительна была война и казалась ужасною; ныне она не менее зла производит, хотя сие зло не столь приметно. Нас не поражает вид разоренной провинции, хотя государство лишится ста или двухсот тысяч человек в одну вой-

ну; однако ж это не поражает так, как и бедность народа: убитые люди все собраны из разных мест и бедность не соединяется в одной части государства. Провинции так разделены, что жители их не имеют случая соображать свои претерпения. Столицы, которые наиболее заключают в себе людей одного государства, собранных вместе, благоденствуют часто во время войны и, будучи весьма уважаемы, заставляют судить о благоденствии всего государства во время войны. Жители оных, находясь в совершенной безопасности, ведут обыкновенную свою жизнь, наслаждался всеми веселиями мира, и притом еще имеют удовольствие торжествовать победы и питать свое любопытство новостями*. Можно полагать, что запрещение всяких публичных собраний и веселий во время войны оживило бы сострадание роскошных жителей столиц.

Но не все жители столицы избавлены от неудобств войны. Цена поднимается на многие вещи и часто остается и после войны столь же высока. От сего бедные, не имея соразмерного прибавлению цене прибытка, с отягощением должны сносить дороговизну. Сверх того, часто печальная весть кровопролитного сражения распространяет уныние и печаль во многих семействах.

Пограничные города обыкновенно бывают предметом неприятельских действий. Оные осаждаются, и первое старание неприятеля — пресечь привоз съестных припасов, произвести недостаток и голод, ежели удастся. Сверх того, жители находятся в беспрестанном страхе, и самая ночь вместо успокоения бывает для них причиною тревоги. Ужасная артиллерия разоряет их дома, причиняет пожары и подвергает самую жизнь опасности.

Вред, причиняемый взаимно неприятелями друг другу, не ограничивается одними сражениями и осадами. Те земли, в коих производится война, обыкновенно сохраняют долгое время остатки разорений, причиненных неприятелями. Жители оных принуждены с крайним отягощением для себя снабжать своих неприятелей нужными припасами, претерпевая притом утеснения и обиды. Случается также, что для причинения вреда неприятелю или для пресечения

* Господин Лингет приметил в одном из своих политических изданий, что публика для удовольствия получения новостей часто негодует, что армии остаются в недействии и что тысячи людей не погибают. Люди, радующиеся победам и поражениям, не лучше той лондонской женщины, которая прыгала от радости о том, что два приятные для нее зрелища в одно утро имели случиться, а именно: один человек у столба должен стоять, а другой будет повешен.

ему средств к пропитанию целыя селения выжигаются. Между тем воюющие государства сами себе причиняют вред не меньший того, какой неприятелем может быть нанесен. Наборы разоряют селения, необходимость в деньгах принуждает к строжайшему взысканию податей с бедных поселян, которые уже и без того не имеют чем жить и после совсем делаются нищими, в тягость самому государству, которое для маловременной или совсем мечтательной пользы лишается навсегда от них помощи.

С другой стороны, война, занимая все внимание правительства, причиняет вред другим государственным делам, они от нее чувствительным образом претерпевают, беспорядок повсюду вкрадывается, и злоупотребления день от дня умножаются.

Торговля и рукоделия, ободряемые с толиким рачением, приходят от войны в упадок. Но что еще хуже, люди, нужные для земледелия, употреблены в армии. От сего оно приходит в худшее состояние, и от сего происходит крайний недостаток и нередко голод.

Короче сказать, война разрушает первые основания общества, безопасность жизни и собственности. Законы наказывают смертью немногих несчастных убийц и воров, но хранители сих законов, правители народов, не умея предупредить войну, подвергают целое государство убийству и грабительству. Тогда уж не один человек бывает убит, не один бывает ограблен, но многие тысячи теряют свою жизнь, и целые селения и города делаются добычею неприятелей.

Самое расположение народов после продолжения войны довольно доказывает вред и бедствия ее. Некоторые народы с радостью встречают войну, но нет ни одного, которой бы не вознегодовал наконец против оной. Чем долее она продолжается, тем сильнее бывает желание мира, надежда оного становится напоследок единою и общею всех отрадою.

Мир оканчивает убийства и разорения на некоторое время, но зло войны не окончится до тех пор, покуда останется опасность возобновления оной.

Содержание больших армий есть одно из сих продолжительных зол войны. Сии армии опустошают государства. Солдаты, оставаясь земледельцами, из коих они наиболее выбираются, могли б жить спокойно и с пользою для общества, вместо того они становятся в тягость самим себе и другим.

Когда до 200 000 сих здоровых и совершенного возраста людей принуждены вести по большей части холостую жизнь, то сколько государство вреда претерпевает! Сделав подробное исследование, государи нашли бы, что издержки на армии и происходящее от оных

уменьшение народа превосходят все приобретения, какия можно сделать войнами. Ныне истребляют бедных монахов, между прочим, для того, что они не женаты; то не подлежит ли также убавить число солдат, которые не токмо не способствуют умножению людей, но и нарочно содержатся для истребления оных.

Долгие и ужасные подати суть также продолжительные бедствия войны, она есть главная причина оных. Сколь тягостны многие налоги и сколь препятствуют благоденствию народов, в том не может никто усумниться, зная состояние хотя некоторых токмо европейских держав. Каждая новая война умножает долги и подати; народ, обремененный оными, претерпевает бедность и должен отдавать последнее на средства к разорению и убийству соседей его. Покуда не истребится война, нет надежды, чтобы народы могли жить в изобилии и благоденствии...

VI. ВЫГОДЫ МИРА

Война есть главное употребление всех налогов и податей: произведение оной, содержание армий и флотов требуют несравненно более издержек, нежели все прочие государственные нужды вместе. Как скоро не будет оной, государственные расходы убавятся, следственно подати и бедность могут быть уменьшены. Политики занимаются изобретением легчайших способов собирать подати, но они не могут не быть тягостны, покуда будут велики нужды государственные. Все человеколюбивые изобретения останутся тщетны, бедный поселянин принужден всегда будет претерпевать недостаток для заплаты податей, самые пороки будут всегда ободряться для получения дохода, ибо все то свято почитается, что к умножению оного служит. Многие из доходов государственных вредят благонравию; правление, наказывающее преступников, само оных производит; так, например, во многих землях позволятся лотерейные игры, которая бывают причиною разорения и злодейства. Пьянство — источник преступлений, также сделавшись не последнею отраслью государственных доходов, так сказать, самим правительством одобряется.

Тщетно будет кто стараться о облегчении сего зла, лучше пресечь оное в самом источнике. Один мир может облегчить Европу от вредных и несносных ее податей, уменьшить в ней бедность и даже совсем истребить оную. Мир доставит Европе богатство несравненно большее того, которое она получила из Перу и Мексики. Сие богатство не некоторым токмо державам, но всем легко можно получить.

Чрез восстановление мира государства, освободясь [от] главных своих расходов, увидят себя довольно богатыми для уплаты своих долгов и для облегчения обремененного народа; они будут еще иметь довольно денег для тех похвальных предприятий, которые, будучи признаны неоспоримо полезными, остаются без исполнения за недостатком доходов: для училищ, для награждения полезных изобретений и достоинств, для вспоможения всякого рода несчастным и бедным поселянам в случае неурожаев, пожаров, наводнений, падежа скотского и тому подобных происшествий, которые, разорив однажды человека, делают навсегда его бедным. Таково, конечно, должно быть употребление государственных доходов: будучи собраны от народа, они должны быть употреблены не иначе как для собственной его пользы, а не для разорения чужих земель и увеличения государства, которое от того не делается благоденственнее.

Правительства ныне ничем не занимаются столько, как политическими делами и государственными доходами; чрез восстановление мира освободясь [от] сей главной заботы о других народах и о недостатке своих доходов, они не будут иметь чем заниматься, кроме внутреннего благоденствия своих земель. Если теперь многие несчастия, неустройства и злоупотребления происходят от невнимания правительств, то обращение одного единственно к благоденствию народа долженствует произвести важную перемену в его участи.

Если не вся Европа, то по крайней мере большая часть оной не имеет хороших законов и управляется теми, которые остались от варварских времен ее невежества; оные или жестоки и несправедливы, или так темны и запутанны, что предают судьбину тяжущихся на волю законоискусников; имея более досугу и ограничивая все свои попечения внутренним благоденствием, европейские государства могут поправить свои законы, стараться столько ж о предупреждении преступлений, сколько и о наказании оных, обеспечить права собственности и сделать законы так, как они должны быть: просты и вняты для каждого.

Образ правления, составляющий блаженство или несчастье народов, никогда не может быть толь совершен, как при утверждении мира; тогда только может разрешиться загадка совершенного правления; поелику безопасность составляет главное старание каждого общества, то оной уступают все другие уважения общественного благоденствия. Война вводит и поддерживает злоупотребления во всех родах правления.

Управляющая монархами любовь славы тогда не может ничем быть удовлетворена, как мудростию, правосудием и человеколюбием в управлении народов. Теперь государи прославляются войнами,

победами и храбростию, но тогда слава должна их вести на истинный свой путь, ибо все другие будут пресечены, честолюбие их превосходить друг друга не может быть ничем иным удовлетворено, как преимуществом в том, чтоб сделать народ счастливее; высокие их достоинства ни на чем ином не могут быть показаны, как на искусстве делать людей блаженными.

Иной скажет, государи будут стараться только превосходить друг друга в роскоши и великолепии, и, избавившись опасения войны, они предадутся любви, покою и забавам. Многие и теперь столько преданы великолепию, роскошам, забавам и покою, что не могут более оным предаться среди самого глубокого мира; но имеющие честолюбие не ограничиваются сим и стараются иметь влияние в политических делах и производить искусно войны; по истреблении же оной они не ограничатся одними пышностями и забавами, но вместо славных политиков и воинов сделаются отцами народа и славными законодателями.

То же, что сказано о государях, должно разуметь и об министрах их. Все время, все труды, вся слава их должны будут обратиться к внутреннему благоденствию.

Мир распространит в Европе изобилие и правосудие, составляющее благоденствие народов, он сохранит ее в настоящем состоянии независимости и целости и доведет распространяющееся в ней просвещение до высочайшей степени человеческой мудрости; вид народов и земель переменится так, что трудно будет их узнать, и европейцы будут только сожалеть и дивиться, что могли толь долго заблуждаться и отсрочивать блаженство мира, которым наслаждаться зависит только от их общего желания. Они будут почитать теперешние времена толь же несчастными, как времена своих грубых и суеверных предков. Теперь, когда мир редко продолжается более десяти лет сряду, непрерывное оно продолжение кажется странно и невозможно так, как казалось прежде открытие Нового Света; но после, когда оное исполнилось, стали думать, что в том нет ничего чрезвычайного.

ВИИ. ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКА

В варварском состоянии народов, когда они находились в беспрестьяном страхе друг от друга, храбрость и все военные достоинства почитались превыше всех прочих. Слово «герой», толь давно наставшее и приписываемое сначала людям, оказавшим важные услуги

своему отечеству, долго заключало в себе понятие великих добродетелей и великих людей. И подлинно, герои заслуживали почтение и любовь, спасая отечество; но для достижения оных люди честолюбивые старались быть героями, где не нужно.

Народы, с другой стороны, избавившись от опасности, старались увеличиться. Самолюбие и корысть возбуждали их к завоеваниям. Они с гордостью веселились оными, приготовляя себе верную погибель. Достоинства геройские, которые были прежде почитаемы по справедливости, будучи необходимы для защищения общества, не менее стали почтительны и по честолюбию народов. Когда война имела предмет своим защищение собственной земли и не распространялась до отдаленных стран, народ бежал с оружием к знаменам своего предводителя; но когда войны стали иметь предметом одно честолюбие и производиться в отдаленных странах, тогда понабобились и нашлись люди, согласившиеся для платы жертвовать своею жизнью и похищать оную у других. Войны сделались тогда легче и продолжительнее, народы не заботились много о том, чтобы решиться на войну, ибо они не подвергали опасности свою жизнь, да и не решали они уже тогда войны. Предводители войск нашли средства покорить свой народ столь же легко, как и чужой, и из защитителей своего отечества и ревнителей его славы сделались его утеснителями, тиранами. И так произошли сии сильные завоеватели, которые, почитая народ орудием своих страстей и не довольствуясь слепую его покорностью, с прискорбием видели другие народы независимыми; они помышляли только о приобретениях, которые им ничего не стоили, как потери многих сот тысяч народа, о благоденствии которого они не заботились и который сам в ослеплении своем думал быть награжден завоеваниями за все бедствия, им претерпеваемые. Составленные таким образом древние империи, умножившись без меры, пали под собственною своею тягостию.

Предки европейцев были орудием разорения последней из сих империй и основались на ее развалинах. Как варварские народы, долго они нападали друг на друга, возбуждаемы будучи беспокойным духом завоеваний; когда варварство уступило место просвещению, когда завоевания сделались трудны, взаимная их ненависть, произведенная многими прежними войнами, и честолюбие государей продолжали войну.

Государи завели непреременные армии; дворянство, почитая за низкость всякое другое состояние, кроме военного, спешило соединиться под их знаменами; народ принужден был последовать дворянству от недостатка других средств к пропитанию или поневоле. Госу-

дари, находя себя начальниками страшных сил, готовых всегда к исполнению их повелений, восчувствовали в себе гордость, свойственную людям сильным и не привыкшим к противоречию. Политика, запутывая дела тонкою своею хитростию, подает им частый случай к решению оных силою. Находя в своих подданных соответствие их страстям, они тем легче побуждаются к войне, что думают чрез оную исполнить долг любви отечества. С таковыми расположениями малейшая причина к спору производит войны, и присовокупление малейшей частицы земли к пространным их владениям, кажется им, оправдывает подвержение целого государства лютостям войны.

По многим прошедшим войнам, по ненависти и недоверчивости, от оных происшедшим, европейские державы имеют привычку почитать своих соседей непримиримыми и естественными врагами; для сего они стараются беспрестанно усилиться и препятствовать в том другим, и всякий случай к решению сих стараний есть случай к войне. Будучи в сем состоянии неизвестности, они находятся всегда в готовности к нападению на неприятеля или к отражению его нападений подобно людям, живущим в состоянии дикости, неудерживающимся никакими обязанностями, никакими законами и полагающим всю надежду на свою силу. Единые правила, которые европейские державы между собою наблюдают, суть правила политики.

Сия политика располагает участию Европы, она имеет важный и сокроуенный вид, никто не дерзает к ней приблизиться, и редкий может совсем рассмотреть ее.

Подобно древним тайнствам египтян она скрывается от простолудинов, жрецы ее удаляют их от внутренности ее храма и имеют к тому причину.

Италианцы, которых тепер толь многие народы превосходят, были прежде учителями Европы. Они иль те, кои между ими искали своего просвещения, ввели в европейские кабинеты сию политику, которая и по сие время там сохраняется. Монахи споспешествовали утверждению оной; взошед в кабинеты государственные, посеяли там правила притворства, неправосудия и тайны, которая довольно свидетельствует против политики, ибо там наиболее нужна, где есть худые умыслы, и может быть полезна и пристойна в поступках бесчестных людей, старающихся друг друга обманывать, но не в поведении народов. Никогда бы сохранение оной не почиталось толь важным, если бы политика не имела чего скрывать. Управление политики придворными людьми также не могло сделать ее совершеннее; привыкши к неправде и хитрости

и принуждены будучи оными сохранять милости своего двора, они сохраняли свои пороки в поступках с иностранными дворами.

Французские министры, кардиналы Ришелье и Мазарин, почитаются славнейшими министрами, но известно, каковы они были. Насилие, притворство, высокомерие, подлость и вероломство означали их поступки. Кардинал Флери, не имея их достоинств, имел, однако ж, их пороки притворства. Новейший граф Вержен из всех европейских министров наиболее имел монашеской хитрости, он навык в раболепном Стамбуле подлой и вероломной греческий политике.

Многие еще поныне подражают и за совершенство почитают быть подобными кардиналу Ришелье или Мазарину. Альберони, который, может, также подражал им, показал кратким своим министерством, к чему способна политика в руках честолюбивого и предприимчивого человека; он составил заговор во Франции, намеревался поднять бунт в Англии и всю Европу хотел наполнить замешательством.

Французский двор, знаменитейший своими министрами, наиболее нам представил примеров политики. Он не щадил никаких средств к увеличению себя и к причинению вреда другим.

Англия испытывала неоднократно неправоудие и коварство его. Низверженные с престола Стюарты находили прибежище во Франции, употребляемы были орудиями бунта и постыдным образом были оставляемы на волю их судьбины. Против германских императоров, французский двор содержал на пенсии большую часть немецких владетелей и не стыдился унижаться пред турками, раздавал им деньги, делал своими интригами перемены в министерстве и возбуждал сих неверных к войне против императоров. Для управления делами на Севере издавна платил ежегодную сумму шведским королям и часто подкупал самые сеймы, дабы оные, не уважая благоденствие своего отечества, ссорились и воевали по воле его с соседями. Испанских королей управлял он нередко духовниками и, подобно хамелеону везде приноравливаясь обычаям, не стыдился мешаться в любовные дела государей и министров, низвергал их любовниц и фаворитов и возводил своих.

Таким образом, политика французского двора исполняла всю Европу войнами, неправоудиями, обманами и всеми постыднейшими делами: посеяние междуусобных раздоров, развращение министров и государственных служителей, склонение к измене, шпионства и подобные преступления, достойные виселицы, ободряемы были

сим двором. Уверения, сделанные с намерением обмана, нарушенные с бесчестьем, презрение доброй веры, нарушение мира без причины к войне — все сие почиталось совершенством его политики. Доходы его многими миллионами рассыпались по Европе, когда народ стонал от податей и когда большая часть оного не имела дневно-го пропитания; издержки напоследок умножились без меры. Политика и войны — причиною его разорения: обратив внимание к сей одной державе, кто может сказать, что война не разоряет государств и что политика его не была заблуждение?

Однако ж люди не умеют научиться чужими несчастьями. Европейские дворы, переняв от французского роскошь и великолепие, заразились и политикою его. Она подражается почти везде с некоторыми отменами по свойству государей, министров и народов. Иные заменили хитрость политики насилием. Славный Фридерик, который имел великие дарования сделать людей счастливыми, но помышлял много о увеличении своего государства, полагал свою политику в силе оружия и, чтоб показать свое остроумие, назвал пушки *причинами государей*. Горе тем народам, кои не могут противоположить сим смертоносным причинам ничего, кроме доброй веры, справедливости, истины и права народов, которые не имеют великого влияния в политических делах, ибо многие начали последовать примеру сего государя. Священные имена человеколюбия, умеренности и ужаса к кровопролитию беспрестанно упоминаются, между тем как делаются очевиднейшие неправосудия, и реки крови человеческой без всякого сожаления проливаются.

Говоря о политике дворов, не должно умолчать и о тех писателях, которые в политическом составе Европы суть то же, что черви, зарождающиеся в ранах человеческого тела, растрavляющие оные и препятствующие их излечению. Они питают ненависть народов, умножают их взаимные жалобы, описывают их самыми черными красками и не щадят самой клеветы, они защищают софизмы политики, утверждают самые нелепые ее правила и оправдывают ее в том, что она сама признать стыдится.

Извинительнейшие из сих писателей суть те, коих производит ослепленная любовь отечества; они, помышляя только об оном и возбуждаясь ненавистию неприятелей, думают, что отечество их должно быть право во всех своих требованиях и имеет более других земель права быть счастливым даже на счет счастья других. Детское ослепление! Если все народы дадут волю своему самолюбию, то

никоторому из них не будет житья; пристрастие легко обладает сердцем, исполненным любви отечества. Часто мы по незнанию обвиняем неприятеля в том, чему само наше отечество бывает причиною.

Опаснейшие всех политические писатели суть те, кои пишут по должности или в угождение двору, которые, имея дарования писать, бывают подкуплены и имеют средство знать о делах; их сочинения предпочитаются всем прочим, хотя они наименее заслуживают предпочтение; истина и права народов уступают в них место несправедливости и лжи. Таковые писатели, чтоб оправдать какой двор, не щадят ничего и ничем не останавливаются, ибо законно или незаконно они должны оной оправдывать, скрывать то, что справедливо, и доказывать то, что только вероятно. Сии сочинения приводят публику в заблуждение и дают ей странное и ложное понятие о политических делах. Сии писатели часто сами себя опровергают; смотря по обстоятельству дел, они утверждают системы и правила, совсем между собой противные. Короче сказать, они сами не верят тому, что пишут.

Третьего рода обыкновеннейшие политические писатели суть газетчики; они пишут для того, чтобы писать. Горестная должность — непременно новостями наполнять каждый почтовый день, исписывать положенное количество бумаги! Новости не растут как грибы; они не виноваты и принуждены изыскивать средство пособить сему злу, они добавляют недостаток слухами, догадками, предсказаниями, примечаниями и рассуждениями, они суть море политики, они вмещают в себе все, что производит ослепленный патриотизм и смешное тщеславие судить о политических делах, и часто бывают орудием второго рода политических сочинителей, которые пишут по должности и распространяют чрез газеты ложь, клевету и софизмы своего двора. Часто газетчики бывают подкуплены думать одним или другими образом. Во многих землях, или почти во всей Европе, выключая Англию, они не смеют и думать, что истина не есть пасквиль. Короче сказать, если история, почерпнутая из газет, почитается худшею в свете историею, то может ли публика сказать, что она имеет хорошее сведение о текущих делах?

Итак, политические писатели, управляющие мнением европейцев в их делах между собою, пристрастны, ложны и незнающи, а политика, располагающая их участью, коварна, насильственна и несправедлива; истощив свою обманчивую логику, основанную на учении неправды, она прибегает к причинам государей и погублением тысяч

людей доказывает, что побуждения ее суть сохранение равновесия, умеренность и правосудие. Тщетно она покрывается маскою просвещения и человеколюбия; заблуждение и жестокости ее толь поразительны, что не могут не быть примечены. История нам открывает непроницаемую ее завесу тайны. Главные войны нынешнего столетия доказывают, что настоящая политика бедственна для благоденствия народов, что европейские державы не имеют ничего верного в своем поведении, кроме желания усилиться и вредить, кроме пристрастия народов и управляющих ими, что трактаты нарушаются без всякой совести, что политические союзы ускоряют только начатие войны и распространяют оную на большее число народов.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Ричмонд, 1790 года

ПРИМЕЧАНИЯ

Первое издание данной книги вышло в 1963 г. Настоящее издание превышает более чем вдвое первоначальный текст. Добавлены трактаты Крюсе, Бентама, Гёрреса, Генца, Краузе, впервые публикуемые на русском языке. Тратат Эразма Роттердамского дан в новом переводе, впервые воспроизводящем на русском языке полный авторский текст. Примечания к трактатам Крюсе, Сен-Пьера, Руссо, Пенна составлены И. С. Андреевой, к остальным трактатам — переводчиками соответствующих текстов. Примечания в тексте, отмеченные звездочкой, принадлежат авторам трактатов.

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ

«Жалоба Мира, отовсюду изгнанного и поверженного» (*Querela Pacis undique gentium ejectae profligataeque*). Тратат увидел свет в 1517 г. Его сокращенный русский перевод, осуществленный Ф. Л. Мендельсоном, был опубликован в журнале «Вопросы философии» (1955. № 5) и затем вошел в первое издание данной книги. Для настоящего издания выполнен новый (полный) перевод по латинскому тексту, опубликованному в издании: Erasmus von Rotterdam. *Ausgewählte Schriften*. Bd 5. Darmstadt, 1968. S. 259–451.

ЭМЕРИК КРЮСЕ

«Новый Киней, или Рассуждение о состоянии, предоставляющем возможность и средства для установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире» (*Le nouveau Cynée ou Discours d'Etat, représentant les occasions et moyens d'establisr une Paix Générale, et la Liberté du Commerce Par Tout le Monde*). Par Em. Cr. Parisien. P., 1623).

Эмерик Крюсе (ок. 1590–1648) опубликовал свой трактат «Новый Киней...» в 1623 г. полуанонимно, под инициалами E. Cr. Par. Его авторство было доказано бельгийским историком международного права Эрнстом Нисом в 1890 г. (*Nys E. Histoire de droit international // Revue de droit international et de législation comparée*. Bruxelles, 1890. T. XXII. P. 371 ff). На русском языке публикуется впервые (с сокращениями) по кн.: *Balch T. W.* (ed.). *Le nouveau Cynée de Emeric Cruce*. Philadelphia, 1909. 349 P.

УИЛЬЯМ ПЕНН

«Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств» впервые опубликован в 1693 г. (*Penn W. An Essay towards the Present and Future Peace of Europe by the Establishment of an European Diet, Parliament or Estates*. London, 1693).

Перевод выполнен по изданию: «The Peace of Europe. The Fruit of Solitude and other Writings by William Penn». Everymean's Library, ed. by Rhys, N 724. London — New York, 1916.

ШАРЛЬ ИРИНЕ ДЕ СЕН-ПЬЕР

«Проект вечного мира в Европе» в трех томах впервые был опубликован в 1713–1717 гг. (*Saint-Pierre Ch. I. de. Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe. Utrecht, 1713–1717*); сокращенный вариант «Проекта» появился в 1729 г. (*Abrégé du projet de la paix perpétuelle... Rotterdam, 1729*).

В 1760 г. Ж.-Ж. Руссо осуществил «Извлечение из Проекта вечного мира», впервые переведенное на русский язык И. Ф. Богдановичем в 1771 г. (см.: «Сокращение, сделанное Жан Жаком Руссо, Женевским гражданином из проекта о вечном мире, сочиненного господином Аббатом Де-Сент-Пие-ром». СПб., 1771). Перевод этого произведения выполнен по изданию: *Collection complète des oeuvres de J. J. Rousseau, citoyen de Genève. Genève, 1782. T. XXIII*.

ЖАН ЖАК РУССО

«Суждение о вечном мире» (*«Jugement sur la paix perpétuelle»*) написано в 1761 г. в связи с предпринятым Ж.-Ж. Руссо «Извлечением из Проекта вечного мира» Сен-Пьера. Впервые опубликовано в 1782 г. (*Collection complète des oeuvres de J. J. Rousseau, citoyen de Genève. Genève, 1782, t. XXIII*).

Перевод выполнен по первому изданию.

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ

«План всеобщего и вечного мира» (*«Plan for an Universal and Perpetual Peace»*). Работа была написана в 1786–1789 гг., издана посмертно в 1853 г. (*The works of Jeremy Bentham. Edinburgh; London, 1853. Vol. 2. P. 546–560*). На русском языке публикуется впервые. Перевод выполнен по изданию: *Bentham J. Plan for an Universal and Perpetual Peace. London, 1939*.

ИММАНУИЛ КАНТ

«К вечному миру» (*Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Königsberg, 1795*). Первый русский перевод этой работы вышел в 1905 г. Частично выправленный, он был воспроизведен в первом издании этой книги и в сочинениях Канта (Т. 6. М., 1966). Для настоящего издания сделан новый перевод.

Публикуется с небольшими сокращениями.

ИОГАНН ГОТЛИБ ФИХТЕ

Данная работа представляет собой рецензию на трактат И. Канта «К вечному миру». Опубликована в «Философском журнале» в 1796 г. (*Fichte J.G. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf von Immanuel Kant // Philosophisches Journal. Jena, 1796. Bd. IV. S. 81–82*). На русский язык переведена впервые для первого издания данного сборника по изданию: *Fichte J.G. Sämtliche Werke. Leipzig (o. J.). Bd. VIII. S. 427–435*.

Перевод дается с незначительными сокращениями.

ИОГАНН ГОТФРИД ГЕРДЕР

«Письма для поощрения гуманности» издавались Гердером в течение 1793–1797 гг. как неперIODический журнал: *Herder J.G. Briefe zur Beförderung*.

der Humanität. Berlin, 1793–1797. Перевод выполнен по изданию: *Herder J.G. Briefe zur Beförderung der Humanität. Sämtliche Werke*. Berlin, 1883. Bd. XVIII.

ЙОЗЕФ ГЁРРЕС

«Всеобщий мир — идеал» (*Görres J. Der allgemeine Frieden, ein Ideal*). Впервые работа опубликована в 1798 г. Для настоящего издания переведена по книге: *Görres J. Ausgewählte Werke* / Hrsg. Von W. Frühwaid. Freiburg. i. Br., 1978. Bd. I.

ФРИДРИХ ГЕНЦ

«О вечном мире» (*Gentz F. Über den ewigen Frieden*). Впервые работа опубликована в издававшемся автором «Историческом журнале» (*Historisches Journal*) в декабре 1800 г. На русском языке публикуется впервые. Перевод выполнен по книге: *Kant I. Zum ewigen Frieden. Mit Texten zur Rezeption*. Leipzig, 1984.

КАРЛ ХРИСТИАН ФРИДРИХ КРАУЗЕ

«Набросок проекта союза европейских государств в качестве основы всеобщего мира и правового средства предотвращения любых посягательств на внутреннюю и внешнюю свободу Европы» (*Krause K. Ch. Fr. Entwurf eines europäischen Staatenbundes als Basis des allgemeinen Friedens und als rechtliches Mittel gegen jeden Angriff wieder die innere und äussere Freiheit Europas*). Впервые работа напечатана в журнале «*Deutsche Blätter*» (1814, № 142, 145, 147, 151, 152). На русском языке публикуется впервые. Перевод выполнен по единственному изданию трактата в виде книги (Leipzig, 1920).

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ МАЛИНОВСКИЙ

«Рассуждение о мире и войне» впервые издано в С.-Петербурге в 1803 г. Текст публикуется по кн.: *Малиновский В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения*. М., 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.С. Андреева.</i> Вековая мечта человечества (Предисловие составителя)	5
ТРАКТАТЫ О ВЕЧНОМ МИРЕ	
<i>Эразм Роттердамский.</i> Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного	29
<i>Эмерик Крюсе.</i> Новый Киней, или Рассуждение о состоянии, предоставляющем возможности и средства для установления всеобщего мира и свободы торговли во всем мире	60
<i>Уильям Пенн.</i> Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского конгресса, парламента или палаты государств	115
<i>Шарль Ирине де Сен-Пьер.</i> Избранные места из проекта вечного мира. (В изложении Ж.-Ж. Руссо.1760)	136
<i>Жан-Жак Руссо.</i> Суждение о вечном мире	162
<i>Иеремия Бентам.</i> План всеобщего и вечного мира	173
<i>Иммануил Кант.</i> К вечному миру	205
<i>Иоганн Фихте.</i> К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта	242
<i>Иоганн Гердер.</i> Письма для поощрения гуманности	250
<i>Иозеф Гёррес.</i> Всеобщий мир — идеал	259
<i>Фридрих Генц.</i> О вечном мире	316
<i>Карл Краузе.</i> набросок проекта союза европейских государств в качестве основы всеобщего мира и правового средства предотвращения любых посягательств на внутреннюю и внешнюю свободу Европы	351
<i>Василий Федорович Малиновский.</i> Рассуждение о мире и войне	365
Примечания	388

